

Н. К. Анисюткин

**МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА КЕТРОСЫ
В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Russian Academy of Sciences
Institute for the Material Culture History

Proceedings of Kostenki-Borschevo archaeological expedition. Vol. 7

N. K. Anisyutkin

**MOUSTERIAN SITE KETROSY
IN THE CONTEXT OF THE MIDDLE PALEOLITHIC
OF EASTERN EUROPE**

Nestor-Historia
Saint-Petersburg
2013

Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры

Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции. Вып. 7

Н. К. Анисюткин

**МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА КЕТРОСЫ
В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

УДК 903'1
ББК 63.442
А67

Издание подготовлено в рамках Программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и «Традиции и инновации в истории и культуре», а также РГНФ № 12-01-00345а и РФФИ, № 11-06-00380а

Издание осуществлено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «Преемственность и трансформации культурных традиций в среднем и верхнем палеолите Европы»)

Утверждено на заседании Ученого совета ИИМК РАН, 20.11.2013

Ответственные редакторы серии: д. ист. н. М. В. Аникович, д. ист. н. *Н. И. Платонова*

Ответственный редактор выпуска: д. и. н. *Н. И. Платонова*

Рецензенты: д. ист. н. *С. Н. Астахов* (ИИМК РАН), канд. ист. н. *С. А. Кулаков* (ИИМК РАН)

А67 Анисюткин Н.К. Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы. Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 7. — СПб. : Нестор-История, 2013. — 172 с.

ISBN 978-5-4469-0154-8

В книге детально представлены и проанализированы материалы одного из наиболее ранних мустьерских памятников Юго-Запада Русской равнины — стоянки Кетросы. В настоящее время это одна из немногих стоянок мустьерского периода с четкой и обоснованной привязкой к геохронологии. Разрез Кетросы ныне является наиболее показательным и детально изученным разрезом Восточной Европы. Особый интерес представляет то, что во всех комплексах основного слоя стоянки Кетросы (мустье типичное) выявлены четкие жилые структуры с использованием при их сооружении крупных костей и бивней мамонта. Они хорошо дополняют известные прежде источники о строительстве в мустьерское время жилищ с использованием многочисленных костей мамонта, которые ранее были обнаружены на стоянках у с. Молодова и Рипичени-Извор. Таким образом, на ограниченной по площади территории междуречья Днестра и Прута выявляется некий культурный феномен, уникальный в мировом палеолитоведении, создатели которого широко использовали кости мамонта для строительства жилищ. Жилые структуры стоянки Кетросы, обнаруженные в прекрасно сохранившемся культурном слое, имели небольшие размеры, позволяя в предварительном плане представить самую мелкую социальную ячейку мустьерского (неандертальского) общества. Наличие разнообразных признаков в типах и структурах стоянок среднего палеолита, а также их приуроченность к разным формам рельефа позволяют предложить ряд объяснений приемов адаптации мустьерского населения к суровым условиям позднего плейстоцена.

Книга рассчитана на археологов, историков, геологов и широкий круг специалистов, изучающих природные процессы в плейстоцене, а также на студентов высших учебных заведений по соответствующим специальностям.

УДК 903'1
ББК 63.442

ISBN 978-5-4469-0154-8

9 785446 901548

© Институт истории материальной культуры РАН, 2013
© Н.К. Анисюткин, 2013
© Н.И. Платонова (от редактора), 2013
© Издательство «Нестор-История», 2013

*Светлой памяти Михаила Васильевича Аниковича —
коллеги и друга, выдающегося исследователя
палеолита Евразии посвящается*

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий выпуск Трудов Костенковско-Борщевской археологической экспедиции — седьмой по счету — впервые выходит без имени создателя серии, ее вдохновителя и бессменного ответственного редактора Михаила Васильевича Аниковича. 13 августа 2012 г. Михаила Васильевича с нами не стало. Он скончался в экспедиции, в Костенках — в месте, которое было одновременно его судьбой, его любовью, его каторгой и которое значило для него неизмеримо больше, чем любая другая точка на карте. Видать, не случайно и место последнего упокоения он нашел там, в этом палеолитическом «центре мира», на высоком донском берегу.

Исследовательская группа, созданная М. В. Аниковичем в ИИМКе и в Воронеже, не имела официального оформления, кроме того, что члены ее периодически оказывались исполнителями одних и тех же проектов, участниками одних и тех же экспедиций, соавторами книг. По большому счету, Михаил Васильевич очень не любил кем-то официально «руководить», командовать. От этого он всегда быстро уставал, начинал нервничать. Он любил обсуждать, любил встречать интерес к проблеме, готов был поделиться абсолютно всем, что знал сам, рад был относиться, как к коллеге, к любому зеленому юнцу — лишь бы видеть в ответ по-настоящему серьезное отношение к делу. Костенковско-Борщевская археологическая экспедиция была создана им в 1999 г. И дело пошло — с немалыми трудностями, с осложнениями, но пошло. Первые же годы ее работ ознаменовались очень крупными открытиями. Первый том Трудов вышел из печати уже в 2005 г. А с тех пор, фактически — ни года без книги.

Крупнейшей проблемой, на которую постоянно было направлено внимание Михаила Васильевича в последние 20 лет, являлась проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту и роль в нем такого фактора, как социокультурная адаптация. Его всегда раздражали «биологизм», недооценка собственно археологических методов исследования, «распредмечивание» археологии палеолита, превращение публикаций находок в подобие «приложения» к трудам ученых-смежников. Он ощущал себя одним из последних профессионалов в области типологических исследований, всячески подчеркивал их важность и делал все возможное, чтобы традиции отечественной школы палеолитоведения не прервались.

В сущности, именно этим проблемам посвящена книга, предлагаемая сейчас читателю. Ее автор Н. К. Анисюткин — один из немногих современных специалистов, для которых, к примеру, система Франсуа Борда — не отвлеченное понятие, которое можно свысока покритиковать, а выверенный практикой комплекс научных представлений и приемов, которыми сам он блестяще владеет. Техноморфологический анализ кремневых изделий, применяемый в данной работе, базируется именно на методике Ф. Борда. Как подчеркивает сам автор, отказ от этой «системы» неизбежно приводит нас лишь к одному — к старому представлению о «единообразии» мустье.

К сожалению, на современном этапе исследований стремление изучать палеолитические технологии зачастую не только не сопутствует углубленному типологическому анализу каменных орудий, но как будто напротив — вытесняет его из научного обихода. Подобный подход никак нельзя признать плодотворным. Его результатом может стать лишь возвращение на уровень типологических разработок начала прошлого века, с опорой на старинный метод «руководящего ископаемого», с произвольным описанием комплексов каменных индустрий, с подменной анализа конкретного археологического материала некими «идеальными моделями» развития и т. п.

Напротив, система Ф. Борда, которую некоторые называют «устаревшей», дает вполне реальную возможность производить обоснованные подразделения каменных индустрий среднего палеолита во времени и пространстве. Приводимые в книге конкретные материалы наглядно демонстрируют, что бордовская методика, основанная на материалах Западной Европы, тем не менее, вполне применима,

как для Восточной Европы, так и для куда более удаленных территорий. Будем надеяться, что разделы настоящей монографии, посвященные технико-морфологическому анализу материала и его методике, послужат для кого-то из современных палеолитоведов интересной и важной «информацией к размышлению».

Однако технико-морфологическая часть, при всей ее огромной важности, не исчерпывает содержания книги. Настоящей ее изюминкой являются заключительные главы, Во всех комплексах основного слоя стоянки Кетросы выявлены четкие жилые структуры при сооружении которых использовались крупные кости и бивни мамонта. Среднепалеолитические стоянки с остатками жилых структур из костей и бивней мамонта образуют небольшую серию, локализуемую в пределах небольшого района, в долинах Днестра и Прута. До сих пор их известно лишь четыре — Молодова I и V, Кетросы, Рипичени-Извор. Индустрии всех указанных памятников очень близки; небольшие отличия носят второстепенный характер. В совокупности они представляют собой уникальный культурный феномен среднего палеолита.

Данные о жилых структурах, полученные в ходе раскопок в Кетросах, хорошо дополняют немногочисленные источники о строительстве в мустьерское время жилищ с использованием многочисленных костей мамонта, которые были обнаружены ранее в Молодова (стоянки I и V) и на стоянке Рипичени-Извор. Рассмотрение этих памятников в едином контексте позволяет сделать вывод, что в пределах ограниченного региона на территории Пруто-Днестровского междуречья выявлена некая единая культурная традиция (культурное единство), носители которой широко использовали кости мамонта для строительства жилищ. Данный феномен следует признать уникальным в контексте среднего палеолита, причем в мировом масштабе. Судя по ряду показателей (разная сохранность костей, приуроченность поселения к обширной древней отмели на берегу Днестра и пр.), эти кости и бивни мамонта не являлись результатом удачных охот, а были собраны и отсортированы на берегу реки, непосредственно на отмели. Эти последние заключения Н. К. Анисюткина уже неоднократно излагались им в печати, однако сейчас они представлены в контексте более широкого комплексного морфолого-типологического и социогисторического анализа материала.

Существенно, что жилые структуры стоянки Кетросы, обнаруженные в прекрасно сохранившемся культурном слое, имели небольшие размеры, позволяя в предварительном плане представить самую мелкую социальную ячейку мустьерского общества. Это обстоятельство дало повод вернуться к идее Г. П. Григорьева о наличии в мустье парной семьи. С другой стороны, наличие жилых структур, при сооружении которых были использованы огромные бивни и крупные кости мамонта, явно указывает на существование между людьми достаточно прочных взаимных связей, позволявших им сообща проводить эту весьма сложную и трудоемкую работу.

Место стоянки в Кетросах было выбрано с учетом целого ряда факторов — в укромной боковой долине небольшого притока Днестра, с прекрасным обзором местности. Последнее позволяло людям, не привлекая к себе внимания, следить за осенними миграциями бизонов и лошадей, проходивших по речной пойме. Однако в это осеннее время по долине проносились холодные вихри, проникавшие даже в боковые долинки. Мустьерцы были вынуждены организовывать свое поселение с учетом этого фактора, строя достаточно сложные укрытия от ветра.

Анализ различных типов стоянок среднего палеолита Пруто-Днестровского междуречья, их приуроченности к разным формам рельефа, выявленных на них структур и т. д. дал право авторам настоящей книги предложить свои объяснения приемам адаптации местного среднепалеолитического населения к суровым условиям позднего плейстоцена. Наиболее вероятной моделью жизнедеятельности общин этого времени являлась, как заключает Н. К. Анисюткин, ярко выраженная сезонность, тесная взаимосвязь с особенностями годовой изменчивости природной среды. В этом плане образ жизни региональных неандертальцев, возможно, был схож с образом жизни людей сравнительно недавнего прошлого, обитавших в суровых природных условиях с ярко выраженными сезонными изменениями. В целом, археологические материалы подтверждают тезис о превосходной адаптированности неандертальских социумов к сложным природным условиям своего времени.

Остается пожелать этой, действительно, интересной и нужной книге быстрой и торной дороги к читателю!

Доктор исторических наук
Н. И. Платонова

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в изучении палеолита наблюдается заметное увеличение источниковедческой базы и значительный прогресс в деле разработки ряда проблем, находящихся на стыке собственно археологии палеолита и смежных дисциплин, изучающих природные процессы в плейстоцене. Эти знания существенно расширяют возможности интерпретации, как новых данных, так и прежде добытых источников, позволяя глубже понять закономерности развития культуры ископаемых людей и характер их адаптаций к нестабильным природным процессам в течение четвертичного периода. Человеческое общество того времени можно с полным правом рассматривать как составную часть плейстоценового биоценоза. В этом случае и исследование культуры ископаемого человека воспринимается, как часть четвертичной палеонтологии (Prošek, Ložek, 1954: 35), обладающая, однако спецификой, которую необходимо постоянно учитывать.

Отсюда следует, что многие палеолитические памятники, исследованные ранее при активном участии специалистов смежных научных дисциплин, должны быть рассмотрены заново, с учетом совокупности новых знаний. Это позволит с большей убедительностью, по-новому ставить и решать ряд важнейших проблем того гигантского временного отрезка человеческой истории, каким является палеолит.

К числу подобных объектов несомненно относится мустьерская¹ стоянка Кетросы, материалы которой были опубликованы в коллективной монографии (Кетросы... 1981). В упомянутой книге основное внимание было, естественно, уделено геоморфологии, геологии и стратиграфии памятника, в то время, как ряд важных моментов археологического изучения так и остался недостаточно освещенным. Тому были свои объективные причины, связанные с недостатком времени: достаточно отметить, что последний сезон раскопок завершился в 1979 г., а книга вышла из печати уже в 1981 г. Совершенно очевидно, что для всестороннего осмысления требовалось полностью обработать полученный материал, систематизировать его и обобщить сделанные наблюдения. Все это было выполнено значительно позднее.

Тем не менее, монография оказалась весьма востребованной, и на опубликованные в ней материалы появились многочисленные ссылки, как в отечественной научной литературе, так и в зарубежной (например: Рогачев, 1983; Кулаковская, 1989; Абрамова, Григорьева, 1997; Ситник, 2000; Щелинский, 2001; Gamble, 1986; Păunescu, 1993; Hoffecker, 2002; Chirica, Borzias, 2005 и т. д.). Очень скоро книга стала библиографической редкостью. Последнему обстоятельству способствовал и ограниченный тираж — 1400 экз., что было ничтожно мало для научного мира гигантского в то время Советского Союза и зарубежных стран.

Напомним еще раз, что разрез Кишлянского Яра в районе стоянки Кетросы, всесторонне проанализированный коллективом высококвалифицированных специалистов, представляет собой отложения начального этапа последнего валдайского (вюрмского) оледенения, соответствуя кислородно-изотопной стадии (КИС) 5. Как отмечалось в заключительном разделе монографии: «комплексный анализ сравнительно небольшой толщи четвертичных отложений Кишлянского Яра позволил получить новые важные материалы для дробной стратиграфии ранней поры вюрмского (=валдайского) времени. Доступные для изучения разрезы этой части вюрмских отложений весьма редки и обычно сильно редуцированы (не случайно ранневюрмские интерстадиалы многими исследователями объединяются с ресс-вюрмскими-микулинскими отложениями в один комплекс)» (Иванова и др. 1981: 160). В этом плане указанный разрез следует считать уникальным.

¹ Под мустьерской эпохой здесь понимается поздняя пора среднего палеолита, время существования которой соответствует концу ресс-вюрмского межледниковья — первой половине вюрма.

Сегодня на многослойной стоянке Кетросы имеются наиболее ранние в Восточной Европе слои мустьерского времени, чей геологический возраст достаточно надежно обоснован. Впрочем, с этим заключением оказались не согласны некоторые украинские исследователи, которые, игнорируя данные по Кетросам, считают более древним слой III стоянки Езуполь, расположенной выше по течению реки Днестра. Данный культурный слой связывается с росс-вюрмской ископаемой почвой (Ситник, 2000; Богуцкий и др. 2003; Кулаковська, 2003; Чабай, 2003; 2004). Однако важно подчеркнуть: данная почва никак не может быть росс-вюрмской уже потому, что она перекрывает аллювий II надпойменной террасы Днестра.

Геологи Восточной Европы единодушно датируют росс-вюрмом только русловой аллювий II надпойменной террасы Днестра, который естественно должен подстилать здесь ископаемую почву с нижним культурным слоем III стоянки Езуполь. Заключение наших оппонентов не может убедительно подтвердить и серия ТЛ абсолютных дат, полученных для упомянутого слоя. Абсолютные даты из слоя III варьируют в пределах от 112 до 108 тыс. л. н. (Lanczont et al. 2009), соответствуя финалу этого межледниковья, а скорее всего даже началу вюрмского времени (т. е. КИС 5).

Кстати, в свое время против росс-вюрмской датировки стоянки Езуполь, слой III активно возражал известный исследователь палеолита запада Украины (геолог по специальности) В. К. Пясецкий, который относил так называемую «гороховскую» (росс-вюрмскую) ископаемую почву только к вюрмскому времени (Пясецкий, 2005: 43). Вполне допустимо, что слой III стоянки Езуполь в целом соответствует нижней части брерупской ископаемой почвы, с которой и следует сопоставлять так называемую «гороховскую» почву. В этом плане Езуполь, слой III никак не древнее основного культурного слоя стоянки Кетросы, лежащего на поверхности пойменного аллювия II надпойменной террасы Днестра, а скорее всего даже несколько моложе. Правда, разница во времени между этими памятниками все-таки настолько незначительна, что их можно условно считать практически одновременными.

В результате междисциплинарных исследований, проведенных на стоянке Кетросы, были получены очень ценные сведения о природной среде и особенностях поселения, приуроченные к относительно небольшому временному отрезку начальной поры позднего плейстоцена. Причем необходимо отметить: этот период отчетливо фиксируются в разрезе определенными горизонтами, вмещающими многочисленные кости ископаемых животных и кремневые орудия мустьерской эпохи. В частности, наиболее ранние отложения, образовавшиеся во время холодного стадиала, представлены русловым аллювием и перекрывающим его щебнисто-галечниковым слоем, сорванным с края более высокой IV террасы Днестра во время первой эрозии начавшегося вюрмского оледенения. Именно к этой террасе прислонена более низкая, сопоставимая со II надпойменной террасой реки Днестра. Как отмечала И. К. Иванова в конце заключительного раздела упомянутой выше коллективной монографии, «мустьерская стоянка в Кишлянском Яре является не только интересным археологическим объектом, но и важным опорным пунктом для стратиграфии верхнего плейстоцена перигляциальной зоны Европейской части СССР» (Иванова и др. 1981: 161) (Рис. 1).

Весьма большой интерес представляют собственно археологические материалы, анализ которых в контексте хронологии стоянки и ее культурной принадлежности, поднимает новые проблемы, явно недостаточно освещенные в первой монографии². К ним, в частности, относятся проблемы организации мустьерских поселений и жилых структур с использованием многочисленных костей мамонта.

Жилые структуры с использованием большого количества крупных костей и бивней мамонта, обнаруженные в основном культурном слое стоянки Кетросы, хорошо дополняют прежние данные о жилищах мустьерского времени с выкладками по периметру из костей мамонта, впервые выявленными в долине среднего течения реки Днестра А.П. Чернышом еще в начале шестидесятых годов прошлого столетия в слое 4 стоянки Молодова I и в слое 11 стоянки Молодова V (Черныш, 1965, 1982). Эти открытия на стоянке Кетросы позволяют, наряду с отмеченными объектами молодовских стоянок, а также аналогичными комплексами стоянки Рипичени-Извор с правого берега Прута (Păunescu, 1993), по-новому осветить и оценить проблему жилищ мустьерского времени (Аникович, Анисюткин, 1995; Аникович, 2010; Анисюткин, 2002; Сергин, 2010; Аникович, Анисюткин, Платонова, 2010; 2011).

Естественно, в настоящее время необходимо вновь вернуться к прежде сформулированным положениям о хронологии мустьерских индустрий и их культурной принадлежности (Анисюткин, 2009). Всему этому уделено значительное внимание в настоящей монографической публикации.

² Используемые в работе понятия «комплекс» и «индустрия» даны в соответствии с определениями, предложенными в новом словаре-справочнике по археологии палеолита (Васильев и др. 2007).

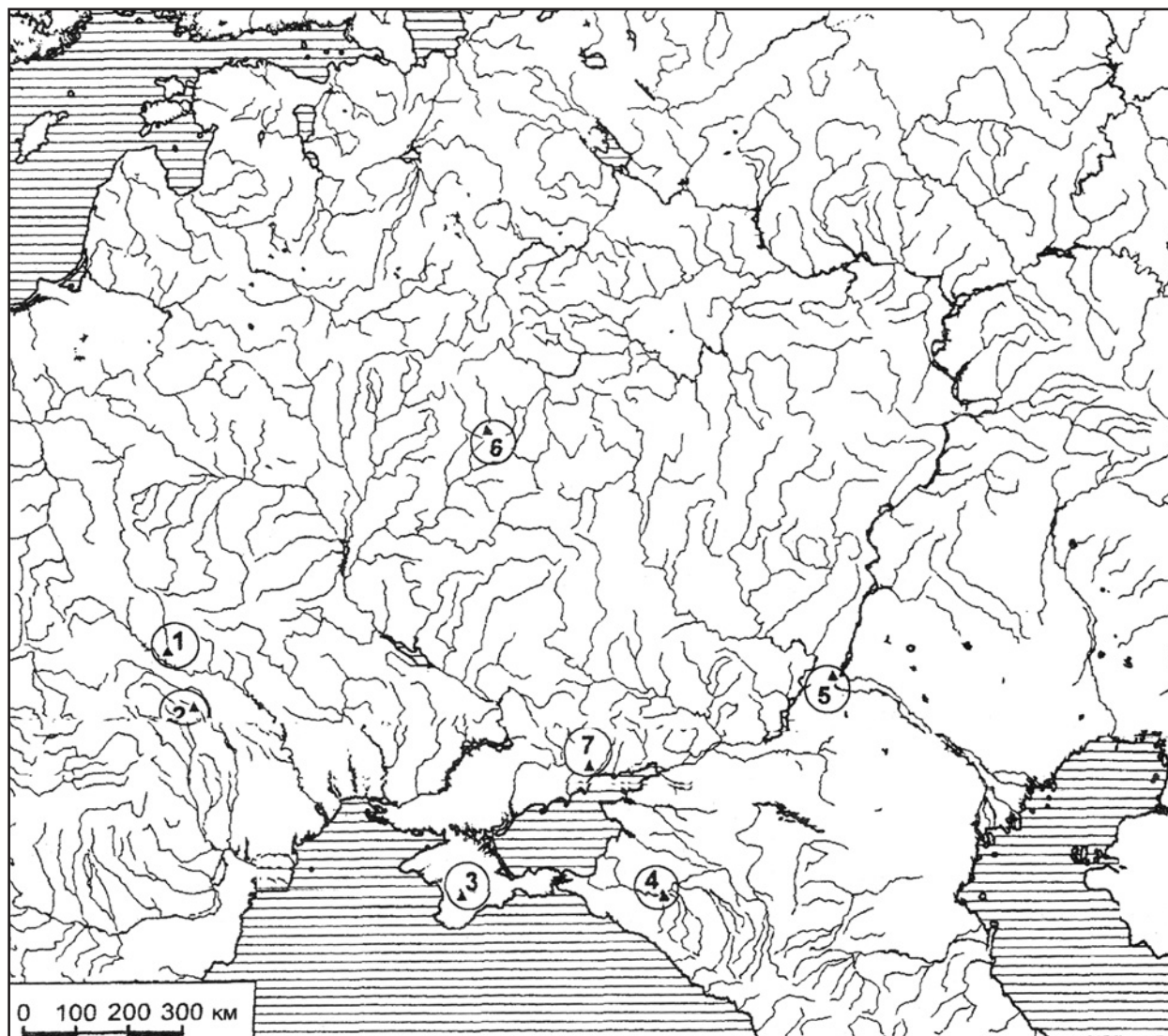

Рис. 1. Карта-схема расположения групп основных мустьерских стоянок Восточной Европы

1 — Днестровская группа; 2 — Рипичени-Извор; 3 — Крымская группа; 4 — Ильская 1 и 2; 5 — Сухая Мечетка; 6 — Деснинская группа; 7 — Приазовская группа

Предлагаемая читателю книга построена по следующему плану. В первых главах, после достаточно обширных сведений по истории изучения стоянки, приводятся данные смежных наук, которые очень важны для широкого круга специалистов, изучающих природные процессы в плейстоцене. Затем подается собственно археологический материал, включая характеристику основного культурного слоя стоянки и анализ коллекций кремневых изделий, происходящих из разных слоев и горизонтов. Заключительные главы посвящены важным общим проблемам развития культуры мустьерских людей, включая проблему мустьерских жилищ и организации поселений указанного периода — одного из древнейших в истории человечества.

Благодарности. Автор выражает искреннюю благодарность аспирантке Отдела палеолита ИИМК РАН А. В. Ларионовой, оказавшей значительную помощь в оформлении книги, а также в подготовке и систематизации материалов, которые легли в основу глав 5 и 7, посвященных описанию и характеристике основного культурного слоя и каменного инвентаря стоянки Кетросы.

В завершение я считаю необходимым выразить свою сердечную благодарность ныне покойной заведующей Отделом истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа Галине Ивановне

Смирновой, руководившей в те годы Западно-Украинской археологической экспедицией, за постоянное содействие и помощь мне, тогда молодому и начинающему археологу, в проведении разведывательных и исследовательских работ по палеолиту. По ее инициативе в 1966 г. в составе экспедиции был выделен и профинансирован Палеолитический отряд, руководителем которого я был в течении ряда лет. Работы этого отряда привели к открытию ряда новых и важных памятников среднего палеолита в Приднестровье на территории Украины и Молдавии, включая Кетросы.

Я от всей души благодарен выдающемуся исследователю палеолита Украины, профессору А. П. Чернышу — в то время начальнику Новостроечной палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР, который всегда способствовал успешным исследованиям моего отряда, входившего в состав его экспедиции.

Особую признательность и чувство глубокой благодарности приношу моим коллегам и друзьям — недавно ушедшему от нас Михаилу Васильевичу Аниковичу и Надежде Игоревне Платоновой за плодотворные идеи, помощь, добрые советы и поддержку большинства моих начинаний.

Было бы крайне несправедливо не отметить глубокой и сердечной благодарностью мою светлой памяти супругу и помощницу — Светлану Леонидовну Розановскую, которая в течение всего периода раскопок стоянки Кетросы постоянно находилась рядом, добросовестно выполняя все виды полевых и камеральных работ, начиная от элементарных хозяйственных дел до квалифицированных расчисток культурного слоя, фиксации находок, подготовки полевой документации, а также составления весьма многотрудных финансовых отчетов экспедиции.

ГЛАВА 1 ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ

Обнаружение стоянки Кетросы явилось закономерным результатом восьмилетних (1964–1972 гг.) поисков и исследований памятников среднего палеолита, проведенных Палеолитическим отрядом Западно-Украинской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в окрестностях города Хотин, на правом берегу Днестра (Рис. 2).

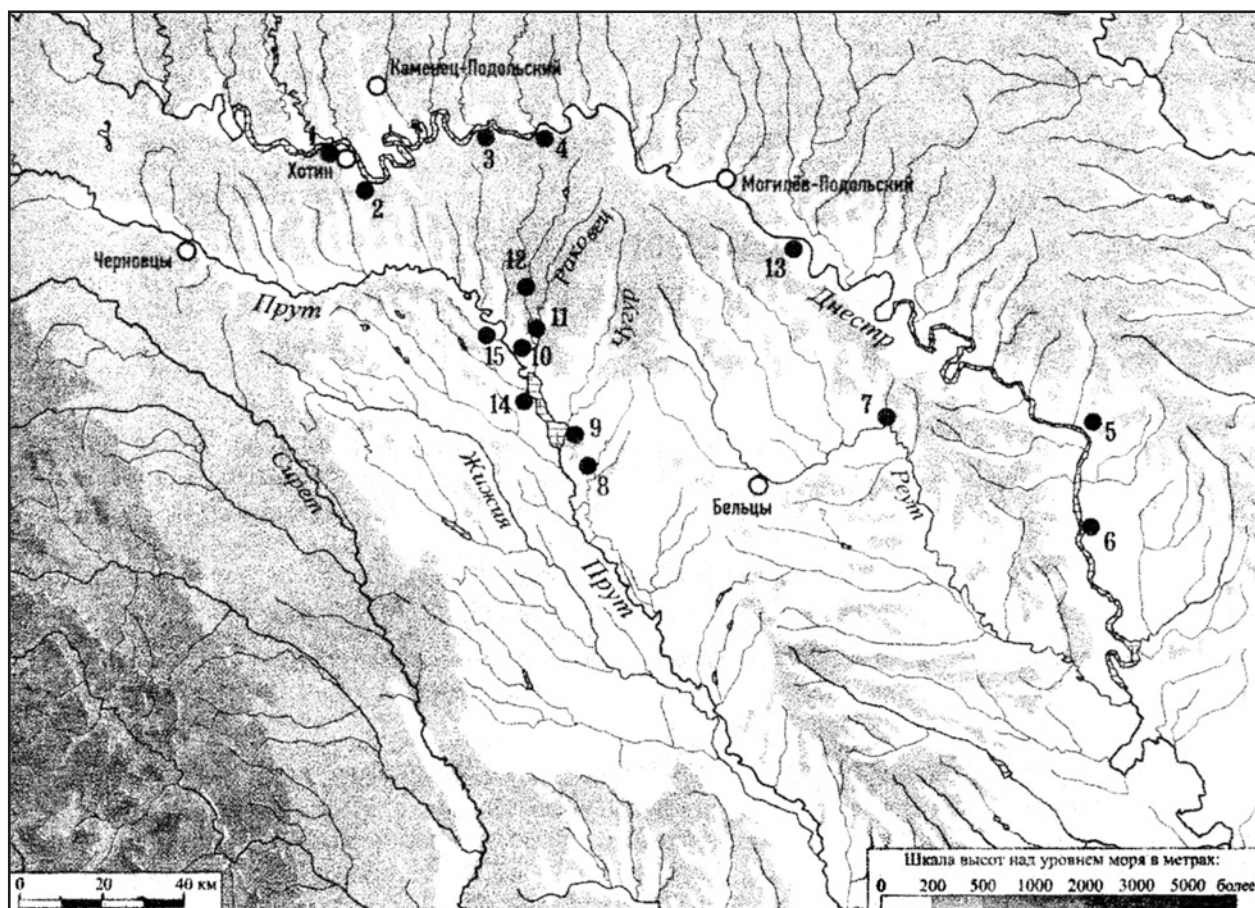

Рис. 2. Карта распространения важнейших памятников среднего и начального верхнего палеолита в междуречье Днестра и Прута
1 — Стинка 1, Осыпка; 2 — Кетросы, Шипот 1 и 2, Кишлянский яр; 3 — Молодова I и V; 4 — Кормань IV;
5 — Хоробра; 6 — грот Выхватинцы; 7 — Бобуешты V и VI; 8 — грот Бутешты; 9 — грот Старые Дуруиторы;
10 — Мерсына; 11 — грот Буздужаны; 12 — гроты Тринка I, II и III; 13 — Ярово; 14 — Рипичени-Извор;
15 — Миток Малу Галбен

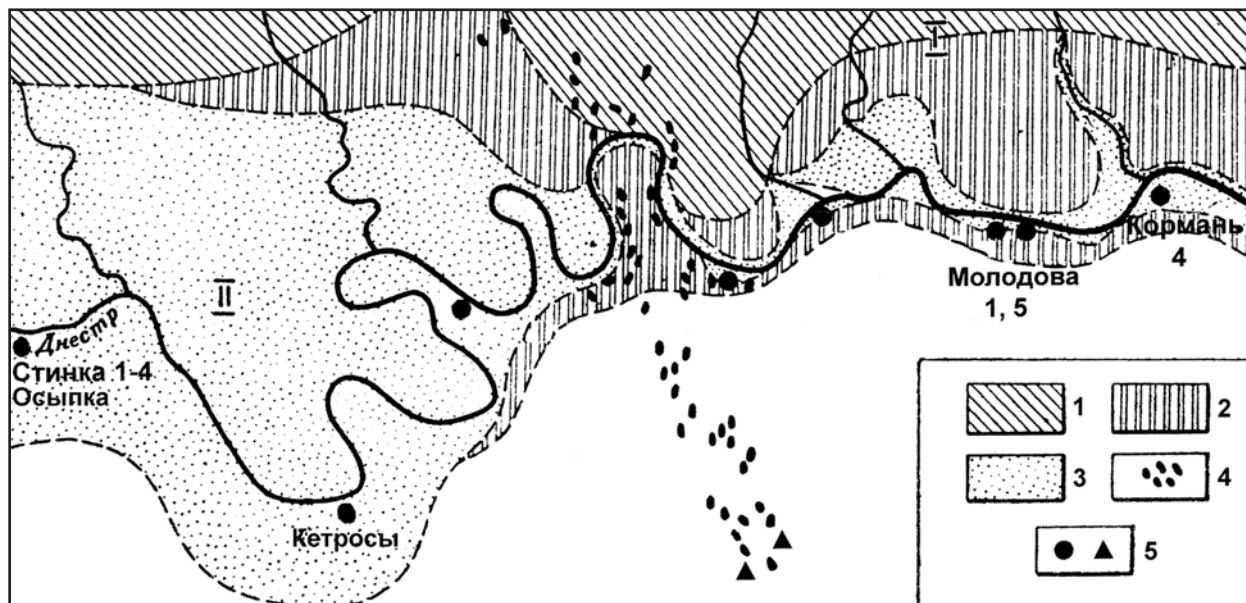

Рис. 3. Схема геоморфологического положения стоянки Кетросы в долине Днестра (по И.К. Ивановой)
 Условные обозначения: 1 — VII-VIII террасы; 2 — VI (надканьонная) терраса; 3 — V-I террасы;
 4 — рифовая гряда (толтры)

Первым из них была стоянка Стинка 1, расположенная на Среднем Днестре, в окрестностях с. Атаки Хотинского района Черновицкой области. Ее исследования начались в 1964 г. и завершились в 1969 г. (Аниюткин, 2005). Дальнейшие разведки, проведенные в 1971 г. уже ниже по течению р. Днестр, в окрестностях существовавшего в то время села Дарабаны, привели к обнаружению нового микрорайона с несколькими новыми памятниками среднего палеолита, расположенными в соседних ярах Шипот и Кишлянский Яр. Позднее именно здесь была обнаружена стоянка Кетросы с прекрасно сохранившимся культурным слоем и уникальной стратиграфической колонкой плейстоценовых отложений, которой и посвящено данное исследование (Рис. 3).

1.1. Открытие стоянки и предварительные исследования 1972–1973 гг.

Стоянка была открыта автором 4 сентября 1972 года, во время обследования среднепалеолитического местонахождения Кишлянский яр, обнаруженного еще в прошлом 1971 году на правобережье Днестра в пределах Хотинского района Черновицкой области Украины. Как это часто бывает в практике археологических работ, памятник был выявлен в конце последнего экспедиционного рабочего дня, после того, как были засыпаны шурфы, заложенные для выяснения стратиграфического положения находок кремневых изделий среднего палеолита на местонахождении Кишлянский Яр, и группа возвращалась на базу экспедиции в село Дарабаны (Рис. 4).

Маршрут проходил на сей раз не более коротким путем — по дороге, идущей по поверхности высокой террасы в направлении яра Шипот и далее в село, а ближе к пойме Днестра, вдоль кромки левого борта долины Кишлянского Яра, где прослеживаются многометровые обнажения четвертичного периода. При попутном осмотре лессовой толщи, на глубине около 2 м, неожиданно удалось обнаружить торчащую кость ископаемого животного (мамонта). Под нею в осыпи был найден кремневый отщеп несомненно мустьерского облика.

Так как на следующий день был намечен отъезд экспедиции, то расчистка обнажения, несмотря на завершение рабочего дня, была проведена сразу же. На небольшом участке около 2 кв. м удалось расчистить фрагмент хорошо сохранившегося культурного слоя с несколькими обломками костей ископаемых животных и десятком кремневых изделий, включая нуклеус, скребло и отщепы мустьерского облика. Первоначально стоянка была названа «Кишлянский яр 2», но позднее стала именоваться «Кетросы»,

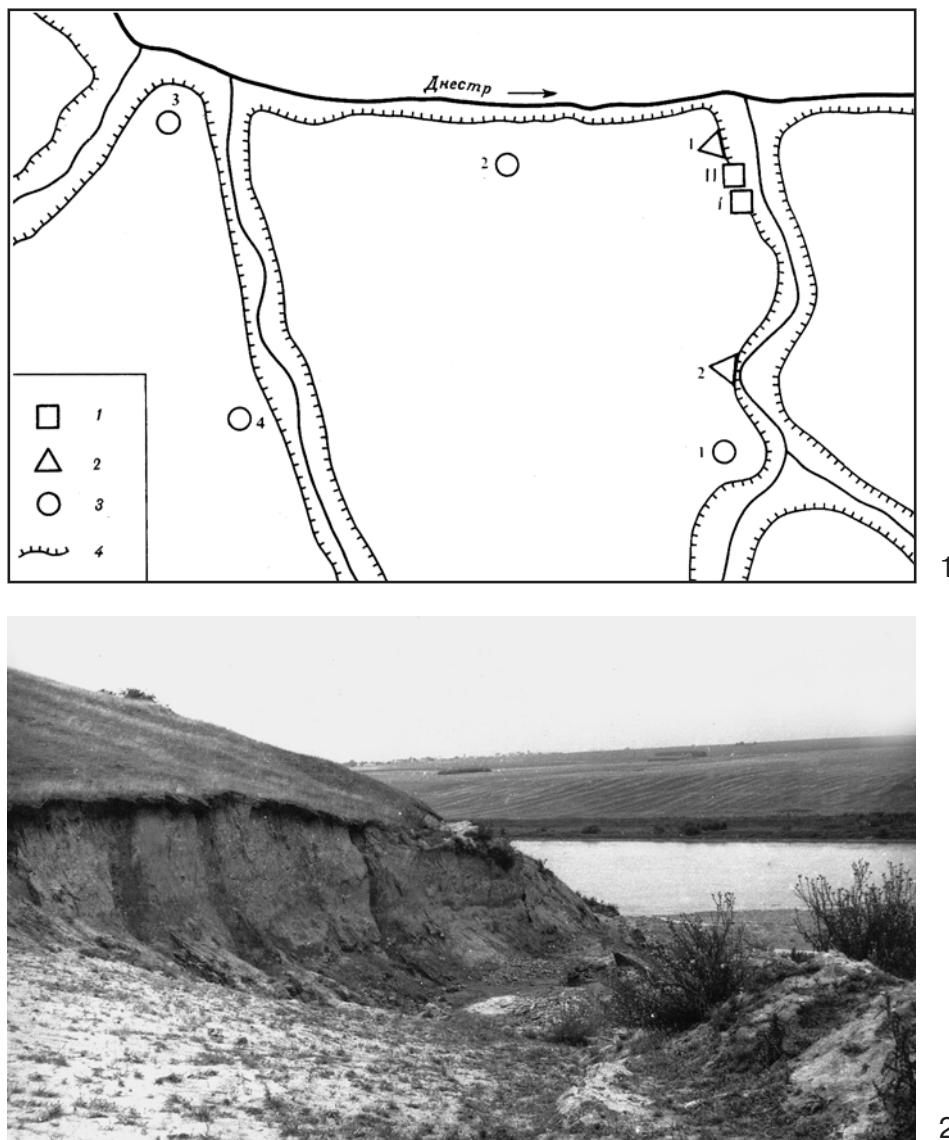

Рис. 4. Среднепалеолитические памятники в Каплевском и Кишлянском ярах

1 — схематический план. Условные обозначения: 1 — раскопы I и II, 2 — геологические разрезы (1 — Каменный карьер, 2 — Кишлянский яр); 3 — палеолитические местонахождения (1 — Кишлянский Яр; 2 — Стинка-Дарабаны; 3 — Шипот 1 и 2; 4 — Шипот 3); 4 — обрывистые склоны.
2 — вид с юго-запада раскопа II на р. Днестр и устье Кишлянского яра (заметна обширная отмель), а также на разрушенный карьером участок

соответствуя названию местности, производному от молдавского слова «кетр» (т. е. камень), где давно находилась каменоломня по добыче строительного камня.

Стоянка расположена, напомним еще раз, на правом берегу Днестра, примерно в 3 км ниже с. Дарабаны и в 2 км выше по течению реки от с. Оселивка, которое ранее называлось Кишла Неджимова (Рис. 5).

Небольшая речка Кишлянский яр разделяет два района Черновицкой области — Хотинский и Кельменецкий. Место стоянки, как установлено геологами, связано с фрагментом II надпойменной террасы с высотой цоколя свыше 10 м, прислоненной к более высокой IV террасе.

Повторная небольшая зачистка была сделана осенью, уже в следующем 1973 г. В этом сезоне отряд работал на территории Молдавии, где совместно с молдавскими учеными (Н. А. Кетрару) исследовался грот Старые Дуруиторы. Кратковременная поездка на соседнюю территорию Украины была организована

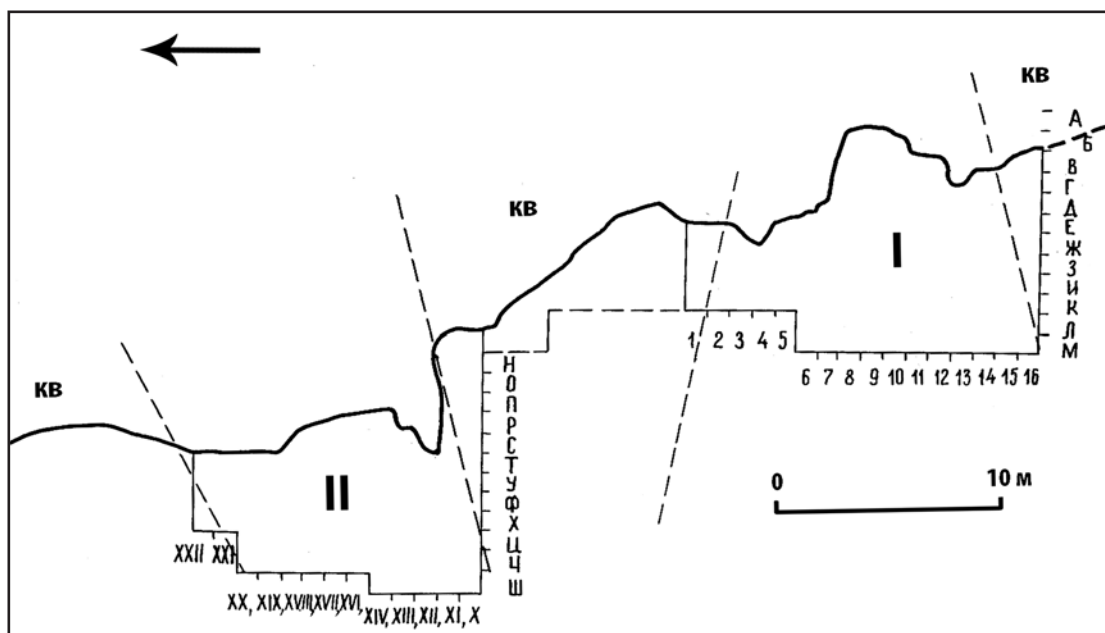
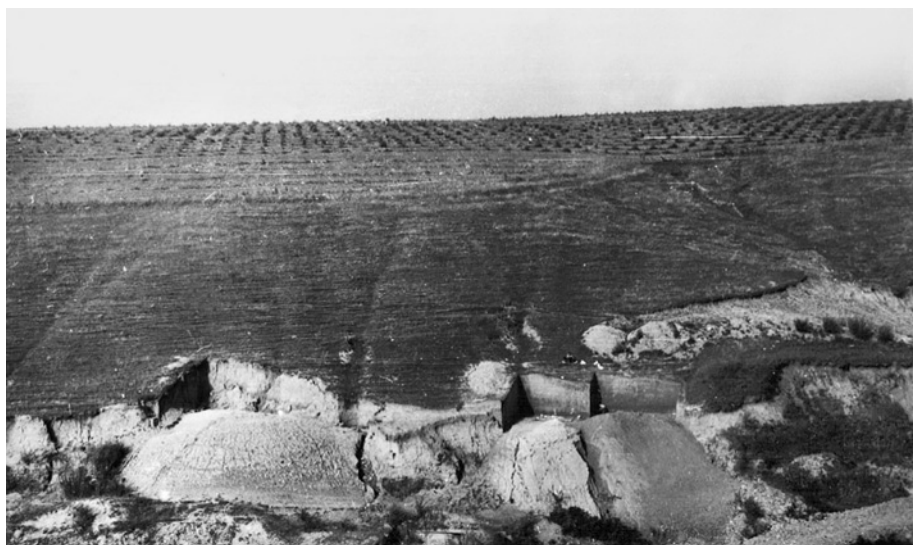

Рис. 5. Раскопки стоянки Кетросы

1 — общий вид на раскопы с поверхности высокой террасы (с востока). 2 — план раскопов

моими молдавскими коллегами специально в помощь мне для выявления перспективности раскопок новой стоянки Кетросы. Данная расчистка, которую провел молодой, в ту пору начинающий исследователь палеолита Молдавии И. А. Борзияк, вскрыла общую площадь около 3 кв. м. Удалось получить дополнительные, весьма выразительные археологические материалы, которые убедили меня в необходимости раскопок этого ценного мустьерского памятника с хорошо сохранившимся культурным слоем. Эти небольшие предварительные исследования позволили получить весьма представительный археологический и палеозоологический материал, позволивший уже тогда отнести данную индустрию к варианту «мустье типичного фации леваллуа». Выразительной, хотя и малочисленной, оказалась фауна, включавшая 2 зуба мамонта, 2 зуба и обломок конечности бизона, 2 обломка костей лошади и 7 неопределимых фрагментов костей. Остатки фауны из расчисток были определены ленинградским палеозоологом Н. М. Ермоловой, которая специально отметила, что выявленная здесь форма мамонта может быть отнесена к весьма архаичной разновидности. Позднее наличие в культурном слое остатков мамон-

та раннего типа было подтверждено исследованиями молдавского палеозоолога А. И. Давида, который сотрудничал с экспедицией в течении всего периода раскопок. Характер стратиграфии и сохранность культурного слоя стоянки однозначно указывали на более, чем очевидную перспективность раскопок этого нового памятника.

1.2. Стационарные раскопки

Дальнейшие стационарные раскопки производились в течение нескольких полевых сезонов: в 1974, 1975 и 1976 гг. на раскопе I и в 1977, 1978 и 1979 гг. — на раскопе II. В самом начале работы отряда велись частично на средства Государственного Эрмитажа (1974 г.), в дальнейшем — на средства Новостроечной экспедиции Института археологии Академии наук Украинской ССР, а отчасти — Ленинградского отделения Института археологии (далее ЛОИА) АН СССР, куда я был приглашен в 1975 г. Отряд, получивший первоначально название Хотинский, а с 1977 года Дарабанский, входил в состав Приднестровской палеолитической экспедиции Института археологии АН УССР, которую возглавлял известный исследователь палеолита Приднестровья А. П. Черныш. Мои многолетние контакты с этим крупным ученым и хорошим человеком оказались весьма продуктивны.

1.2.1. Раскоп I

Учитывая особенности поверхности террасы, на которой расположена стоянка, где участки с ровной древней поверхностью отделялись друг от друга грядами конусов выноса без элементов культурного слоя, исследования велись двумя разными раскопами. Каждый из них изучался в течение трех полевых сезонов (Рис. 6).

Раскопки 1974 года

Работы первого полевого сезона проводились Палеолитическим отрядом Западно-Украинской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа как на средства музея, так и Днестровской новостроечной экспедиции Института археологии Академии наук Украинской ССР. Раскоп был разбит на месте расчистки 1973 г., располагаясь примерно около 100 м южнее русла Днестра, врезаюсь в глубину террасы, которая протягивается узкой полосой шириной около 20 м. Метровые квадраты получили обычное цифровое обозначение по линии север-юг и буквенное по линии восток-запад. Поверхность данной террасы, как уже отмечалось выше, была рассечена грядами из полуокатанного щебня и галечника, явно снесенных с края высокой террасы. Эти гряды довольно отчетливо читались в современном рельефе. Данное обстоятельство способствовало тому, что, как удалось выяснить в ходе раскопок, удобные для поселения площадки с относительно ровными поверхностями имели небольшие размеры, простираясь от одной гряды (конуса выноса) до другой на 12–16 м. Здесь концентрировался весь археологический материал (Рис. 7)

Отсутствие культурного слоя на поверхности конусов выноса заставило в значительной мере исключить их из пределов изучаемой площади.

Применяемая методика раскопок была обычной для исследований палеолита. Использовались элементарные метровые квадраты. Некоторая особенность заключалась в системе глубинных отметок, заимствованной из методики раскопок пещер, которая основывалась на индивидуальных глубинах залегания каждого предмета, бравшихся от условного ноля, включая, естественно, кости животных. Обычно измерялись глубины оснований предметов и их верхней части. Это было особенно важно для определения глубины залегания крупных костей мамонта, являвшихся часто элементом конструкций жилых сооружений, как это выяснилось позднее.

Раскопки велись в течение месяца — с 16 июля по 20 августа¹.

Здесь полезно сообщить о находках на крутом правом склоне Кишлянского яра нескольких костей мамонта, о которых нам сообщил колхозный бригадир села Дарабаны. Расчистка была проведена в верхней части крутого, почти отвесного противоположного склона, примерно в 25–30 м выше по течению от раскопа I. Здесь в лессовидном суглинке были расчищены только две крупные кости, которые

¹ В конце сезона раскопки посетила группа известных археологов, включая П. И. Борисковского, А. П. Черныша, С. Н. Бибикива, Н. А. Кетрару, Н. Д. Праслова и И. А. Борзняка. Последний остался в экспедиции и проработал на раскопках в течении 10 дней.

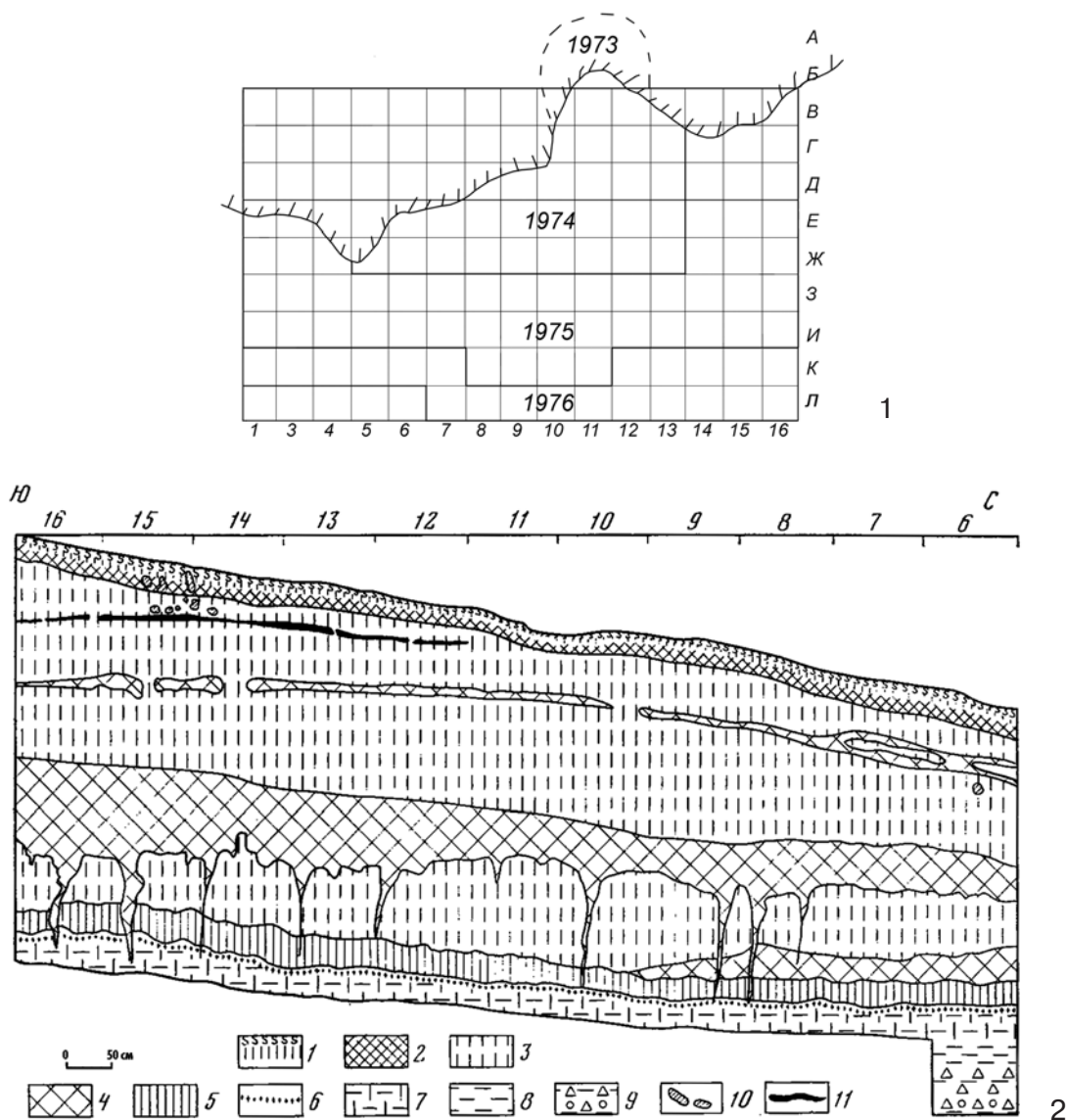

Рис. 6. Раскоп I на стоянке Кетросы: этапы исследования

1 — план раскопа. 2 — разрез западной стенки раскопа I

Условные обозначения: 1 — дерновый слой и маломощный гумусовый горизонт; 2 — желто-бурый комковатый суглинок; 3 — суглинок желтовато-серый, известковистый; 4 — слабогумусированный суглинок; 5 — сильно гумусированный слой; 6 — тонкие прослойки песка; 7 — желтовато-буроватый суглинок; 8 — буроватый суглинок с зеленоватым оттенком; 9 — супесь со щебнем и галькой; 10 — кротовины; 11 — гумусированные прослойки

я распорядился вновь закопать, полагая, что они не относятся к мустьерскому времени. К тому же требовалось экономить время для работы непосредственно на раскопе. Но вскоре раскоп вторично посетил С. Н. Бибииков, и я ознакомил его на месте с общей ситуацией, включая данный объект. Он убедил меня в том, что эти кости вполне могли принадлежать мамонту, убитому мустьерцами во время загонной охоты. Тем не менее, я предпочел оставить расчистку этого объекта до лучших времен. К сожалению, в то время я все же не смог верно оценить его значение.

На раскопе, в пределах культурного слоя, выявлено несколько интересных скоплений костей ископаемых животных, крупных камней и кремневых изделий. Удалось обнаружить пятна древесного угля и локализованное скопление костного угля. Важной находкой являлась нижняя челюсть мамонта, к которой вплотную примыкала крупная кость того же животного. Среди костей крупных млекопитающих

Рис. 7. Разрезы стоянки Кетросы и Каменного карьера

1 — Разрезы раскопов стоянки Кетросы (по И.К. Ивановой)

Условные обозначения: 1 — дерновый слой и гумусовый горизонт; 2 — желто-бурый суглинок;

3 — светлые желтоватые суглинки;

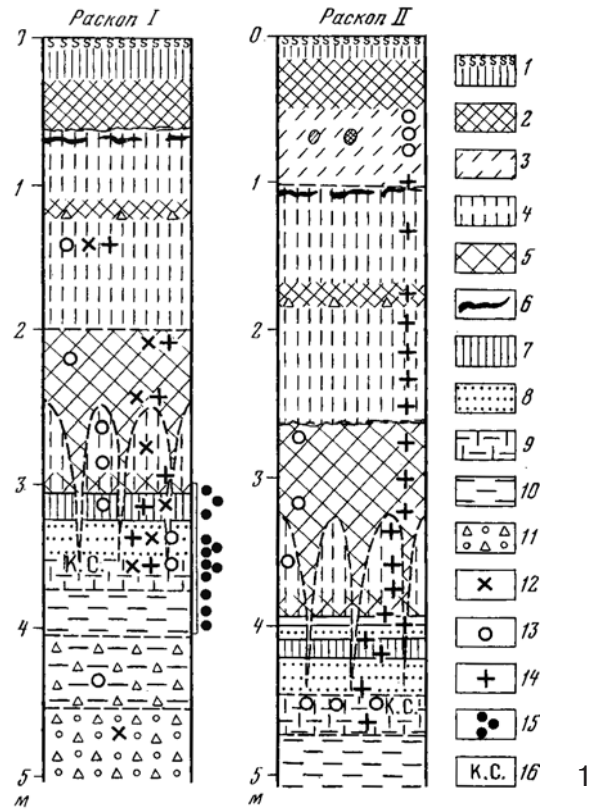
4 — желтовато-сероватые суглинки с обильными псевдомицелиями; 5 — слабо гумусированный буроватый суглинок; 6 — гумусированная прослойка;

7 — сильно гумусированный, темно-серый суглинок; 8 — тонкие прослойки и линзы песчанистого материала; 9 — буроватый суглинок; 10 — буровато-серый суглинок с зеленоватым оттенком;

11 — щебень и галька в известковистом суглинке; 12 — места отбора проб на изучение вещественного состава; 13 — отбор на промывку; 14 — отбор проб на спорово-пыльцевой анализ; 15 — отбор проб Г. М. Левковской на спорово-пыльцевой анализ;

16 — культурный слой.

2 — Разрез отложений Каменного карьера (по Н. В. Ренгартен)

Глубина, м	№ слоя	Литологический разрез	№ образца	Гранулометрия			% СаСО ₃	Генезис отложений	Фация	№ литологической лачки		
				0 1 см = 20%								
				> 0,1	0,1-0,01	< 0,01						
1,0	12		99/76		3,5 13,4	Субэриальный-склоновые накопления	Де-лавиальная почвообразование с следами почвообразования	У				
	11	100/76										
2,0	10	К/7	11,2					12,3	10,6	14,0	11,4	III
	9	К/9										
3,0	8	101/76	12,8					8,0	7,9	11,3	2,0	II
	7	102/76										
4,0	6	103/76	5,8					8,0	18,6	2,0	I	
	5	104/76										
5,0	4	105/76	2,0					14,0	14,0	57,5	Пойменная Русловая	
	3	106/76										
6,0	2	107/76 108/76	112/76					113/76	111/76	112/76	113/76	
	1	109/76 110/76 111/76										
7,0	1	8/79										

абсолютно преобладали мамонт, реже бизон и лошадь, встречались единичные обломки костей степного сурка. Представляла интерес находка коренного зуба пещерного медведя, лежавшего под крупным камнем, где также обнаружилось небольшое пятно охры красного цвета. Рядом было расположено локализованное скопление костного угля.

Культурный слой уходил в глубину террасы, поверхность которой на площади его распространения (жилая поверхность) несколько повышалась в северном и южном направлениях, поднимаясь на конусы выноса. В центральной части раскопа отмечалось, как показывают глубинные отметки костей и кремневых изделий, некоторое углубление.

Изделий из кремня найдено около 1300, включая 35 нуклеусов и 55 орудий, среди которых преобладали скребла, единичные ретушированные леваллуазские острия, один мустьерский остроконечник, а также выемчатые и зубчатые орудия. Бифасы не были характерны. В данном случае, основываясь на имеющихся материалах, можно видеть здесь одну из разновидностей типичного мустье фации леваллуа, в целом аналогичного молодцовскому леваллуа-мустье.

Раскопки 1975 года

Археологические раскопки проводились Хотинским отрядом ЛОИА Академии наук СССР². Однако финансировались работы исключительно Днестровской палеолитической новостроечной экспедицией ИА АН УССР. В изучении памятника приняла активное участие группа ученых, представлявших Комиссию по изучению четвертичного периода АН СССР, которую возглавляла известный советский специалист по четвертичной геологии И. К. Иванова. Исследования проводились со второй половины июля по первую половину августа³. Раскоп общей площадью 50 кв. м был заложен в северном, западном и южном направлении, расширяя прошлогоднюю площадь основного культурного слоя стоянки и следуя, естественно, за скоплением археологического материала. Максимальная глубина залегания основного слоя составляла более 4,5 м от современной дневной поверхности.

На этот раз в разрезе оказались выявлены две хорошо выраженные ископаемые почвы, разделенные лессовидным суглинком мощностью до 1 м. Выше обнаружены две гумусированных прослойки, одна из которых рассматривалась как остатки ископаемой почвы малой мощности. Каменные изделия и кости ископаемых животных прослежены по всей толще четвертичных отложений, встречаясь в ископаемых почвах и гумусированных горизонтах. Исключением являются находки из верхнего суглинка, обнаруженные на глубине около 0,5 м от поверхности, представленные отдельными частично окатанными кремневыми изделиями мустьероидного облика. Все каменные изделия, происходящие из разных слоев, имеют несомненный мустьерский облик. Изделий позднепалеолитического облика не обнаружено.

В основном культурном слое продолжалось исследование выразительного скопления костей мамонта, обнаруженного в прошлом сезоне. Интересно, что первоначально за основание культурного слоя была принята поверхность, на которой находилось скопление костей мамонта с кв. З,И-8,9, вызывая удивление неестественным повышением «пола». Однако после фиксации и снятия костей под ними был обнаружен огромный бивень, лежащий вместе с единичными мелкими обломками костей и выразительными кремневыми изделиями, включая скребло и два отщепы леваллуа, на подлинной древней поверхности с глубинными отметками более -260, что соответствовало так называемому «полу» на соседних квадратах. По-видимому, речь идет об остатках разрушенного жилища, для сооружения которого использовались крупные камни, кости и бивни мамонта. Многие элементы культурного слоя и характер расположения находок хорошо подтверждают данное положение.

Фауна вновь была представлена костями мамонта, бизона, лошади, к которым добавились единичные фрагменты костей шерстистого носорога, гигантского оленя и резец медведя. Последний находился на полу предполагаемого жилища, примерно в 1 м западнее коренного зуба пещерного медведя, обнаруженного в предыдущем сезоне.

Археологический материал из основного культурного слоя представлен 1200 предметами из кремня, включая нуклеусы и около 30 орудий. Основные показатели техники первичного расщепления, полученные на основе 200 кремневых изделий, следующие: леваллуа — 25,2%, пластин — 13,2%, широкого фасетирования — 39,8%. Они показывают удивительное сходство с прошлогодними индексами. Похожим является и набор орудий, где преобладают скребла при единичности леваллуазских остроконечников. Все эти данные подтверждают первоначальное определение этой индустрии, сопоставимой с типичным мустье фации леваллуа.

² В 1975 году Н. К. Анисюткин стал научным сотрудником ЛОИА АН СССР.

³ Раскопки посетил известный украинский специалист по палеолиту М. Н. Клапчук.

В полевом сезоне 1975 г. были обнаружены достаточно выразительные находки и из вышележащих слоев. Но только применительно к средней ископаемой почве речь могла идти о выявлении подлинного культурного слоя, в котором найдены не только отдельные кремневые изделия, но также остатки фауны и скопление древесных угольков.

В конце этого полевого сезона можно было с большой долей вероятности говорить об обнаружении на стоянке сложного хозяйственно-бытового комплекса, включая наличие наземного жилища.

Раскопки 1976 года

Отряд продолжил дальнейшие раскопки, начав их 4 июля и завершив 12 августа. Работы велись на средства Днестровской палеолитической экспедиции ИА АН УССР. Раскоп 1976 г. расширял общую площадь распространения остатков культурного слоя в южном, северо-западном и западном направлениях. Общая площадь раскопа составила 41 кв. м., а глубина достигла 5 м. Фаунистический состав остался тем же, но преимущественно встречались обломки и осколки мелких размеров. Крупных костей мамонта не было найдено; обнаружены фрагменты пластин коренных зубов мамонта, которые возможно использовались в качестве ретушеров.

В прошедшем полевом сезоне удалось отметить резкое падение находок в культурном слое на северных (линия 1-4) и южных (линии 14-15) квадратах, приуроченных к конусам выноса. Тем самым стала понятной идея мустьерцев, выбиравших места для поселения на ровных площадках, используя центральную часть для сооружения жилых структур. Отсюда понятно, что прирезка в северных и южных направлениях была минимальной, основное внимание оказалось сосредоточено на западных квадратах раскопа 1. В этом направлении еще продолжал распространяться хорошо выраженный культурный слой.

Раскоп был четко привязан к северной стенке раскопа 1975 г., которая вместе с северо-западным углом кв. И-1 очень хорошо сохранилась. Напротив, западная и южная стенки были существенно разрушены. Поэтому разбивке площади нового раскопа предшествовали существенные земляные работы по очистке его от массы обвалившегося грунта.

Поскольку раскоп был наиболее глубоко врезан в тело террасы, постольку отложения имели наиболее хорошую сохранность и выразительность. Вся толщу четвертичных отложений, которые были в целом аналогичны ранее наблюдаемым, можно расчленить на следующие составные части:

1) суглинок светло-коричневого цвета, карбонатный, разделенный на две части гумусированным горизонтом мощностью до 0,2 м, толщина же самого этого суглинка варьирует от 0,8 до 1,90 м; 2) суглинок коричневый, заметно гумусированный, пятнистый, комковатый и известковистый — ископаемая почва, мощность которой варьирует от 0,25 до 0,7 м; 3) суглинок светло-коричневого цвета, известковистый, несколько опесчаненный, толщина достигает 1,3 м; 4) ископаемая почва сложного строения, состоящая из двух наложенных один на другой сильно гумусированных горизонтов, разбитых многочисленными вертикальными трещинами; мощность этого слоя достигает 0,35 м; 5) суглинок песчанистый, коричневого цвета с зеленоватым оттенком мощностью до 0,3 м содержит в середине слоя тонкие линзы песка (5-10 см), под которыми залегает выраженный культурный слой; 6) супесь переходящая в песок с галькой и полу окатанными обломками щебня, представляет из себя аллювиальные отложения, лежащие на скальном цоколе.

Основной культурный слой имел на данной площади мощность не более 10 см. Самые насыщенные находками квадраты приурочены к центральной части раскопа, продолжая скопления прошлого года. Наиболее интересное из них (кв. Л-9,10), имеющее в поперечнике около 50 см, представлено скоплением кремневых изделий, которое можно интерпретировать как типичную рабочую площадку по расщеплению кремня и получению качественных заготовок. Здесь же найдено несколько мелких осколков неопределимых костей. Интересной оказалась находка обломка нижней челюсти бизона, обнаруженной на границе кв. М,Н-9.

Анализ общего плана распределения находок в культурном слое этого сезона указывает на то, что речь идет о периферийной части поселения, основная часть которого находилась на ранее вскрытых участках. Очевидно выклинивание культурного слоя.

Каменный карьер

При первом же посещении места стоянки удалось обнаружить на участке примерно 65 м севернее крайнего квадрата раскопа 1975 г. новый участок культурного слоя, разрушенный колхозным карьером для добычи строительного камня. Четвертичные отложения с остатками культурного слоя были уничтожены на общей площади около 150 кв. м. По словам местного бригадира, который ранее бывал на раскопе, здесь было скопление костей мамонта, напоминавшее раскопанное и расчищенное нами скопление в пределах культурного слоя. Вниз по склону, в отвалах, опрокинутых в речку Кишлянский Яр, обнаружены

обломки костей мамонта, бизона и лошади вместе с каменными изделиями мустьерского облика. В найденных здесь же блоках отложений, включая явные остатки ископаемой почвы, находились обломки костей и кремневые изделия. Последние были извлечены из пород, аналогичных суглинкам с культурным слоем. На данном участке, но в подстилающих культурный слой отложениях пойменного аллювия, обнаружено несколько обломков костей мамонта и частично окатанных кремневых изделий.

Таким образом, можно говорить о новом объекте мустьерского поселения, уничтоженного колхозным карьером. Этот комплекс, получивший название «Северный», а затем комплекс III, будет описан как археологический объект ниже. Геологи, проводившие здесь исследования, назвали данный пункт «Каменный карьер».

В слое галечника, представлявшего русловой аллювий данной террасы, найдены 2 кремневых предмета с глубокой патиной, включая относительно крупное нуклевидное орудие с двусторонней обработкой и нуклевидный обломок. В отличие от них предметы из культурных слоев стоянки не имели патины. Нуклевидное орудие аналогично формам из южного комплекса (ашельского) местонахождения Кишлянский яр, расположенного примерно в 1,5 км выше по течению и южнее наших раскопок. Эта находка дает основание для предположения о том, то во время функционирования руслового аллювия, соответствовавшего концу рисс-вюрма, каменная индустрия южного комплекса Кишлянского яра была уже подъемным материалом, т. е. она значительно древнее конца последнего межледниковья.

Характер культурного слоя в раскопе I: некоторые выводы

Итак, за три сезона работ на раскопе I была вскрыта площадь почти 125 кв. м. Данный участок простирается с севера на юг на 14 м, а с востока на запад примерно на столько же — хотя эти данные весьма приблизительны, т.к. осталась неисследованной западная часть, примыкающая к тыловому шву более высокой террасы и, кроме того, некоторая часть площадки у воды оказалась разрушенной позднейшей эрозией и небольшими каменоломнями для добычи строительного камня. Правда, если исходить из общего плана распространения культурного слоя, то очевидно, что данное разрушение было весьма незначительным. На это указывает почти полное отсутствие каменных изделий и обломков костей животных под обнажением на восточной окраине поселения, расположенного недалеко от водотока. Можно весьма полно охарактеризовать ровную поверхность террасы, занятую поселением следующим образом: мустьерцы поселились на ровной площадке древней высокой поймы, которая ограничена с севера и юга конусами выноса, а с запада высокой террасой. Как удалось установить, конусы выноса наложены на русловой аллювий Кишлянского яра, косвенно указывая на то, что они предшествовали отложениям предполагаемого межстадиала амерсфорт. Раскопками удалось почти полностью вскрыть единый хозяйственно-бытовой комплекс мустьерского времени.

1.2.2. Раскоп II

В конце раскопок 1976 года была проведена небольшая расчистка обнажения за пределами северного конуса выноса, на расстоянии 15 м северо-западного угла М-6, где удалось выявить культурный слой хорошей сохранности, который залегал в тех же стратиграфических условиях, что и культурный слой на первом раскопе. На этом участке, который получил название раскоп II, были запланированы дальнейшие исследования.

Раскопки 1977 года

С 5 июля по 11 августа 1977 года Дарабанский отряд Днестровской палеолитической экспедиции, входившей в состав Днестровской археологической Новостроечной экспедиции ИА АН УССР, продолжил исследования мустьерского поселения Кетросы. Как и на предыдущем раскопе археологические исследования проводились совместно с геологами и палеогеографами, которыми руководила И. К. Иванова.

Первоначально раскоп II был разбит на площади около 80 кв. м, но затем уменьшен до 47 кв. м. Из раскопа был исключен участок, занятый конусами выноса, где слой выклинивался. Однако потом, после расчистки скопления костей мамонта, уходящего в западную стенку, было прирезано еще 14 кв. м. Таким образом площадь раскопа достигла 61 кв. м.

Современная дневная поверхность на месте раскопа, как и прежде, имела значительный уклон в сторону долины Кишлянского Яра. Отсюда ясно, что каждый метр прирезки вглубь террасы увеличивал объем работы и, естественно, мощность отложений. Напротив, на уровнях ниже средней ископаемой почвы уклон древней поверхности, на которой обитали мустьерцы, был ничтожен.

Раскоп получил обычное буквенно-цифровое обозначение квадратов. Причем удалось сохранить и продолжить единую буквенную систему, в то время, как цифровая была заменена с арабской, применявшейся в предшествующем раскопе, на римскую. По линии север-юг установлены обозначения от I до XXII, а по линии восток-запад — буквенные обозначения — от М до Ш. Этот раскоп отделен от раскопа 1974–1976 гг. полосой более 11 м шириной, в пределы которой входил конус выноса. Последний, достаточно четко читающийся в современном рельефе, в соответствии с имеющимися данными, достигал ширины 15 м.

При сходной с раскопом I стратиграфической картине, удалось выявить и некоторые отличия. Последние связаны с тем, что раскоп 1977 года более глубоко проник в тело террасы, приближаясь к тыловому шву. Естественно, общая мощность отложений увеличилась. Кроме того, раскоп II находился ближе к устью яра и, соответственно, к Днестру.

В целом всю толщу отложений можно разделить на следующие части (сверху вниз): голоценовые слои разной мощности; лессовидные суглинки светло-коричневого цвета с гумусированными прослойками в них; ископаемая почва, лежащая на известковистом лессовидном суглинке светло-коричневого цвета; ископаемые почвы, подстилаемые коричневым суглинком с зеленоватым оттенком и супеси зеленоватого цвета, переходящие ниже в песок с прослойками гальки, гравия и полукатанного щебня — пойменный аллювий террасы, лежащие на маломощном галечнике — русловом аллювии террасы.

Что касается нижнего почвенного комплекса, то он представлен двумя горизонтами, разделенными песчаной прослойкой до 10 см. В отличие от раскопа I, горизонт интенсивно гумусированной почвы имеет здесь слоистое строение.

Культурные остатки, представленные кремневыми изделиями и обломками костей животных, встречены на разных уровнях разреза. Верхние горизонты были бедны находками, которые тем не менее не переотложены, а подлинно окатанные отщепы найдены только в кровле суглинка. В верхней гумусированной прослойке, которую можно принять за верхний слой, найдено всего 13 кремневых изделий, включая аморфный нуклеус, одно выемчатое орудие, 2 отщепы с ретушью, 2 обломка кремня со следами обработки, 1 отщеп, 6 обломков, чешуек и мелких отщепов. Малочисленный инвентарь этого слоя можно сопоставить с аналогичной коллекцией раскопа I.

Следующий слой связан со средней ископаемой почвой. В нем найдено только три слабо патинированных отщепы и отдельные древесные угольки. Костей животных не обнаружено.

Основной культурный слой отличался хорошей сохранностью. Он, как обычно, лежал на 7–10 см ниже прослоек и линз песка в основании коричневого суглинка. В слое расчищено мощное скопление костей мамонта, включая 5 бивней.

Состав фауны был почти неотличим от прошлогоднего: абсолютно преобладали кости мамонта, реже лошади и бизона. Найдено около сотни определенных костей, среди неопределимых преобладали мелкие обломки и осколки костей, зубов и бивней мамонта. Особенно многочисленны мелкие и мельчайшие фрагменты пластин зубов мамонта, видимо использовавшиеся в качестве ретушеров. В отличие от прошлых сезонов, преобладали обломки костей лошади, уступая по количеству лишь мамонту.

В отличие от прошлых лет, коллекция кремневых изделий составила всего 160 предметов, в том числе 7 нуклеусов, 16 орудий, 21 отщеп и пластина, 116 осколков, чешуек и обломков кремня. Сравнительно мало типичных леваллуазских форм. Найдено 2 песчаниковых гальки со следами использования их в качестве отбойников.

В результате раскопок в слое выявлено, как и в раскопе 1, структурированное скопление костей мамонта, представленное прежде всего четырьмя бивнями мамонта, расположенными в центре ровной площадки. Для дальнейших исследований необходимо было определить характер культурного слоя и структуру жилищно-бытового комплекса, основываясь на изучении той части культурного слоя, которая уходила в глубину террасы. Для этого был разбит новый раскоп, исследование которого планировалось на следующий полевой сезон.

Раскопки 1978 года

Исследования проводились с 11 июля по 14 августа и финансировались ИА АН УССР. Было вскрыто всего 26 кв. м, что объяснялось как недостатком средств, так и значительной глубиной раскопа. Как выяснилось далее, культурный слой залегал в среднем на глубине более 5 м. Правда, наряду с этими раскопками была проведена небольшая расчистка на новом местонахождении среднего палеолита Шипот 2, расположенного также на II террасе Днестра в соседнем яре Шипот, примерно в 1 км выше по течению реки.

Раскоп 1978 г. был естественно заложен западнее прошлогоднего. По линии север-юг раскоп простирался на 9 м, а по линии восток-запад — от 2 до 4 м. Современная дневная поверхность, как и в прошлые годы, имела некоторый наклон в сторону тальвега Кишлянского Яра.

Стратиграфия была в целом аналогична прошлогодней. Это же можно сказать и об остатках фауны крупных млекопитающих, представленных примерно 300 фрагментами костей животных, включая целые. Из них определимыми были 118 костей. Вновь наблюдалось преобладание мамонта, многочисленные обломки костей лошади, реже бизона. Единичными были обломки костей шерстистого носорога и благородного оленя.

Коллекция представлена всего 110 предметами, изготовленными из галечного и пластового кремня, в их числе 5 нуклеусов, 11 орудий, 31 скол-заготовка (отщепы и пластины), 26 чешуек, 37 обломков и осколков со следами расщепления.

Раскопки 1979 года

Работы проводились с 15 июля по 20 августа. Изучались южная и юго-восточная части раскопа. Вскрыто всего 13 кв. м, что связано с недостатком средств.

Верхний и средний слои содержали, как и в прошлом году, единичные находки кремневых изделий и отдельные фрагменты костей мамонта. Основной культурный слой был насыщен только на нескольких квадратах, выклиниваясь в дальнейшем по направлению к западу и югу. Интересным оказалось изучение нижнего аллювиального слоя, единичные остатки кремней и костей которого залежали на 30–35 см ниже основного культурного слоя. В этом плане значительный интерес представляет хорошо сохранившаяся нижняя челюсть мамонта, расположенная несколько ниже культурного слоя. Осталось неясным связь ее с определенным слоем, хотя наиболее вероятно включение ее в состав нижнего слоя.

В основном культурном слое найдено всего 50 мелких обломков костей и 51 кремневое изделие, включая только 2 нуклеуса и 2 орудия. Как обычно, преобладали кости мамонта раннего типа.

Некоторые итоги изучения раскопа II

Всего на раскопе II было вскрыто 100 кв. м. Как и в первом раскопе, здесь в центре выявился наиболее интересный объект, где попарно расположенные бивни, находящиеся друг от друга на расстоянии двух метров, ограничивали участок пространства культурного слоя площадью около 10 кв. м. Последний можно интерпретировать, как остатки разрушенного жилища. Однако данный комплекс отличается от первого не только структурой организации жилого пространства, где практически отсутствуют места обработки кремня, но и относительно малым количеством кремневых изделий при общем равенстве фаунистических остатков. Эти наблюдения пока не имеют однозначного истолкования.

Интересные результаты были получены при попутном исследовании аллювиальных отложений, в которых были найдены немногочисленные, но выразительные коллекции кремневых изделий и кости ископаемых животных.

Расчистка 1984 года

В 1984 году Приднестровский палеолитический отряд ЛОИА АН СССР проводил небольшие исследования в районе Кишлянского Яра. Изучались памятники Шипот 2 и 3, а также мустьерское местонахождение Стинка-Дарабаны. Небольшие разведывательные раскопки были проведены и на стоянке Кетросы. Место зачистки обнажения с целью выявления нового комплекса для дальнейших раскопок было выбрано в 30 м южнее южного угла раскопа 1. Стратиграфия оказалась той же, что и в раскопах прежних лет. Находки в верхней части отложений были представлены лишь одним кремневым отщепом, обнаруженным в средней ископаемой почве.

Для исследования основного слоя была выбрана полоса длиной 5 м при глубине (ширине) около 1 м. В процессе расчистки был найден культурный слой, лежащий в той же стратиграфической позиции что ранее — под нижним комплексом ископаемых почв. В слое обнаружено скопление древесных угольков, а также 2 кремневых орудия, включая скребло и зубчатую форму, 2 отщепа и чешуйка. Здесь же найдена галька песчаника со следами использования в качестве отбойника и небольшой обломок верхней челюсти благородного оленя.

Таким образом, эта расчистка показала наличие еще одного участка с хорошо сохранившимся культурным слоем, свидетельствуя о перспективности дальнейших раскопок. Новый комплекс, обнаруженный в четких геологических условиях, возможно, позволит ответить на ряд вопросов, которые возникли при раскопках прежних лет, поможет выяснить особенности данного мустьерского поселения. Поэтому его расчистка потребует большой осторожности и внимания.

ГЛАВА 2

ГЕОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

2.1. Вводные замечания

Стоянка Кетросы, по мнению геологов, обладает уникальной стратиграфией. Здесь в относительно маломощном разрезе (не более 6 м) хорошо прослеживаются все элементы формирования нижней части II надпойменной речной террасы Днестра, включая (в меньшей степени) лежащие выше лессово-почвенные отложения начальной поры последнего оледенения. В настоящее время это наиболее полный разрез начала позднего плейстоцена на территории Русской равнины. Ни на одном из известных сейчас среднепалеолитических памятников Восточной Европы не представлено аналогичных разрезов со столь выразительными чередованиями лессово-почвенных отложений начала последнего оледенения, четко привязанных к пойменному и русловому аллювию.

Междисциплинарные исследования, проведенные на объекте в 1960–1970-х гг., позволили получить разнообразную информацию, включая данные о природной среде, в которой жил ископаемый человек начала позднего плейстоцена. При этом стоит заметить: новые исследования, проведенные много позднее на стоянке Молодова V, показали, что наиболее ранние мустьерские слои на широко известных стоянках Молодова I и V, имеют не брерупский, а более молодой возраст. Функционирование этих стоянок имело место в начале среднего вюрма (начиная с 55000 л. н.), соответствуя началу КИС 3 (Кулаковська, 2003).

2.2. Геолого-геоморфологическая характеристика памятника

В настоящей книге, естественно, очень широко используются данные геолого-геоморфологических разработок исследовательской группы, работавшей под руководством известного геолога-четвертичника И. К. Ивановой (Комиссия по изучению четвертичного периода АН СССР). Именно ею были организованы те обширные междисциплинарные работы, в которых мне посчастливилось принимать участие в течение нескольких полевых сезонов (1967, 1974–1979 гг.). В результате их были получены достаточно исчерпывающие данные, не устаревшие до сих пор и могущие служить основой современных представлений о памятнике в геолого-геоморфологическом отношении. При характеристике этих данных мы всецело опираемся на публикацию 1981 г. (раздел коллективной монографии, выполненный И. К. Ивановой).

«Мустьерская стоянка Кетросы приурочена к интересному и своеобразному участку долины Днестра, которая в ее среднем течении пересекается в ЮЮВ—ССЗ направлении грядой рифовых известняков торгон-сарматского возраста. Отдельные вершинки этой гряды на 2–30 м возвышаются над уровнем современной высокой поверхности. Прочие, более низкие части гряды остаются погребенными под покровом рыхлых образований.

В конце плиоцена Днестр, берущий начало в Карпатах, протекал на широтном отрезке своего течения свободным плоским потоком, оставившим следы в виде серии галечниковых покровов высоких террас. На определенном этапе цепь рифовых известняков послужила механическим препятствием для продвижения реки к востоку. Днестр пробивал себе в этом направлении узкий и извилистый путь, в связи с чем ниже толтровой гряды образовалась глубокая каньонообразная часть долины. Выше толтровой

ряды река разливалась широко и относительно низкие террасы, отдельными обрывками сохранившиеся во внутриканьонной части узкой долины, занимают здесь обширные площади.

Характер меандрирования реки выше и ниже толтрового зоны различен. Если в пределах самой гряды и ниже меандры образуют крупные очень узкие и крутые петли, то в верхней части наблюдаются широкие, плавные еще более крупные изгибы. Один из таких меандров вдаётся на юг особенно далеко, как бы прижимаясь к краевой части долины. На выпуклой стороне меандра на левом берегу реки прослеживаются все днестровские террасы — I-V. Пятая терраса занимает особенно большие площади и хорошо охарактеризована фаунистически (Иванова, 1959). На правом, более высоком, берегу господствующую роль играет IV терраса небольшой ширины. Южнее продолжают остатки V террасы, врезанной в узкий водораздел Днестра и Прута.

Мустьерская стоянка Кетросы приурочена к юго-западной, вогнутой части описываемого меандра, который мы будем называть Гринчукским (по с. Гринчук, расположенному на левом берегу реки, примерно в 2 км ниже стоянки). На правом берегу рекой подмывается IV терраса относительной высоты 70–75 м. На ее ровной неширокой поверхности залегают галечники на небольшой глубине. В цоколе этой террасы, образующем довольно крутые береговые обрывы, выходят коренные породы.

Терраса прорезана многочисленными глубокими оврагами, часто имеющими небольшой водоток. Протяженность оврагов различна. Наиболее значительный из них — Кишлянский Яр, с которым связана стоянка Кетросы.

Речка Кишлянский Яр берет свое начало в двух пунктах, расположенных далеко от Днестра, у водораздела Днестра и Прута. Истоки западной ее ветви находятся южнее д. Левинцы, где она запружена небольшой дамбой. Восточная ветвь, более глубоко врезанная и многоводная, проходит через пос. Кроква, мимо с. Оселивка (быв. Кишла-Неджимова). Примерно в 2 км к югу от Днестра речки сливаются в одну, которая течет уже в пределах Днестровской долины. В правом склоне Кишлянского Яра почти до самой поверхности наблюдается выход коренных пород. Местами склон слегка задернован, порос кустарником, прикрыт небольшой толщей желтоватых суглинков. Левый склон имеет другой характер. Внизу здесь отчетливо видны палеозойские породы, возвышающиеся на несколько метров над водотоком и образующие цоколь существовавшей здесь узкой терраски. На них залегают небольшой слой щебнисто-галечного материала и, выше, толща суглинистых пород. Образованный ими склон довольно крут и задернован с поверхности. Близ устья Кишлянского Яра издавна ведутся разработки силурийских доломитов, обладающих большой прочностью. Урочище, в котором ведутся разработки, имеет местное название Кетросы» (Иванова, 1981: 59–61)¹.

В дочетвертичных отложениях, над силурийскими слоями, залегают толща меловых пород, относимых к альбу и сеноману. В них обнаружены пласты кремня, частично использовавшегося ископаемыми людьми.

В четвертичных отложениях описываемого района представлены отложения различных генетических типов, связанных с различными геоморфологическими элементами рельефа. Как уже упоминалось, здесь, на правобережье Днестра, мы имеем часть крупного меандра, проникающего далеко к югу. В связи с этим рекой подмывается относительно высокая терраса, тогда как все более низкие террасы хорошо развиты на противоположном берегу.

Терраса, господствующая на правом берегу, имеющая высоту 70–75 м, является, по-видимому, IV надпойменной террасой Днестра. Аллювий ее может сопоставляться с аллювием, изучавшимся нами несколько выше по реке на горе Стинка близ Хотина (на правом берегу) и у с. Гавриловцы (на левом берегу). По возрасту аллювиальные отложения IV террасы с известной долей вероятности отнесены к миндель-рисскому (= лихвинскому) времени.

Четвертичные отложения левого берега Кишлянского Яра, задернованные с поверхности, можно довольно четко разделить на две толщи. Непосредственно на коренном цоколе залегают отложения овражно-балочного аллювия и делювия. Они представлены небольшой (не более 1 м) толщей слабо окатанного щебнистого материала местного происхождения с примесью хорошо окатанных галек разных пород, в тонком сильно известковистом мелкозем.

Мощность этой толщи различна. Близ реки она невелика и не превышает 1 м. На некотором отдалении от реки достигает 3–4 м. Выше залегают известковистые глины с прослоями щебня, имеющие бурый цвет с зеленоватым оттенком. Все эти отложения содержат остатки как наземной, так и пресноводной фауны моллюсков. Над ними располагается сложный комплекс ископаемых почв со следами

¹ Название «Кетросы», присвоенное новой стоянке, происходит от молдавского «каменоломня».

затопления, свидетельствующий о неоднократных колебаний климата и водного режима. На этом кончаются отложения первой пачки пород, залегающих почти горизонтально.

Вторая толща представлена делювиальными и делювиально-пролювиальными склоновыми отложениями. Они образуют отдельные, очень плоские, сливающиеся между собой тела, сложенные суглинками с расплывчато выраженными в них ископаемыми почвами, содержат исключительно наземную фауну моллюсков, залегают с уклоном в сторону водотока. Эти отложения срезаются лежащей еще с большим уклоном голоценовой почвой, состоящей из гумусового горизонта и своеобразного желто-бурого с красноватым или ржавым оттенком комковатого глинистого слоя. В нижней части склона эта почва ложится на все более и более древние элементы верхней пачки.

Общая мощность четвертичных отложений Кишлянского Яра близ реки невелика и не превышает 8 м.

Детальному изучению были подвергнуты три их разреза, приуроченные к левому склону. Один из них назван Каменный карьер, где небольшие разработки велись до 1980 г. у самой реки.

Второй разрез был вскрыт в 1975–1979 гг. двумя раскопами Н. К. Анисюткина в непосредственной близости от Каменного Яра.

Третий, под условным названием Кишлянский Яр, находится на отдалении около 1,5 км от реки, немного ниже места слияния двух ответвлений яра (см.: Иванова, 1981: 65–67).

2.2.1. Каменный Яр

Разрез Каменный Яр представлял из себя участок разработок доломитов длиной 150 м и шириной до 15, где геологами были сделаны расчистки и взяты образцы на анализы разного типа. Результаты их приводятся далее:

«I. Непосредственно на неровной поверхности плитчатых доломитов с прослоями мергелистых сланцев залегают слои щебня с примесью хорошо окатанных галек. Он обычно сцементирован карбонатным цементом и местами содержит прослойки и линзы рыхлого известковистого очень тонкого (около 90 % — фракции размерности <0,01 мм) материала. Цвет щебнистого слоя сероватый, местами с бурым или зеленоватым оттенком. Мощность — около 0,8 м. По своему характеру этот слой относится к типичному овражно-балочному аллювию. По положению в долине аллювий, лежащий на цоколе высотой около 10 м над меженным уровнем Днестра, близок к аллювию II террасы этой реки.

II. На щебнистом горизонте залегают песчанистые суглинки и глины буроватого с зеленоватым оттенком цвета, неравномерно обогащенные щебнем, имеющие на прослеженной участке изменчивый характер залегания. Принадлежность указанных отложений к пойменной фации овражного аллювия не вызывает сомнения. По-видимому, к материалу, отложенному водным потоком, присоединился обломочный материал, сносимый с достаточно крутого склона.

III. Выше располагается сложная ископаемая почва, сильно обогащенная грубым щебнем. Мощность ее составляет 1–1,2 м. Цвет верхней части почти черный, книзу немного буреет. Содержит белые конкреции и примазки, железистые пятна. В верхней части эта толща, имеющая комковатое строение, более глиниста, имеет низкую карбонатность (1,75 % CaO). Книзу карбонатность постепенно увеличивается (до 28,6 %). Количество грубого материала очень велико. В этом слое встречены обломки минерализованных костей и осколки кремня с неясными следами искусственного воздействия². Промывка нескольких образцов с разных глубин на фауну моллюсков не дала положительных результатов. Лишь в одном случае (в верхней части слоя) была обнаружена одна раковина *Helicopsis striata* (Mull.). На других участках раковин моллюсков не было даже в обломках.

Далее располагается сложная толща очень изменчивая по составу и мощности, но имеющая два характерных признака, в связи с чем она приобретает маркирующее значение. Она содержит небольшой по мощности (около 0,2 м), интенсивно окрашенный гумусовый горизонт или горизонты, а также различное количество светлых песчанистых прослоев и линзочек, в принципе имеющих горизонтальное залегание. По гранулометрическому составу ряд образцов этой толщи, включая гумусированную часть, показал большую однородность. При промывке обнаружены раковины моллюсков в очень малом количестве. Представлены единичными *Helicella striata* (Mull.) *Vallonia pulchella* (Mull.). В буроватых суглинках

² При небольшой расчистке этого обнажения, которое было проведено мною после отъезда геологов, удалось найти несколько обломков неопределимых костей, а также фрагмент зуба бизона и три выразительных кремневых изделия мустьерского облика, включая два отщепы и выемчатое орудие.

(нижняя часть толщи) встречены два кремневых отщепа. В гумусированном слое — обломки костей животных в известковистой «рубашке».

Толща IV имеет, по-видимому, смешанное происхождение и образовалась в периоды, когда обильные (сезонные) воды ручья поднимались на значительную высоту. При этом шло образование почв лугового типа, не имеющих, однако, полного почвенного профиля и существовавших спорадически, при постоянном привносе материала со склона» (Иванова, 1981: 68–71).

Перекрывающая пачка отложений мощностью до 3,5 м имеет лессовидный характер с двумя горизонтами потемнения.

2.2.2. Раскопы I и II

«Раскопы, о которых речь пойдет далее, находятся гипсометрически ниже стенки Каменного Яра, у самой речки Кишлянский Яр, на несколько более выположенном участке. Разрезы их сопоставимы.

Толща I. Как и в Каменном Карьере, разрез начинается небольшим слоем (1,0–0,8 м) слегка окатанного щебня с примесью хорошо окатанных галек, залегающим на цоколе силурийских пород. Грубый материал заключен в карбонатном (17,5 %) мелкозем. Цвет отложений серовато-зеленоватый с пятнами ожелезнения. Встречены раковины как наземных, так и пресноводных моллюсков. Среди первых преобладает *Vallonia pulchella* Mull. Единично представлены раковины хеликопсисов, сукциней и пухилл. Из пресноводных форм обнаружены *Lumnea truncatula* Mull., *Anisus spirobis* L., *Pisidium nitidum* Jap. Найдены также фрагменты костей крупных млекопитающих.

Мощность лежащей выше толщи рыхлых отложений достигает во вскрытой раскопками части склона 5–5,5 м, т. е. меньше, чем в Каменном Яре.

Толща II. В раскопе 1 на щебнистом слое залегают зеленовато-бурые суглинки с тенденцией к слоистости, имеющие мощность 0,5–0,6 м. В раскопе 2 этот слой до конца не пройден, но мощность его также, по-видимому, невелика. Здесь в кв. Ч-10 была обнаружена нижняя челюсть мамонта с хорошо сохранившимися зубами, расположенная глубже основных мустьерских находок. Промывка породы из этого горизонта дала своеобразный остаток на сите с обилием известковых конкреций довольно крупных размеров: много обломочного материала, галечки, есть железистые окатыши. Встречены единичные раковины *Pupilla muscorum* и *Vallonia Pulchella* (Schm.), обломки раковин *Chondrula* cf. *Tridens* Mull. и *Zinobiella rubiginosa* (Schm.). Пресноводных форм обнаружено не было.

Выше следует небольшой (0,4–0,5 м) слой довольно тяжелых, буроокрашенных суглинков, с зеленоватым и горчично-желтым оттенком. Он представляет особый интерес, т.к. с ним (его верхней частью) связано мустьерское поселение, выявленное в обоих раскопах. По положению в разрезе этот слой отвечает ископаемой почве, изученной в Каменном Яре, но здесь, в нижней части склона, почвообразовательные процессы не выражены и мощность слоя сильно сокращена.

Суглинки, содержащие культурный слой, довольно известковисты (около 10 %) и песчанисты (около 30 % фракции размером более 0,1 мм). Они содержат остатки только наземных моллюсков, среди которых преобладают *Vallonia pulchella* (Mull.), *Pupilla muscorum* L., единичны раковины *Succinea oblonga* Drap., *Pupilla muscorum* SL., *Helicopsis striata* Mull., *Trichia* sp. В верхней части слоя обнаружены также остатки *Limax* sp.

Мустьерский слой стоянки Кетросы содержит сравнительно небольшое количество кремневых изделий. Как это следует из данных, приведенных в статье Н. К. Анисюткина, основным поделочным материалом был местный кремль. Сохранившего свою структуру древесного угля, так же, как и зольного материала, нам на стоянке не удалось наблюдать. Примечателен характер остатков мамонта. Представляется, что здесь мы имеем более раннюю форму этого животного, чем, например, на стоянках Молодова I и V. Обращает на себя внимание отсутствие костей северного оленя. Многочисленные промывки породы культурного слоя не дали остатков мелких грызунов.

Характерный горизонт буроватых суглинков с тонкими светлыми опесчаненными прослоечками и линзами, имеющими в целом горизонтальное положение. В раскопе 2, где мощность этого слоя составляет всего около 0,25 м, он имеет карбонатность 9,5 %, около 12 % фракций размером более 0,1 мм, 505 глинистой фракции. Из моллюсков встречены единичные *Helicopsis striata*.

Над слоем залегают четко выраженный в разрезе 20-сантиметровый темно-серый, менее песчанистый (96,5 % глинистой и алевроитовой фракций), известковистый (14,2 %) слой суглинков. Раковины моллюсков представлены лишь редкими обломками.

Вся толща IV пронизана проникающими сверху узкими трещинами. В раскопе II, где вскрыта ее часть, несколько более удаленная от яра, строение этой пачки усложнено. Темноокрашенный горизонт представлен здесь не единым слоем, а двумя, тремя и более прослоями разной мощности с непостоянным характером залегания, сохраняющими, однако, в целом горизонтальное положение. В центральной, западной стенке раскопа основной темноокрашенный слой сохраняется, но над ним появляется ряд тонких (2,5–3 см) почти черных волнистых, иногда прерывистых прослойчиков. Все они разделяются желто-бурыми суглинками с тонкими полосами и линзами светлого опесчаненного материала.

Толща IV в целом является хорошим маркирующим горизонтом и несомненно может считаться стратиграфическим аналогом той же толщи в Каменном Карьере.

Выше следует толща другого характера, имеющая чисто делювиальное и делювиально-пролювиальное происхождение. Она представлена, желтовато-сероватыми суглинками с распывачатыми горизонтами ископаемых почв, общей мощностью 2,5–2,8 м, и отличается от желтоватых суглинков нижней части разреза несколько другим оттенком — желтовато-палевым, без горчичных тонов, обилием псевдомцилий, наличием известковистых конкреций. Гранулометрический состав: 43–49 % фракций <0,01, 40–43 % алевритовой фракции и от 12 до 16 % фракции размером более 0,1 мм. Карбонатность колеблется от 8 до 14 %. При промывке образцов обнаруживается довольно большое количество обломочного материала, снесенного сверху. Раковин моллюсков немного. Наиболее постоянное присутствие *Helicella striata*, встречены единичные раковины *Pupilla muscorum* L., *P. muscorum edentula* Slav., *Vallonia pulchella* Mull., *V. enninsis*. Gredl. Слабо выраженные ископаемые этой толщи залегают с явным уклоном в сторону яра.

Над описанной толщей суглинков в центральной стенке раскопа II, т. е. в части, наиболее далеко проникающей в сторону от яра, появляется еще один горизонт светлых суглинков с редкими кротовинами. Он отделяется от лежащих ниже пород четкой, но очень неровной, местами как бы ступенчатой границей, и характеризуется более светлой, во влажном состоянии сероватой, окраской. В противоположность всей толще четвертичных отложений разреза, в которой при промывке встречены лишь единичные раковины моллюсков, здесь отмечается их изобилие, а также первое и единственное в разрезах Кишлянского Яра появление холодолюбивой наземной формы *Vallonia tenuilabris* Al. Br. Особенно велико количество моллюсков у верхней границы слоя. Сотнями измеряются здесь раковины *Pupilla muscorum* L., *Helicopsis striata* Mull. Много остатков *Succinea oblonga* Drap., *Pupilla triplicata* (Stud.), *P. muscorum edentula* Slav. В меньшей степени обнаружены различные виды валлоний и одна раковина *Perpolita radiatula* (Adler).

Мощность светлых суглинков в раскопанной части колеблется от 0,6 до 0,3 м. Аналогов им в разрезе Каменного яра мы не находим.

Верхняя часть разреза представлена голоценовой почвой, состоящей из маломощной дерновины и гумусового горизонта, подстилаемых слоем желто-бурых комковатых суглинков мощностью до 0,5 м. Эти отложения залегают с крутым падением, отвечающим современному рельефу склона, срезая разновозрастные рыхлые образования. В подошве желто-бурых суглинков иногда появляется грубый материал, в том числе гальки, несомненно снесенные сверху из аллювия высокой террасы. Это свидетельствует о перерыве в отложении осадков, предшествующем образованию слоя суглинка, и вероятном оголении склона» (Иванова, 1981: 71–76).

ГЛАВА 3

СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ СТОЯНКИ

3.1. Описание разреза стоянки Кетросы

В настоящей работе стратиграфия стоянки рассматривается под новым, несколько необычным углом: при ее характеристике принимается во внимание совокупность самых различных данных. Подразделение стратиграфии на литологическую, археологическую, палинологическую и т. д., предложенное недавно известным отечественным палеолитоведом Х. А. Амирхановым (см.: Амирханов, Лев, 2004), многим еще кажется непривычным. Однако, на мой взгляд, данный подход к материалу весьма перспективен. Здесь внимание исследователя отчетливо концентрируется на последовательности различных изменений, включая литологические, биостратиграфические, археологические и др., которые далеко не всегда одинаково информативны, но хорошо дополняют друг друга, давая тем самым более полное представление об объекте исследования.

Однако вначале стоит привести детальное описание разрезов памятника. Общий поперечный разрез стоянки Кетросы, представляет собой участок восточной стены раскопа I, который вскрывает наиболее мощную и полную толщу отложений (Анисюткин, 1981: 11).

Современный дерновый растительный слой. В нем найден фрагмент сечения патинизированной пластинки, а также обломок ретушированной пластинки. Первая покрыта голубовато-белой патиной и на этом основании может быть отнесена к верхнему палеолиту, вторая — без патины, что позволяет отнести ее к более позднему времени. Мощность слоя — 0,2 м.

Суглинок желтовато-коричневого цвета, комковатый. Археологических находок нет. Мощность — 0,3—0,5 м.

Суглинок лессовидный желтовато-серого цвета. В нем фиксируются два затемненных горизонта. Нижний — мощностью 0,1—0,2 м достаточно четко выражен и распространен. Верхний же представляет из себя прерывистую гумусированную прослойку толщиной до 0,1 м, прослеженную лишь на площади около 6 кв. м. в юго-западной части раскопа, где отложения имеют наибольшую мощность. Имеются отдельные археологические находки. Мощность отложений — 0,9—1,9 м (общая).

4. Суглинок более темноокрашенный, коричневого цвета, слегка гумусированный, более плотный, пятнистый, представляет собой ископаемую почву, основание которой в виде клиньев врезается в лежащие ниже слои. Верхняя граница лессовидного суглинка неясная. Имеются следы маломощного культурного слоя. Мощность почвы варьирует от 0,25 до 0,7 м.

5. Суглинок лессовидный светло-коричневого цвета, известковистый, близкий по текстуре слою 3. Мощность слоя до 1,3 м.

6. Суглинок темный, почти черного цвета, сильно гумусированный, комковатый, плотный, известковистый. Состоит из двух и более наложенных один на другой гумусированных горизонтов, разбитых многочисленными трещинами. Встречены единичные обломки костей животных. Мощность слоя до 0,35 м.

7. Суглинок коричневатого-бурого цвета, менее плотный, чем лежащий выше. Верхняя часть его разбита многочисленными вертикальными трещинами. В этом слое прослеживаются тонкие прослойки и линзы песка светло-желтого цвета, хорошо выраженные по протиранию. На 8—10 см ниже песчаных прослоек находится основной культурный слой стоянки. Мощность суглинка достигает 0,35 м.

8. Суглинок буровато-серого цвета с зеленоватым оттенком. В нем встречаются немногочисленные кремневые изделия и кости ископаемых животных (преимущественно мамонта). Мощность слоя — 0,4 м.

9. Супесь буровато-зеленоватая, обогащенная частично окатанным щебнем и хорошо окатанными гальками (аллювиальные отложения).

На скальном цоколе лежит маломощная толща галечника. Здесь обнаружено два интенсивно окатанных предмета среднепалеолитического облика.

В современной почве найдены пластинки явно позднего типа, относящиеся к верхнему палеолиту и, вероятно, энеолиту (трипольской культуре?). В четвертичных отложениях типичных форм верхнего палеолита не обнаружено, хотя обследованы не только площади раскопов, но и обнажения вдоль всего яра.

Кремневые изделия среднепалеолитического облика и отдельные кости ископаемых животных прослежены почти по всей толще отложений. Однако более определенно можно говорить четырех уровнях залегания изделий среднего палеолита, включая нижний (аллювиальный), основной, из средней почвы и верхний, связанный с маломощной ископаемой почвой.

Стратиграфическая колонка раскопа 2 может быть охарактеризована следующим образом:

1. Дерновый слой черного цвета, представляющий почву голоценового времени мощностью от 0,2 до 0,3 м.

2. Суглинок лессовидный известковистый желто-серого цвета, разделенный тонкой гумусированной прослойкой черного цвета толщиной от 5 см. Общая мощность суглинка варьирует от 0,6 до 0,9 м.

3. Суглинок гумусированный коричневого цвета, мощность которого колеблется от 0,25 до 0,30 м. Встречены единичные кремневые изделия мустьероидного облика и обломки костей мамонта.

4. Суглинок лессовидный известковистый желтовато-серого цвета; мощность варьирует от 0,4 до 0,65 м.

5. Суглинок темно-коричневого цвета — средняя ископаемая почва. Верхняя часть ее ровная, нижняя — рваная в виде клиньев, проникающих глубоко вниз до основания нижней ископаемой почвы. Толщина почвы, в нижней части которой выявлены кости мамонта и лошади, вместе с единичными кремневыми изделиями мустьерского облика и скоплением древесных угольков, варьирует в пределах от 0,4 до 0,8 м.

6. Суглинок лессовидный, аналогичный слою 4, мощность которого достигает почти 1,5 м.

7. Единая толща нижней ископаемой почвы, представленная в нижней половине тремя гумусированными горизонтами темного цвета. В некоторых местах разбита трещинами, прослеженными от основания лежащей выше средней ископаемой почвы (слой 4). Эти горизонты отделены друг от друга либо тонкими прослойками коричневого цвета, либо линзами желтого песка. Последние фиксируют периоды разрушения ископаемой почвы, представленных на раскопе 1 двумя четкими уровнями. В нижней гумусированной прослойке обнаружен обломок нижней челюсти шерстистого носорога. Общая мощность почвенной толщи колеблется от 0,35 до 0,6 м.

8. Суглинок желтовато-бурого цвета, в верхней части которого находится основной культурный слой мустьерского времени. Общая мощность данного литологического слоя составляет около 0,4 м.

9. Супесь и песчанистый суглинок зеленовато-серого цвета. В нижней части прослеживаются включения мелкой гальки и частично окатанного щебня. В нем встречены единичные находки обломков костей мамонта и отдельные кремневые изделия. Этот слой по заключению геологов (Иванова и др., 1981) является пойменным аллювием. Общая мощность отложений достигает 1 м.

На скальном цоколе лежит маломощный слой галечника с частично окатанным щебнем мощностью до 0,2–0,25 м.

3.2. Различные виды стратиграфии и их характеристики

3.2.1. Литологическая стратиграфия

Очень интересным и важным является описание разрезов стоянки, приведенное в специализированном литологическом исследовании, которое выполнено известным специалистом Н. В. Ренгартен. Описание разреза начинается с основания отложений, представляющих собой аллювий данной террасы. Последние расчленены на четыре пачки (Ренгартен, 1981: 84) (Рис. 8).

«Пачка 1 (слои 1, 2, мощностью 1,25 м). Нижние два слоя пачки представлены зеленовато-серыми суглинками (алевроито-глинистые осадки), содержащими примесь песка и щебня. В слое 1 особенно много

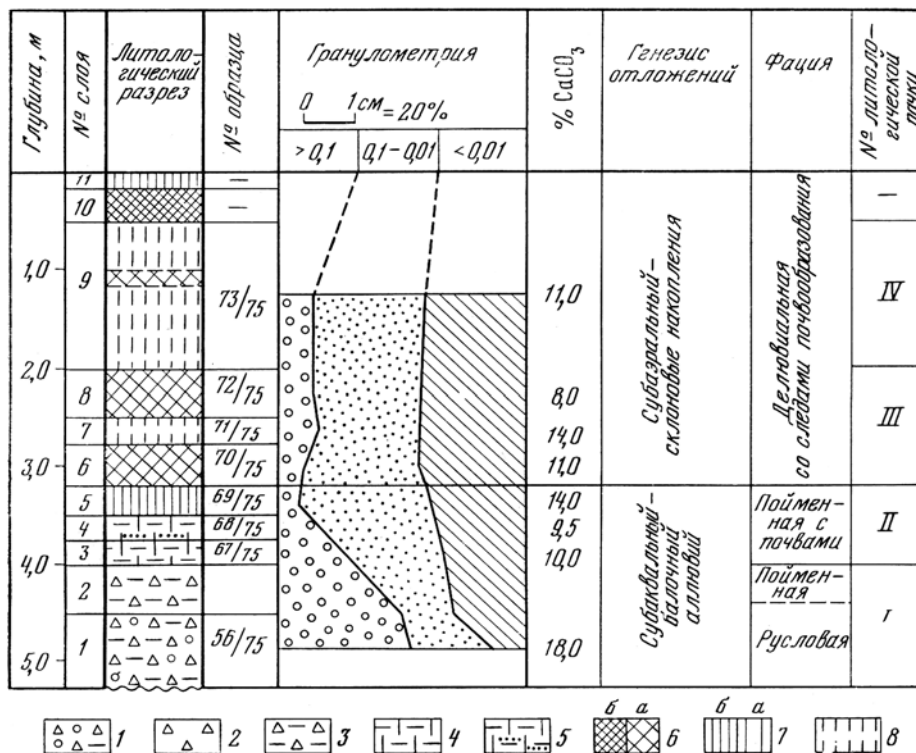

Рис. 8. Разрез раскопа I (по Н. В. Ренгартен)

Условные обозначения: 1 — щебень с галькой в известковистой глине; 2 — мелкий щебень карбонатных пород; 3 — зеленоватая глина со щебнем; 4 — желто-бурые суглинки с редким щебнем; 5 — желто-бурые суглинки с тонкими прослоями желтого песка; 7а,б — ископаемые почвы желто-бурого цвета (интенсивность цвета показана частотой штриховки); 7а,б — ископаемые и голоценовые почвы темно-серого (а) и почти черного цвета (б); 8 — суглинки лессовидные

щебня; его количество доходит до 40% всего осадка. Щебень представлен остроугольными кусками тонкозернистых и органогенно-обломочных известняков, белых трепелов, обохренных алеврито-глинистых сланцев, доломитов. Среди песчаных и алевритовых частиц присутствуют: зерна кварца и полевых шпатов, алеврито-глинистые железненные агрегаты, пластинки слюд, зерна глауконита, чешуйки хлорита. Часто встречаются переотложенные из неогеновых известняков целые раковинки фораминифер и обломки крупных раковин моллюсков. Основная пелитоморфная масса осадков, в которую погружен обломочный материал, очень характерна. Она состоит из тонкой смеси глинистых частиц и пылевидного карбоната. Кое-где улавливается ориентированное расположение слюдяных и глинистых частиц. Субаквальный генезис осадков доказывается присутствием явно не переотложенных, тонких, хрупких раковин пресноводных остракод и гастропод.

Пачка II (слои 3, 4, 5; мощность 0,8 м) представляет особый интерес, так как с ней связан основной мустьерский слой. Пачка сложена пойменными осадками, состоящими главным образом из алеврито-глинистого материала с небольшой примесью песчаных частиц (местами с тонкими мелкопесчаными прослоями) и почти не содержащими щебень. По минеральному составу детритного материала эти осадки вполне аналогичны русловым. В пачке три слоя. Нижний слой (сл. 3) включает остатки древней культуры. Он представлен зеленовато-бурыми алеврито-глинистыми осадками с мелкими марганцевыми выделениями, с остатками известковых водорослей (типа «золотистых»), с мелкими новообразованиями иглобочек люблинита. Средний слой (сл. 4) — буроватый суглинок с тонкими горизонтальными прослоями и линзами мелкопесчаного материала. Верхний слой (сл. 5) — суглинок сильно гумусированный, в отдельных прослоях почти черный. Дисперсный гумус и мелкий растительный детрит равномерно рассеяны в основной глинистой массе осадка, из которого почти полностью выщелочен тонкозернистый терригенный карбонат. Почти повсюду, хотя и слабо, но затронута изменениями глинистая часть осадка: в гидрослуде появились (до 15–20%) тонкие разбухающие прослои монтмориллонита

и возникли мелкие комочки гидроокислов железа. Местами почва проявляет отчетливую водопрочную микроструктуру.

Таким образом, характерно, что пойменные осадки накапливались здесь в условиях периодического развития на них почвенных процессов. По-видимому, в периоды относительного половодья речка разливалась по пойме и происходило образование осадков, в периоды же обмеления речки полые воды не достигали поверхности этой поймы и на последней начиналось почвообразование. Скорее всего, понижение уровня речки было связано с обмелением главной речной артерии (из-за аридизации климата?), а следовательно, — с понижением базиса эрозии речки. Вероятно, в один из наиболее длительных периодов снижения уровня речки на свободных от воды участках поймы и поселились мустьерские люди. Климат был сухой и очень прохладный, как заключают палинологи. Литологическая характеристика отложений, вмещающих остатки мустьерской стоянки, не противоречит этому заключению. Сухой климат мог благоприятствовать появлению на растительных эфемерах известковых водорослей, остатки которых встречаются в этих отложениях, а присутствие в последних аутигенного люблинита говорит о том, что осадки претерпевали промерзания.

В общем итоге выделено 4 пачки четвертичных отложений, указывающих, что отложения пачки I имеют субаквальный генезис осадков, пачки II — явно пойменный. В пределах последней встречены перемещенные обломки костей и каменные изделия мустьерского облика, а в верхней части пачки II выявлен культурный слой очень хорошей сохранности. Весьма интересно, «что пойменные осадки накапливались здесь в условиях периодического развития на них почвенных процессов. По-видимому, в периоды относительного половодья речка¹ разливалась по пойме и происходило образование осадков, в периоды же обмеления речки полые воды не достигали поверхности этой поймы и на последней начиналось почвообразование. Скорее всего, понижения уровня речки было связано с обмелением главной артерии (из-за аридизации климата?), а следовательно, — с понижением базиса эрозии речки. Вероятно, в один из наиболее длительных периодов снижения уровня речки на свободных от воды участках поймы и поселились мустьерские люди. Климат был сухой и прохладный, как заключают палинологи. Сухой климат мог благоприятствовать появлению на растительных эфемерах известковых водорослей, остатки которых встречаются в этих отложениях, а присутствие в последних аутогенного люблинита говорит о том, что осадки претерпели (хотя бы сезонные) промерзания.

Образование осадков, слагающих лежащие выше слои (сл. 4, 5) рассматриваемой пачки, было обусловлено повышением речных вод, пойменные пространства снова стали подвергаться затоплению, превращаясь в субаквальную область аккумуляции. Завершился аллювиальный седиментационный цикл образованием алеврито-глинистых осадков, сильно гумусированных из-за частой переработки их почвенными процессами. Очевидно, в это время сюда уже реже и ненадолго проникала речная вода и все более приобретали господство почвенные процессы. Темно-серая и черная окраска почвенных горизонтов, наличие обизвесткованных остатков корневой системы и натеков гидроокислов марганца говорят о сухих климатических условиях. Заметная переработка глинистого вещества материнского субстрата и присутствие в почвах комочков гидроокислов железа указывают на достаточно теплый климат» (Ренгартен, 1981: 84–86).

В лежащих выше отложениях, относящихся к типу делювиальных, выделено две пачки отложений. Им дается следующая характеристика.

«Пачка III (слои 6, 7, 8; мощность 1,25 м) сложена алеврито-глинистыми осадками с небольшой примесью песчаных зерен и единичных включений щебня. Среди обломочного материала присутствуют: кварц, полевые шпаты, слюды, обломки меловых трепелов и черных кремней и обломки коричневых карпатских яшм. Почти по всей мощности пачки (сл. 6, 8) осадки обнаруживают явные следы слабых почвенных процессов, но отличных от тех, которые сопровождали формирование пойменного аллювия. Важно подчеркнуть, что для нижней делювиальной пачки характерен цвет проработанных почвой слоев — палево-бурый, без серых тонов. В результате почвенно-образовательных процессов осадки оказались пронизанными нитевидными ходами корней, инкрустированных карбонатом. Появились сгустки тонкозернистого кальцита, мелкие марганцевистые комочки, остатки известковых водорослей. Местами глинистую массу осадков пропитало бурое тонкодисперсное гумусовое вещество, появились расплывчатые пятна и изолированные комочки водных окислов железа. Глинистая масса почти повсюду претерпела небольшие изменения: гидрослюда перешла в смешано-слоистую фазу — монтмориллонит-гидрослюдистую, хлорит или совсем исчез, или стал дефектным.

¹ Имеется в виду речка Кишлянский Яр.

Во время образования нижней делювиальной пачки климат стал, несомненно, еще более засушливым, укоротились относительно увлажненные периоды, значительно разревился растительный покров, усилилось смещение по склону делювиального материала. В смысле же теплового режима климат еще существенно не изменился, во всяком случае, в увлажненные периоды, когда активизировались почвенные процессы, он оставался достаточно теплым.

Пачка IV (сл. 9; мощность 1,5 м) — верхняя граница делювиальной серии. Она сложена суглинками палевыми (с редкими неясными прослоями потемнения) с обилием остатков известковых водорослей, с мелкими гумусированными глинистыми комочками, с мелкими выцветами окислов марганца и со скоплениями игольчатых кристаллов люблинита. Минеральный состав песчано-алевритового материала аналогичен составу осадков лежащей ниже пачки. Глинистое вещество не обнаруживает признаков постседиментационных изменений, в его составе преобладают монтмориллонит и гидрослюда. Сухой и очень прохладный климат отражен в характере суглинков этой части разреза» (Ренгартен, 1981: 86–87).

В заключение было отмечено, что в период начавшегося процесса накопления осадков послемилулинского времени, климат являлся сухим и достаточно теплым, обуславливая возникновение коллювия на выходах прочных пород, а весьма разреженный растительный покров способствовал смещению рыхлого материала по склонам в овраг². Нижняя ископаемая почва, образовавшаяся непосредственно на пойменном аллювии, была существенно обогащена черным гумусом (признак сухого климата). В результате пойменные отложения в отдельных прослоях оказались сильно гумусированными за счет синхронного почвообразования. Как далее отмечает Н. В. Ренгартен: «В дальнейшем, когда образование пойменного аллювия здесь прекратилось, наступил, может быть не сразу, новый седиментационный этап, но уже субэаральный — начал накапливаться делювий (алеврито-глинистый). К этому времени климат стал еще суше, а потом и холоднее. Очень разревился растительный покров. Теплые и относительно увлажненные сезоны, укоротились, но растительные остатки все же успевали значительно разложиться, появились стяжения извести, пятна гидроокислов железа, заметной гумификации не происходило. Почвы приобретали буроватый цвет.

Постепенно климат развивался в сторону еще большей аридизации похолодания. В холодные сезоны осадки промерзали, и тогда мог выпадать игольчатый люблинит.

Не без участия тектонических движений и других при родных факторов на какое-то время район Кишлянского Яра был выведен из зоны осадконакопления и подвергся размыву. Затем, уже в голоценовое время, данный район стал ареной действий почвенных процессов, которые сформировали описанную выше ржаво-желтую почву, широко развитую на разных по возрасту материнских породах. Это было время теплого и значительно увлажненного климата» (Там же: 92–93).

3.2.2. Стратиграфия почв

В разделе почвовед С. В. Губина «Погребенные плейстоценовые почвы района палеолитической стоянки Кетросы» рассмотрены почвенные комплексы, расположенные в определенной стратиграфической последовательности. В общих выводах исследователь отмечает: «Самая нижняя третья погребенная почва обладает значительным сходством морфологического и микроморфологического строения профилей на всех обследованных участках. Она несет признаки гидроморфизма и сформирована на овражно-балочном аллювии в условиях регулярного приноса свежего материала и высокого дополнительного поверхностного увлажнения. На участках Каменного Карьера и археологического раскопа рассмотренные профили формировались на самом днище балки или оврага, относительно высокая гумусированность материала с преобладанием в составе гумуса темных дисперсных форм, хорошая его микроагрегированность — все это позволяет предположить, что формирование рассматриваемой почвы протекало в условиях теплого климата.

В строении профилей второй погребенной ископаемой почвы, вскрытых в разных местах оврага, выявлены существенные различия. Профиль, изученный в разрезе Кишлянский Яр, несет признаки лугово-степного почвообразования.

В пределах археологического раскопа вторая погребенная почва является полигенетическим образованием. Для первой фазы ее формообразования характерны признаки почвообразовательного процесса,

²Так образовались гряды щебнисто-галечного материала, отложившиеся непосредственно, как это удалось нам зафиксировать, на отложениях руслового аллювия.

протекающего в теплых и довольно влажных условиях. В строении профиля, сформировавшегося во вторую фазу, на признаки холодного и сухого почвообразования наложены черты почвенного процесса, протекающего в более теплых условиях. Такое строение второй погребенной почвы позволяет предположить, что период похолодания и накопление осадка между первой и второй фазами продолжался значительно долго.

На всех участках, за исключением Каменного карьера, верхняя плейстоценовая погребенная почва представлена в разной степени гумусированными слоями суглинка. Слабая гумусированность материала, присутствие в нем ожелезненных органических остатков, слабая выраженность признаков аллювионирования позволяют предположить, что формирование этой почвы происходило в относительно сухих и прохладных условиях. Не исключено, что рассматриваемые профили представлены переотложенным материалом, строение которого несколько упорядочено стадией почвообразования.

В Каменном Карьере верхняя погребенная почва несет более ярко выраженные признаки иллювиального процесса и сегрегации полуторных окислов, что является показателем более высокой увлажненности периода ее формирования.

Изложенный материал по изучению погребенных почв района палеолитической стоянки Кетросы позволяет связать формирование нижней ископаемой почвы, залегающей в раскопах над мустьерским культурным слоем, с относительно влажными и теплыми условиями. На смену им пришел сухой и холодный период, за которым вновь последовало небольшое потепление. В это время окончательно оформился профиль второй погребенной плейстоценовой почвы. Верхняя часть толщи плейстоценовых образований сформировалась, по-видимому, в холодных условиях, прерывавшихся незначительным смягчением климата» (Губин, 1981: 102–103).

3.2.3. Палинологическая стратиграфия

Данный вид стратиграфии может быть охарактеризован на основе данных известных палеогеографов — Н. С. Болиховской и Г. М. Левковской, работавших на стоянке. Первая изучала образцы по всем разрезам, вторая занималась выявлением спорово-пыльцевых данных исключительно в пределах основного культурного слоя (Рис. 9).

Описывая спорово-пыльцевые данные, полученные для раскопов I и II с практически идентичными отложениями, Н. С. Болиховская отмечала, что в самом нижнем уровне пойменного аллювия выявлено доминирование пыльцевых зерен сосны обыкновенной (64%), реже ели (29%) и сосны кедровой (3%). Встречены единичные зерна *Betula fruticosa* Pall. (*Betula humilis*) и споры *Selaginella selaginoidis* (L.) Link., свидетельствующие о том, что формирование вмещающих осадков происходило в условиях холодного климата. В выше лежащем слое, представляющем собой также пойменный аллювий, увеличивается количество спор, среди которых доминируют споры *Polypodiaceae* и *Botrychium*. Исчезают микроостатки холодолюбивых элементов флоры. Присутствует пыльца липы (8%). По-видимому, потепление способствовало появлению лесов, состоявших из хвойных и широколиственных пород. В гумусовом слое характерно резкое уменьшение доли спор. Среди трав и кустарничков преобладает пыльца полыни (40%), маревых и разнообразного по составу разнотравья. Увеличивается содержание пыльцевых зерен березы, присутствует пыльца граба, липы и лещины. Потепление климата и его некоторое увлажнение привели к тому, что на залесенных участках господствовали широколиственные породы деревьев, а на склонах Кишлянского Яра сначала обильно произрастали уховниковые папоротники, а затем разнотравно-злаковые и марево-полынные группировки.

Спорово-пыльцевые данные из выше лежащего суглинка, перекрывающего нижнюю ископаемую почву и подстилающего среднюю, указывают на существенное похолодание. Тогда произошло резкое усиление континентальности климата, началось господство открытых ландшафтов перигляциальной лесостепи.

В образце из основания средней ископаемой почвы господствуют пыльцевые зерна лиственных пород — березы, ольхи, лещины. Встречена пыльца кустарниковых видов березы и ольховника и 1 пыльцевое зерно лещинницы. Возросла роль пыльцы полыни и маревых. Вероятно, резкое похолодание климата вызвало обеднение древостоя лесных участков, представляющих собой в это время разреженные березовые и хвойные леса. В образце из средней части почвы заметно некоторое слабое потепление климата, отмечены единичные пылинки граба и лещины, что указывает на возможность цветения и плодоношения в благоприятных местах широколиственных пород. В верхней части средней почвы

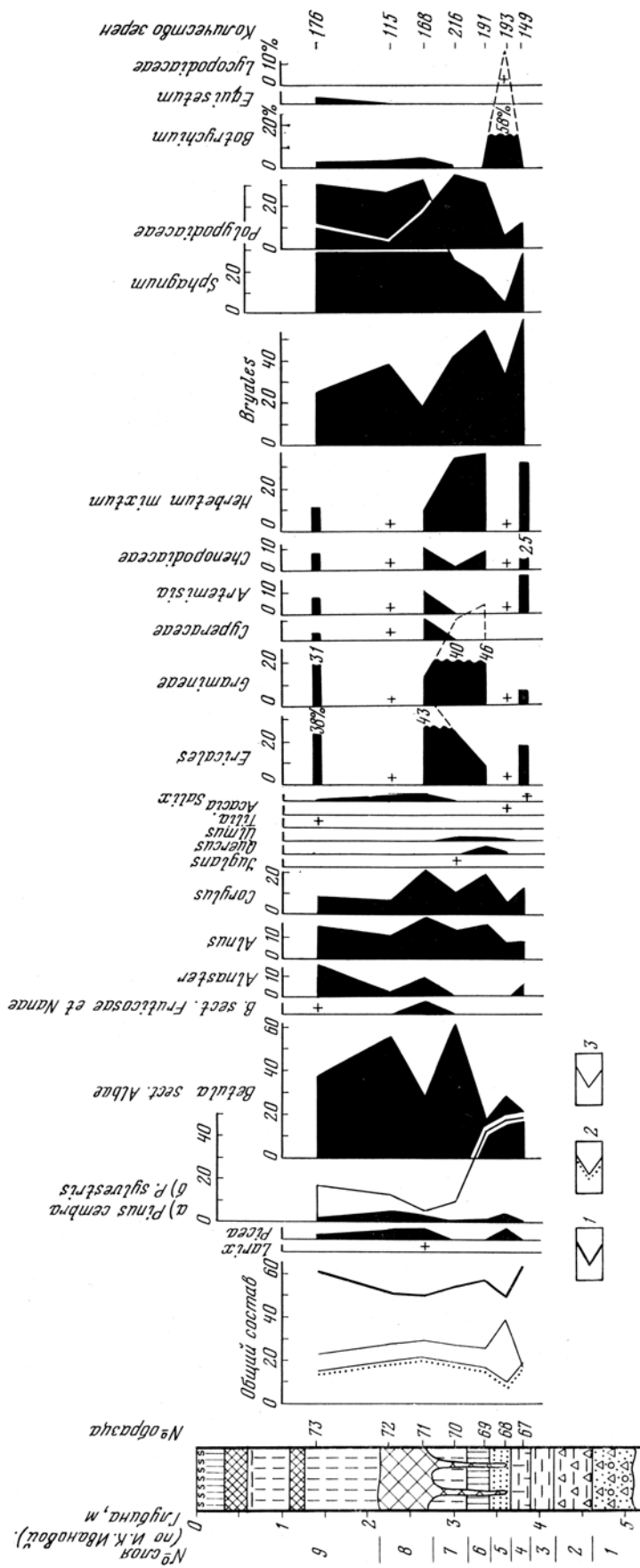

Рис. 9. Спорно-пыльцевая диаграмма плейстоценовых отложений, вскрытых в раскопе 1 (по Н. С. Болиховской)
 Условные обозначения: 1 — пыльца деревьев и кустарников, 2 — пыльца трав и кустарничков, 3 — споры

установлено господство в районе стоянки березовых и хвойных лесов. Вероятно, этому времени соответствует максимальное потепление климата (Болиховская, 1981: 109–114).

В перекрывающих отложениях обнаружена пыльца, указывающая на то, что эта толща сформировалась при значительном похолодании климата.

В заключительном разделе своей публикации Н. С. Болиховская отмечает отсутствие здесь бесспорных микулинских отложений:

«Лежащий в основании изученного разреза песчано-гравийно-галечный горизонт, вероятно, был сформирован или во время заключительной фазы микулинского межледниковья, или в одну из первых волн валдайского похолодания, когда на территории Среднего Приднестровья микулинские широколиственные леса почти полностью исчезли и их место заняли формации хвойных, преимущественно сосновых лесов.

Накопление горизонта зеленоватых и зеленовато-серых супесей и суглинков с включением щебня происходило в условиях продолжающегося господства елово-сосновых лесов. Однако в их составе появились разнообразные широколиственные деревья — дуб, граб, липа, вяз, клен, а в долинах рек — ольшаники. По-видимому, это было время умеренного теплого климата одного из ранних интерстадиалов валдайской эпохи.

В период следующего, более значительного похолодания, происходила седиментация отложений, присутствующих во всех изученных расчистках и характеризующихся идентичными спектрами, в которых обнаружены пыльца и споры представителей бореальной и арктико-альпийской флор (*Betula fruticosa* Pall., *Alnaster* Rgl., *Arctous alpina* (L.) Link., *S. sibirica* L., *Botrychium boreale* (Fr. Milde.), а также растений, свойственных засоленным субстратам и эродированным участкам *Kochia prostrata* (L.) Schrad., *Halosnenum strobilaceum* (Pall.) M. B., *Artemisia* L., и др.). Это было время господства перигляциальных лесостепей с холодным континентальным климатом. Локально встречающиеся разреженные леса были образованы сосной обыкновенной и березой. В наиболее благоприятных местообитаниях произрастали боры с примесью ели и лещиной на опушках. Видное участие в составе растительного покрова принимали кустарниковые формации из ольховника и кустарниковой березы. Широко распространенные щебнистые осыпи и незадернованные склоны были ареной расселения крио- и ксерофитов. Кριοфиты встречались также на болотцах, развитых, по-видимому, в поймах рек и у основания склонов.

Затем наступил этап потепления и расширения площади лесов, фиксируемый палинологическими данными следующих ископаемых почв и почвенных комплексов: слои 5 и 6, Кишлянский Яр; слои 4, 5, 6, 7, раскоп 1; кровля слоя 1 и слой 2, раскоп II; слои 4, 5, 6, Каменный Карьер. В состав лесных формаций, поднимавшихся и на водораздельные плато, входили хвойные и широколиственные породы. В древостое долинных лесов доминировали *Quercus robur* L., *Carpinus betulus* L., *Tilia platyphyllos* Scop., постоянно присутствовали *Acer* L., *Ulmus laevis* Pall., а в подлеска — лещина, жимолость и др. На поймах рек произрастали ивняки и ольшаники. В начале описываемого периода в травяно-кустарничковом покрове приречных долин и склонов, наряду со злаками, полынью, маревыми, различными представителями разнотравья (*Plumbaginaceae* Juss., *Polygonaceae* Juss., *Apiaceae* Lindl., *Fabaceae* Lindl., *Campanulaceae* Juss., *Brassicaceae* Burnett., *Asteraceae* Dum., *Plantaginaceae* Juss., *Irdaceae* Lindl., *Ranunculaceae* Juss. и др.), участвовали уховниковые папоротники (*Botrychium multifidum* Rupr., *B. Lunaria* (L.) Sw., *Ophioglossum vulgatum* L.), а затем значение споровых растений резко уменьшилось — ведущую роль стали играть злаково-разнотравные и марево-полынные группировки.

Учитывая состав и количество остатков термофильных элементов, позволяющих сделать вывод об интерстадиальном характере рассматриваемого периода, представляется возможным сопоставить его со временем формирования ископаемой почвы черноземного типа, исследованной в расчистке 7 стоянки Кормань IV и датированной брерупом (Иванова, 1977). Предшествующий интерстадиал с умеренно теплым климатом, вероятно, можно сопоставить с амерсфортом.

Формирование большей части расположенных выше покровных образований осуществлялось на протяжении этапа значительного похолодания и сухости климата, осложненного отрезками более мягких климатических условий. Ко второй холодной фазе валдайского оледенения, вероятно, относятся слои 7, 8, 9 раскопа 1, основание слоя 3 и слой 4 раскопа II. Это был период существования перигляциальных лесостепных ландшафтов с участками лиственнично-сосновых и березовых лесов, сфагновых болот, встречающихся не только в долинах, но и на плакорах, широкого развития кустарниковых формаций из *Betula fruticosa*? *Alnaster* Rgl., слабо задернованных склонов и щебнистых осыпей с сообществами ксерофитов и рудеральных видов. По всей видимости, в изученных расчистках отсутствуют отложения, позволяющие составить более полное представление о растительности и климате этой продолжительной

фазы. Возможно, отражением интерфазальных потеплений являются находки единичных зерен широколиственных деревьев в образце 19 расчистки Каменный Карьер.

Интерстадиалу соответствует, вероятно, ископаемая почва (слой 8б, Кишлянский Яр; слой 3, раскоп II; слой 8, Каменный карьер), во время формирования которой исследуемая территория располагалась в зоне лесостепей с таким же мозаичным растительным покровом, как и в предшествующую холодную фазу. Однако теперь площади заболоченных и эродированных участков сильно сократились. Эти пространства заняли луга из злаков, осок и разнотравья. В состав березово-сосновых лесов вошли европейский кедр и ель, а во время климатического оптимума появились граб, липа, дуб. На поймах произрастали ольшаники. В травяно-кустарничковом ярусе склонов Кишлянского Яра и других оврагов господствовали злаки, вересковые и папоротники — ужовниковые и многоножковые.

К периоду седиментации следующей пачки покровных отложений (слои 4, 5, 6, раскоп II; слой 9, Каменный Карьер) относится самая мощная волна расселения представителей арктико-альпийской флоры. В первую половину заключительной фазы валдайского оледенения в травяно-кустарничковом покрове ограниченно распространенных березово-сосновых лесов и многочисленных кустарничковых зарослей из *Betula fruticosa* Pall., *B. nana* L., *Alnaster* Rgl., наряду с лесными растениями — *Lycopodium clavatum* L., *L. annotinum* L., *Diphazium complanatum* (L.) Rothm., *Pyrola* L., произрастали горнотундровые и болотные виды (*Arctous alpina* (L.) Niedenzu., *Arctostaphylos uva-ursi* (L.) Spreng., *Ledum* L., *Rubus chamaemorus* L. и др.). На обширных незалесенных площадях господствовали дерновинные злаки.

На поймах рек и в террасных понижениях, у основания склонов в долинах рек и оврагов, подобных Кишлянскому яру, широко были развиты заиленные участки, на которых преобладали болотные растения из семейства осоковых, сфагнум, морошка, багульник и др. Существенным было, вероятно, участие болот, обусловленных влиянием мерзлоты, и в ландшафтах водораздельного плато. Многочисленными были также участки каменистых россыпей с редкими дернинками арктоуса альпийского, толокнянки, дифазиума альпийского и др.

В следующий теплый отрезок началась иммиграция на исследуемую территорию теплолюбивой флоры широколиственных лесов. Для лесных ценозов этого теплого интервала, обусловившего формирование ископаемой почвы (слой 9, Кишлянский Яр; слой 10, Каменный Карьер)³, характерно господство сосново-березовых формаций с примесью граба, вяза и развитие ольшаников.

С суровым климатом (слой 10, Кишлянский Яр; слой 11, Каменный Карьер) связано последнее появление в составе древесно-кустарничковой растительности *Betula fruticosa* Pall. и *Alnaster* Rgl., произраставших на выходах коренных пород и заболоченных участках низкой поймы. Места обитания, благоприятные для существования лесных сообществ, были заняты лесами из березы, сосны, дуба и граба (Рис. 10).

Заканчивая очерк развития растительности, отметим, что долина среднего Днестра, наряду с Вольно-Подольской, Приднепровской и другими возвышенностями, рассматривается большинством геоботаников в качестве рефугиума. Действительно, согласно полученным палинологическим материалам, теплолюбивые породы могли переживать самые суровые отрезки ледникового периода в глубинах защищенных оврагов Приднестровья, а крио- и ксерофиты в условиях теплого и влажного климата межледниковий и интерстадиалов локализовались на широко распространенных выходах коренных пород и на заболоченных участках» (Болиховская, 1981: 119–123).

Очень интересные данные приводит в своем разделе, посвященном палинологическому анализу отложений в пределах основного слоя стоянки, Г. М. Левковская (ЛОИА АН СССР). Они существенно дополняют описания Н. С. Болиховской, помогая более отчетливо представить природную обстановку в период функционирования основного мустьерского культурного слоя стоянки Кетросы.

Задачу своего исследования Г. М. Левковская сформулировала следующим образом: «...Мы попытаемся более детально рассмотреть лишь палинологическую характеристику «пола» культурного слоя и отложений с находками кремня выше и ниже «пола», а также осадков, непосредственно подстилающих и перекрывающих этот 20-сантиметровый кремнесодержащий горизонт. В связи со сложной стратиграфией памятника образцы отбирались в пределах уровня находок кремня через 5 см. Исследовались также различные по простиранию участки культурного слоя — линия М раскопа 12, квадрат И-15» (Левковская, 1981: 125).

Разумеется, несмотря на тесное взаимодействие палинологов с археологами, подлинное положение низа, середины или верха культурного слоя не всегда можно было установить точно. Правда, линия

³ На раскопах эта почва, в которой найдены единичные кости мамонта и лошади, а также кремневые изделия мустьерского облика, выявлена менее четко. К тому же из нее не было отобрано образцов.

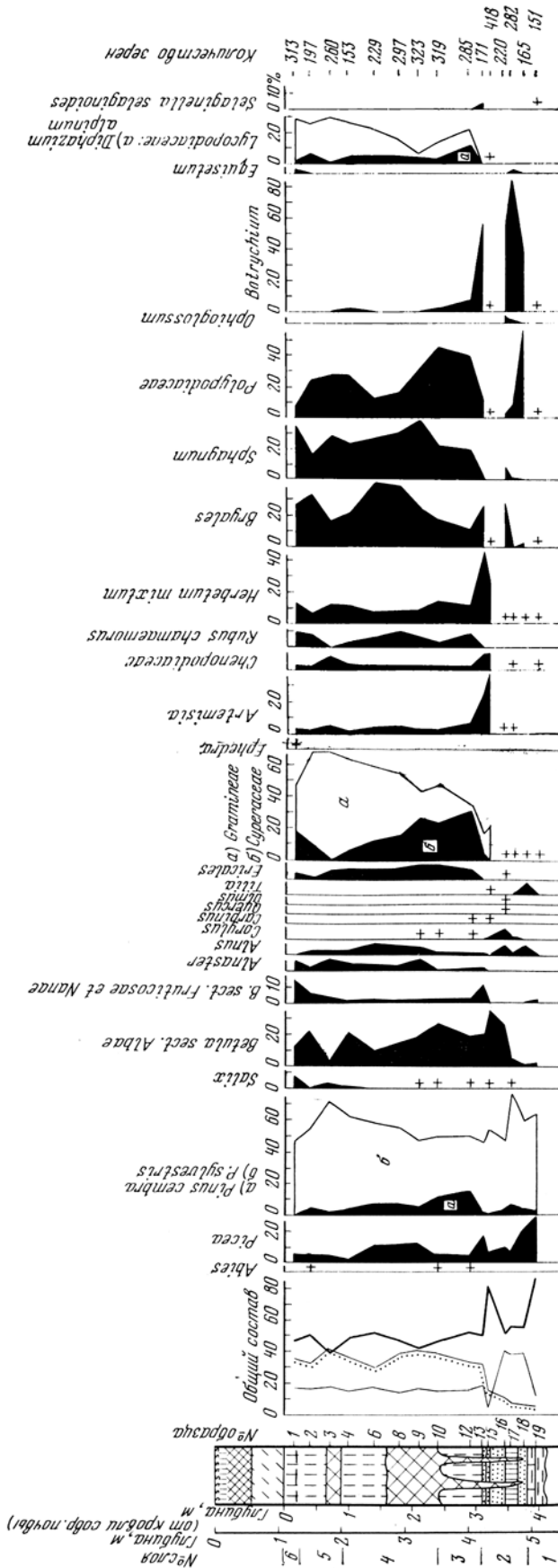

Рис. 10. Спорно-пыльцевая диаграмма плейстоценовых отложений, вскрытых в раскопе II (по Н. С. Болиховской)

Условные обозначения: 1 — пыльца деревьев и кустарников, 2 — пыльца трав и кустарничков, 3 — споры

кв. М не содержала никаких конструктивных элементов, поэтому культурный слой здесь всюду был примерно одинаковым.

Как далее пишет Г.М. Левковская: «Подстилающие культурный слой зеленые суглинки в изученном нами раскопе 1 формировались в условиях холодного и сухого климата, растительность представляла в то время перигляциальную лесостепь. В районе Кетрос существовали условия более суровые, чем современные. Широколиственные породы деревьев практически отсутствовали. Они могли сохраняться спорадически только по долинам рек» (Там же: 132).

Второй палинологический горизонт выделен по результатам анализа обр. 20, отобранного из зеленовато-серого суглинка, в котором имелось значительное количество кремневых изделий мустьерского времени. В этот период, как писала Г. М. Левковская, в районе стоянки увеличилась степень облесенности территории, сократилась площадь безлесных сообществ. Леса были представлены сосняками зеленомошниками, иногда с примесью ели. По долинам рек уже, вероятно, встречались и широколиственные вязовые леса. Сократились площади, занятые осоками, лебедовыми, злаками.

Спорово-пыльцевой спектр третьего типа получен по результатам анализа обр. 21, отобранного из низов буро-коричневой супеси с находками кремневых изделий. Содержание пыльцы древесных пород близко к предыдущему — 64,5%, но почти вдвое уменьшилось количество пыльцы травяно-кустарничковых растений (господствуют уже злаки) и соответственно увеличилось количество спор. Меньше стало пыльцы широколиственных растений: всего 1% вместо 4,4%. Доминирует пыльца сосен. В составе флоры этого времени присутствуют некоторые высокогорные и более северные элементы. Определено 7 пыльцевых зерен ленца альпийского (*Thesium alpinum* L.), растущего по лесным опушкам и берегам озер в Ладожско-Ильменском, Верхневолжском и Верхнеднепровском районах, а также на субальпийских лугах или в светлых верхнегорных лесах на высотах 1500–2500 м. Встречена пыльца ужомника обыкновенного.

Таким образом в материалах Г. М. Левковской фиксируется некоторое ухудшение климатических условий (Там же: 133).

Перекрывающие культурный слой отложения, включая гумусовые горизонты комплекса ископаемых почв, характеризуются значительным улучшением климата, увеличением площади лесов.

«Мустьерцы поселились в районе Кетрос в конце холодной фазы — начале межстадиала (уровню «пола» культурного слоя, по мнению Н. К. Анисюткина, наиболее точно соответствует образец 3, для которого получен холодный спектр).

Культурный слой стоянки Кетросы был зоной хозяйственной деятельности древнего человека. В результате этого в районе стоянки был нарушен естественный растительный фитоценоз и создались благоприятные условия для развития рудеральных растений и других сорняков. Так в образцах из культурного слоя определена пыльца таких сорных растений, как осот — 53 зерна, василек — 14 зерен, а также мари белой, крапивы, лопуха, гречихи, подорожника, большого горца (*Polygonum* cf. *Convolvulus*). Выше основного уровня находок пыльца этих растений не встречена. На уровне культурного слоя больше также пыльцы березы пушистой — до 7,4%, которая является пионером при заселении гарей и вырубок.

Обитатели стоянки Кетросы собирали для хозяйственных нужд различные растения, что привело к обогащению видового разнообразия пыльцы, захороненной в культурном слое. Так на уровне культурного слоя определено 64 таксона пыльцы и спор, а в образцах, отобранных выше и ниже основного уровня находок, самое большое количество определенных таксонов — 27, определена пыльца ряда растений, которые, по данным А. А. Гроссгейма (1946), сейчас используется человеком для различных хозяйственных нужд. Особенно интересны находки пыльцы льна, скополии, частухи, подорожника перистого, а также осота, подорожника большого, кубышки, кувшинки и др.

Таким образом, уже в мустье человек, по-видимому, оказывал заметное воздействие на первичные фитоценозы, и, возможно, использовал для своих нужд различные растительные ресурсы» (Левковская, 1981: 134–135).

3.2.4. Зооархеологические данные: стратиграфический аспект

Если продолжить рассмотрение биостратиграфических данных, то следует указать на весьма малую эффективность такого показателя, как комплекс фауны крупных млекопитающих. Последний хорошо представлен только в основном слое стоянки Кетросы, в остальных же слоях и горизонтах речь идет о единичных фрагментах костей животных — преимущественно мамонта, реже — лошади. Фауна из

основного слоя стоянки является типичной для первой поры позднего плейстоцена. Показательно, что все определяемые кости мамонта, в том числе зубы, соответствуют его ранней форме. Как отмечал на раскопках палеозоолог А. И. Давид, речь может идти о весьма архаичной форме, отсутствующей уже в мустьерских слоях молодых стоянок. Такого же мнения придерживалась и ленинградский палеозоолог Н. М. Ермолова, определявшая фауну стоянки из раскопок 1972, 1973 и 1984 гг.

Для полноты информации стоит привести, как общий список фауны двух раскопов (по обобщенным данным А. И. Давида), приведенный в соответствующем разделе монографии, так и ежегодные списки, посылавшиеся мне после каждого очередного сезона. В них имеется некоторое расхождение, не меняющее, впрочем, общей картины. В предлагаемом списке указывается количество только определенных костей.

Таблица 1. Видовой состав и количество костей млекопитающих стоянки Кетросы, поданных на основе ежегодных определений (Раскоп I)

Раскопы	1972–1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.	Итого
Мамонт — <i>Mammuthus primigenius</i> (Blum.)	2	39	63	8	112
Бизон — <i>Bison Priscus</i> Woj.	3	52	19	4	78
Лошадь — <i>Eguus latipes</i> Grum.	2	6	6	1	15
Шерстистый носорог — <i>Coelodonta antiquitatis</i> (Blum.)	—	—	2	2	4
Олень большерогий — <i>Megaloceros euryceros</i>	—	—	1	1	2
Медведь — <i>Ursus</i> sp.	—	1	1	—	2
Сурок — <i>Marmota bobac</i> Mull.	—	2	1	—	—

Общее количество костей, включая неопределимые — 501 экз. Остатки медведя представлены двумя зубами, один из которых, найденный в 1974 году, является сильно стертым коренным зубом, принадлежащему, как сообщал в письме А. И. Давид, либо мелкому пещерному медведю, либо бурому. Второй зуб представлен неопределимым резцом, найденным в 1975 году рядом с первым. Абсолютно преобладают кости мамонта, имеющие разную степень сохранности, что отличает их от костей прочих животных. Второе место принадлежит бизону, обломки костей которого особенно многочисленны на восточных квадратах раскопа.

Таблица 2. Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих стоянки Кетросы (на основе ежегодных определений) (Раскоп II)

	1977 г.	1978 г.	1979 г.	Итого
Мамонт — <i>Mammuthus primigenius</i> (Blum.)	74 экз	65 экз	45 экз	184 экз.
Шерстистый носорог — <i>Coelodonta antiquitatis</i> (Blum.)	—	4	—	4
Бизон — <i>Bison priscus</i> Woj.	6	15	4	25
Лошадь — <i>Eguus latipes</i> Grum.	16	33	2	51
Благородный олень — <i>Cervus elaphus</i> L.	2	1	4	5
Сурок — <i>Marmota bobac</i> Mull.	—	—	—	2

Общее количество костей, включая неопределимые — 602. В этом раскопе представлены те же виды ископаемых животных, что и в предыдущем. Однако существенно то, что после мамонта здесь отмечается преобладание обломков костей не бизона, как в раскопе 1, а лошади. Кроме того, в данном раскопе найдено несколько фрагментов костей благородного оленя, которые происходили преимущественно из раскопа 1979 года.

В итоговой статье А. И. Давида «Остатки млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Кетросы», опубликованной в коллективной монографии, дана таблица (Давид, 1981), приводимая мною ниже. В числителе указано количество костей, а в знаменателе — количество особей.

В верхних слоях найдено 8 обломков костей мамонта, 2 кости лошади и единичные кости грызунов (Давид, 1981). В данном случае под Каменным карьером следует понимать Северный комплекс, где количество костей, если исходить из определений, сделанных на месте, было несколько большим, включая обломки 2 костей бизона и фрагменты разрушенного бивня мамонта.

Таблица 3. Опубликованный итоговый список видового состава и количества костных остатков млекопитающих стоянки Кетросы

Вид	Раскоп I	Раскоп II	Каменный карьер
Медведь — <i>Ursus</i> sp.	2/1	—	—
Сурок степной — <i>Marmota bobac</i> Mull.	3/1	2/1	—
Мамонт — <i>Mammuthus primigenius</i> (Blum.)	102/5	192/4	4/1
Лошадь — <i>Eguus latipes</i> Grom.	12/1	51/2	1/1
Шерстистый носорог — <i>Coelodonta antiquitatis</i> (Blum.)	2/1	6/1	—
<i>Saprinae</i>	—	1/1	—
Олень благородный — <i>Cervus elaphus</i> L.	—	6/1	—
Олень большерогий — <i>Megaloceros euryceros</i>	1/1	2/1	—
Бизон — <i>Bison priscus</i> Voj.	71/3	10/2	—
Неопределимые	54	78	
Всего:	247/13	348/13	5/1

Отмечено, что по совокупности различных показателей мамонт относится к ранней и весьма архаичной форме. Кости этого животного, как указывал А. И. Давид, характеризовались нередко довольно плохой сохранностью, заметно отличаясь этим от костей прочих животных, особенно найденных в пределах жилых комплексов. К сожалению, в публикации нет указания на важную находку кости мамонтенка, обнаруженного в скоплении костей раскопа II.

Среди малочисленных и интересных форм нужно указать на дистальный конец большой берцовой кости, обнаруживающий определенное сходство с аналогичной костью мелких *Saprinae* (возможно антилопы сайги?). Кости этого животного очень редки в позднем плейстоцене данного региона.

Интересна изолированная находка нижней челюсти шерстистого носорога, которая обнаружена значительно выше культурного слоя — в гумусном горизонте ископаемой почвы. Связь этой хорошо сохранившейся челюсти с основным культурным слоем стоянки достаточно сомнительна.

Важно указать на находки двух зубов медведя, которые дают, при общем отсутствии костей этого животного, интересный материал к размышлению, позволяя интерпретировать их, с учетом возможной связи с обнаруженным здесь же пятном красной охры, в качестве показателя символической деятельности неандертальцев, обитавших на стоянке в самом начале позднего плейстоцена.

Наконец, малакофауна из четвертичных отложений стоянки Кетросы изучены известным специалистом — В. М. Мотузом. Анализ материалов из раскопов показал наличие здесь присутствие, как пресноводных форм, связанных с аллювиальными отложениями, так и наземных, происходящих из субэаральных отложений. Экологический анализ фауны моллюсков свидетельствует о преобладании умеренно континентального, сравнительно сухого климата, с кратковременными этапами похолоданий (Мотуз, 1981: 150).

3.2.5. Археологическая стратиграфия

Важно отметить, что кремневые изделия и остатки костей ископаемых животных обнаруживаются по всей толще четвертичных отложений разреза Кетросы, но подлинный культурный слой с многочисленными находками каменных изделий мустьерского человека и остатками фауны крупных млекопитающих всего один. Он и назван «основным слоем стоянки». Тем не менее, присутствует второй, достаточно выразительный культурный слой, с отдельными кремневыми предметами мустьерского облика, костями животных, скоплением древесных углей, который также может быть воспринят, как хорошо сохранившийся. Однако он выявлен лишь на небольшом участке в пределах нижней части средней ископаемой почвы.

Что касается древнейших горизонтов культурных остатков на стоянке Кетросы, то сразу следует оговорить: И. К. Иванова не выделяла на памятнике самостоятельного нижнего горизонта. Здесь она опиралась на мою первоначальную (ошибочную!) трактовку находок из отложений ниже основного слоя, высказанную еще в 1974 г., и полагала, что они «захвачены из культурного слоя и находятся здесь

случайно» (Иванова и др., 1981: 156). Данный вывод позднее был опровергнут многочисленными стратиграфическими наблюдениями, полученными, как на материалах раскопа, так и на материалах расчисток севернее и южнее первого раскопа, включая пункт с находкой типичного ручного рубила треугольной формы. К сожалению, первоначальная недооценка статуса находок из аллювиальных отложений отчасти способствовала тому, что нижний слой так и остался не изученным должным образом⁴.

В аллювиальных отложениях стоянки обнаружены изолированные кремневые изделия и отдельные кости ископаемых животных, преимущественно мамонта. Без сомнения, речь идет об остатках разрушенных стоянок, указывающие на то, что люди посещали эти места во время непродолжительных периодов осушения поймы. В периоды последующих паводков пойма затапливалась, что приводило к разрушению недолговременных стоянок. Правда, до сих пор эти отложения не исследовались на значительной площади, что дает надежду на то, что дальнейшие раскопки (особенно к югу от раскопа 1) могут дать весьма положительные результаты. Немногочисленный каменный инвентарь этого слоя характеризуется рядом архаичных элементов, включая наличие выразительного бифаса и двух чопперов, а также массивного клиновидного ножа с односторонней обработкой, напоминающего Keilmesser'ы немецких исследователей (Анисюткин, 2009).

Основной мустьерский слой имеет четкую стратиграфическую позицию. Залегает он под комплексом ископаемых почв, в кровле пойменных отложений, и перекрыт прослойками или линзами песка, что свидетельствует о наступлении нового более влажного периода. Если исходить из микростратиграфических наблюдений, можно говорить о синхронности культурного слоя на раскопах I и II. Во всех случаях культурный слой залегал в нижней части пачки II (по данным Н. В. Ренгартен), в литологическом слое 3, под следующим сверху литологическим слоем 2 с линзами и прослойками песка, ниже которых на 8–10 см начинался культурный слой. Следовательно, речь идет скорее всего об одном поселении, состоящем из отдельных комплексов, расположенных на ровных площадках между грядами, сложенными щебнисто-галечным материалом. Последний явно сорван с более высокой террасы, к которой была прислонена терраса с остатками поселения ископаемых людей мустьерского времени. Каменная индустрия основного культурного слоя имеет все характерные признаки мустье типичного.

Лежащие выше слои с находками немногочисленных каменных изделий и отдельными обломками костей, всегда связаны с ископаемыми почвенными горизонтами, исключая немногочисленные находки частично окатанных кремневых изделий из кровли четвертичных отложений. Последние, имеющие среднепалеолитический облик, явно переотложены. Малое количество изделий в верхних горизонтах не позволяет отнести их к определенному варианту мустье. Можно лишь утверждать, что они имеют явно среднепалеолитический облик.

В этой связи полезно отметить наличие двух кремневых пластинок, явно верхнепалеолитического облика, происходящих из современной почвы. Они найдены на самых низких (восточных) квадратах раскопа II. Это указывает на то, что отложения, содержащие кремневые изделия верхнепалеолитического времени, видимо, были уничтожены эрозией. Данный вывод подтверждается наличием в кровле плейстоценового разреза, выявленного на наиболее высоком участке раскопа II, фрагмента бурого комковатого суглинка финально-плейстоценового возраста (Иванова, 1981: 66), мощностью 15–20 см, прослеживаемого в этой части раскопа также и в кротовинах. Последние проникали здесь до верхнего ископаемого почвенного горизонта на глубину 1–1,5 м.

3.3. Комплексный анализ стратиграфии: некоторые выводы

Сопоставляя результаты анализа различных видов стратиграфии стоянки Кетросы, можно сделать общее заключение о наблюдаемой четкой корреляции последовательности смены литологических отложений, особенностей ископаемых почв и растительных сообществ, выявленных в стратиграфических напластованиях стоянки. Эти последние позволяют привязать события региональной климатостратиграфии к общей истории изменения природной среды в начальной поре позднего плейстоцена Европы. К сожалению, говорить о какой-то смене фаунистических комплексов пока нельзя по той причине, что более-менее выразительный материал обнаружен только в пределах основного культурного слоя стоянки. Так или иначе, наличие в фаунистическом комплексе таких видов крупных млекопитающих, как

⁴ Дальнейшие исследования стоянки потребуют частичного вскрытия нижних уровней в пределах одного и другого раскопов.

бизон, лошадь и, возможно, сайга (?) — представителей открытых степных и лесостепных пространств — хорошо увязывается с прочими данными, указывающими на очевидную аридизацию климата в период существования основного культурного слоя стоянки.

Анализ археологической стратиграфии в контексте данных смежных научных дисциплин позволяет очертить следующую картину. В целом материалы стоянки Кетросы должны подразделяться на два стратиграфических блока или уровня, из которых нижний можно дополнительно разделить на две части: 1) нижний или аллювиальный горизонт; 2) основной культурный слой. Оба они функционировали в пределах КИС 5 и были отделены друг от друга относительно небольшим отрезком времени. Указанный отрезок вряд ли превышал 5000 лет. За этот период, если иметь в виду однокультурные комплексы среднего палеолита, в них и не могло произойти каких-либо существенных изменений.

Верхний уровень представлен тремя горизонтами, один из которых, связанный с верхним суглинком, очень сильно переотложен. Два других происходят из ископаемых почвенных горизонтов, соответствующих, по мнению геологов, среднему вюрму или КИС 3. Признаки культурного слоя прослеживаются здесь только для горизонта, приуроченного к средней ископаемой почве, который геологи отнесли к интерстадиалу моерсхофд (Иванова и др. 1981: 159).

Итак, общая стратиграфия может быть представлена в виде двух стратифицированных блоков. Верхний блок состоит из трех горизонтов — верхнего (переотложен), среднего и нижнего, причем два последних связаны с ископаемыми почвами. Нижний блок включает два слоя — нижний (аллювиальный) и основной слой. Нижний слой можно рассматривать как совокупность мелких горизонтов кратковременного обитания, существенно нарушенных периодическими паводками. Подлинным культурным слоем очень хорошей сохранности является основной культурный слой стоянки — практически непогрязенный, со структурными объектами.

Описанное подразделение всех материалов на два блока или уровня очень хорошо согласуется с имеющимися естественно-научными данными. С другой стороны, оно прекрасно увязывается с результатами традиционного археологического анализа, рассматривающего все уровни с находками в качестве самостоятельных слоев (сверху вниз): слой 1а, слой 1, слой 2, слой 3 (основной), слой 4.

Таким образом, все данные по стратиграфии стоянки, учитывающие различные показатели, позволяют составить, хотя и с разной степенью вероятности, единую непротиворечивую картину временных изменений природной обстановки в среднем течении р. Днестр в первой половине последнего оледенения. Эти изменения, как можно наблюдать, оказали заметное влияние, как на особенности использования мустьерцами данного участка речной долины, так и на степень сохранности культурных слоев оставленных ими стоянок.

ГЛАВА 4

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ГЕОХРОНОЛОГИЯ СТОЯНКИ

В любых археологических исследованиях проблема хронологии является первостепенной. Предлагаемая относительная датировка культурных слоев стоянки основывается на совокупности четких геолого-геоморфологических данных и надежной стратиграфии. Разумеется, в данном случае с полным правом можно говорить лишь об относительной геохронологии. Правда, следует специально отметить: эта хронология наиболее надежна лишь для находок из нижней части разреза, но не для лежащих выше слоев. Привязки к абсолютной хронологии отсутствуют.

Самый нижний слой стоянки Кетросы, связанный с пойменными отложениями террасы, однозначно датируется первым ранневюрмским интерстадиалом, который сопоставлялся И. К. Ивановой с амерсфортом Западной Европы (Иванова и др. 1981) или «кетросским межстадиалом» Е. С. Болиховской (1995: 113).

Перекрывающий его основной культурный слой, как полагают геологи, относится к кратковременному отрезку, расположенному между двумя интерстадиалами — амерсфорт и бреруп. Последний наиболее четко выражен и хорошо представлен комплексом ископаемых почв. Возможно здесь мы имеем дело, если принять во внимание два ярко выраженных почвенных горизонта, с двумя межстадиалами — бреруп-оддерате.

Определенное уточнение можно получить на основе палинологических данных, которые хорошо согласуются с литологическими исследованиями. Изученные Г. М. Левковской отложения в пределах основного культурного слоя позволили установить, что образцы, взятые непосредственно ниже поверхности «пола», соответствуют достаточно холодному и сухому климату, в то время, как в период формирования собственно культурного слоя отмечается некоторое потепление. Образцы из кровли культурного слоя, где немногочисленные находки кремневых чешуек, мелких отщепов, мельчайших обломков костей, скорее всего, несколько перемещены, вновь указывают на кратковременное похолодание. Затем последовало продолжительное и более значительное улучшение климатической обстановки, которое наиболее заметно выражено в отложениях ископаемой почвы (Левковская, 1981: 133). Для подстилающих пойменных отложений, которые сопоставляются с амерсфортом, также характерно заметное потепление климата.

Следовательно, мустьерская стоянка существовала во время кратковременного потепления, разделявшего два эпизода столь же кратковременных похолоданий, из которых нижний (ранний) был наиболее значительным, характеризуюсь климатом сухим и холодным. В этом случае вполне резонно привязать период образования отложений основного культурного слоя стоянки Кетросы к концу холодного эпизода, после которого прослеживается очень короткий период некоторого потепления климата (Рис. 11).

В соответствии с новыми данными, основанными на исследованиях кернов гренландского ледяного покрова, имеется возможность выделения в рамках вюрмского (валдайского) оледенения 25 интерстадиальных эпизодов, называемых эпизодами Дансгард-Эшгера, из которых не менее 15 соответствуют эпохе среднего палеолита (см.: Степанчук, 2006; Вишняцкий 2010). В контексте этих данных вполне резонно сопоставить период существования основного слоя стоянки Кетросы именно с 24 эпизодом (107–105 тыс. л. н.), который, сам являясь кратковременным, расположен, как уже отмечалось выше, между двумя весьма холодными эпизодами. В таком случае вполне вероятно связать период отложений лежащего ниже пойменного аллювия Кишлянского Яра с эпизодом 25 (т. е. около 110 тыс. л. н.),

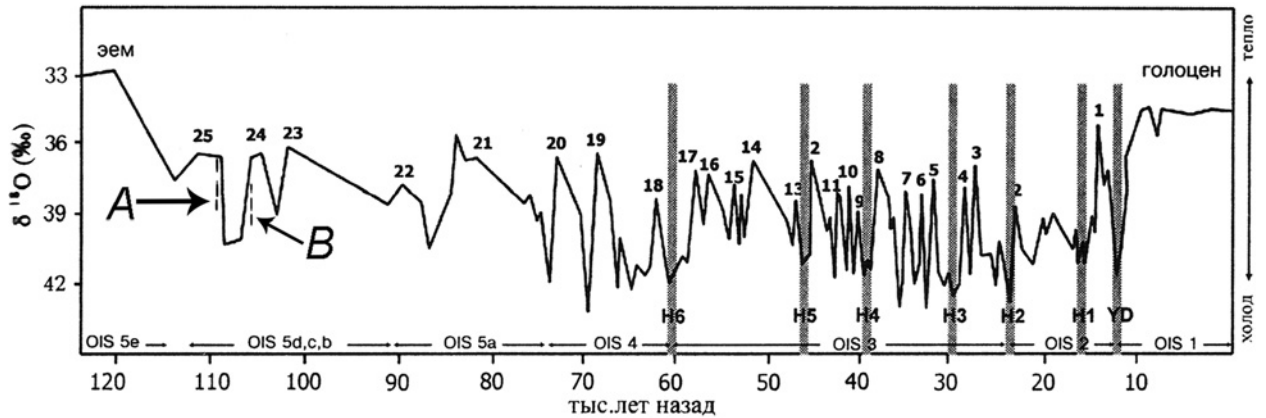

Рис. 11. Динамика климатических событий последних 120 тыс. лет.

Условные обозначения: H 1–6 — Хайнрих эпизоды; 1–25 — Дансагард-Ошгер эпизоды (по: Степанчук, 2006); A — предполагаемая геохронологическая позиция аллювиального слоя стоянки Кетросы; B — предполагаемая геохронологическая позиция основного культурного слоя стоянки

который вполне сопоставим с так называемым «амерсфортом». Отсюда справедливо сделать вывод, что комплекс каменных изделий из нижнего слоя стоянки древнее комплекса основного культурного слоя всего лишь на несколько тысяч лет.

Что касается датировки средней ископаемой почвы, в которой выявлены малочисленные находки каменных изделий и обломки костей ископаемых животных, то она была предварительно отнесена И. К. Ивановой к интерстадиалу моерсхофд (Иванова и др. 1981). Этот период (моерсхофд и более поздний интерстадиал хенгело) связан, по крайней мере, в ряде регионов Европы, с финалом эпохи мустье (Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007).

В настоящее время на разрезах Северной Германии, соответствующих средневалдайскому мегаинтерстадиалу Восточной Европы (КИС 3), выделено, если иметь в виду только «мустьерское время», несколько интерстадиалов, включая оерель (Oerel: 58–54 тыс. л. н.), глинде (Glinde: 51–48 тыс. л. н.), моерсхофд (Moershoofd: 46–44 тыс. л. н.), хенгело (Hengelo: 39–36 тыс. л. н.), которые практически соответствуют широко применяемому стратиграфическому подразделению «моерсхофд» (Behre, van der Plicht, 1992; Лаврушин и др. 2002; Joris, 2003). Поэтому, если исходить из современных данных, отнесение средней погребенной почвы стоянки Кетросы непосредственно к интерстадиалу моерсхофд весьма спорно. То же можно сказать по поводу большинства ископаемых почв, выявленных на стоянках Приднестровья, которые однозначно сопоставляются именно с этим межстадиалом. В настоящее время можно лишь констатировать, что все послеберупские ископаемые почвы относятся к первой половине КИС 3. Это же можно сказать и о датировках находок из лежащих выше гумусированных прослоек. Кремневые же изделия из кровли плейстоценовых отложений, имеющие мустьероидный облик, явно находятся во вторичном залегании, поэтому возраст их неопределим.

Подчеркну еще раз: во всей толще отложений, соответствующей начальной поре позднего плейстоцена, встречены находки только мустьерского типа. Однако более-менее надежные геохронологические привязки они имеют лишь в нижней части разреза, соответствующая там КИС 5c-d (Рис. 12).

На основе имеющихся данных можно сделать следующий вывод об этапах заселения данной территории: первые следы ископаемого человека фиксируются лишь в начале первого раннеюрмского холодного стадиала, предшествующего «кетросскому межстадиалу», сопоставляемого Н. С. Болиховской с амерсфортом Западной Европы (Болиховская, 1995). Речь идет о двух переотложенных находках кремневых изделий архаичного облика из руслового аллювия. Судя по наличию интенсивной патины и люстража, отсутствующим на предметах из всех слоев стоянки, эти изделия в момент попадания в слой уже были подъемным материалом, т. е. они значительно древнее руслового аллювия. Завершающей стадии руслового аллювия соответствуют конусы выноса, представленные полуокатанным щебнем и галечником, сорванным эрозией с края высокой террасы, которые ложились непосредственно, как это удалось специально проследить, на поверхность руслового аллювия.

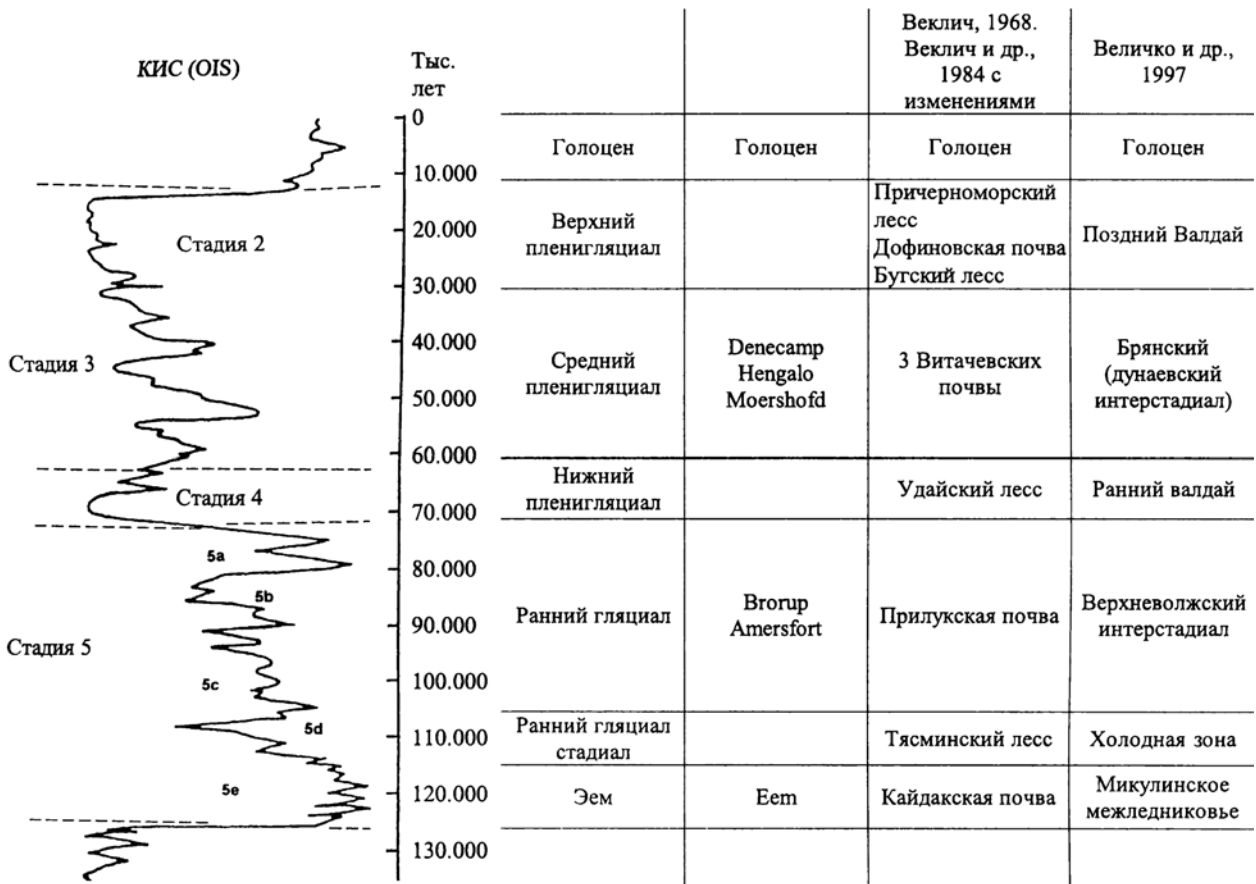

Рис. 12. Корреляционная таблица верхнего плейстоцена Украины и хронологическая позиция основного культурного слоя стоянки Кетросы

Первые и бесспорные следы обитания человека, представленные кремневыми изделиями мустьерского облика и отдельными костями ископаемых животных (мамонта и лошади), выявлены непосредственно в пойменных отложениях стоянки, которые сопоставляются с амерсфортом Западной Европы. Они соответствуют коротким остановкам здесь групп людей в относительно сухие периоды (когда пойма существенно подсыхала). Однако начавшиеся затем паводки, связанные с началом изменения климата, вызывали затопления мест этих явно кратковременных стоянок, разрушая их. Показательно, что степень сохранности поверхностей кремневых изделий из самого нижнего уровня была разной, изменяясь по мере удаления от русла Днестра. В пойменных отложениях разрушенного карьером Северного комплекса и раскопа II слабо окатанные предметы обычны, южнее — в раскопе I — они единичны, а в расчистке, расположенной в нескольких десятках метров выше от первого раскопа, их нет вообще. Очевидно, что водные потоки Днестра, разливавшегося во время паводков, достигали только участка раскопа II. Этим временем датируется, кстати, и местонахождение Шипот 2, расположенное в соседнем яре Шипот. Найденные там кремневые изделия, соответствующие иному варианту среднего палеолита, залегают в аналогичных отложениях¹. Тем самым мы имеем все основания говорить о сосуществовании на данной территории двух абсолютно разных типов индустрий среднего палеолита (Анисюткин, 2009).

Мустьерские охотники-собиратели прочно обосновались здесь лишь в период нового существенного похолодания и аридизации климата, выявленного литологами и палинологами. Они остановились в боковой долинке Кишлянского яра осенью, выбрав удобное для поселения место на вероятных путях сезонных миграций бизонов и лошадей, и построили себе простейшие временные жилища на уже постоянно сухой пойме. Кстати, обилие в обоих раскопах костей именно тех животных, которые типичны

¹ Попытка И. А. Борзияка голословно оспорить для данных памятников эту хронологическую привязку представляется, по меньшей мере, нелепой (Chirica, Borzias, 2005).

для открытых степных и лесостепных пространств, хорошо согласуется с предложенной выше интерпретацией.

Позднее, в период более широкого распространения лесных ландшафтов, связанных с существенным увлажнением и потеплением климата, несомненных следов палеолитического человека здесь практически нет. Не исключено, что люди все же иногда посещали эти места: на это указывают единичные находки кремневых изделий, обнаруженные в нижней ископаемой почве, а также изолированная нижняя челюсть шерстистого носорога, хотя связь последней с человеческим фактором не доказана.

Что касается остатков палеолитических стоянок в выше лежащих слоях, то здесь сложно сказать что-либо определенное. Они отсутствуют в лессовидных суглинках, перекрывающих комплекс ископаемых почв КИС 5, которые можно сопоставить с первым холодным максимумом КИС 4. Малочисленные материалы, происходящие из средней и верхней ископаемых почв, указывают лишь на эпизодическое посещение данной местности мустьерскими охотниками-собирающими, хотя не исключено, что полноценные стоянки еще не найдены или уничтожены более поздней эрозией, если они располагались ближе к водотоку. Во всяком случае нужно учесть существенное изменение биотопа, где ранее селились люди, оставившие свои следы в нижнем и основном культурных слоях стоянки Кетросы. В так называемом «среднем вьюме» (периоды КИС 4 и 3) водный поток отступил вниз или даже иссяк в связи с общей аридизацией климата (резкое похолодание и иссушение климата). Источник сырья для изготовления орудий, представленный месторождением пластового кремня в цоколе высокой террасы, расположенным на уровне культурного слоя, был к этому времени наглухо закрыт делювиальными отложениями. Вполне возможно, что в связи с изменением климата сменились и пути миграции копытных животных, на которых охотились местные неандертальцы. Все это привело к тому, что люди стали использовать для поселений иные места. В частности, если учесть данные по стоянкам среднего палеолита, функционировавшим в более позднее время, то они выявлены в долине среднего течения Днестра, на мысах, открытых ветрам северного и северо-западного направлений. К числу их относятся известные мустьерские стоянки Молодова I и V, Стинка I и возможно Езуполь I, расположенные не в долинах небольших правобережных притоков Днестра, а непосредственно в долине реки (Черныш, 1965; Анисюткин, 2005; Ситник, 2000).

Правда, здесь необходимо сделать некоторое замечание относительно геоморфологической позиции стоянки Езуполь I, расположенной на левом берегу небольшой речки, впадающей в Днестр (Ситник, 2000; Lanczout et al. 2009: Fig. 2), и ее сходства в этом плане со стоянкой Кетросы. В данном случае сходство между указанными двумя стоянками обусловлено близостью по времени формирования их основных культурных слоев. Это наблюдение можно дополнить данными по стоянке Шипот 2, расположенной в аналогичной боковой долине правого притока Шипот, в 1 км выше по течению реки от стоянки Кетросы, где кремневые изделия также связаны с пойменным аллювием II надпойменной террасы Днестра. Напротив, стоянка позднейшего среднего палеолита Шипот 1 расположена на северо-западном склоне мыса высокой IV надпойменной террасы Днестра. Здесь важно иметь в виду, что в более раннее время люди сооружали поселения в закрытых от северо-западных и северных ветров боковых долинах правобережных притоков Днестра. Зато позднее их стоянки, наоборот, стали располагаться на самых незащищенных от северных ветров склонах. Можно ли допустить, что в данном случае речь идет о стоянках разного типа, связанных с разными сезонами? — На этот вопрос пока нет однозначных ответов.

Четвертичные отложения стоянки Кетросы в нижней части разреза имеют вполне надежную относительную геохронологию, которая подтверждается совокупностью данных, полученных специалистами разных научных дисциплин. Вполне очевидная привязка этих отложений, включая комплекс ископаемых почв, к показателям кислородно-изотопной шкалы, а тем самым и к данным исследований кернов современных арктических ледников, дает определенную возможность получить и привязку к абсолютной хронологии. В этом плане основной слой стоянки Кетросы может датироваться временем около 105 тыс. л. н. Лежащий ниже горизонт из пойменного аллювия — примерно 110 тыс. л. н. Что касается вышележащих слоев, то их датировки могут быть лишь самыми предварительными и требуют дополнительных данных.

ГЛАВА 5

ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ СТОЯНКИ

В этой главе будут рассмотрены особенности разных слоев стоянки Кетросы, в которых найдены кости ископаемых животных и кремневые изделия древнего человека. Как уже известно, хорошо сохранился лишь один культурный слой («основной»), который к тому же дал обильный археологический и палеозоологический материал. Описанию данного слоя в настоящей монографии уделено основное внимание. Прочие же слои бедны материалом и рассматриваются суммарно. В этом плане показательным можно считать небольшой участок среднего культурного слоя, где удалось выявить некоторые интересные конструктивные детали. Тем не менее, описание логично начать с нижнего уровня, находки которого связаны с основанием четвертичных отложений, представляющих пойменные отложения низкой террасы.

5.1. Нижний горизонт находок («аллювиальный» культурный слой)

Данный уровень с археологическими и палеозоологическими находками был условно назван «горизонтом», соответствуя общему понятию культуросодержащего слоя, отличающегося от подлинного культурного слоя отсутствием определенной совокупности признаков, которые для него обязательны: а) наличием элементарных заполнителей, б) элементов слоя и в) объектов культурного слоя (Беляева, 2002: 39–40; Васильев и др. 2007: 26). Малочисленные кремневые изделия и отдельные обломки костей рассеяны по всей толще отложений пойменного аллювия, залегая заметно ниже основного культурного слоя. Здесь не было найдено ни одного скопления, что, впрочем, возможно объяснить особенностями тафономии. Среди костей найдено несколько обломков трубчатых костей мамонта, включая 2 пластины зубов, и 3 обломка костей лошади. Особый интерес представляет нижняя челюсть мамонта, обнаруженная в раскопе II (1979 г.), которая по глубинным отметкам находилась существенно ниже основания культурного слоя. Рядом находился крупный обломок трубчатой кости мамонта. Эти кости находились в литологическом слое, соответствующему пойменному аллювию. Правда, во время раскопок они были отнесены к основному слою, и нанесены на план основного культурного слоя, что ныне представляется спорным.

5.2. Основной культурный слой

Основной культурный слой очень хорошей сохранности, связанный с кровлей пойменного аллювия, прослежен в двух раскопах. Естественно, описание дается по раскопам, начиная с первого (Рис. 13).

5.2.1. Раскоп I

Как уже ранее сообщалось, данный раскоп, общей площадью около 125 кв. м., расположен примерно в 100 м южнее русла р. Днестр. Он был разбит на месте расчисток 1972 и 1973 гг., располагаясь на ровной площадке между двумя грядами окатанного галечника и полуокатанного щебнистого материала, снесенными сверху. На данной площади было выявлено несколько горизонтов находок кремневых изделий

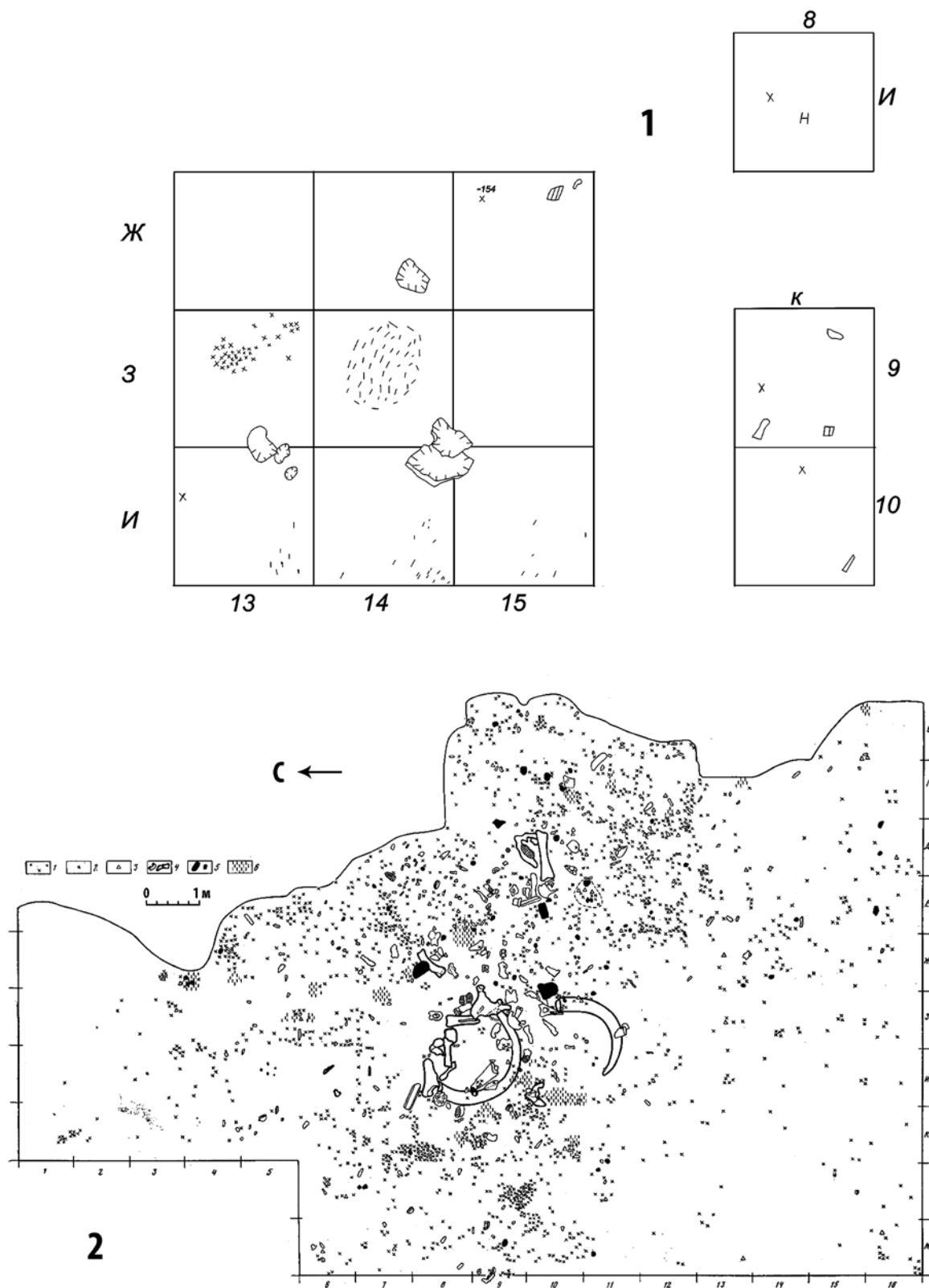

Рис. 13. Планы расположения находок в культурных слоях раскопа 1: верхняя часть — культурный слой в средней ископаемой почве, нижняя часть — основной культурный слой.
 Условные обозначения: 1 — отщепы, пластины и чешуйки кремня; 2 — нуклеусы; 3 — орудия; 4 — кости животных; 5 — камни и гальки; 6 — древесный и костный уголь

мустьерского облика и один культурный слой хорошей сохранности, в котором имеются интересные скопления костей и кремневых изделий. Культурный слой не выделялся ни цветом, ни особенностями заполнителя. Его выразительность и мощность зависели от участка раскопа: если на окраинах поселения слой выделялся лишь наличием кремневых изделий и небольшими обломками костей животных, то на центральных наблюдались скопления костей мамонта и кремневых изделий, а также включения костных и чаще древесных угольков, в том числе углистые скопления.

В пределах вскрытой раскопом площади можно условно выделить 5 участков. Северный, примыкающий к конусу выноса, распространен на значительной площади, которая с юга условно ограничена полосой, проходящей по линии 5. Западный участок, занятый несколькими рабочими площадками по расщеплению кремня, проходит условно по границе раскопа по линии К/7–11. Восточный участок, близко расположенный от русла Кишлянского яра, ограничен линией квадратов Г–Д. Южный участок, примыкающий к южному конусу выноса, может быть отчленен от остальных по линии квадратов 12–13. Наибольший интерес представляет центральный участок, с которым связаны скопления костей мамонта и крупных камней, а также западина с наиболее насыщенным культурным слоем.

Северный участок содержит культурный слой, очень бедный находками. Наибольший интерес представляют два скопления, представленные находками кремневых изделий, гальками песчаника и незначительными концентрациями древесного угля. Первое небольшое скопление характеризуется тремя гальками песчаника, находкой превосходного скребла и нескольких отщепов. Примечательно относительное обилие древесного угля, который отсутствует на остальной площади данного участка. Следующее скопление расположено на границе с восточной концентрацией, которое может быть охарактеризовано изделиями из кремня, обломком неопределимой кости и галькой песчаника. В центре выявлен дисковидный нуклеус, вокруг которого рассеяны осколки и чешуйки кремня. Орудия отсутствуют. К подлинным отщепам-заготовкам можно отнести 2 предмета, из которых один следует отнести к леваллуазским. Гальки песчаника, найденные здесь, имеют отчетливые следы употребления, которые характерны для пестов-терочников и отбойников. Характер и функциональную значимость первого скопления невозможно определить однозначно. Напротив, второе — типичное место обработки камня. Показательно соотношение между отходами производства, представленными осколками, чешуйками и отдельными так называемыми «техническими сколами», и заготовками. Если первых обнаружено 75, то вторых, т. е. заготовок, всего 2. Здесь же обнаружен один типичный нуклеус и скребло. Интересно, что не все найденные здесь отходы производства изготовлены из одного и того же кремня. Из них 10 явно относятся к иной разновидности.

Приграничный участок Ж, Е–5, 6, который можно условно отнести к северному, насыщен весьма слабо. Здесь найдено несколько мелких обломков костей, две песчаниковых гальки, отщеп с ретушью и микронуклеус, а также 11 заготовок, 72 чешуйки и осколка. Показательно наличие обширной полосы практически лишенной всяких находок, прослеживаемой по линии 3, И, К–7,8, которая примыкает к центральному участку с четко локализованным скоплением крупных камней и костей мамонта на центральном участке. Глубина залегания находок варьирует на данном участке следующим образом: на кв. Е, Ж–4 от –250 до –259, на кв. Е, Ж–5 от –250 до –257, а на кв. Е, Ж–6 — от –243 до –256. Таким образом мощность культурного слоя составляет здесь (от –243 до –259) 16 см.

Восточный участок захватывает две линии квадратов — Г и В, располагаясь ближе всего к руслу Кишлянского Яра. Не исключено, что скопление обломков костей животных и кремневых изделий распространяется на кв. Д–11,12. Показательно, что здесь и на прилегающих квадратах центрального участка (кв. Д–11,12) найдены почти все кости бизона, среди которых преобладают обломки конечностей. Практически по всей площади отмечаются незначительные скопления древесных угольков. Сравнительно часто встречаются орудия и сколы-заготовки, но единичны нуклеусы. Глубинные отметки варьируют от –247 до –264. Мощность культурного слоя достигает 17 см. Правда, наиболее высокие глубинные отметки имеют мелкие осколки костей и кремневых изделий, включая отдельные чешуйки.

Любопытно, что на участке, который исследован расчистками 1972 и 1973 гг., имелось относительно большое количество находок, включая единичные плитки сланца, кости ископаемых животных, нуклеусы и орудия. Здесь же прослежено заметное количество древесных угольков. Данные расчистки площадью 4–5 кв. м, примыкали к квадратам В–9,10, соответствуя, по-видимому, линии А, Б, Их относительная насыщенность археологическим материалом, которая контрастирует с бедностью находками квадратов по линии В, возможно указывает на факт существования здесь особого комплекса, позднее уничтоженного эрозией и каменоломнями.

Южный участок занимает значительное пространство, частично примыкающее к конусу выноса. Условно в его пределы следует включить кв. В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К—13, 14, 15, 16. В принципе сюда же можно отнести и ряд квадратов Л, М — 12—16, которые по ничтожному количеству находок явно включаются в данный участок. Здесь очень мало находок, представленных чаще всего осколками, чешуйками и мелкими отщепами. Сколы-заготовки, нуклеусы и орудия единичны. Интересен одноплощадочный нуклеус с несколькими подбирающимися к нему отщепами, но не образующих скопления. Толщина слоя не превышает 10 см. Слой заметно поднимается к южной стенке (т. е. к конусу выноса).

Центральный участок раскопа представляет наибольший интерес. На нем сосредоточено мощное скопление костей мамонта¹. Здесь же найдено основное количество кремневых орудий. В основном кости мамонта представлены преимущественно мелкими обломками и осколками, включая зубы. Крупные фрагменты и целые кости, сосредоточенные на центральном участке, представлены двумя бивнями, четырьмя нижними челюстями, включая две целых, пятью малыми и большими берцовыми костями, двумя локтевыми, одной лучевой, двумя позвонками (в их числе один крестец), четырьмя плечевыми, одной тазовой, двумя лопатками и 4 крупными обломками трубчатых. Налицо явный некомплект костей скелета мамонта. Даже бивни, представленные практически целыми находками, отличаются один от другого не только размерами, но и формой. К тому же, что важно отметить, степень сохранности костей мамонта разная и заметно отличается от сохранности костей других животных. Все это весьма показательно, наводя на мысль о том, что почти все кости мамонта, в действительности, были собраны по соседству на обширной речной отмели, а не являются только продуктом охотничьей деятельности неандертальцев. На последнее мне уже неоднократно приходилось указывать.

Описание этой важнейшей части поселения следует начать с примечательного объекта, расположенного на кв. Д, Е—9, 10 (Рис. 14).

Здесь обнаружена нижняя челюсть мамонта², лежащая основанием вниз, к которой вплотную примыкает крупная трубчатая кость сравнительно (в отличие от челюсти) плохой сохранности. Челюсть находилась на линии Д на границе кв. 9 и 10. Она лежала почти горизонтально. Правая ветвь, к которой почти вплотную примыкала крупная трубчатая кость, была обрублена; левая с сохранившимся зубом имеет хорошую сохранность. В месте сочленения, с внутренней стороны, к ним вплотную примыкал фрагмент пяточной (?) кости округлой формы. Самые высокие глубинные отметки челюсти и примыкающей кости составили здесь —231 и —232. Основание нижней челюсти имело глубинные отметки —247 и —250. Под нижней челюстью не было никаких находок, исключая обломок пяточной кости. Показательно наличие почти пустой полосы без находок, расположенной севернее и северо-восточнее челюсти. Лишь при последующей расчистке этой поверхности, непосредственно примыкавшей с севера к нижней челюсти, было обнаружено два небольших обломка костей лошади (?), 2 отщепа и 2 чешуйки кремня с глубинными отметками —262 и —271. Крупная трубчатая кость с кв. Д, Е—10, примыкавшая к нижней челюсти, лежала под уклоном к западу. Восточный край ее имел глубину —231, а западный (т. е. нижний) —243. На примыкавших кв. Е — 9, 10, 11, выявлено скопление более мелких фрагментов костей лошади, бизона, сурка и большерогого оленя, представленных шейными позвонками, костями конечностей, обломками ребер и осколками зубов. Здесь же наряду с отдельными камнями и 2 гальками песчаника обнаружены кремневые изделия, среди которых немало сколов-заготовок и орудий. На этой площади прослеживались незначительные пятна древесного угля и единичные костные угольки. Глубинные отметки с этого участка варьировали от —250 до —270. Один обломок неопределимой трубчатой кости лошади (?), расположенный непосредственно у правой ветви нижней челюсти мамонта, лежал наклонно в западном направлении. Глубина самой верхней точки кости достигала —234, а нижней — уже —249. В верхней части слоя (юго-западный угол кв. Д-10) найден крупный обломок пластового кремня плохого качества с оббивкой поверхности, который можно интерпретировать как рубящее орудие. Он лежал в основании ископаемой почвы, выше культурного слоя, на глубине всего —212. Связан ли данный предмет с комплексом из культурного слоя? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ,

¹ Как уже отмечено выше, основная масса костей была определена молдавским палеозоологом А. И. Давидом, а некоторая часть — Н. М. Ермоловой.

² К большому сожалению, эта челюсть, зафиксированная, но оставленная с расчищенным участком слоя до следующего дня, была вечером разбита на мелкие фрагменты, как сообщил сторож, группой туристов из Одессы, отдохавших, вероятно, в селе Каплевка.

1

2

Рис. 14. Раскоп I. Элемент крепления кровли жилища на кв. Д, Е — 9, 10.
1 — предполагаемые детали крепления: нижняя челюсть мамонта и примыкающая к ней крупная трубчатая кость. 2 — общий вид во время расчистки

хотя возможно этот камень, подобно плоскому обломку трубчатой кости мамонта (23x18x10 мм), расположенному рядом³, мог находиться на крыше жилого сооружения.

Следующее скопление костей мамонта и крупных камней, расположенных в пределах центрального участка, расположено на квадрате Ж-8. Однако, прежде всего обратимся к описанию соседнего участка, расположенного на кв. Е,Ж-7, где обнаружено крупное скопление расщепленного кремня. На этом основании эти квадраты, включая фрагмент соседнего кв. Д-7, можно рассматривать как интересный элемент культурного слоя стоянки. Выявлено несколько обломков костей животных, включая целый зуб мамонта, 5 галек песчаника, 3 кремневых орудия, 1 шаровидный нуклеус и более сотни отщепов, пластин, чешуек и обломков. Здесь обнаружено несколько выразительных сколов-заготовок, включая леваллуазские. Глубинные находки с этого участка варьируют от –240 до –257. Толщина культурного слоя может быть определена 17 см.

Квадраты Е,Д-8 также весьма насыщены находками, включая орудия и нуклеусы. Здесь же выявлен обломок зуба мамонта хорошей сохранности. Изделия из кремня можно распределить следующим образом: нуклеусов — 2, орудий — 6, заготовок, включая леваллуазские — 16, отходы производства (в их числе «технические сколы») — 78. На границе кв. Ж, 3-7 обнаружено концентрированное, но маломощное пятно древесного угля диаметром около 20–25 см, которое можно воспринимать как разрушенные остатки кострища. Его глубинная отметка равна –251. В целом глубинные отметки с кв. Д, Е-8 таковы: минимальные составляют –244, а максимальные –273. Правда, если проанализировать материал строго по квадратам, то можно получить несколько более разнообразную картину: так на кв. Д-8 наименьшая глубина равна –244, а наибольшая — –263, в то время как на кв. Ж-8 глубинные отметки культурного слоя варьируют от –253 до –273.

Кв. Ж-8 дает относительно небольшое количество изделий из кремня, но здесь расположен очень интересный объект, имеющий важное значение для понимания сущности жилого сооружения, важным элементом которого явился описанный выше комплекс кв. Д, Е-10. Общее количество изделий из кремня, найденных на данном квадрате, следующее: 1 орудие, 1 скол-заготовка и 13 чешуек и мелких отщепов, из которых 6 выявлены на границе с кв. Ж-7 и скорее всего относятся к скоплению, которое описано выше (Рис. 15).

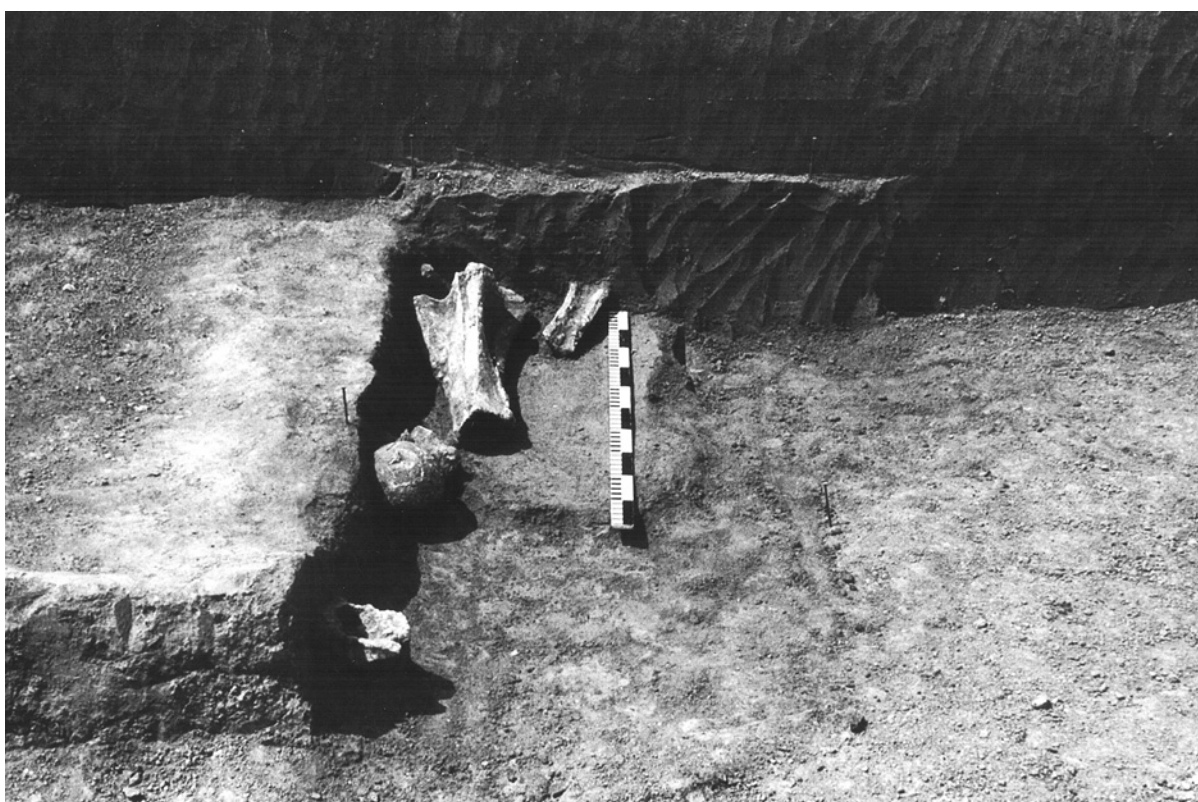
Скопление на кв. Ж-8 состоит из двух крупных обломков костей мамонта и большого частично окатанного доломитового (?) валуна (36x26x25 см) весом не менее 5–6 кг. Здесь же располагалась довольно крупная галька из доломита. Не исключено, что этот крупный камень, как и некоторые другие с иных участков, могли использоваться не только как элементы конструкций, но и как очень крупные отбойники для расщепления гигантских костей мамонта, как это известно на материалах стоянки раннего палеолита Бильцингслебен в Германии (Семенов, 1983: 4). Остальные более мелкие обломки костей лошади, представленные двумя фрагментами трубчатой кости и двумя плечевой, располагались рядом на глубине –256. Неожиданными оказались находки сильно изношенного зуба пещерного медведя рядом с небольшим пятном красной охры диаметром около 10 см, лежащими под упомянутым выше крупным валуном диорита. Рядом, примерно в 50–80 см от них (кв. И-8), был обнаружен хорошо сохранившийся резец медведя, видовое определение которого, к сожалению, невозможно. Все они располагались примерно на одном уровне, который соответствовал глубине –260. Совместное нахождение на крошечном участке стоянки двух зубов медведя и небольшого охристого пятна представляет особый интерес как вероятный образец символической деятельности мустьерских людей. Глубинные находки крупных костей мамонта варьировали от –253 до –255, а валуна от –254 до –258. Поверхность, на которой найдены охристое пятно и зуб пещерного медведя, соответствовала глубине –260. Кости, составляющие данный комплекс, лежали почти горизонтально, в то время, как неполная плечевая кость, полая внутри, подпиравшая валун, была слегка наклонена вверх.

На границе квадратов Е,Ж-8, 9 обнаружено скопление костного угля. Оно представлено в виде полосы длиной до 1 м при ширине около 30 см и толщине до 7 см. Это концентрированное скопление костного угля с незначительными примазками древесного, прослеженными в его восточной части. Данное скопление весьма загадочно. Оно довольно резко обрывается к северу и западу, но несколько растянуто к востоку, где единичные костные угольки прослеживаются на расстоянии до 30–50 см. В пределах этого скопления углей не обнаружено никаких находок. Показательно, что

³ Подобный вариант интерпретации мне подсказал наш крупнейший полевой исследователь палеолита Костенок, выдающийся ученый — А.Н. Рогачев, который по моей просьбе ознакомился с материалами раскопок стоянки Кетросы.

1

2

Рис. 15. Структурные объекты в раскопе I.

1 — предполагаемый элемент крепления кровли жилища на кв. Ж-8.

2 — начало расчистки скопления костей на кв. И-7, 8: выявляется отчетливая полоса без находок

костный уголь прослеживается в раскопе лишь в данном скоплении, а в виде единичных образцов только на ряде восточных и центральных квадратов. Глубинная отметка с нижней поверхности этого скопления –260.

Следующий очень интересный объект с многочисленными крупными костями мамонта, соответствующий центральному участку, расположен в основном на квадратах 3, И–7, 8, 9, 10, 11. В скоплении выделены следующие части скелета: фрагмент большой берцовой кости (кв. И–7), верхняя часть локтевой (И–8), крестец (И–7, 8), нижняя часть плечевой (И–8), головка бедренной кости (3–8), фрагмент большой берцовой (3, И–8), лежащей на ребре, головка плечевой (3–8), а также локтевая кость шерстистого носорога (кв. И–8). Эти кости представляли своего рода ограду, отделяющую центральный участок от северного наличием абсолютно пустой полосы без всяких находок, Была ли здесь насыпь? — На этот вопрос нет определенного ответа. Ее, к сожалению, не удалось проследить (Рис. 16–17).

Глубинные отметки данного скопления костей варьируют от –216 до –246. Причем самая высокая отметка характерна для вершины самой крупной локтевой кости мамонта кв. И–8. Причем за основание «пола» культурного слоя в этой части раскопа, а тем самым и всего скопления можно принять глубины в пределах от –240 до –246.

Следующая часть большого скопления костей мамонта, расположенного на соседних квадратах по линиям 3, И–9, 10, 11, состоит из двух крупных бивней, таза, крупных обломков нижней челюсти и трубчатых, а также фрагментов зубов. На границе квадратов Ж–10 и 3–10 обнаружен огромный окатанный валун из сланца (?) весом более 10 кг, к которому примыкает основание бивня. Возможно здесь находи-

Рис. 16. Скопление кремневых изделий на кв. Е–10, 11

Рис. 17. Скопление костей мамонта в кровле культурного слоя (раскоп 1975 г.).
Расчищенный бивень (кв. И–10, 11) лежит в основании культурного слоя

лось крепление в виде кола, подпираемого с одной стороны основанием бивня, а с другой — прилегающим к нему крупным камнем. Показательно, что подавляющее большинство крупных костей залегало в верхней части культурного слоя, в то время как оба бивня находились в его основании. Интересна находки целой нижней челюсти мамонта, расположенной в северо-восточном углу кв. И-10. Под нею, как и на отмеченной выше нижней челюсти с кв. Д-9, 10, обнаружен обломок кости стопы. Примечательно, что по глубинным отметкам почти все кости, исключая бивни, лежали на том же уровне в пределах с –230 до –245, что и линейное скопление с кв. З, И-7, 8, 9. В этом плане достойно внимания положение расколотой и полой внутри нижней части лучевой кости, примыкающей к тазовой, которая лежит наклонно с севера на юг с глубинными отметками поверхности –230 — в северной части (кв. З-8) и –238 — в южной (кв. З-9). Одновременно глубина тазовой кости, также лежащей наклонно к юго-востоку, от –237 до –255. Большой интерес представляет огромный бивень мамонта, лежащий в основании культурного слоя

Рис. 18. Бивень мамонта (кв. И–8, 9) лежит в основании культурного слоя (на полу жилища), поверхность которого фиксируется находками кремневых изделий и обломка кости. Находки на полу отмечены стрелками

на кв. И, 3–8, 9, примыкая к лежащей выше «стенке» из крупных костей мамонта и носорога. Его полое основание перекрыто обломком крупной трубчатой кости мамонта, а верхний конец опускается ниже слоя, в специально (?) вырытую для этого ямку. Таким образом, имеются основания считать, что данный бивень мамонта был специально укреплен на полу планируемого жилища. Вполне возможно, что полое основание огромного бивня явилось местом для крепления деревянного кола, подпертого сверху крупной костью мамонта. Основание культурного слоя, на котором расположены оба бивня, около двух десятков кремневых изделий, включая орудия, и несколько обломков, имеет глубинные отметки в пределах от –260 до –271. Данное наблюдение дает основание говорить о наличии здесь существенного понижения пола культурного слоя, которое прослеживается на площади около 10 кв. м (кв. Е, Ж–3, И–9, 10 и частично 11). Вновь кости из основания культурного слоя отличались (в отличие от большинства костей мамонта) хорошей сохранностью (Рис. 18).

Интересно наличие крупных обломков костей в кровле культурного слоя. В этой связи нужно упомянуть крупный обломок малой берцовой кости и фрагмент тазовой, лежащих рядом на кв. И-9. Они находились на одном и том же уровне. Так глубина малой берцовой кости, лежащей под значительным уклоном к юго-востоку, варьировала от –213 до –226, в то время как тазовой составляла –223. Прослеживаются подобные же кости и на квадратах по линии 3. К их числу относится фрагмент нижней челюсти с кв. 3–9. Эти кости, включая крупный обломок зуба мамонта, могли находиться на крыше жилого сооружения.

Стоит также отметить компактное скопление находок⁴, расположенное на границе кв. Е-10,11, где на площади менее 0,5 кв. м найдены 2 пластинчатых отщепов, удлиненный остроконечник, поперечное

⁴ При расчистке данного скопления присутствовал С. Н. Бибииков, который дал несколько полезных советов по фиксации археологического материала.

скребло с выпуклым рабочим краем, удлинённый нуклеус, 2 отщепы с ретушью, 2 отщепы без ретуши, 2 гальки песчаника и 1 кусок кремнистой породы. Их глубинные отметки варьировали от -258 до -266 , но преобладали отметки в пределах -263 и -264 . Последние определены для 7 предметов, включая остроконечник и удлинённый нуклеус.

В данной работе не делается попытки полной реконструкции предполагаемого жилого сооружения. Тем не менее, можно отметить наличие вероятной насыпи с северной стороны, на что указывает наличие отчетливой полосы без находок по линиям 3, И и частично в кв. К-7, а также с северо-востока (кв. Д, Е-9, 10), где данная полоса тоже выражена, хотя и менее отчетливо. К тому же явно не случайны здесь крупные камни и отчетливо фиксируемое место крепления опорного кола на кв. Д, Е-9, 10, в месте причленения крупной трубчатой кости к специально подготовленной нижней челюсти мамонта. Три прочих места, где предполагались аналогичные жерди для укрепления крыши, связаны с крупными камнями и костями мамонта, включая бивни, расположены на кв. Ж-8, Ж, 3-10 и И-8. Культурный слой внутри полукруга, образованного отсортированными костями и крупными камнями, имел наибольшую мощность. Здесь прослеживается отчетливое углубление поверхности пола площадью около 10-11 кв. м (Рис. 19).

Интересно и то, что по направлению к южной части стоянки (если иметь в виду центральный участок) отмечено отсутствие ясных следов понижения слоя: культурный слой имеет тенденцию к постепенному повышению. Возможно это указывает на то, что это простейшее жилое сооружение имело вид усложненного ветрового заслона, но с перекрытием. На это отчасти указывает хорошая сохранность обломков костей, расположенных на полу предполагаемого жилища.

Значительный интерес представляет собой западный участок, на территории которого ясно прослеживаются несколько выраженных рабочих площадок, представленных концентрированными скоплениями расщепленного кремня, включая нуклеусы, сколы-заготовки и отходы производства. Последние всегда значительно преобладали над сколами-заготовками. Этот участок располагается наиболее близко к тыловому шву террасы, где в базальной части высокой террасы, к которой прислонена более низкая с находками мустьерского времени, прослеживается горизонт с выходами пластового кремня,

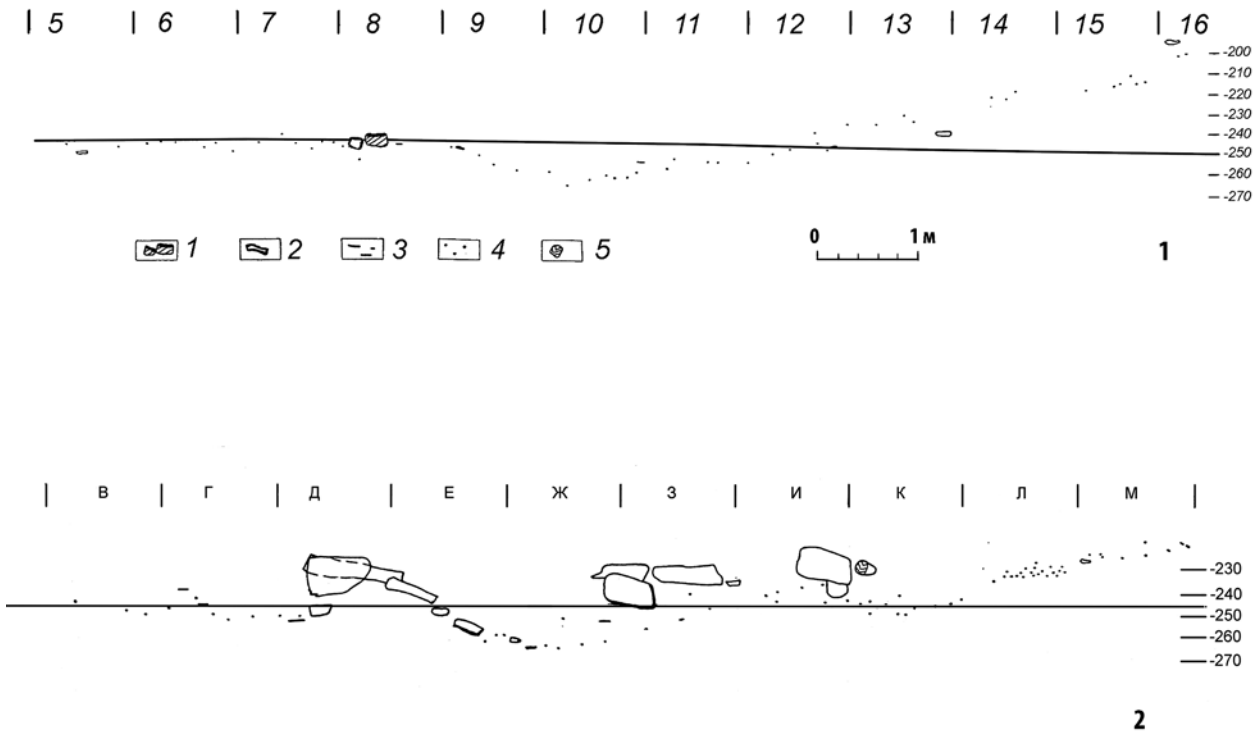

Рис. 19. Раскоп I. 1 — разрез культурного слоя по линии Ж.

Условные обозначения: 1 — крупные камни; 2 — кости; 3 — каменные плитки;

4 — кремневые артефакты; 5 — бивень мамонта.

2 — разрез культурного слоя по линии 10

преимущественно используемого обитателями стоянки. Данное месторождение кремня обнаружено в пределах более позднего раскопа 1977–1979 гг., но об этом речь пойдет ниже. Сопоставление трех участков стоянки⁵ — северного, центрального и южного — по двум показателям позволило получить следующую картину:

Таблица 4. Процентное распределение находок по участкам раскопа 1

Участки раскопа 1:	Орудия и заготовки:	Отходы производства:
Северный:	13 %	87 %
Центральный:	38 %	62 %
Западный:	26 %	74 %

Из анализа таблицы следует, что наиболее специфическим является центральный участок, который в своей основе ассоциируется с жилищем. Здесь, естественно преобладают орудия и качественные сколы-заготовки, включая леваллуазские. Два прочих участка дают очень высокий процент отходов производства.

Поверхность поселения, ограниченная с севера и юга грядами из щебня и гальки (конусами выноса), имеет естественный подъем в южной и северной частях, который порой достигает 1 м. Для иллюстрации данного заключения приведу разрез по линии квадратов Ж. На этом разрезе четко фиксируется понижение культурного слоя по линиям 9, 10 и 11 и значительный подъем на линии квадратов 14–16. Этот подъем, который может быть зафиксирован по глубинным отметкам, несколько превышает 0,7 м. Сходная картина характерна и для крайних северных квадратах. Поверхность культурного слоя, расчеченная по линии восток-запад (В-М — 9,10), остается почти ровной, исключая некоторый подъем в западной части, примыкающей к тыловому шву террасы.

Итак, в раскопе 1 выявлен достаточно сложный хозяйственно-бытовой комплекс поселения мустьерского времени, где на различных участках производилась разная хозяйственная деятельность. Мустьерские люди выбрали для стоянки достаточно ровную площадку, ограниченную с севера и юга насыпями галечно-щебнистого материала (конусами выноса), которые были сорваны с кромки более высокой террасы. Место стоянки простирается с севера на юг примерно на 14 м, а с востока на запад от 12 до 14 м, составляя около 200 кв. м. Правда, если иметь в виду размеры стоянки в направлении с востока на запад, то здесь нужно учесть, что существенная часть данной поверхности, примыкавшей к речке, разрушена в разные годы эрозией и карьерами для добычи строительного камня. Однако, как показали раскопки, разрушению подверглась относительно незначительная часть площади, на которой производилась довольно определенная деятельность, связанная, скорее всего, с разделкой туш убитых на охоте животных.

Раскопки дали возможность для реконструкции хозяйственной деятельности ископаемых людей на площади занятой ими стоянки. Так наиболее удобная — центральная часть была занята жилым сооружением. Западная, примыкавшая к месторождению кремня, использовалась, как место обработки кремня. Этими же функциями, но в меньших масштабах, обладали северный и южный участки. Что касается восточного участка, примыкавшего к источнику воды, то здесь, естественно, производилась разделка и обработка туш добытых на охоте животных. Можно полагать, что конусы выноса в древности имели более значительную высоту (возможно более двух метров), ослабляя силу ветра непосредственно из долины Днестра, в то время, как «вторая линия обороны» была связана с установкой искусственных сооружений, направленных на защиту людей от осенних ветров приледниковой зоны⁶.

В 1976 г. в 15 м севернее раскопа 1 была выявлено новое скопление культурного слоя с находками каменных изделий мустьерского облика. На месте его был заложен новый раскоп, исследования которого производились в течение трех полевых сезонов 1977, 1978 и 1979 гг. К описанию основного культурного слоя, выявленного этими раскопками, мы и обратимся.

⁵ Для контраста использованы участки по линиям З,И,К–1-15.

⁶ Этот вывод основан на находке в культурном слое обломка челюсти 6 месячного жеребенка, определенного ленинградским палеозоологом Н. М. Ермоловой.

5.2.2. Раскоп II

Раскопки на данном месте проводились, как уже отмечено выше, в течение трех полевых сезонов (1977, 1978, 1979 годы). За это время было вскрыто более 86 кв. м. культурного слоя (Рис. 20).

Место раскопок отделено от прежнего конусом выноса полосой в 15 м. Как выяснилось при разбивке данного раскопа, он был почти на 12 м ближе к тыловому шву, чем первый. По причине ошибочности

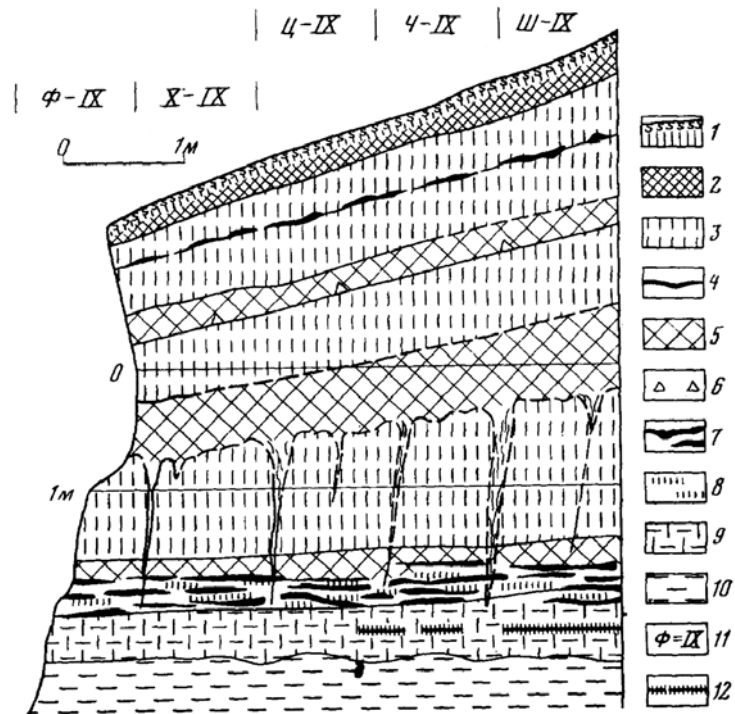
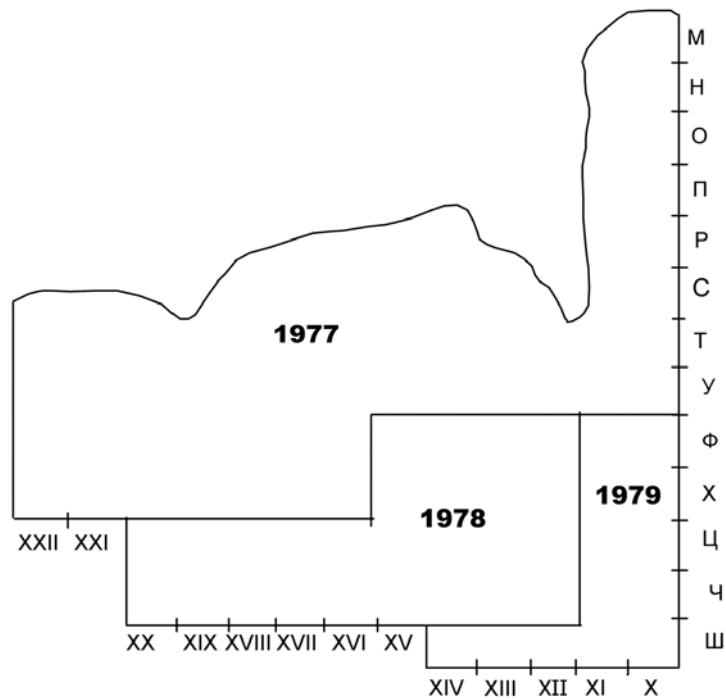

Рис. 20. Раскоп II.

1 — последовательность этапов исследования.

2 — разрез южной стенки раскопа.

Условные обозначения: 1 — голоценовый слой; 2 — желто-бурый суглинок;

3 — суглинок известковистый желтовато-серого цвета; 4 — гумусированная прослойка; 5 — слабо гумусированный суглинок; 6 — известковистые конкреции; 7 — прослой интенсивно гумусированные; 8 — прослойки песчаные; 9 — суглинок желтовато-бурого цвета; 10 — суглинок песчанистый с зеленоватым оттенком; 11 — номера квадратов раскопа; 12 — положение основного культурного слоя

прежних представлений о малой перспективности участка севернее раскопа I пришлось вводить новые цифровые обозначения раскопа, вынужденно приняв латинский вариант⁷.

Современная дневная поверхность на месте раскопа имела, как и прежде, значительный уклон в сторону водотока. Перепад достигал примерно 0,2 м на 1 погонный метр. Отсюда ясно, что каждый новый метр прирезки в глубину террасы увеличивал мощность отложений, а тем самым объем намечаемой работы. Если на крайних восточных квадратах, расположенных наиболее близко к водотоку, основной мустьерский слой находился на глубине около 2 м от поверхности, то на крайних западных квадратах, ближе к тыловому шву, уже почти 3,7 м.

В результате раскопок оказалась вскрыта толща четвертичных отложений мощностью более 5,8 м, где, как и на первом раскопе, установлено несколько различных по литологии слоев. Кремневые изделия и кости ископаемых животных обнаружены в нескольких слоях, но наиболее хорошо выраженным явился основной культурный слой, который располагался в тех же стратиграфических условиях, что и описанный выше (Рис. 21).

На площади данного раскопа культурный слой представлен в виде полосы концентрации находок, составившей в длину 12 м и в ширину до 4 м. Эта полоса ориентирована с северо-востока на юго-запад. Если не принимать во внимание квадраты с единичными находками кремневых изделий или обломков костей животных, то непосредственно культурным слоем занята площадь всего около 45 кв. м. Это составляет половину ровной поверхности между двумя конусами выноса, которые вскрыты раскопками. В какой-то мере культурный слой все еще распространяется в южном и частично в западном направлении, где он и выклинивается.

Вся южная часть описываемого раскопа непосредственно у конуса выноса, т. е. линия квадратов П, Р, С, Т, У–Х, содержит только единичные кремневые изделия. Здесь не найдено ни нуклеусов, ни заготовок, ни орудий. Нет здесь и костей ископаемых животных.

Столь же беден находками и восточный участок раскопа, включая кв. Р, С, Т–XIV, XV, XVI). Однако здесь обнаружены отдельные кремневые орудия, гальки песчаника со следами их использования и обломки костей животных.

На северо-восточном участке раскопа найдено небольшое количество обломков костей и кремневых изделий. Среди первых значительный интерес представляет находка крупного обломка бивня мамонта, перекрывающего фрагмент лучевой кости молодого мамонта (Кв. Т, У–XX, XIX). На двух соседних квадратах У–XIX и XVIII, которые можно отнести уже к северному участку раскопа, обнаружено небольшое скопление обломков костей, камней и единичных кремневых изделий, среди которых особенный интерес представляют обломок локтевой кости, целый зуб и небольшой фрагмент черепа мамонта. Важно отметить, что это единственная находка части черепа мамонта, представленного крошечным фрагментом, имеющего в поперечнике всего 17x16 см. Если принять во внимание то обстоятельство, что черепа мамонта играли важную роль при сооружении палеолитических жилых сооружений на молодых стоянках, то данный фрагмент является одним из существенных элементов доказательства того, что подавляющая масса костей мамонта была собрана на поверхности бечевника Днестра. В этой части найдено несколько отщепов мелких обломков костей и редких древесных угольков.

Наибольший интерес представляет центральный участок, где вскрыто мощное скопление крупных костей мамонта, включая 4 крупных взаимно переплетенных бивня, из которых три сходятся в центре острыми концами. Они сосредоточены на небольшой площади около 5 кв. м. (кв. У, Ф, X–XV, XVI, XVII, XVIII). Основания бивней мамонта располагаются на периферии своего рода полукружности, позволяя выявить определенную систему (Рис. 22).

Так южный бивень (кв. X, Ф–XV, XVI), имеющий значительные размеры, связан с серединой культурного слоя, в то время как верхняя поверхность соответствует кровле. Полое основание бивня имеет глубинную отметку –326, средняя часть — –329, а изогнутое острие самую нижнюю отметку –345. Определенно, весь бивень лежал на поверхности культурного слоя. Так глубинные отметки основания культурного слоя или «пола» варьировали в пределах от –355 до –363.

Восточный бивень с кв. X, Ф–XVI, XVII также связан с кровлей культурного слоя, являясь верхним по отношению к двум другим бивням, с которыми он образует определенную систему. Его глубинные отметки следующие: основание –330, середина –329, острый конец –335.

⁷ К сожалению репер, от которого производились глубинные раскопки на первом раскопе, был утрачен в результате разрушения стенки, а поэтому для этого раскопа был установлен новый.

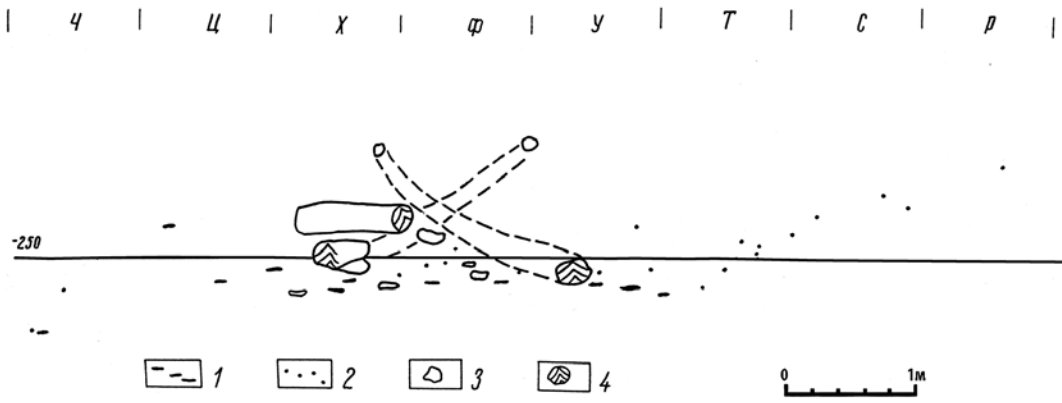
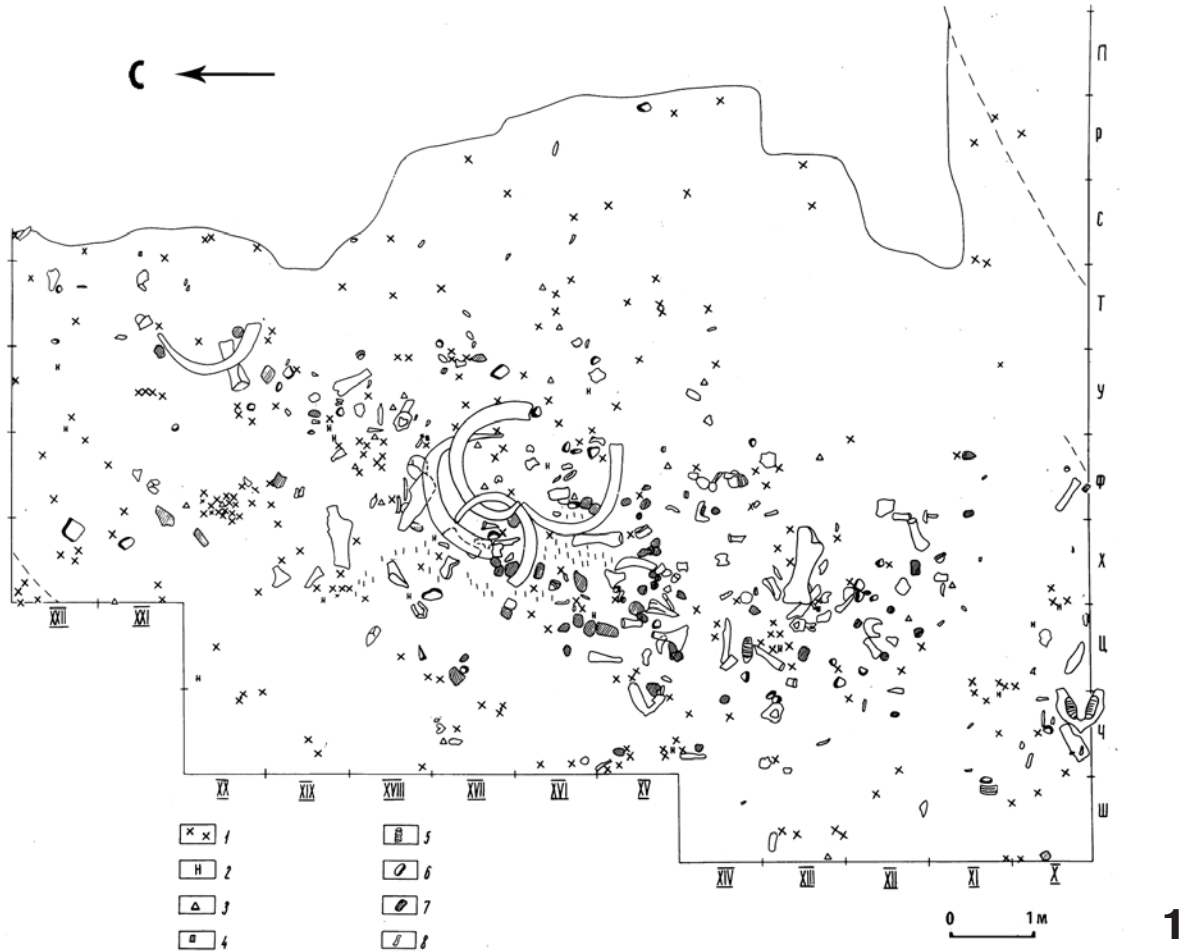

Рис. 21. План и разрез раскопа II.

1 — план расположения находок в основном культурном слое раскопа.

2 — разрез культурного слоя через скопление бивней.

Условные обозначения: 1 — каменные плитки и обломки, 2 — кремневые изделия, 3 — кости, 4 — бивни мамонта

1

2

Рис. 22. Раскоп II.

1 — бивни мамонта в культурном слое. Вид сверху.

2 — бивни и крупные кости мамонта в раскопе 1977 г., вид с севера

Северный бивень, основание которого расположено на кв. X–XVII, а острие на Ф–XVII, является очень крупным и сильно изогнутым. Глубинные отметки его указывают на то, что данный бивень лежал основанием на поверхности пола культурного слоя: глубина основания соответствует на верхней поверхности –347, а на нижней –368, середина –314, а поднимающийся вверх острый конец — –305. В полой основе бивня обнаружен вставленный фрагмент расколотой трубчатой кости мамонта, около которой, справа и слева, обнаружены три достаточно крупных камня кремнистой породы (диаметр каждого из них около 20–25 см). Из них два почти вплотную примыкали к основанию бивня. Еще три аналогичных по размерам неокатанных камня располагались поблизости, примерно в 40 и 45 см. юго-восточнее и юго-западнее основания северного бивня со вставленным в его полую часть обломком кости. Найденный здесь же небольшой обломок неопределимой кости очень хорошей сохранности имел глубину –365, а поверхность, на которой лежал данный обломок — –370.

Западный бивень, характеризующийся крупными размерами и значительной изогнутостью, выявлен на поверхности четырех квадратов — основание на кв. У–XVI, середина на Ф–XVII, а острие — на Ф–XVI. Он, судя по глубинным отметкам, вновь перекрывает культурный слой. Полое основание имеет глубину –340, а верхний конец возвышается до –305. Острый конец этого бивня (кв. Ф–XVI) возвышается над кровлей культурного слоя на 25 см. Основание расположено на культурном слое. Остальная часть бивня как бы пронизывает верхнюю часть слоя, перекрывая попутно лежащий ниже северный бивень.

Непосредственно под серединой северного бивня обнаружена тазовая кость мамонта, а рядом (также под этим бивнем) — расколотая вдоль трубчатая кость мамонта. На поверхности слоя, в пределах скопления (кв. X–XVI), лежала лучевая кость мамонта с глубинными отметками верха –328, а низа кости –340. На соседнем квадрате X–XVII, но на уровне основания северного бивня найден обломок лучевой кости бизона. В основании культурного слоя, под бивнями и рядом с ними выявлены обломки костей лошади и оленя хорошей сохранности, а также единичные орудия, сколы-заготовки, плоский кремневый нуклеус, гальки песчаника и обломки камней. На кв. X–XVI обнаружено рассеянное скопление древесного и костного угля. Все обнаруженные здесь предметы имели близкие глубины, варьирующие в пределах от –350 до –363. Они таким образом фиксировали поверхность пола в пределах жилого сооружения. Ниже этих предметов находок не было обнаружено.

К данной группировке бивней можно привязать скопление овальной формы из камней и крупных обломков костей, которое примыкало к бивням с южной стороны (кв. Ф, X, Ц–XV, XVI). Камни, представленные преимущественно обломками кремнистых пород, часто лежали друг на друге, образуя вместе с костями, своего рода полукруг, примыкающий к скоплению бивней мамонта с юга. Все они располагались в нижней части культурного слоя. Данное скопление представлено обломками костей мамонта, бизона и лошади. Интерес представляет целая трубчатая кость мамонтенка длиной всего 24 см, лежащая в пределах культурного слоя (глубина –347) на кв. Ц–XII⁸. Примечательно, что А. И. Давид, определивший эту кость непосредственно на раскопе, в итоговой статье отметил присутствие среди костей мамонта только взрослых и полувзрослых особей (Давид, 1981: 136). Следует также указать на находку нижней челюсти шерстистого носорога с кв. X, Ц–XV, лежащую горизонтально, но значительно выше культурного слоя, уже непосредственно в ископаемой почве. Глубина залегания челюсти равна –307. Юго-западной границей данного скопления можно считать крупную нижнюю челюсть мамонта (кв. Ч–X), основание которой расположено, согласно глубинным отметкам, ниже основания культурного слоя на 35 см. На этом же уровне лежал и крупный обломок трубчатой кости мамонта. С учетом этих обстоятельств, относить данные кости к культурному слою весьма сомнительно, а поэтому включение их в состав комплекса ошибочно. Не исключено, что они принадлежат нижнему горизонту, связанному с отложения пойменного аллювия данной речной террасы (Рис. 23).

Существенно отметить, что на этом раскопе, как и на раскопе I, прослеживается значительная полоса без каких-либо находок, ограждающая скопление с северо-востока. Эта полоса имеет длину около 3 м. Напротив, со всех других сторон культурный слой, вновь как на раскопе I имеет обычное пространство.

В отличие от раскопа I, здесь практически нет площадок по обработке кремня, что сказалось на общем количестве кремневых изделий, которых здесь немногим более 300, хотя общее количество костей и их обломков вполне сопоставимо. Показательно отсутствие на данном раскопе очагов или кострищ.

⁸ Эта кость мамонтенка позволяет делать вывод, что мустьерцы не только собирали кости мамонтов, но и порой охотились на него.

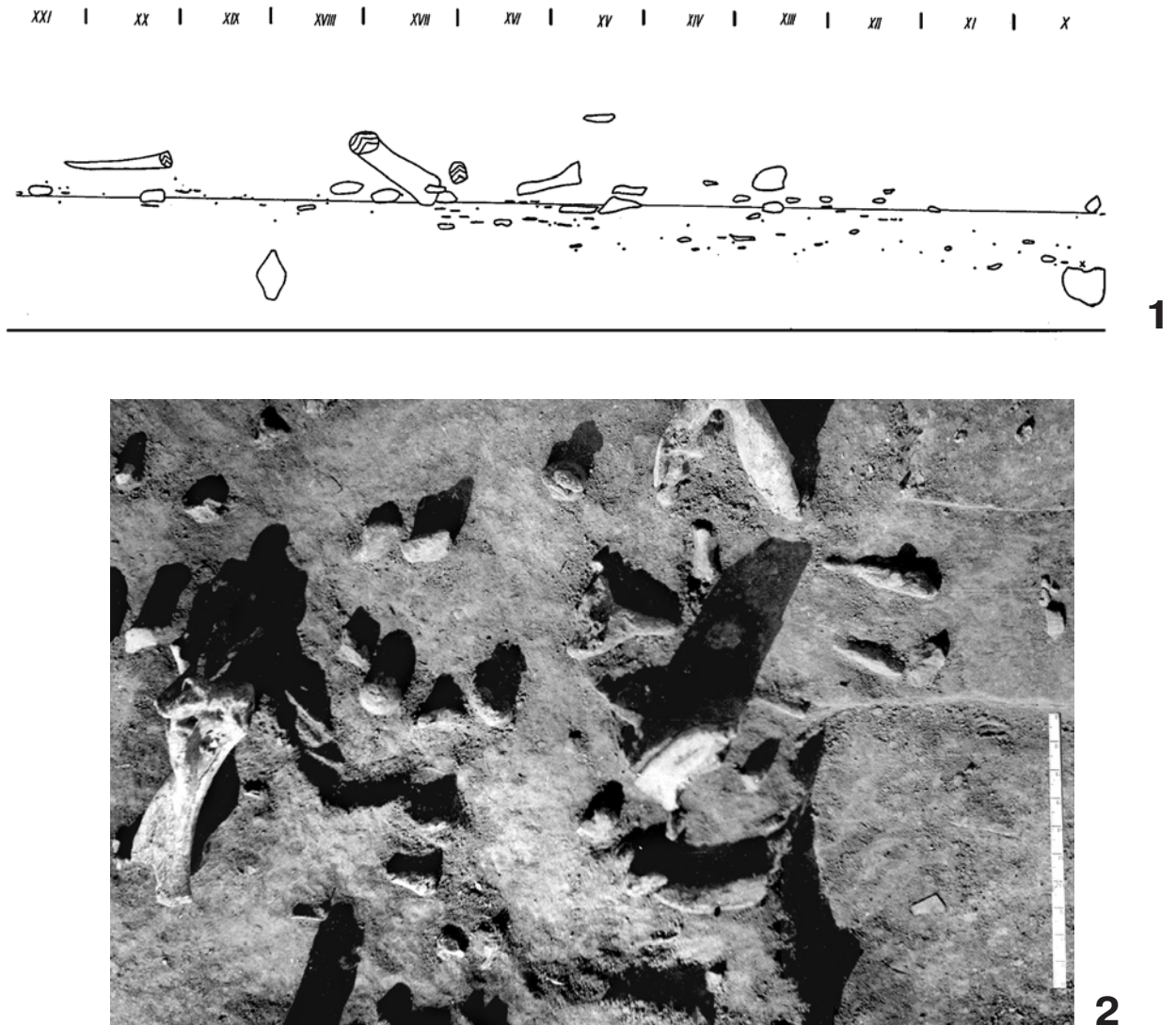

Рис. 23. Раскоп II, основной культурный слой.
 1 — разрез культурного слоя через скопление костей по линии СЗ—ЮВ.
 2 — основной культурный слой на кв. X—III — X—XIV

Можно указать на наличие отдельных скоплений древесного и костного угля. Последний в малом количестве представлен внутри скоплений бивней мамонта. Интересно, что культурный слой в пределах рассматриваемого раскопа несколько деформирован. В частности, здесь нет отчетливой линии пола. Этим данный раскоп отличается от первого.

Из производственных площадок, где производилось расщепление кремня, можно указать лишь одно небольшое скопление. Там найдено 9 сколов-заготовок, включая 2 ножа с естественными обушками, 33 чешуйки и осколка. Интересно отсутствие здесь нуклеусов. На остальной же площади раскопа обнаружены единичные нуклеусы, орудия и заготовки, не образующие четких, как на раскопе 1, скоплений.

Можно указать на отсутствие заметного повышения глубинных отметок на крайних северных и южных квадратах, что отличает данный раскоп от раскопа 1. Отложения характерные для конусов выноса обнаружены лишь на небольших участках в пределах квадратов X—XXII и П, Р, С, Т—Х. Причем повышение глубинных отметок здесь было незначительным.

В общем, можно заключить о наличии здесь остатков наземного жилища, перекрытого сверху четырьмя бивнями, расположенными попарно друг против друга, на расстоянии около 2 м друг от друга. Подобное же явление отмечено и для раскопа 1, где расстояние между предполагаемыми узлами кре-

пления каркаса жилищ также составляло 2 м. Правда, на раскопе II не удалось выявить ни остатков кострищ, ни каких-либо углублений, но размеры жилых площадей вполне сопоставимы, составляя примерно 10–12 кв. м. Кстати, важно указать, что на жилой поверхности данного жилого сооружения, как и на раскопе I, нет чешуек и мелких обломков кремня.

Важно указать, что археологические и палеонтологические находки в пределах культурного слоя продолжают в юго-западном направлении, уходя в неисследованную часть поселения.

5.2.3. Северный и южный комплексы

Два комплекса, стратиграфически, возможно, составляющие остатки единого поселения, выявлены севернее и южнее раскопов I и II. Правда, оба они не изучены должным образом. Из них северный — «Каменный карьер» геологов или комплекс III — уничтожен карьером, а южный, обнаруженный позднее всех, до сих пор только разведан, но не изучен должным образом. С точки зрения микростратиграфии все они очень близки. Всюду выразительные культурные слои залегают под нижним комплексом ископаемых почв черноземного типа и непосредственно на поверхности отложений пойменного аллювия. В первую очередь это касается южного комплекса. Разумеется, наиболее перспективным для дальнейших исследований нужно считать именно его.

5.2.4. Верхний уровень залегания культурных остатков стоянки

Этот уровень представлен несколькими горизонтами находок, из которых один лежит ниже всех — в средней ископаемой почве. Поэтому он описан как «нижний».

Нижний горизонт

Рассмотрим более детально распространение находок из нижнего горизонта, связанного со средней ископаемой почвой, где прослеживаются некоторые элементы подлинного культурного слоя. На всей площади раскопов встречены единичные находки кремневых изделий и отдельные обломки костей, залегающей по всей толще ископаемой почвы. Интересные данные были получены на раскопе I в 1975 г. Здесь по линиям Ж, З, И—13, 14, 15, на общей площади 9 кв. м, выявлен интересный объект, связанный с основанием ископаемой почвы, представленный тремя группами доломито-глинистых плит, включая скопление кремневых мелких отщепов и чешуек, а также рассеянную концентрацию древесных угольков. Последние можно воспринимать как остатки разрушенного кострища. Первая группа камней, расположенная на границе кв. З, И—13, представлена одной относительно крупной плитой длиной 22 см при ширине 20 см и толщиной до 10 см, а также тремя более мелкими обломками доломита, расположенными рядом. Один обломок располагался на поверхности крупной плиты. На кв. И-13 найден обломок кремня и несколько древесных угольков. Следующее скопление из более крупных плит, расположено примерно в 1 м южнее на границе кв. И, З—14, 15. Оно представлено двумя плитами, лежащими одна на другой, нижняя из которых имеет длину 36 см, при ширине 37 см и толщине около 10 см, а лежащая на ней верхняя плита — 28×21×10 см. В центре кв. З-14 обнаружено скопление древесных угольков. Почти в центральной части кв. З-13 выявлено четкое скопление мелких отщепов и чешуек кремня, сгруппированное на небольшой площади примерно 30×20 см и несколько растянутое к юго-восточному углу квадрата. Отдельно лежащая плита (25×20×10 см) расположена на кв. Ж-14. На соседнем кв. Ж-15 найден отщеп с глубинной отметкой —154, а рядом фрагмент зуба мамонта и небольшой обломок неопределимой кости копытного животного (лошади?).

Объект с данного участка представляет из себя своего рода треугольник, представленный крупными плитами доломита, расположенными друг от друга примерно на расстоянии немногим более 1 м. В центре объекта находится скопление древесных углей, а в северной части — концентрированное скопление расщепленного кремня. Показательно отсутствие здесь нуклеусов, орудий и типичных сколов-заготовок. К сожалению, правдоподобная интерпретация данного объекта невозможна.

Верхний горизонт

Эта часть разреза представлена единичными находками кремневых изделий разной сохранности и отдельными обломками костей мамонта. Все они залежали в верхней ископаемой почве и гумусированной прослойке. Показательно, что кремневые изделия из самого верхнего уровня, представленного лессовидным суглинком, перекрывающим маломощную верхнюю ископаемую почву, имеют некоторую окатанность. Из них наиболее сильно окатано массивное кремневое скребло. Этот факт указывает на то, что эти находки явно переотложены. Они возможно сорваны с поверхности более высокой террасы.

ГЛАВА 6

МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ И АНАЛИЗА КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ СТОЯНКИ

Всем известно, что современные методические приемы описания и анализа среднепалеолитических каменных индустрий основываются на гигантском опыте исследователей предшествующих поколений. Более, чем вековой международный опыт научных исследований палеолита на территории Старого Света, связанный не только с полевыми и камеральными работами, но и с разнообразными экспериментальными разработками, позволил сформировать своеобразный банк данных о природе археологических источников палеолита, включая наиболее многочисленный и распространенный материал — каменные орудия. Сегодня каждый профессионально подготовленный специалист по археологии палеолита обязан быть не только грамотным типологом, но и достаточно квалифицированным технологом. Необходимо знакомство с соответствующими публикациями, где детально анализируются все аспекты изготовления каменных изделий, а также излагаются результаты экспериментально-трассологических исследований, дополненные различными наблюдениями, в том числе основанными на ремонте процессов последовательности расщепления нуклеусов, происходящих с конкретных палеолитических стоянок. В настоящее время так называемых «чистых типологов» практически нет, поэтому ссылки на наличие в палеолитоведении особого типологического направления, якобы противостоящего технологическому (Гирия, 1997: 7–9), следует считать явным преувеличением.

Проблеме методики обработки и описания комплексов каменных орудий посвящена обильная научная литература, включая основательные разработки отечественных ученых разных лет (Бонч-Осмоловский, 1928, 1940; Любин, 1965; Гладиллин, 1976; Беляева, 1998; 1999; Степанчук, 2006). В этой связи весьма ценной и полезной работой является четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита, недавно опубликованный международным коллективом известных специалистов, включая археологов, геологов-четвертичников и палеонтологов (Васильев и др. 2007).

Среди публикаций последних лет, представленных в отечественной научной литературе и посвященных вопросам технико-типологического анализа каменных индустрий среднего палеолита, наиболее профессионально эти вопросы рассмотрены, на мой взгляд, в ряде работ Е. В. Беляевой, которая в настоящее время является одним из крупнейших специалистов по раннему и среднему палеолиту Кавказа (Беляева, 1999: 19–36).

Кстати, само понятие «технико-типологический анализ», применяемый в большинстве публикаций, не является безупречным. В конечном счете, реальнее было бы использовать термин — «технимоρφологический анализ», учитывая, что в наших публикациях первостепенная роль отводится описанию форм каменных орудий, включая последовательность и порядок операций их изготовления.

Технимоρφологический анализ кремневых изделий, применяемый в данной работе, в значительной мере базируется на методике Франсуа Борда, которая, несмотря на все ухищрения критиков, и сегодня остается весьма востребованной. Следует констатировать: никто из оппонентов Борда пока не смог создать ничего лучше и эффективнее его «системы». К тому же среди ее критиков нет ни одного, кто бы применил для обоснования своих контраргументов сколько-нибудь значительные археологические комплексы, сопоставимые с гигантскими по объему материалами с территории Франции, охваченными Ф. Бордом. Чаще всего выдвигаются слабо обоснованные и преимущественно умозрительные

суждения, подкрепляемые случайно подобранными для этой цели археологическими материалами. Так или иначе, в настоящее время эта система — далеко не совершенная, но реально синтезировавшая мировой опыт исследований палеолита первой половины XX в. — дает возможность производить вполне обоснованные подразделения каменных индустрий среднего палеолита во времени и пространстве¹.

Напротив, отказавшись от этой системы и не имея новой, мы вновь возвращаемся к старому представлению о «единообразии» мустье. Многие отечественные палеолитоведы считают, что система Борда, основанная на материалах Франции и соседних с ней территорий Западной Европы, не может быть применима в должной мере для более удаленных территорий, в частности, для Восточной Европы, где средний палеолит весьма специфичен (Любин, 1965: 74; Праслов, 1968: 141; Праслов, 1984: 101; Гладилин, 1976; Колесник, 2003: 54; Степанчук, 2006). Это утверждение, однако, можно принять лишь с оговорками. Нет сомнений в том, что средний палеолит Франции специфичен: например, нигде за пределами Западной Европы нет ни подлинного мустье с ашельской традицией, ни мустье типа кина. Это так, но с другой стороны, мустьерские индустрии, практически неотличимые от французских (исключая, разве что, два названных выше варианта), представлены по всей территории Европы и Ближнего Востока. Например, комплекс молодцовского леваллуа-мустье, выявленный на юго-западе Восточной Европы, практически полностью аналогичен типичному мустье Франции и может быть с полным правом атрибутирован, как мустье типичное фации леваллуа (Черныш, 1965; Ситник, 2000; Анисюткин, 1971, 2001, 2009). Даже так называемый «восточный микок», широко распространенный на востоке континента, по совокупности различных показателей очень близок индустриям типичного мустье или своеобразного шарантского комплекса. Вся специфика «восточного микока» обусловлена наличием там характерных форм бифасов, которые, правда, порознь, но все-таки регулярно встречаются даже в мустье Франции.

Вполне сопоставимы с мустье Западной Европы и мустьерские индустрии из пещер Горного Алтая. В последние годы сибирские коллеги смогли продемонстрировать это вполне исчерпывающе. Обнаруженные на Алтае индустриальные ансамбли, обработанные по методике Ф. Борда, как оказалось, содержат все те формы, которые представлены в тип-листе французского классика (Деревянко, Маркин, 1992). Выявленная же их специфика может быть охарактеризована своеобразным сочетанием типов мустьерских орудий, где особую роль играли сравнительно многочисленные формы *dejetes* (Там же: 208). И здесь нет ничего удивительного, если принять во внимание то обстоятельство, что практически все формы из тип-листа Борда обычны в среднепалеолитических индустриях Евразии и Северной Африки. Некоторым исключением, хотя и частичным, является специфический палеолит ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Астахов, 1999). Однако и там применение системы Борда не только возможно, но необходимо².

В данном случае я могу сослаться на собственный опыт, ибо некоторые коллекции палеолита Юго-Восточной Азии были в свое время обработаны мною именно по этой методике. В результате в материале удалось вычленить совокупность количественных и качественных показателей (включая индексы технические и типологические), четко определить особенности палеолита указанного региона, где среди орудий на отщепках достаточно редки формы типичного среднего и верхнего палеолита Европы. В частности, стоит привести результаты обработки материалов весьма представительной коллекции каменных изделий из палеолитического слоя пещерной стоянки Намтун, изученной мною во время научной командировки во Вьетнам в конце 1984 г. Указанный комплекс относится к своеобразной палеолитической культуре шонви, которая в целом, как считают вьетнамские ученые, синхронна верхнему палеолиту Европы (Нгуен Кхак Ши, 1982).

В этой коллекции, включающей около 300 изделий, насчитывается 156 орудий и несколько нуклеусов. Полученные индексы техники первичного расщепления оказались более, чем удивительными. Процент леваллуазских отщепов составил всего 0,5%; подправленных ударных площадок — 2,5%, пластин — только 5%, но клектонских — 73%, из них 90,8% сохраняют галечную корку. Подобные показатели на первый взгляд кажутся характерными для весьма архаичного нижнего палеолита Европы³,

¹ В этом плане признание методологической основы Ф. Борда «устаревшей» не учитывает того очевидного обстоятельства, что на смену устаревшей обязательно должна явиться более современная методология. Но где же она? Ее, увы, до сих пор нет.

² Специфика палеолита этих стран в существенной мере обусловлена и особенностями методики описания каменных орудий, которая, особенно в Японии, весьма необычна.

³ На самом же деле в известных комплексах стратифицированного раннего палеолита Европы до сих пор неизвестны такие соотношения, где галечные формы абсолютно преобладали бы над остальными орудиями.

а не для среднего или, тем более, верхнего палеолита. Столь же необычными оказались типологические индексы: группа II (мустье) — 5,1 %, группа III (верхний палеолит) — 1,2 %, группа IV (зубчатые орудия) — 4,4 %, группа выемчатых и зубчатых орудий (№ 42 и 43 списка Ф. Борда) — 5,7 %, но абсолютно господствуют галечные орудия, сопоставимые с чопперами и чоппингами (т. е. № 59-61 тип-листа Борда), которых было более 82 %. Среди последних выделяются весьма необычные формы орудий, которые вообще не характерны ни для раннего, ни для среднего, ни, тем более, для верхнего палеолита Европы. Таким образом, специфика фиксируется четко — как в технических показателях, так и в типологических. Сочетание типов (композиция) каменных орудий данного комплекса не находит себе эквивалентов — подчеркну еще раз — ни в одном из вариантов среднего и верхнего палеолита, происходящих с территории Европы и Ближнего Востока. Палеолит Вьетнама — азиатской страны, расположенной в тропической зоне — как следует из совокупности приведенных технико-типологических показателей, удивительно своеобразен, что в значительной мере объясняется контрастами окружающей природной среды. Однако для раскрытия и фиксации его специфики именно использование методики Ф. Борда оказывается результативным. К сожалению, на современном этапе исследований каменных индустрий среднего палеолита наблюдается очень большое внимание к изучению палеолитических технологий, а вот интерес к углубленному типологическому анализу каменных орудий утрачивается. В данном случае весьма показательным замечанием известного авторитета в указанной области, бельгийского профессора Марселя Отта, представленное в предисловии к книге французских исследователей палеолита Демарса и Лорена (Demars, Laurent, 1992): «La typologie n'est plus a la mode» («Типология больше не в моде»).

В итоге, наиболее существенным современным «достижением» нужно признать возвращение к типологическим разработкам начала прошлого века, в основе которого лежит опора на старинный метод «руководящего ископаемого». Анализ конкретного материала нередко заменяют разные идеальные модели, в которых якобы реконструируются реальные процессы развития палеолитических индустрий (Maillo-Fernandez et al. 2011: 139).

Широко распространенным и популярным сейчас методом изучения техники первичного раскалывания камня, основы которого, правда, были заложены еще в первой половине XX в. (Bordes, 1950; Kelley, 1954), можно считать «аппликационный метод», позволяющий при помощи сборки (ремонтажа) продуктов расщепления воспроизводить последовательность процесса получения сколов-заготовок в индустриях палеолитического времени. Этот метод стал одной из основ реконструкции палеолитических технологий, выявляя, как полагают многие исследователи, реально существовавшие этапы (*chaîne opératoire* французских ученых) изготовления палеолитических каменных орудий.

Однако и здесь не следует слишком обольщаться, ибо данный способ установления определенных операционных цепочек, якобы проведенных древними людьми в процессе расщепления камня, чрезмерно зависим от ряда существенных обстоятельств. В этом отношении я целиком согласен с известным российским технологом Е. Ю. Гирей, который, прекрасно понимая ценность данного метода анализа древних технологий, писал: «Сам по себе ремонтжированный предмет расщепления не является ни приемом, ни технологией. Это лишь результат применения последних в древнем производстве, в лучшем случае наглядно демонстрирующий, иллюстрирующий их. Но для того, чтобы изучить технологию, складень должен быть подвергнут такому же технологическому анализу, как и неремонтжированные продукты расщепления...» (Гиря, 1997: 29). Далее автор справедливо отмечает, что «...складень — это результат отдельного, возможно не самого типичного для данной индустрии акта расщепления, возможно не самого удачного, возможно незаконченного...». Итог этим рассуждениям подводится удачной цитатой из работы зарубежного коллеги (Volker, 1990, 215): «Новые результаты, имеющие технологическое значение, не происходят из экстенсивных, требующих больших затрат времени работ по составлению складней, все технологические данные с равным успехом можно получить и путем тщательного анализа неремонтжированных отдельных сколов...» (Гиря, 1997: 30). Правота последнего заключения очевидна.

К тому же, при интерпретации результатов работ, связанных непосредственно с ремонтом (аппликацией), всегда находится место и для чрезмерно вольных интерпретаций. Ярким примером тому является публикация, посвященная технологии мустьерской индустрии из слоев 11 и 12 стоянки Кормань IV (Ситливий, Ситник, 2002: 411-434), восстановленной на основе аппликационного метода, где заведомо нелеваллуазская индустрия введена в круг леваллуазских типа Молодова 1 и V (Там же: 434). Между тем, достаточно обратить внимание на указание авторов о наличии в коллекции слоя 12 всего 6 сколов леваллуа (т. е. 3,7 %), чтобы убедиться в обратном. Упомянутые сколы, судя по иллюстрациям, весьма атипичны. Так из публикуемых авторами статьи подборки «отщепов леваллуа» только один

имеет прямую ударную площадку и небольшую массивность, напоминая, тем не менее, острия псевдо-леваллуа Ф. Борда, в то время, как второй (Там же: № 3) является излишне массивным предметом со скошенной площадкой, обладая четкими признаками «клектонского» отщепа.

Кстати, в публикации, посвященной этой стоянке, А. П. Черныш специально обращал внимание на очень высокий процент отщепов клектонского облика, которых он в слое 12 выделил более 76 % (Черныш, 1977: 17). Справедливость его заключений подтверждается анализом иллюстраций к рассматриваемой статье А. С. Сытника и В. И. Ситливого. Представленная на них последовательность процесса расщепления имеет очень мало общего с техникой леваллуа. В частности, выделяемый данными исследователями явно нелеваллуазский конический нуклеус из слоя 12, который был ранее отнесен А. П. Чернышом к пирамидальным (Черныш, 1977: 15), с большой долей вероятности может рассматриваться как биконический. С него последовательно скальвались укороченные и массивные отщепы, которые трудно отнести к леваллуазским (Ситливый и др. 2002: 23–25). Кстати, необходимо подчеркнуть: биконические нуклеусы являются формами, типичными для клектонской индустрии Англии (Collins, 1968: 28; Singer et al., 1973), которая единодушно относится всеми исследователями к числу нелеваллуазских.

Тем не менее, данный метод аппликации весьма полезен при анализе техники первичного расщепления камня, но лишь как вспомогательный. Современные работы в этом направлении существенно расширили наши знания о технологиях среднего палеолита Европы, но наиболее интересные разработки посвящены, естественно, технике леваллуа (Усик, 2003; 2009).

При работе с коллекциями каменных изделий следует строго придерживаться единого порядка описания комплексов каменных индустрий, который предложен в свое время Ф. Бордом. К сожалению, сегодня у нас вновь получает распространение практика произвольного описания комплексов каменных индустрий, как это было в начале прошлого века, либо в работах краеведов-любителей. Одним из многих примеров тому может служить, по существу весьма полезная и содержательная монография П. Е. Нехорошева, специально посвященная технологии палеолитических каменных индустрий. Вопреки общепринятым правилам, описание коллекции кремневых изделий стоянки Шлях начинается там с орудий и завершается осколками и обломками (Нехорошев, 1999).

Между тем, описание массового материала, построенное по системе Ф. Борда, предполагает четкий порядок, который свойственен всем подлинно научным классификационным системам. В самом начале приводится анализ особенностей сырья, которое применялось на той или иной стоянке для изготовления каменных орудий. Сам характер и результаты анализа данного фактора весьма зависимы от его специфики: чем разнообразнее сырье, тем больше внимания требует его характеристика. Далее следует описание техники первичного расщепления, основанное на совокупности определенных признаков, важность и «работоспособность» которых подтверждена практикой. Среди таких признаков следует, в частности, указать на преобладающие размеры сколов-заготовок и их массивность.

Важно отметить, что эти признаки фиксируются в виде реально измеряемых величин, никак не зависящих от субъективной позиции исследователя. В настоящее время преобладание тех или иных размеров каменных изделий в индустриях объясняются тремя основными причинами: спецификой сырья, интенсивностью использования каменных изделий и культурным фактором (Анисюткин, 2009). Выбор той или иной интерпретации чаще всего никак не аргументируется.

При подразделении сколов-заготовок важно определять подлинные группировки, а не предлагать читателю некие абстракции. Так в случае распределения находок через 2 см (2–4, 4–6 см и т. д.), что нередко имеет место (Любин, 1977), утрачивается подлинная граница мелких сколов-заготовок, которая, как показывает практика, четко лимитируется границей в 5 см (Гладилин, 1976; Деревянко, 2009).

В данном случае показательны примеры с индустриями, сопоставимыми в общих чертах с тайяком или «таубахиеном» Карела Валоха для которых характерно преобладание каменных изделий мелких размеров. На территории Восточной Европы к числу подобных каменных индустрий следует отнести комплекс стинковско-дуруиторского единства, распространенный в данном регионе и резко отличающийся от комплексов леваллуа-мустье и микока, несмотря на то, что во всех указанных индустриях использовалось практически одно и то же сырье.

Так размеры кремневых и кварцитовых изделий индустрии нижнего слоя стоянки Стинка 1, для контраста подразделенных на коллекции 1966 и 1967 годов, дали идентичные средние показатели: соответственно 42,8 мм и 43,1 мм, как и аналогичная по совокупности технико-типологических показателей индустрия местонахождения Мамаи, но расположенного на много (более 400 км) южнее, в румынской Добрудже (Valoch, 1993), дала тот же самый показатель — 43,1 мм. Сюда же можно отнести и сколы-заготовки индустрий пещерной стоянки Буздужаны 1 (слои 4–5) со сопоставимым средним показателем — 41,6 мм.

Сходные размеры получены и для более ранних комплексов, соответствующих уже непосредственно дуруиторской группе: грот Старые Дуруиторы — слой 4 — 45,5 мм⁴, слой 3 — 40,1 мм, грот Выхватинцы (нижний слой) — 37,0 мм, стоянка Ярово — 37,5 мм. Показательно, что средние величины кремневых изделий, выявленные для названных выше комплексов, никогда не превышали 5 см. С другой стороны, если взять в качестве примера леваллуа-мустьерские индустрии, то средний размер сколов-заготовок из слоя 5 стоянки Молодова 1 (выборка из 145 предметов) составил 52 мм, из слоя 11 стоянки Молодова V — 63,3 мм, а из грота Бутешты — почти 54 мм. Всюду средние размеры сколов-заготовок превышали 50 мм. Налицо достаточно четкое различие по данному признаку. Однако, если при описании использовать группировку через 2 см (4–6 см), как это практикуют некоторые исследователи палеолита, то все эти комплексы (кроме слоя 11 стоянки Молодова V) попадут в одну группу, и никакого различия мы не увидим.

Хорошим показателем развитости техники первичного расщепления, изменяющегося во времени, является коэффициент (показатель) массивности заготовок, эффективность которого проверена на значительном археологическом материале (Анисюткин, 1968; 1988; 2001). Правда, как показывает практика, он «работает» только для индустрии среднего палеолита.

На значимость меняющейся во времени массивности палеолитических отщепов и пластин исследователи обращали внимание еще в начале прошлого века. В первую очередь тут надо упомянуть интересные разработки Г. А. Бонч-Осмоловского, который указал на это в публикации далекого 1928 года, обобщая изученные им материалы среднего палеолита Франции (Бонч-Осмоловский, 1928). Примерно в те же годы французские ученые А. Брейль (Breuil) и Э. Пьетт (Piette), имея в виду данное явление, предложили использовать особый термин — *Leptolithique* (*leptos* — тонкий и *litos* — камень), который они понимали, как постепенную эволюционную тенденцию уплощения и утончения отщепов и пластин — вплоть до пластинчатых заготовок верхнего палеолита (Brezillon, 1969).

Спустя почти 30 лет после выхода в свет указанной статьи Г. А. Бонч-Осмоловского, проблема была разработана французским исследователем Морисом Бургоном, который на основании элементарных замеров параметров отщепов и пластин определил усредненную массивность (*Section*) конкретных индустрий мустьерского времени, приведя многочисленные примеры по материалам мустье Франции (Bourgon, 1957). Подобная процедура проводилась и для бифасов. Полученные данные оказались весьма интересными и перспективными. Они явились отправной точкой моих собственных исследований в этом направлении.

Использование данной методики для значительной группы комплексов среднего палеолита, включая не только французские материалы, опубликованные в монографии М. Бургона, но и восточноевропейские, обработанные уже мною, дали обнадеживающие результаты (Анисюткин, 1968; 1988). Понятие *Section* М. Бургона, названное мною «массивностью», на практике хорошо коррелировало с рядом важных показателей техники первичного расщепления. Позднее эта методика была мною усовершенствована, что позволило несколько иначе взглянуть на динамику изменения показателей массивности групп сколов-заготовок во времени и пространстве (Анисюткин, 2001). Данный показатель стал широко использоваться учеными, в первую очередь, на Украине. В. Н. Гладилин предложил называть его «коэффициентом массивности» (Гладилин, 1976). Правда, применение его не к общему массиву сколов, включая отщепы и пластины, а к разным категориям находок, включая нуклеусы, несколько ослабило разрешающую возможность данного показателя. Важно подчеркнуть и то, что подобный анализ является трудоемким, отнимает немало времени, а это отпугивает многих исследователей.

Показатель определения массивности сколов-заготовок, предложенный в работе английского исследователя Д. Коллинза, был удачно использован при отделении клектонских индустрий от ашельских. Эти исследования показали существенное различие между сопоставляемыми индустриями, отличавшихся друг от друга широким спектром признаков, включая массивность отщепов (Collins, 1968). Последние отличались в ашеле меньшей массивностью.

В 80-е годы XX века в сходном направлении интересно работали немецкие исследователи Т. Вебер и Д. Шафер, предложившие весьма своеобразную методику выявления метрических показателей при изучении технологических особенностей индустрий раннего и среднего палеолита, включая работоспособный индекс «массивности» (Weber, Schafer, 1983).

При характеристике техники первичного расщепления мною, естественно, широко используются и другие важные технические показатели (индексы) системы Борда. К числу их относятся индексы ле-

⁴ В данной коллекции имеется некоторое количество крупных отщепов, многие из которых использовались, как это типично для клектонских комплексов, в качестве нуклеусов.

валлуа, фасетирования и пластин, дополненные «клектонским» индексом, предложенным в свое время французским исследователем Жаном Комбье (Combie, 1967). Все эти индексы имеют разную разрешающую возможность, но все они весьма полезны при анализе техники первичного расщепления камня каменных индустрий среднего палеолита, что подтверждено практикой. Очень существенно, что они довольно широко применялись специалистами разных стран, давая возможность одинаково воспринимать тот или иной массив источников, обработанных по единой методике. В этом плане, группа специалистов как бы «говорит» на одном языке, что способствует их взаимопониманию.

Индекс леваллуа важен при определении уровня развитости техники первичного расщепления камня, отражая собой умение древнего мастера, в той или иной мере, управлять плоскостями расщепления при раскалывании камня. Правда, в настоящее время необходимость специального выделения индекса леваллуа подвергается существенной критике из-за различий в трактовках самого понятия леваллуа. На этом основании некоторые исследователи вообще перестали давать эти показатели, заменив их интерпретационными схемами первичного расщепления (Чабай, 2004: 56).

В данном случае весьма показательна глава 3 монографии П.Е. Нехорошева, специально посвященная леваллуазской проблеме (Нехорошев, 1999: 23–40). В ней весьма тщательно разбираются все аспекты данной технологии, приведен целый ряд цитат из публикаций разных авторов — как известных так и мало известных. К сожалению, в указанной книге почти нет ссылок на исследования французских ученых, давших положительный и поучительный опыт использования леваллуазских сколов-заготовок при исследовании разнообразных и богатых археологическим материалом памятников среднего палеолита Западной Европы.

Скорее всего этот опыт просто не был воспринят П. Е. Нехорошевым в должной мере. На мой взгляд, главная цель приводимых в монографии примеров — показать наличие многочисленных противоречивых суждений при исследовании и интерпретации леваллуазской технологии, подвести читателя к мысли о недостаточной продуктивности методики Ф. Борда. В частности, утверждается: «Разной в понимании леваллуа не мог не отразиться в значениях леваллуазских индексов» (Там же: 24). Далее приводятся примеры варибельности опубликованных разными исследователями индексов одного и того же материала. Однако примеры эти, на мой взгляд, демонстрируют только одно: недостаточное знакомство критика с основами системы Ф. Борда. В одном случае дана ссылка на неуместный здесь индекс леваллуа типологического, который автор, видимо, путает с леваллуа техническим. Во втором случае П. Е. Нехорошев указывает на якобы имеющий место разнотипность индексов у разных специалистов. При этом он как будто не осознает, что в любом случае речь идет о достаточно высоких индексах (29 %, 41 % и 49 %), характеризующих, по Борду, данный комплекс как несомненно леваллуазский. Ведь даже индекс леваллуа в пределах 29 % существенно превышает нижнюю границу (20–25 %), позволяющую считать ту или иную индустрию леваллуазской. И еще в данном случае стоит напомнить: комплексы при индексе более 40 %, как считал Ф. Борд, могут указывать на вероятную сортировку материала первобытным человеком (Bordes, 1950).

Ссылка на предложение В. П. Любина использовать максимальные и минимальные индексы леваллуа (далее ИЛ) говорит не о недостатке метода, а свидетельствует о стремлении к улучшению и уточнению процедуры использования ИЛ, учитывая наличие сколов как типичных, так и атипичных, количество которых в разных индустриях разное. Важно подчеркнуть: данное предложение исходит от крупнейшего специалиста по раннему и среднему палеолиту, имеющего огромный опыт работы с массовым археологическим материалом, в отличие от очень многих «авторитетов», чей практический опыт весьма ограничен, а критические замечания чаще всего умозрительны.

Всякий исследователь, которому приходилось работать по системе Ф. Борда, выявляя индекс леваллуа (ИЛ), постоянно сталкивается с теми или иными отклонениями от стандарта общего понятия отщеп или пластины леваллуа, связанных с заметной варибельностью признаков, зависящих от разных причин. И здесь, на мой взгляд, решающее значение имеет не только четкость определения понятия «отщеп леваллуа», но опыт и квалификация исследователя. Кстати, примеры существенного совпадения подсчетов у ряда исследователей, изучавших мустье Крыма, приведенные в монографии П. Е. Нехорошева, указывают именно на это. Если бы им были использованы многочисленные публикации исследователей, широко использовавших систему Ф. Борда, то примеров подобных совпадений было бы значительно больше.

К сожалению, в книге П. Е. Нехорошева не дано полностью приемлемого определения леваллуазского скола, хотя именно процент отщепов и пластин этого типа и составляет сущность индекса леваллуа Ф. Борда, указывая на их востребованность. Вряд ли единичные отщепы леваллуа, полученные

с малочисленных черепаховидных нуклеусов, при обилии клетонских отщепов, как это характерно для горизонта 5 Королево 1, позволяют с полным правом считать данную индустрию леваллуазской (Гладилин, Ситливый, 1990).

П.Е. Нехорошевым предложено следующее определение: «скол леваллуа — это симметричный в плане, уплощенный, прямопрофильный скол с ровным режущим краем максимальной протяженности и примерно одинаковым или плавно меняющимся углом заострения краев, полученной ниже или среднепалеолитической техникой скола» (Там же: 27). Данное определение можно считать почти безупречным для общего пользования, но непригодным для практического выделения серий отщепов и пластин леваллуа, необходимых для определения индекса. Во-первых, что такое уплощенный скол? Где границы необходимого уплощения? Во-вторых, здесь ничего не сказано об ударных площадках, которые необычайно важны для получения подобных сколов. Значимость угла скалывания для получения удлиненного и уплощенного отщепка была хорошо известна ученым еще в первой половине прошлого века (Замятнин, 1961: 8; Kelley, 1954: 151). К тому же ничего не отмечено о характере огранки спинок сколов. Этот показатель весьма важен. В данном случае П. Е. Нехорошев вполне справедливо не соглашается с подходом некоторых ортодоксов (В. Н. Гладиллина, Ю. В. Кухарчука), отрицающих отнесение к леваллуа пластинчатого параллельного расщепления. Леваллуазская технология не представляет из себя чего-то неподвижного и не изменяющегося в течение огромного периода своего существования.

В этом плане не является случайной граница технического индекса леваллуа (IL), которой определен Ф. Бордом в пределах 20–25 %, исподволь указывая на некоторую необычность ситуации. В самом деле, как отмечается в классической работе Ф. Борда и М. Бургона, получение одного отщепка леваллуа влечет появление десятка отщепов нелеваллуа, но с другой стороны, если с нуклеуса получен первый отщеп или пластина, то можно получить и второй, и третий, и даже четвертый без необходимости делать новую подправку. Наиболее достоверные формы отщепов этого типа могут быть получены с нуклеусов мустьерских, из которых нуклеус леваллуа, как считают французские ученые, является только их усовершенствованной формой (Bordes, Bourgon, 1951: 5). Это замечание содержит прекрасный материал к размышлению. Действительно, отщеп леваллуа, как штучное производство, может быть получен и с дисковидного нуклеуса (особенно одностороннего), который часто является лишь стадией расщепления леваллуазского ядрища, а также наоборот — радиальное расщепление может предшествовать леваллуазскому.

В целом для отщепка, остря или пластины леваллуа очень важными и необходимыми, как можно установить из совокупности имеющихся данных, являются такие признаки, как:

- 1) симметричность формы, связанной с совпадением оси скалывания с наибольшей длиной отщепка (пластины);
- 2) наличие прямой или слабо скошенной (не более 100°), преимущественно подправленной ударной площадки;
- 3) относительная уплощенность сечения (коэффициент массивности менее 23 %);
- 4) наличие максимально распространенного потенциально острого рабочего края;
- 5) огранка спинок может быть разной, но практически без коркового покрытия (присутствие корки характерно для атипичного отщепка леваллуа);
- 6) наличие приема уплощения поверхности отщепка в приплощадочной части одним или несколькими снятиями, иногда напоминающими «перебор карниза».

В очень редких случаях отщепы леваллуа (особенно мелкие) могут быть спутаны с относительно крупными, но плоскими сколами оббивки и ретуши. Однако такие предметы обычно очень редки, исключая индустрии с многочисленными бифасами. Приведенная формулировка понятия отщепка леваллуа созвучна определению, предложенному В. Е. Щелинским, а именно: «леваллуазские сколы — это сколы симметричные или полусимметричные, достаточно правильной формы, имеющие обработанную или гладкую ударную площадку, составляющие с поверхностью спинки угол не меньше 80° , а также параллельную, субпараллельную или неправильную огранку спинки, указывающие на определенное чередование в отделении сколов, или мелкие негативы продольной, поперечной или круговой оббивки поверхности скалывания нуклеуса до снятия сколов» (Щелинский, 1983: 80–81).

В ходе процедуры выявления IL необходимо помнить, что данный индекс указывает лишь на востребованность в индустрии сколов этого типа. Не всегда отщепы и пластины леваллуа широко использовались как заготовки для производства каменных орудий. Часто они применялись без какой-либо обработки.

В конечном счете, в работе П. Е. Нехорошева (в целом, весьма полезной) делается очередная попытка наведения «порядка» в понимании такого понятия, как техника леваллуа. Трудно не согласиться с таким утверждением автора, как: «леваллуа — это ряд различных технологий расщепления камня, применявшихся при плоскостном и протопризматическом расщеплении среднепалеолитической техники скола, состоявших из совокупности технических приемов, употреблявшихся в определенной последовательности, направленных на получение симметричных уплощенных и прямопрофильных сколов с ровным режущим краем максимальной протяженности» (Нехорошев, 1999: 36).

Однако приводимые в книге аргументы о бесполезности индекса леваллуа вызывают серьезные возражения. К сожалению, они могут производить определенное впечатление на неопытных специалистов (особенно при современном весьма слабом знании французской научной литературы в подлиннике). Это очень вредит практикующим палеолитоведам, так или иначе использующим систему Борда при работе с массовыми археологическими материалами.

Пример весьма своеобразного применения понятия отщеп (пластины) леваллуа, где полностью игнорируются основные признаки, включая характер ударных площадок и массивность, а во главу угла поставлена только огранка спинок, дает новейшая публикация материалов стоянки Кормань IV (Сытник, 2011). Можно констатировать: чрезвычайно массивные клектонские сколы из слоев 11 и 12 этой стоянки автоматически превратились по желанию А. С. Сытника в леваллуазские (Там же: 220–221), хотя еще первооткрыватель и исследователь данной стоянки А. П. Черныш указывал на очень высокий процент в коллекции именно клектонских отщепов (76,4%), намеренно подчеркивая более низкий уровень развития здесь леваллуазской техники по сравнению с молодцовскими комплексами (Черныш, 1977: 17). Правда, следует подчеркнуть специально: *правомерность дискуссии об отнесении того или иного комплекса к леваллуа основывается только на использовании единой методической основы — системы Ф. Борда. В противном же случае — предмета дискуссии просто нет.*

Технические индексы подправки (фасетирования) ударных площадок отщепов и пластин не являются достаточно устойчивыми, хотя и бывают достаточно показательными. Они весьма эффективны при сопоставлении между собой контрастных каменных индустрий. Как правило, высокие индексы подправки площадок, особенно при наличии многочисленных выпуклых и фасетированных, типичны для комплексов леваллуазских. Это давно было отмечено французскими исследователями. Обычно выделяются подправленные ударные площадки, включая фасетированные, а также двугранные. Среди гладких ударных площадок следует выделять прямые (т. е. с углом от 105° до 90°) и скошенные (с углом скалывания свыше 105°), тогда как выделение «галечных» ударных площадок с сохранившейся поверхностью желвака или гальки целесообразно в особых случаях — например, в комплексах раннего палеолита, где они зачастую весьма обильны. В этом плане попытка ряда исследователей выделять более разнообразные площадки, включая редуцированные или с подшлифовкой, на мой взгляд, не всегда перспективна. В мустье они обычно малочисленны и не всегда выразительны (Колесник, 2003: 207). Здесь важен учет частоты и интенсивности подправки ударных площадок отщепов и пластин.

Выделение индекса клектона (ICl.) можно считать, как показывает практика, весьма продуктивным. Он определяется как процентное соотношение гладких и скошенных ударных площадок по отношению ко всем сохранившимся и определимым площадкам (Combier, 1967: 27). Этот индекс хорошо соотносится с коэффициентом массивности и контрастирует с IL (индексом леваллуа), давая возможность выявления очевидного развития в индустриях раннего и среднего палеолита. Можно указать на ряд примеров трансформации каменных индустрий с высокими процентами клектонских отщепов в леваллуазские. Хороший образец эволюции клектонской техники в направлении леваллуа дает материал известного многослойного грота Фонтешвад, в отложениях которого обнаружены антропологические находки, представленные двумя черепами ископаемых людей (Henri Marten, 1957; Иванова, 1965: 66–69). Здесь наблюдается постепенное увеличение процента отщепов с практически прямыми ударными площадками и уменьшение сильно скошенных, прослеженных от самого нижнего тайякского горизонта к самому верхнему (Henri Marten, 1957: 102). Известно, что подобный тип ударных площадок типичен для леваллуазских индустрий. На это обращали очень многие исследователи раннего и среднего палеолита.

Обратимся к анализу таблицы, основанной на материалах, которые взяты из монографии Ж. Анри Мартэн, где весьма подробно приведены данные по каменным изделиям из нижних (тайякских) слоев грота. Естественно, номенклатура слоев дана строго в соответствии с представлениями автора раскопок.

Таблица 5. Пример динамики изменчивости углов скальвания отщепов в разных слоях каменной индустрии грота Фонтешвад

Niveau/Angles	90–100°	>100–110°	>110–120°	>120°
E° количество и процент	41–41 %	41–41 %	18–18 %	0
E ¹ количество и процент	30–15 %	49–24,5 %	116–58 %	5–2,5 %
E ² то же	12–6,3 %	42–22,1 %	119–62 %	17–8,9 %

Приведенные данные четко показывают выраженный процесс изменения во времени определенных показателей техники первичного расщепления камня. В данном случае рост процента прямых ударных площадок в самом верхнем уровне сказывался на уменьшении общей массивности изделий и увеличении пластинчатости отщепов, среди которых многие относятся к леваллуазским. Ж. Анри Мартэн отмечала появление типичных отщепов леваллуа начиная только со слоя E1, количество которых заметно увеличивается выше по разрезу (Там же: 168). Напротив, процесс уменьшения процента скошенных площадок, характерных для массивных клетонских отщепов, имеет четкую обратную тенденцию. Заметная корреляция между индексами клетона и массивности установлена для группы среднепалеолитических памятников Юго-Запада Русской равнины: чем выше в каменной индустрии процент отщепов со скошенными ударными площадками (т. е. клетонских), тем значительнее их массивность (Анисюткин, 2001: 64). Это же характерно и для индекса леваллуа: чем он выше, тем ниже индекс (коэффициент) массивности сколов-заготовок той или иной каменной индустрии. Подтвердим это положение данными таблицы, где представлены характерные и показательные индексы массивности и клетона, полученные для коллекций среднепалеолитических стоянок Кетросы (раскоп I), Стинка 1 — нижний и верхний слои, Мамая, Шипот 1, Осыпка, Ярово и нижних слоев грота Старые Дуруиторы, относящихся к разному времени и разным вариантам. Из них к первой половине среднего палеолита — КИС 6–7, соответствующей тайяку Европы, можно отнести комплексы из нижних слоев грота Старые Дуруиторы и местонахождения Ярово, и к самому концу (КИС 3) — коллекции Шипота 1 и верхнего слоя Стинки 1. К первой половине вюрмского оледенения или к КИС 4 относится нижний слой стоянки Стинка 1 и КИС 5 местонахождение Мамая (?) (Valoch, 1993; Кетрару, 1973; Анисюткин, 2001; 2005; 2011). Для контраста приведены данные по материалам грота Бутешты с индустрией леваллуа-мустьерского облика. Заметно различаются сопоставляемые индустрии и индексами леваллуа: в Кетросах 1 и Бутештах он выше 20 %, а в прочих — менее 6 %. Установлена очень четкая зависимость между индексами леваллуа и массивности. Для леваллуазских индустрий типичен коэффициент массивности менее 22, вычисленный на материалах Франции (Bourgon, 1957).

Таблица 6. Пример корреляции между индексами массивности и клетона на ряде стоянок среднего палеолита Среднего Приднестровья

Массивность: Клетон-1C1:	Массивность <22	Массивность <26	Массивность = 28	Массивность >30
1C1<35	Кетросы1 Бутенггы			
1C1<35		Шипот 1 Стинка 1 — верхний слой		
1C1-39-41			Мамая Стинка1 — нижний слой	
1C1 >50				Осышка. Ярово Старые Дуруиторы.

Отчетливо выделяются 4 группы индустрий, частично располагающихся также в хронологическом порядке. Здесь особое место занимает леваллуа-мустьерский комплекс, хотя возраст комплекса I стоянки Кетросы лишь ненамного моложе Осыпки, соответствуя началу КИС 5.

Относительно специального выделения такого технического приема подготовки площадок, как удаление карниза (снятие «бахромы»), сказать что-либо сложно по причине недостатка нужных наблюдений. По моим пока не систематизированным данным этот признак обычен для всех индустрий среднего палеолита, но нигде он не является доминирующим. Правда, здесь необходимы более подробный сбор и систематизация данных.

То же можно сказать по поводу выделения более многочисленных и разнообразных типов ударных площадок, включая точечные или линейные, которые могут быть более показательны для каменных индустрий верхнего или заключительного среднего палеолита, позволяющих обнаружить так называемые «переходные» комплексы.

В данном случае следует отметить интересный опыт применения к каменным индустриям выше отмеченного типа показателя «продвинутости» или «эволюционного ранжирования», впервые предложенного Л. Б. Вишняцким в одной из своих работ (Вишняцкий, 2002). Суть его состоит в получении количественной оценки степени «продвинутости» среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических комплексов, или показателя соотношения в них черт среднего и верхнего палеолита или индекса СП-ВП. «Этот показатель позволяет определить, какое место та или иная индустрия занимает в последовательности промежуточных состояний, располагающихся между двумя крайними полюсами — идеальным средним палеолитом и идеальным верхним палеолитом» (Вишняцкий, 2010: 183). Данный опыт можно считать весьма полезным и перспективным, поэтому наш исследовательский коллектив счел необходимым по возможности широко учитывать данный показатель при характеристике индустрий периода перехода от среднего к верхнему палеолиту (Аникович и др. 2007). Очень важно, что здесь принимаются во внимание весьма простые признаки, которые, как показали исследования Л. Б. Вишняцкого, хорошо реагируют на имеющиеся сдвиги в развитии.

Выделяемый Ф. Бордом индекс пластин (Pam) не всегда однозначно показателен, хотя он все же дает возможность наблюдать определенную тенденцию к развитию. Он хорошо работает, в приложении к индустриям, относящимся к одному варианту среднего палеолита, но разделенным значительным отрезком времени.

Как вспомогательные, можно использовать и иные показатели техники первичного расщепления камня, включая определение толщины (глубины) площадки, степень параллельности снятий на спинках отщепов и пластин. Некоторые из них также бывают весьма показательны. Например, для сколов с параллельными и субпараллельными огранками спинок характерно заметное некоторое увеличение их количества в направлении к более поздним комплексам. В частности, процент подобных сколов оказался наиболее низким именно в дуруиторской группе, варьируя в пределах от 34,4% (слой IV грота Дуруиторы) до 27% (Ярово) и 22,3% (Осыпка). В стинковской группе процент данных изделий заметно выше: в нижнем слое Стинки 1 он равен 39,3%, а в самом верхнем слое 2 грота Бузджаны 1 — 43,3%. В наиболее поздних комплексах этой группы, которые можно отнести уже к «симбиотическому» или «архаичному» верхнему палеолиту, данный показатель самый высокий: в верхнем слое Стинки 1 — 56,8%, а в Шипоте 1 — 61,4%. Работоспособность данного показателя была впервые показана в монографии Р. Х. Сулейманова, использовавшего значительные среднепалеолитические коллекции каменных изделий грота Оби-Рахмат в Узбекистане (Сулейманов, 1972: 92–93).

В этом плане нельзя пройти мимо критики в адрес количественных (статистических) приемов обработки, которая была высказана нашим известным технологом Е. Ю. Гирей. Критикуя статистический метод выявления определенных технологических закономерностей, успешно примененный Р. Х. Сулеймановым при анализе каменной индустрии грота Оби-Рахмат, отметил, что «статистические данные в высшей мере зависят от выбора признаков, заложенных в основу подсчетов. Поэтому, даже если и установлена какая-то тенденция, статистически не случайное распределение отдельных параметров предметов изучаемой индустрии, необходимо прежде всего доказать, что она имеет технологическую природу, для чего нужен критерий выбора однородных, технологически равнозначных исходных данных» (Гиря, 1997: 27). Данный абзац содержит бесспорное утверждение о зависимости статистических данных от выбора признаков, заложенных в основу подсчетов, и более, чем спорное утверждение о необходимости доказательства технологической природы указанных признаков. Между тем, нельзя забывать, что современный исследователь, использующий при анализе палеолитических индустрий статистику, как правило, неплохо осведомлен о природе используемых им технологических признаков. Многочисленные разработки по технологии изготовления каменных изделий, включая работы экспериментаторов, производились и отечественными, и зарубежными исследователями еще с начала XX века. Уже 40–50 лет назад в этой области оказался накоплен огромный и полезный аналитический материал. Например, совместное присутствие на одном и том же предмете из кремня четкой ударной площадки, точки удара и приуроченного к ней бугорка с направленной от них ударной волны — явное свидетельство «человеческой» природы этого скола, что подтверждено не только экспериментально, но и многократной практикой полевых исследований.

При анализе каменных индустрий конкретных стоянок и местонахождений (особенно раннего палеолита) никакой разумный «типолог», подчеркну еще раз, не может обойтись без совокупности

данных, накопленных технологами и экспериментаторами. В этой связи стоит привести высказывание В. Е. Щелинского, гармонично соединяющего в себе полевика-практика, типолога, трасолога и экспериментатора. По поводу проводившихся им экспериментов по производству мустьерских каменных изделий он отмечал следующее: «В ходе моделирования техники среднего палеолита предполагалось исследовать, прежде всего, всю совокупность технологических требований и основных технических приемов первичной и вторичной обработки камня, которые необходимы для изготовления мустьерских изделий из сырья разного типа и качества» (Щелинский, 1974: 6–7).

Дополнительно можно указать, что сам Франсуа Борд — создатель общепризнанной научной методики обработки и анализа индустрий среднего палеолита, был не только высоко профессиональным полевым археологом и выдающимся типологом, но знающим технологом и умелым экспериментатором, умевшим мастерски изготавливать сложнейшие каменные орудия, включая солотрейские наконечники⁵.

Отсюда закономерно следует, что всякий квалифицированный специалист по палеолиту, выбирая те или иные технологические признаки, чаще всего уже имеет представление об их природе, основанное на совокупности современных знаний. Огромный и разнообразный опыт, накопленный за более, чем вековой период существования науки о палеолите, существенно помогает ориентироваться в хитросплетениях древних технологий изготовления каменных орудий, хотя до сих пор, к сожалению, не избавляет нас от некоторых превратных представлений. Избавить от них может — хотя и очень медленно, и не всегда в полной мере — только практика дальнейших междисциплинарных исследований палеолита.

Анализ многочисленных публикаций по среднему палеолиту, в которых материал описывался и изучался профессионально на основе системы Ф. Борда, демонстрирует примеры многочисленных совпадений технико-типологических индексов разнообразных и разновременных комплексов, которые при этом все относятся к среднему палеолиту. Применительно к материалам Юго-Запада Восточной Европы, хороший пример дает сопоставление материалов среднепалеолитического местонахождения Мама, расположенного в пределах румынской Добруджи, и нижнего слоя стоянки Стинка I с территории Среднего Приднестровья. Коллекции каменных изделий этих памятников были обработаны разными исследователями на основе методики Ф. Борда. Первый памятник опубликован К. Валохом — известным специалистом по палеолиту Европы, а второй — автором настоящей работы. Опираясь на свое знакомство с коллекциями кремневых изделий Мамаи, хранящихся в Брно (Чехия) и Бухаресте (Румыния), я неоднократно указывал на исключительное сходство этих комплексов (Анисюткин, 1978: 20; 2005). Технические индексы, приведенные в публикации К. Валоха, оказались во всех случаях практически тождественны индексам комплекса нижнего слоя Стинки I. Это особо отметил и сам чешский исследователь, подчеркнувший уникальное сходство названных комплексов (Valoch, 1993: 261). Хотя К. Валох отнес индустрию Мамаи к своеобразному типичному мустье, основываясь на соответствующем сочетании (композиции) форм кремневых орудий, характерном для «типичного мустье», где, в частности, скребла незначительно преобладают над остальными группами орудий, он отметил наличие в комплексе особых форм, которые типичны для своеобразной стинковской индустрии. Подобное сочетание неизвестно в среднем палеолите Европы. Данными формами являются листовидные бифасы заостренно овальных форм, сравнительно многочисленные и разнообразные выемчатые и зубчатые орудия, но особенно — типичные верхнепалеолитические формы скребков, в их числе ладьевидные (*saegene*, а *museau*), а также скребки на ударных площадках отщепов. Все они специфичны для ряда комплексов, происходящих с территории Пруто-Днестровского междуречья, из которых наиболее характерным можно считать нижний слой Стинки I. Это яркий пример того, как два разных исследователя, работавших совершенно независимо, но использующих одну и ту же методику, пришли к единому заключению, практически одинаково охарактеризовав материал.

Как уже отмечалось выше, палеолитические индустрии, в целом, состоят из нескольких групп или сегментов, включая четыре, выделяемые Ф. Бордом: I — леваллуа, II — мустье, III — верхний палеолит, IV — зубчатые орудия. Возможно ли выделение прочих групп, к примеру, группу V — выемчатых и зубчатых орудий, как это уже делал Борд, а также группу бифасов? — Возможно, хотя нужно отметить, что выемчатые и зубчатые орудия представляют собой, хотя и родственные формы, но все же не тождественные. В частности, выемки, цепь которых образует рабочий край зубчатого орудия, нередко имеют

⁵ Образец великолепного листовидного наконечника с удивительно тонким сечением и тщательной отделкой, изготовленным Ф. Бордом непосредственно в научном кабинете известного румынского антрополога Ольги Некрасовой, я видел в Университете г. Яссы (Румыния) в 1987 г.

аккомодационное значение. Представляется, что выделение особой группы так называемых зубчато-выемчатых форм, как это сейчас часто делается, мало перспективно. Данная группа скорее воспринимается как совокупность неких аморфных форм, значительная часть которых является псевдо-орудиями, но не как реально изготавливавшаяся категория каменных орудий.

Поразительно, но публикаций, в которых бы эти формы анализировались во времени и пространстве, практически нет. Хорошо известно, что в раннем палеолите весьма распространены орудия с крупнозубчатой ретушью, которые позднее становятся редкими и почти совсем исчезают. Наоборот, в развитом верхнем палеолите отмечены серии пластинок и микропластинок с притупленными краями и мелкими, прекрасно сделанными зубчиками, которые уж никак нельзя принять за повреждения. Еще позднее, уже в голоцене, продолжают существовать серии выразительных зубчатых орудий, включая появление подобной ретуши на краях бифасиальных наконечников копий и стрел. Эта микрозубчатая обработка отличается удивительным изяществом, делая края наконечников еще более острыми. Всем известны выразительные и прекрасно сделанные наконечники подобного рода, изготовленные австралийскими аборигенами или палеоиндейцами Северной Америки (Irwin, 1959; Кабо, 1969: 190). Количество подобных примеров можно увеличить многократно.

В заключение данного раздела отмечу, что я, вслед за Р. Х. Сулеймановым (1972: 137–138), рассматриваю конкретные палеолитические каменные индустрии как некое единство, представленное совокупностью характерных групп орудий, где элементы обладают очевидной и достаточно прочной внутренней связью, давая им возможность развиваться как единое целое. Многие из выявляемых элементов обнаруживают тесную связь с рядом технических показателей, включая метрические, которые поддаются количественной оценке, позволяя в этом случае более точно и объективно описывать наблюдаемые изменения. И здесь нет необходимости опираться только на формы орудий, уповая на их стандартизацию. Для установления специфичности той или иной совокупности комплексов очень важным является отчетливо повторяющаяся композиция, сочетание разных признаков, как технологических, так и морфологических. В совокупности это часто бывает вполне достаточным для обоснованного подразделения индустрий во времени и пространстве.

ГЛАВА 7

ОПИСАНИЕ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ СТОЯНКИ КЕТРОСЫ

Описание каменных орудий следует начать с самого раннего горизонта, представляющего собой отложения пойменного аллювия террасы. Этот горизонт находится ниже основного слоя стоянки и назван нижним стратиграфическим уровнем.

7.1. Нижний (аллювиальный) горизонт

Поскольку этот горизонт изучен еще не полностью, в коллекции объединены все предметы, имеющие привязку к данному слою, происходящие из разных раскопов, включая Северный комплекс (Каменный Карьер) и расчистку южнее раскопа I. Последняя была сделана на месте находки ручного рубила, обнаруженного непосредственно в пойменных отложениях (Рис. 24).

Всего в коллекции насчитывается 26 кремневых предметов, в их числе 1 ручное рубило, 1 массивное скребло-нож с естественным обушком, 4 нуклеуса, 1 чоппер на плитке кремня, 1 чоппинг на гальке, 18 отщепов и пластин, включая изделия с вторичной обработкой. В качестве сырья использовался пластовый кремнь черного цвета и в единичных случаях меловой кремнь, из которого изготовлено всего два изделия. В обоих случаях сырье было местным. Пластовый кремнь добывался в коренных отложениях высокой террасы, к которой прислонен фрагмент второй террасы с находками, а галечный кремнь серого цвета происходит из речного аллювия Днестра. В последнем случае речь идет о чоппинге, изготовленном на небольшой гальке мелового кремня, а также о пластинчатом отщепе леваллуа. Исключением является ручное рубило, для которого заготовкой послужил обломок алевролита-песчаника серого цвета. Это изделие было обнаружено в 1974 г. в обнажении, где тогда проводилась небольшая расчистка. В расчистке также были найдены остаточный одноплощадочный нуклеус и пластинчатый отщеп (Рис. 25, 26).

Особый интерес представляет находка крупного ножевидного орудия с обушком, которое можно интерпретировать как Keilmesser, но с односторонней обработкой. Этот предмет выявлен на месте разрушенного колхозным карьером Северного комплекса III. Орудие обнаружено в кровле песчанистого суглинка, соответствующего пойменному аллювию. На этом основании оно отнесено к единому комплексу, связанному с отложениями нижнего уровня. Лежащие выше отложения, включая нижнюю ископаемую почву и суглинок с культурным слоем, были сняты бульдозером и опрокинуты вниз. Кремневые изделия и кости ископаемых животных (мамонта, бизона, лошади), происходящие из разрушенного культурного слоя, были собраны ниже по склону, в русле Кишлянского яра (Рис. 26).

Несмотря на небольшую по объему коллекцию, происходящую из пойменных отложений, несомненно датируемых добрерупским периодом (т. е. примерно 115–110 тыс. л. н.), она может быть с полным основанием проанализирована как технологически, так и типологически. Этому способствует существенное сходство рассматриваемого ансамбля с каменными индустриями южного комплекса Кишлянского яра, местонахождения Стинка-Дарабаны, а также из перекрывающего основного культурного слоя стоянки Кетросы. В последнем случае речь идет, прежде всего, о коллекциях из раскопа II и разрушенного карьером Северного комплекса III, где прослеживаются характерные технологиче-

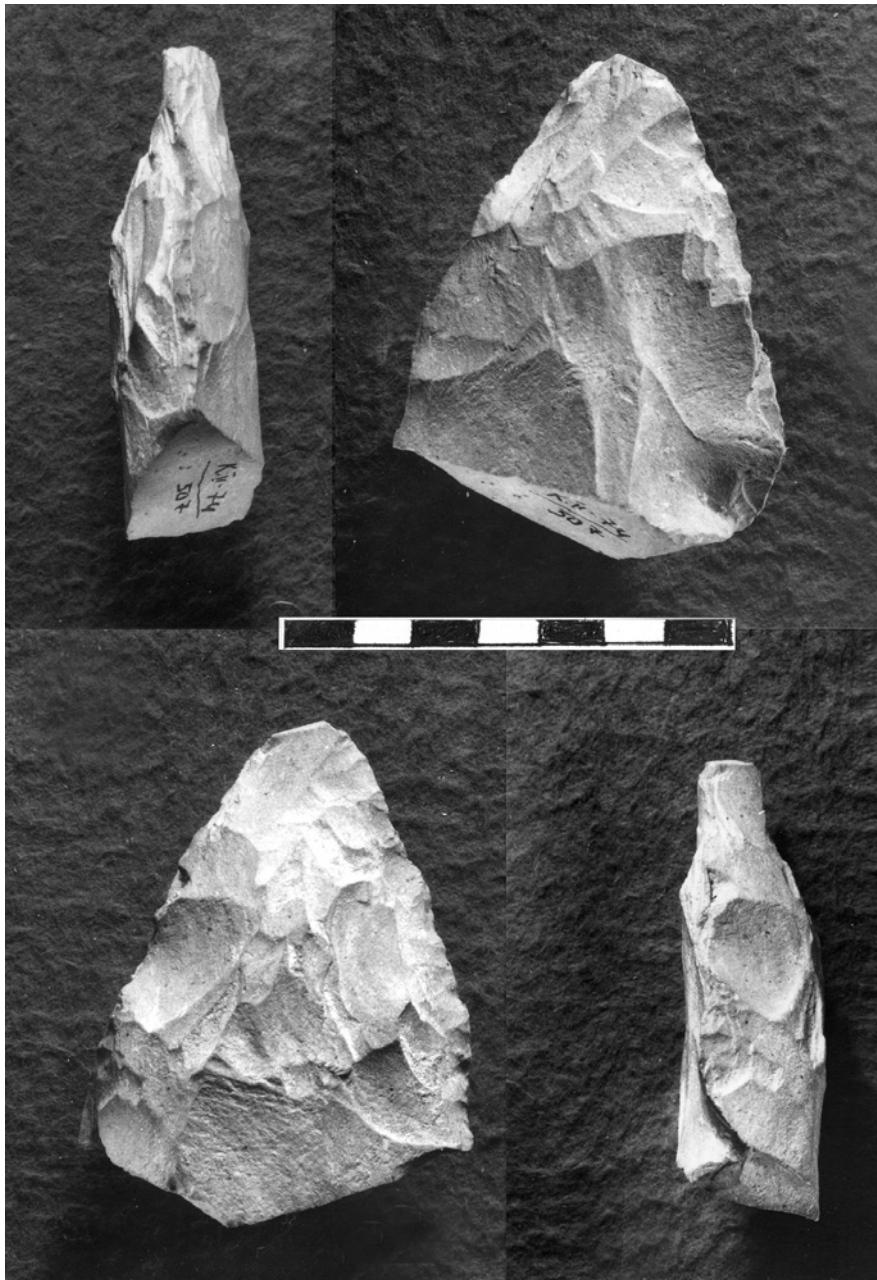

Рис. 24. Кетросы. Бифас (ручное рубило) из аллювиального (нижнего) слоя.

ские признаки, которые дают основание видеть здесь единую индустрию. Коллекции из раскопов I и II, а также карьера, обозначены в дальнейшем как комплексы I, II, III.

К нуклеусам можно отнести 4 предмета. Один из них, который можно описать как остаточный одноплощадочный нуклеус с одной фасетированной ударной площадкой, происходит из зачистки на месте находки ручного рубила и связан с тем же слоем. Здесь же обнаружен и пластинчатый кремневый отщеп. Остальные три нуклеуса найдены в карьере, на частично деформированной бульдозером поверхности пойменного аллювия. На этом основании они условно включены в состав рассматриваемого комплекса, относящегося к пойменным отложениям аллювия второй террасы. В данном случае наиболее спорным может быть нуклеус с конвергентным скалыванием с одной ударной площадки, обнаруженный у тылового шва террасы.

У двух ядрищ, которые можно отнести к леваллуазским с плоскостной системой скалывания (одно следует описать как одноплощадочное для получения отщепов, второе — с конвергентным скалыванием),

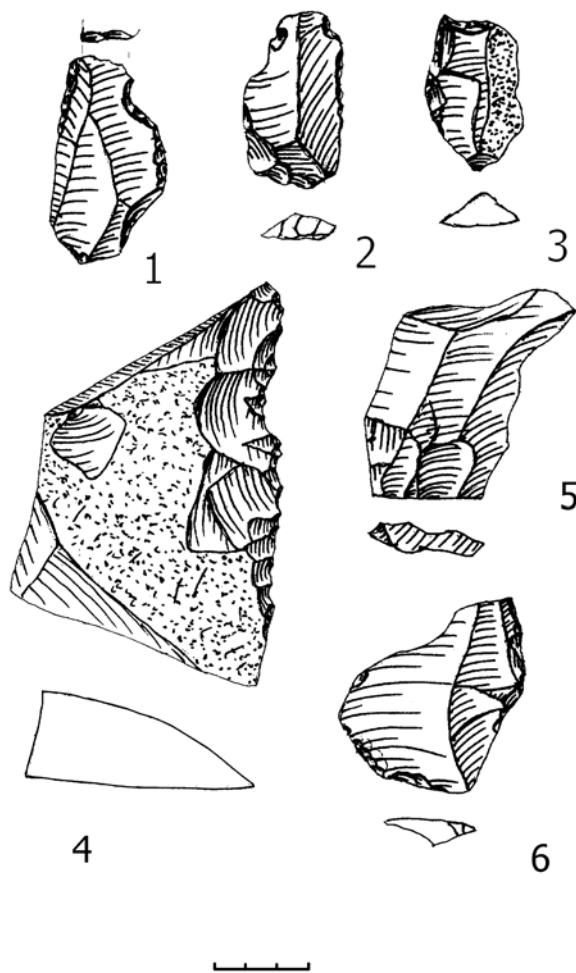

Рис. 25. Кетросы. Аллювиальный комплекс:
 1, 2 — отщепы с ретушью, 3 — скребло с острием,
 4 — массивное скребловидное орудие с обушком,
 5 — отщеп леваллуа, 6 — отщеп леваллуа с ретушью

площадки фасетированы. Все эти 3 нуклеуса, включая одноплощадочный небольших размеров, соответствуют леваллуазской технологии расщепления камня. Четвертый нуклеус с гладкими и скошенными ударными площадками является нелеваллуазским. С него снимались массивные клектонские отщепы, которые обычны в коллекции. В данном случае мы имеем дело с двумя технологиями, которые позволяли получать сколы леваллуазского и клектонского типа.

Имеющиеся в коллекции отщепы, включая пластинчатые, имеют характерные признаки, как леваллуазских, так и клектонских. Правда, среди первых отсутствуют типичные. Здесь, наряду с удлиненными пластинчатыми отщепами имеется несколько укороченных, которые можно воспринимать либо как неудачные, либо как «технические сколы». Правда, здесь нельзя исключать того, что некоторые из них, в частности массивные клектонские отщепы, получены специально в качестве «заготовок» для изготовления особых орудий — массивных скребел и/или острий. Последние выявлены в коллекциях соседних памятников. В целом, сколы, характерные для рассматриваемой коллекции, имеют преимущественно средние и даже крупные размеры, варьирующие в пределах 50–117 мм. Сочетание в одной индустрии элементов техники леваллуа и клектонской характерно для индустрий Южного комплекса Кишлянско-го яра, Стинки-Дарабаны (далее СД), коллекции комплексов II и III, происходящих со стоянки Кетросы (Анисюткин, 2001).

Среди орудий особое место занимает ручное рубило, которое по заключению петрографа Н. Б. Селивановой изготовлено из обломка окварцованного обломка алеврито-песчаника серого цвета. В соответствии с требованиями методики Ф. Борда, это орудие можно определить, как рубило треугольной формы (Анисюткин, 1998а: 34).

Следующее выразительное орудие следует описать как массивное скребло-нож с естественным обушком. Рабочий край данного орудия, изготовленного на естественной плитке пластового кремня

черного цвета, оформлен крупными фасетками уплощенной ретуши, а острая режущая кромка дополнительно выделена зубчатой обработкой. Относительно острое лезвие этого предмета, оформленного так называемой «приостряющей» ретушью, создающей зубчатый контур, а также наличие естественного обушка, позволяет описать этот предмет как скребло-нож с обушком (Кухарчук, 1994: 75–77). Оно может восприниматься, на мой взгляд, как вариант ножа Keilmesser, выделяемого немецкими исследователями палеолита, отличаясь лишь односторонней обработкой (Рис. 25:4).

Чоппер на обломке пластового кремня, отличающегося трещиноватой структурой, имеет один слабовыпуклый рабочий край, выделенный чешуйчатой ретушью. Это орудие можно также рассматривать и как грубое скребло с естественным обушком на массивном обломке кремня.

Чоппинг изготовлен на окатанном осколке кремневой гальки слабо удлиненной формы. Рабочий край, имеющий зигзагообразный профиль, выделен серией соприкасающихся выемок.

Острие на удлиненном пластинчатом отщепе крупных размеров, острый конец которого выделен пересечением естественной поверхности и ретушированного края, может быть рассмотрено как комбинированное орудие, где сочетаются острие и глубокая клетонская выемка.

Остальные формы можно отнести к скреблам, включая одно простое выпуклое на массивном пластинчатом отщепе, 1 угловатое на мелком, но массивном отщепе, с выделенным острием и 1 диагональное с зубчатым рабочим краем. Единичными образцами представлены 1 выемчатое и 1 зубчатое орудия. Остальные кремневые изделия можно рассматривать как отщепы с полукрутой и мелкой ретушью краев. К ним можно отнести 4 изделия, в их числе 1 с микрорезчатой ретушью. В ряде случаев можно

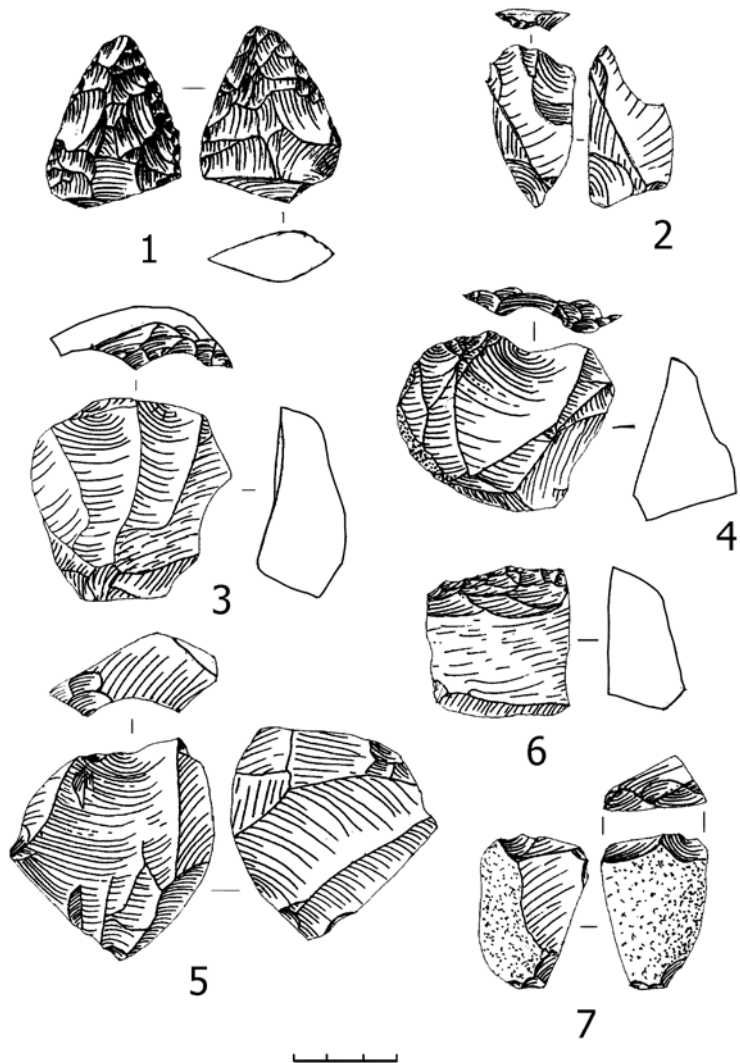

Рис. 26. Кетросы. Аллювиальный комплекс: 1 — ручное рубило (несколько уменьшено), 2,3,4,6 — нуклеусы; 5 — чоппер, 7 — чоппинг

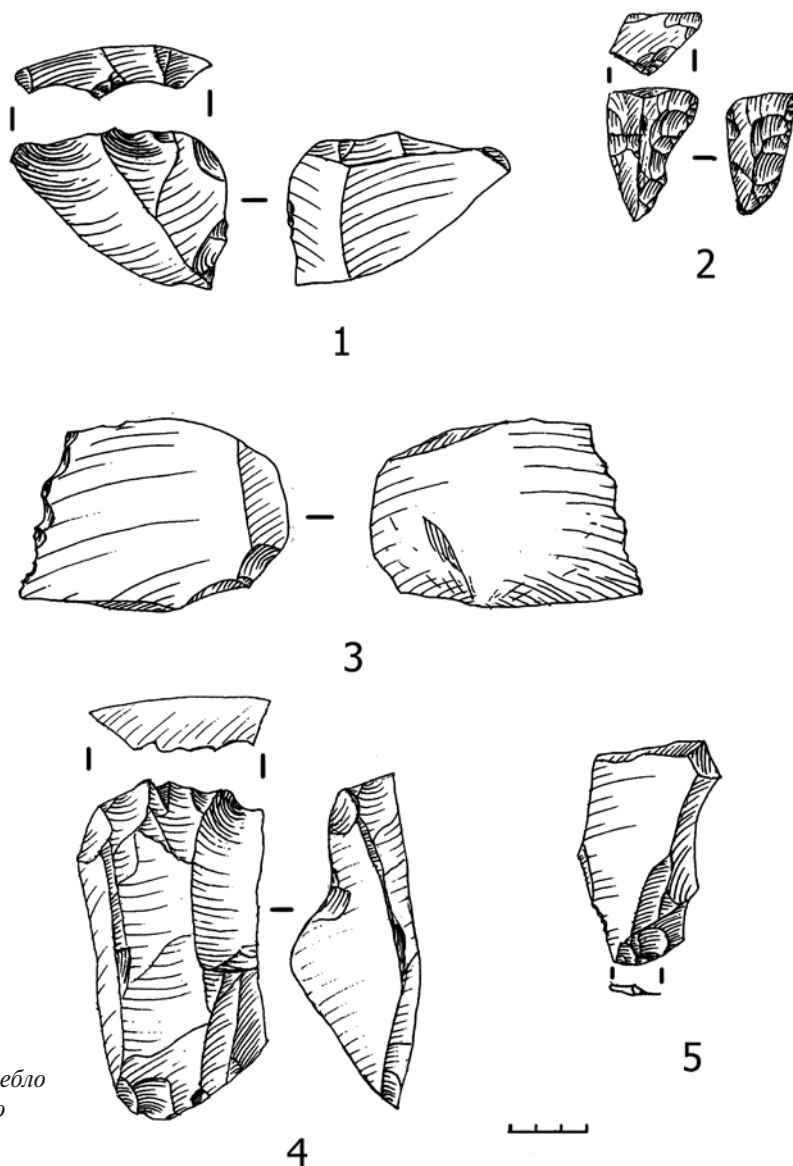

Рис. 27. Кетросы. Комплекс III
(аллювиальный):

1 — нуклеус одноплощадочный, 2 — скребло
на обломке, 3 — фрагмент крупного
отщепы с ретушью, 4 — нуклеус
удлиненный, 5 — пластина леваллуа

полагать, если иметь в виду слабо окатанные предметы, что речь идет о фасетках псевдоретуши, которая в большинстве случаев не является зубчатой. Правда, установить характер подлинности ретуши достаточно трудно.

В общем и целом, данная индустрия имеет в значительной мере леваллуазский облик, хотя подлинно леваллуазские отщепы здесь немногочисленны. Сравнительно обильны клектонские отщепы, наличие которых придает комплексу архаичный облик. Показательно, что найденные в аналогичных геологических условиях кремневые изделия в самом нижнем слое стоянки Рипичени-Извор, расположенной на правом берегу реки Прута в Румынии (Răunescu, 1983: 187–195), имеют существенное сходство с нашими материалами. Находки этого аллювиального слоя, относящиеся по мнению румынских исследователей к концу раннего палеолита, датируются рисс-вюрмским межледниковьем или самым началом вюрма (Там же: 195).

В целом же, каменная индустрия аллювиального комплекса, которая хронологически очень близка кремневой индустрии основного культурного слоя, практически не отличается от кремневых индустрий комплексов II и III, происходящих из основного культурного слоя стоянки (Рис. 27).

7.2. Основной культурный слой стоянки

7.2.1. Вводные замечания

В силу того обстоятельства, что данный слой представлен весьма значительным количеством кремневых изделий, достаточным для полноценного научного анализа, его индустрия будет рассмотрена более основательно. Начнем ее описание с характеристики кремневого сырья, использованного древними людьми для изготовления орудий.

В качестве основного сырьевого материала использовался местный кремьень двух типов — пластовый и галечный. Пластовый кремьень залегает в толще меловых пород. Нижний слой пласта представлен черным халцедоновым кремьнем, а средний — темно-серым халцедоновым кремьнем. Отдельные остроугольные блоки черного кремья оказываются как бы запаянными в сплошную массу несколько более светлого халцедонового кремья. Верхний слой кремья имеет также темно-серую окраску и отчетливую брекчевидную структуру, осложняющуюся присутствием гнезд, каверн, трубчатых ходов, заполненных халцедон-кристаллитовой массой землистого цвета. Эти включения нарушают сплошность кремья, уменьшают его прочностные свойства и снижают технологические качества (Иванова, 1981: 63). Выходы такого кремья, обнаруженные в пределах карьера, расположены у тылового шва террасы, в цоколе другой, более высокой. Эти выходы, как показали раскопки 1978 г., широко использовались древними людьми. Здесь обнаружены блоки кремья с отдельными сколами, а также нуклеус и несколько отщепов.

Следующий тип кремья имеет более высокие технологические свойства, но отличается более мелкими размерами. Это галечный кремьень мелового возраста распространен в данной местности (прежде всего ниже по течению Днестра, в районе молодых стоянок) в дочетвертичных отложениях (Иванова, 1959: 220). В районе стоянки меловой кремьень представлен только гальками, собранными палеолитическим человеком в речных отложениях Днестра.

Соотношения между этими типами кремья, использовавшимися обитателями стоянки в мустьерское время, могут быть представлены на основе материалов раскопок 1974 г., показывающими, что для изготовления орудий абсолютно преобладал местный пластовый кремьень, добываемый здесь же. Тем не менее, учитывая то обстоятельство, что пластовый кремьень представлен относительно крупными плитами и плоскими кусками кремья, в коллекции мало изделий со значительным корковым покрытием поверхностей. Здесь важно отметить, что наиболее низкокачественным был пластовый кремьень серого цвета, а наиболее высококачественным тонкозернистый черный кремьень. Последний, из которого изготовлены лучшие орудия, обычно был представлен незначительными сгустками в теле крупнозернистого. Для всех коллекций характерно использование одного и того же сырья.

Характеристику каменной индустрии основного слоя полезно провести не суммарно, а с учетом подразделения материала по комплексам включая раскопы I и II, а также разрушенный Северный комплекс, который вслед за геологами можно назвать комплексом Каменного карьера. Значительная по объему коллекция первого раскопа будет при описании техники расщепления камня расчленена на две части: первая — материалы из расчистки 1972–1973 гг. и раскопа 1974 г., представляющие собой единое целое, и вторая — материалы из раскопок 1975–1976 гг.

7.2.2. Материалы 1972–1973 гг.

В данной коллекции, собранной с общей площади около 6 кв. м, насчитывается 160 кремневых изделий, 1 галька песчаника и 2 обломка галек. В ней присутствует 6 нуклеусов, 19 орудий, 42 сколов-заготовок и 93 мелких отщепов, чешуек, осколков и обломков (Рис. 28, 29).

Среди нуклеусов можно выделить 2 двуплощадочных, 1 одноплощадочный и 3 дисковидных. Все они имеют плоские поперечные сечения.

Орудия подразделяются на следующие категории (приведенные номера всюду соответствуют номерам тип-листа Ф. Борда):

- № 4 — острие леваллуа с ретушью одного края — 1,
- № 9 — скребла простые прямолезвийные — 1,
- № 10 — скребла простые выпуклолезвийные — 2,
- № 23 — скребла поперечные выпуклолезвийные — 1,
- № 26 — скребло с крутой ретушью края — 1,
- № 31 — скребки атипичные (каренэ) — 1,

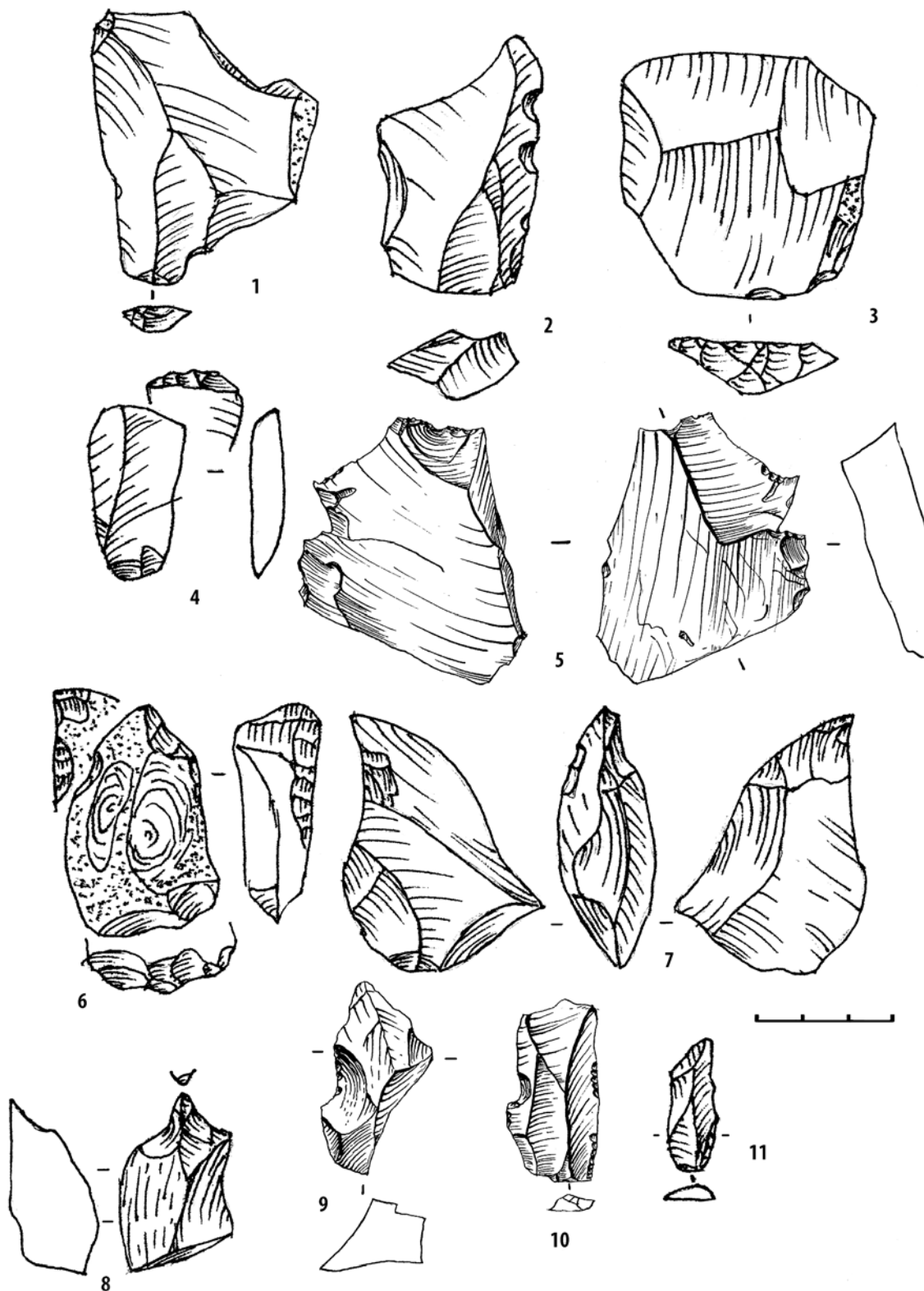

Рис. 28. Кетросы. Раскоп I. Кремневые изделия из зачисток 1972 и 1973 гг.: 1 — отщеп леваллуа атипичный; 2 — отщеп леваллуа со следами утилизации; 3 — отщеп леваллуа; 4 — отщеп с усечением поперечного конца крутой ретушью; 5 — поперечное выемчатое орудие; 6 — комбинированное орудие; 7 — клювовидное орудие ладьевидной формы; 8 — клювовидное острие; 9, 10 — выемчатые орудия; 11 — микропластинка с полукруглой ретушью части края

- № 35 — проколка атипичная — 1,
 № 38 — ножи с естественными обушками — 4,
 № 40 — изделие с усечением крутой ретушью поперечного конца — 1,
 № 42 — выемчатые орудия — 3,
 № 43 — зубчатое орудие — 1,
 № 59 — чоппинг — 1,
 № 62 — ладьевидное острие клювовидной формы — 1.

Леваллуазское острие имеет лишь один обработанный мелкой ретушью рабочий край, напоминая скорее скребло с выпуклым лезвием. Среди скребел, обработанных преимущественно мелкой и уплощенной ретушью, одно со стесанным плоской ретушью ударным бугорком. Ряд орудий изготовлено на обломках отщепов (выемчатое и с усечением крутой ретушью поперечного конца), а атипичный скребок — на массивном осколке кремня.

Сколы-заготовки, к числу которых отнесены все отщепы и пластины крупнее 30 мм, подразделяются следующим образом:

- отщепы с мелкой ретушью краев (2 леваллуа) — 6,
 отщепы с микрозубчатой ретушью — 2,
 отщепы леваллуа без ретуши — 8 (в числе их 4 типичных),
 отщепы пластинчатые (в их числе 3 пластины) — 7,
 отщепы — 19.

Отходы производства представлены мелкими отщепами (менее 30 мм) — 19, чешуйками — 50, а также обломками и осколками кремня — 22.

Из 40 пригодных для определения сколов-заготовок и орудий 19 имели размеры менее 50 мм, 16 — от 50 до 70 мм и 5 — крупнее 70 мм. Налицо преобладание изделий средних и крупных размеров. Общий коэффициент массивности этой группы составляет 20, 5, соответствуя леваллуазским индустриям (Анисюткин, 1968). К сожалению, для выделения леваллуазского индекса у нас нет достаточного количества

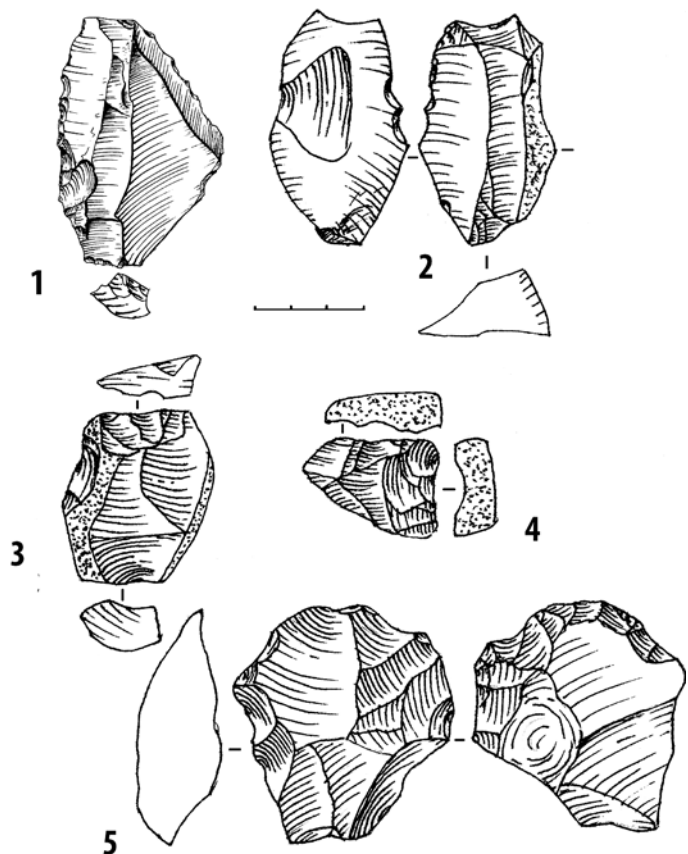

Рис. 29. Кетросы. Изделия из расчистки 1972—1973 гг.: 1 — скребло однолезвийное; 2 — нож с естественным обушком; 3 — нуклеус леваллуа двуплощадочный; 4 — микронуклеус остаточный; 5 — нуклеус леваллуа для отщепов

образцов. То же самое следует сказать и о прочих индексах. Можно лишь указать, что в коллекции к леваллуазским можно отнести 14 предметов, включая отщепы и пластины. Общее количество пластин — всего 8.

В целом, индустрия этой относительно небольшой по объему коллекции каменных изделий, происходящей с небольшого участка, расположенного на восточной окраине поселения, обладает всеми признаками леваллуа-мустье.

7.2.3. Коллекция 1974 г.

Археологические материалы первого сезона стационарных раскопок оказались весьма значительными, включая археологические и палеонтологические материалы. Коллекция каменных изделий состоит из 50 орудий, 35 нуклеусов, 247 сколов-заготовок (включая 10 отщепов с ретушью), 890 отходов производства, включая мелкие отщепы (менее 30 мм), чешуйки, осколки и обломки, а также 28 галек песчаника со следами использования их в качестве отбойников и пестов-терочников (Рис. 30, 31).

Нуклеусы различны по размерам и имеют разную степень сработанности. На этом основании они подразделены на три группы: ядрища начальной стадии, средней и заключительной, в которых, в свою очередь, выделяются различные формы, которые представлены в таблице:

Таблица 7. Нуклеусы из раскопа I (1974 г.)

Нуклеусы:	Начальная стадия:	Средняя стадия:	Заключительная стадия:	Итого:
Дисковидные односторонние	1	3	2	6
Дисковидные двусторонние	2	1		3
Одноплощадочные	4	2	3	9
Двуплощадочные	1	1	3	5
Призматические	1	Шаровидный — 1	Призматический -1	3
Атипичные	2	5	2	8

Кратко нуклеусы *первой группы* можно описать следующим образом:

— Дисковидное одностороннее ядрище (62×55×30 мм) изготовлено на куске пластового кремня; ударные площадки гладкие (естественные) и скошенные.

— Одно из дисковидных двусторонних ядрищ (130×139×61 мм) имеет достаточно крупные размеры. Оно изготовлено на плитке пластового кремня. Всего прослеживается 6 четких снятий, из них по 3 крупных скола прослеживаются с двух сторон. Ударные площадки как гладкие, так и грубоподправленные.

— Второе ядрище имеет чоппинговидную форму. Оно отличается крупными размерами (110×76×61 мм) и имеет сравнительно массивное поперечное сечение.

— Одно из одноплощадочных ядрищ (90×48×28 мм) имеет довольно уплощенное сечение со скошенными и гладкими ударными площадками. Второе ядрище также имеет крупные размеры (105×80×27 мм). Оно изготовлено на плоской плитке пластового кремня. Ударные площадки гладкие и скошенные. Третье ядрище может быть описано, если использовать терминологию украинских исследователей, как грубопризматическое с гладкой и скошенной ударной площадкой. Оно также имеет крупные размеры (110×72×86 мм) и массивное поперечное сечение. Четвертое ядрище (106×67×28 мм) изготовлено на плоской плитке пластового кремня. Оно может рассматриваться как типично леваллуазское, где подправка рабочей плоскости произведена со стороны грубо фасетированной ударной площадки уплощенными снятиями.

— Двуплощадочное ядрище имеет удлиненную форму (112×47×26 мм). Оно изготовлено на удлиненном бруске пластового кремня.

— Призматическое ядрище имеет несколько площадок (92×64×50 мм), где параллельные снятия производились с гладких и скошенных ударных площадок. В принципе этот нуклеус можно отнести к многоплощадочным, где параллельные снятия с одной позиции создавали иллюзию призматичности (Рис. 31).

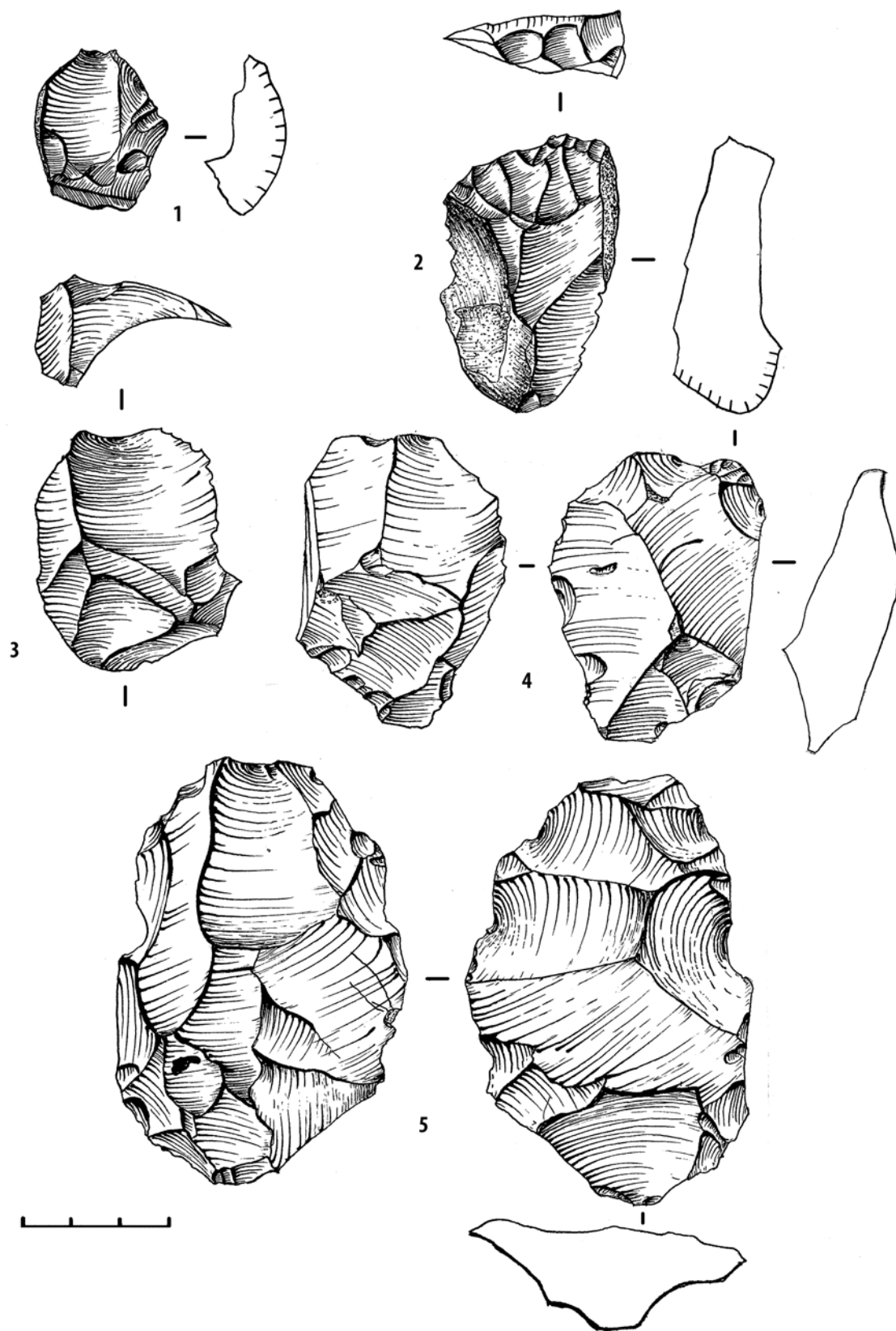

Рис. 30. Кетросы. Раскоп I. Нуклеусы:

1 — одноплощадочный; 2 — одноплощадочный начальной стадии;
3 — леваллуа для отщепов; 4 — двуплощадочный двусторонний; 5 — дисковидный двусторонний

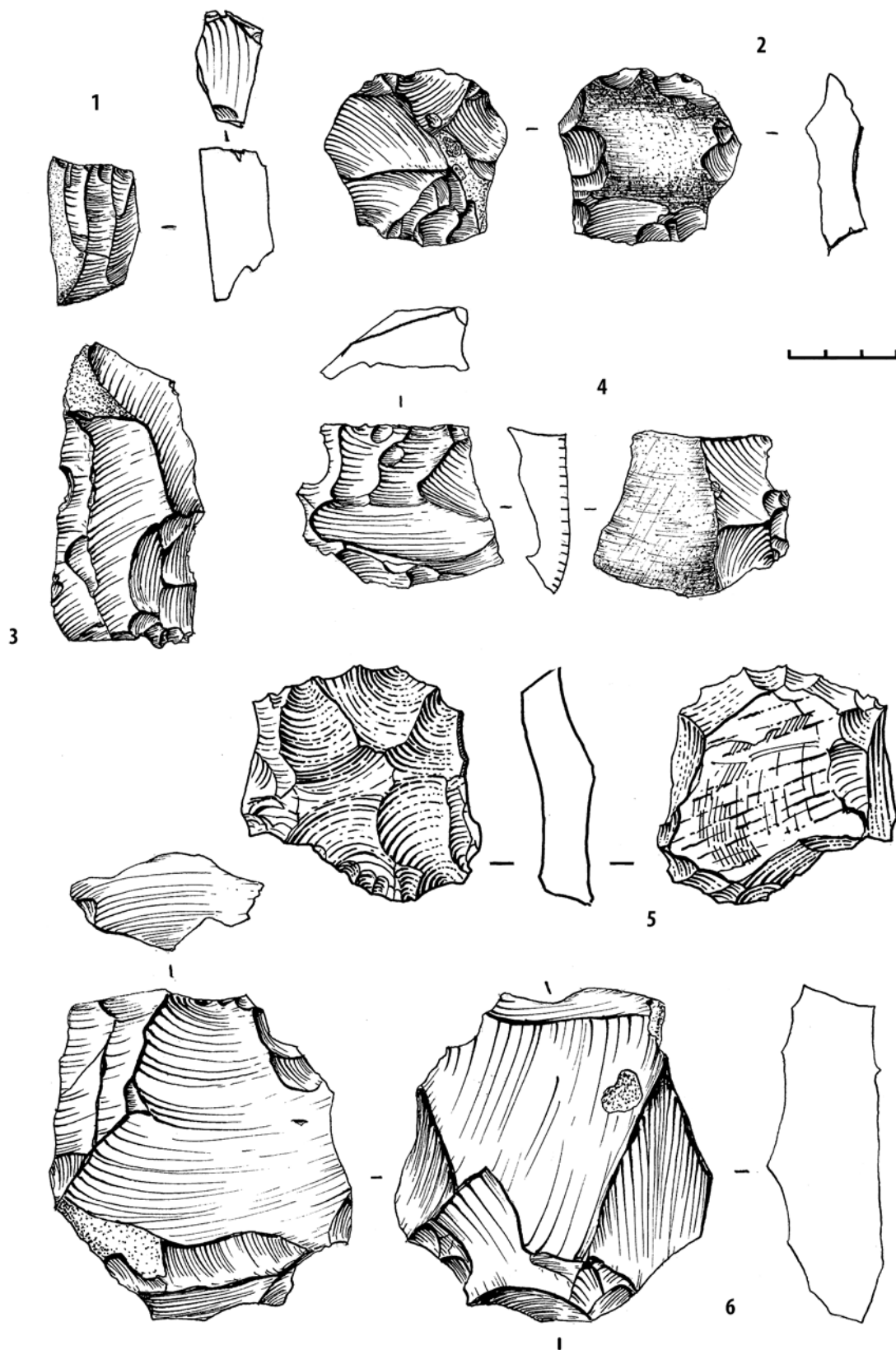

Рис. 31. Кетросы. Раскоп I. Нуклеусы и заготовки:
 1 — микро-нуклеус призматический; 2 — дисковидный односторонний; 3 — отщеп леваллуа;
 4 — одноплощадочный; 5 — дисковидный односторонний; 6 — леваллуа, одноплощадочный

Во второй группе выделено 13 нуклеусов. Их можно кратко описать следующим образом:

— Дисковидное одностороннее изготовлено на отщепе или уплощенном осколке (111×102×19 мм) и имеет подправленную рядом мелких сколов ударную площадку. Следующее дисковидное ядрище с односторонним скалыванием (69×68×42 мм) может быть описан и как двуплощадочное. Преимущественное расположение сколов имеет подобную тенденцию, но почти округлая форма его и наличие по бокам иных снятий, при соответствующем сечении позволяет говорить именно о нуклеусе с радиальной системой расщепления. Ударные площадки скошенные с грубой подправкой. Третье ядрище этой категории имеет веерообразную форму (47×75×33) и отличается массивностью сечения. Ударные площадки имеют подправку.

— Дисковидное ядрище с двусторонней, но скорее попеременной обработкой относится к очень плоским в сечении (95×60×18 мм). Он имеет овальную форму и скошенные, но подправленные сколами ударные площадки.

— Первый одноплощадочный нуклеус имеет относительно плоское сечение (67×65×25 мм) имеет одну гладкую и скошенную ударную площадку. Следующий нуклеус с одной гладкой и скошенной ударной площадкой напоминает грубопризматический (50×51×37 мм).

— Двуплощадочный нуклеус (68×62×27 мм) имеет подчетырехугольную форму и напоминает грубопризматические. Ударные площадки гладкие прямые, соответствуя ортогональной системе скалывания.

— Шаровидный и атипичные нуклеусы имеют как правило небольшие размеры и слабо отличаются друг от друга.

Нуклеусы *третьей группы*, в которой представлено всего 11 предметов, можно кратко описать так:

— Дисковидный нуклеус с односторонним скалыванием изготовлен из галечного кремня (47×25×18 мм). Он имеет галечную ударную площадку. Следующий дисковидный нуклеус также изготовлен на галечном кремне (36×35×11 мм). Он имеет округлую форму и слабо скошенную галечную площадку.

— Все три одноплощадочных нуклеуса изготовлены из хорошего галечного кремня. Один из них (55×37×22 мм) изготовлен на обломке гальки. Ударная площадка гладкая и почти прямая. Приплощадочная часть замята сколами типа «снятия карниза». Следующий одноплощадочный нуклеус также изготовлен из гальки (34×38×13 мм). Напоминает грубопризматический нуклеус укороченных пропорций. Ударная площадка прямая и гладкая (Рис. 31:4). Третий нуклеус имеет веерообразную форму (31×28×13 мм) и гладкую, но прямую, образованную коркой, ударную площадку.

— Три двуплощадочных ядрища изготовлены из пластового кремня. Ударная площадка одного из нуклеусов (58×43×23 мм) имеет явно вспомогательное значение, с нее сколоты многочисленные, налегающие друг на друга, плоские отщепы, напоминая прием снятия бахромы. Данная обработанная плоскость срезает приплощадочную часть, позволяя основным сколам с противоположащей площадки распространяться на всю возможную длину. Рабочие площадки имеют четкую подправку. Второе ядрище (49×44×25 мм) изготовлено из качественного пластового кремня. Одна из противоположащих площадок так же сильно «истощена», как и у описанного выше нуклеуса. Определение характера подправки площадок затруднительно. В данном случае оба ядрища можно считать леваллуазскими. Третье изготовлено из пластового кремня (48×41×21 мм). Ударные площадки отчетливо подправлены.

— Призматический нуклеус изготовлен из хорошего галечного кремня (30×24×13 мм). Он имеет подтреугольную форму, но преимущественно параллельные сколы, полученные с гладкой ударной площадки, не являются пластинками, представляя из себя довольно крупные чешуйки. Нуклеус, найденный в основании культурного слоя, на первый взгляд напоминает поздние образцы.

— Нуклеусы этой группы, относящиеся к заключительной стадии расщепления, отличаются от прочих наиболее мелкими размерами.

В целом, среди описанных выше ядрищ преобладают плоские с негативами разнообразных снятий. Прослежены различные типы подготовки рабочих плоскостей для скалывания желаемых заготовок, но собственно леваллуазские нуклеусы единичны, хотя налицо преобладание конвергентного способа скалывания, который был, как показали эксперименты В. Е. Щелинского, наиболее благоприятным для получения заготовок леваллуазского типа (Щелинский, 1983: 84). Наши исследования согласуются с ранее высказанным замечанием П. Е. Нехорошева о нерациональности специального выделения понятия «нуклеус леваллуа» (Нехорошев, 1999: 17).

При анализе отщепов и пластин используются только те группы сколов, которые условно можно включить в число заготовок. К ним были отнесены около 250 предметов. По степени сохранения

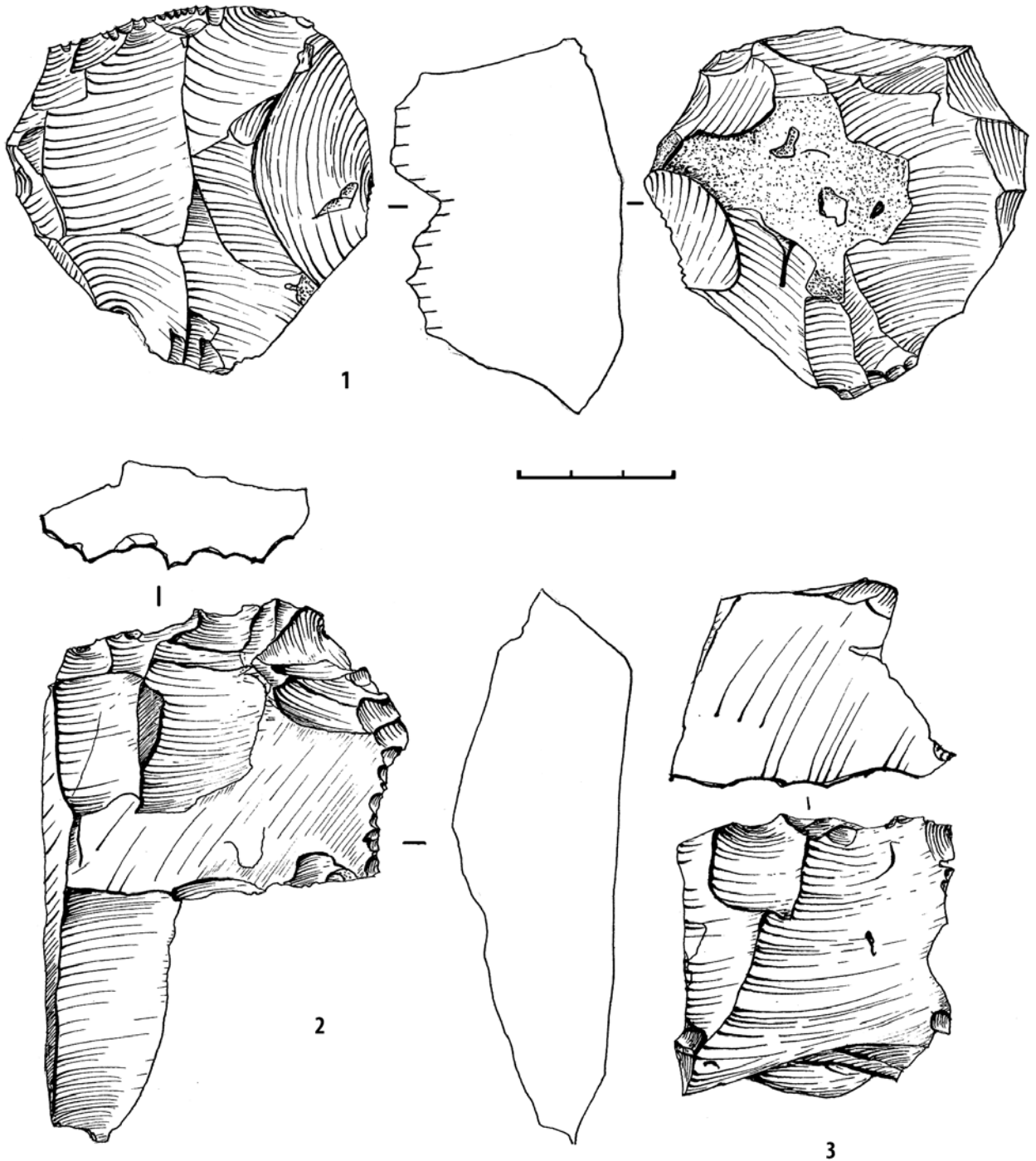

Рис. 32. Кетросы. Раскоп I. Нуклеусы:

1 — дисковидный односторонний; 2 — обломок нуклеуса начальной стадии; 3 — одноплощадочный

коркового покрытия взята выборка из 230 изделий, которые подразделяются на следующие группы: 1) первичные, на которых корка сохраняется на большей части поверхности; 2) полупервичные, коркой покрыто более трети поверхности; 3) частичные — корка имеется на незначительной части дорсальной поверхности и 4) предметы без коркового покрытия. Данная выборка приведена в таблице 7, показывающей реальные соотношения между данными группами.

Таблица 8. Процентные соотношения между сколами-заготовками с сохранившимися корковыми и желвачными покрытиями

1. Первичные сколы:	6	2,6%
2. Полупервичные сколы:	19	8,2%
3. Частичные	47	20,4%
4. Без корки:	158	68,8%
Итого:	230	100%

Из таблицы следует, что подавляющее большинство отщепов и пластин не имели корочного покрытия. Это можно объяснить как особенностями сырья, имевшего преимущественно крупные размеры, так и высоким уровнем применяемой на стоянке технологии расщепления камня.

Интересно распределение сколов по показателям удлиненности и особенности огранки спинок. Для выявления последнего показателя воспользуюсь частично разработками Р. Х. Сулейманова, предложившего анализировать сколы по таким показателям, как сколы параллельные, субпараллельные и бессистемные (Сулейманов, 1972: 86–87). Мною несколько изменено определение понятие параллельных сколов: я понимаю под ними сколы, где более половины определяемой поверхности спинки строго параллельны между собой и осью скалывания отщепа или пластины. Использована серия только целых сколов-заготовок, включая целые отщепы и пластины.

Таблица 9. Соотношения между степенью удлиненности сколов и параллельности негативов снятий на их дорсальных поверхностях

	Параллельные: сколы	Субпараллельные сколы:	Бессистемные сколы:	Итого:
Укороченные до 1:1	1	2	14	17
Слабодлинные: до 1:1,5	7	16	18	41
Удлиненные: от 1,5 до 1:2	13	7	7	27
Пластины: более 1:2	4	8	4	16
Итого:	25	33	43	101

Из анализа таблицы очевидно незначительное преобладание сколов с параллельной и субпараллельной огранкой спинок при относительном избытии бессистемных, что явно указывает на наличие здесь мастерских по первичной обработке кремня. Четко прослеживается взаимная связь между показателями удлиненности и разной степени параллельности отщепов и пластин. Сколы-заготовки удлиненных пропорций явно преобладают, хотя и укороченных довольно много — 17%.

Если попытаться выявить в коллекции 1972–1974 гг. преобладающие размеры орудий и необработанных сколов-заготовок, то можно обнаружить между ними определенные различия, которые, скорее всего, являются результатом культурного выбора мустьерцев. Это косвенно подтверждается материалами нижнего слоя стоянки Стинка 1, где из точно такого же сырья изготавливались более мелкие кремневые орудия.

Таблица 10. Размеры орудий и сколов-заготовок без ретуши

	Орудия:	Сколы без ретуши:
Сколы до 30 мм	4	11
Сколы до 50 мм	18	54
Сколы до 60 мм	27	21
Сколы до 70 мм	12	18
Сколы до 80 мм	8	12
Сколы до 90 мм	4	4
Сколы до 100 мм	2	2
Более 100 мм	1	2
Итого:	76	125

Из приведенной таблицы видно, что среди изделий с вторичной обработкой (орудий) преобладают предметы средних (от 50 до 70 мм) и крупных размеров (более 70 мм). Их насчитывается свыше 70%. Среди неретушированных отщепов предметов таких размеров заметно меньше — около 46%. Если же исключить из числа последних леваллуазские формы, которые часто рассматриваются как потенциальные орудия, то очевиден несомненный отбор. Правда, в данном случае важно отметить: значительная часть орудий изготовлена на естественных обломках и осколках кремня.

В соответствии с методикой Ф. Борда, для анализа индустрий необходимо выявление ряда количественных показателей, способных наглядно продемонстрировать особенности данной мустьерской техники первичного расщепления кремня. Среди сколов-заготовок специально не выделялись треугольные отщепы, часто описываемые, как острия леваллуа или псевдолеваллуа — по причине их малочисленности. Выделяемые в коллекции леваллуазские острия не были специально изготовлены. Для этой цели использовались подходящие по форме и массивности сечений заготовки.

Для большей представительности в данную таблицу включены немногочисленные предметы из расчисток 1972–1973 гг., которые, несомненно, относятся к одному комплексу. Предметы из этой коллекции намеренно отмечены в таблице значком +.

Таблица 11. Основные показатели техники первичного расщепления

Сколы и площадки:	Гладкие скошенные:	Гладкие прямые:	Фасетированные прямые:	Фасетированные выпуклые:	Двугранные:	Снятые обработкой	Обломанные:	Итого:
Отщепы: простые леваллуа	45+7 3+1	50+13 12+ 3	31+2 7+1	11+4 9+4	19+4 1+2	3 +1	31+6 7+1	190+39 39+13
Пластины: простые леваллуа	4 1	5+3 3	3+1 1+1	3 4	1+2	1	3+1 2	19+7 12+1

Итак, к 260 сколам-заготовкам, включая орудия, добавлено 60 предметов из коллекции 1972–1973 гг., что увеличивает выборку до 320 единиц. В увеличенной таким образом коллекции к леваллуазским сколам можно отнести 65 изделий, в том числе 13 пластин. Общий технический индекс леваллуа составил 20,3%. Он вполне соответствует включению данной индустрии в число леваллуазских, хотя значение индекса находится на нижнем пределе. Здесь следует обратить внимание на то, что на стоянке представлены все циклы обработки камня, включая мастерские, а это влияет на качество имеющихся сколов-заготовок. Важно иметь в виду: стоянка находится непосредственно у выходов кремневого сырья, представленного пластовым кремнем, который не всегда отличался хорошим качеством. Показательно, что среди отщепов и пластин со скошенными ударными площадками леваллуазских всего 5. Причем все они представлены атипичными предметами с углом скалывания менее 110°. Зато среди сколов с подправленными ударными площадками количество леваллуазских существенно увеличивается: так из выборки в 91 предмет с фасетированными или двугранными площадками на долю леваллуазских приходится 24, что поднимает индекс леваллуа до 26%.

Индекс пластин, которых выделено 39 экз., был средним, составляя всего 12,1%. Индустрия не относится к числу пластинчатых. В данной коллекции нет оснований, на мой взгляд, выделять так называемые «подлинные» пластины. С учетом весьма раннего возраста стоянки, это вряд ли продуктивно.

Что касается особенностей характера ударных площадок, то важно отметить два существенных показателя — фасетирования и клеттона. Первый, напомним, вычисляется, как отношение количества подправленных ударных площадок к числу всех имеющихся отщепов и пластин с сохранившимися площадками. Таких площадок, включая двугранные, всего 111, индекс фасетирования общий соответствует 42%, характеризую индустрию как фасетированную. Индекс так называемого «тонкого фасетирования», т. е. без двугранных площадок (IFst.) равен 31,06%. Показательно довольно большое число сколов с гладкими и скошенными ударными площадками (более 105°), которые описываются как «клеттонские», соответствуя одноименному индексу. Данный индекс оказался достаточно высоким, составив 26%, что невозможно объяснить наличием здесь мастерских по добыче и предварительной обработке кремня. Перед нами очевидный культурный выбор, свидетельствующий о том, что клеттонские отщепы входили в число желаемых заготовок для изготовления различных орудий.

Значительное количество клектонских отщепов способствовало повышению общего коэффициента массивности, который достиг здесь 21. Для сравнения можно привести данные по двум комплексам леваллуа-мустье — Пронятин и слой 5 Молодова I. Там этот индекс составил значительно меньшую величину — 16,6 (Ситник, 2000; Анисюткин, 2009). К тому же в этих комплексах сравнительно мало клектонских отщепов.

Орудия из раскопа I, обнаруженные в 1974 г., достаточно разнообразны. В соответствии с методикой Ф. Борда, при анализе они могут быть сопоставлены с несколькими характерными группами, включая следующие: I — леваллуа, II — мустье, III — верхний палеолит, V — выемчато-зубчатые формы и IV — собственно зубчатые орудия. Будем рассматривать только формы с вторичной обработкой (Рис. 33).

Группа I (леваллуа) представлена всего одним изделием с вторичной обработкой, изготовленным на треугольном отщепе леваллуа, который можно отнести к леваллуазским остриям с ретушью. Это орудие является треугольным отщепом первого снятия (67x51x11 мм), с двугранной ударной площадкой. Слабо выпуклое ножевидное лезвие обработано лицевой и краевой субпараллельной ретушью. Как показали исследования В. Е. Щелинского (1981: 53–58), орудие использовалось, в качестве ножа.

Группа II (мустье) является наиболее многочисленной. Из них весьма выразительным является удлиненный остроконечник крупных размеров (110x60x19 мм), который можно рассматривать, как промежуточную форму между мустьерскими остроконечниками и конвергентными скреблами. Учитывая тонкость заготовки и наличие четкого острого конца, это орудие следует считать остроконечником (Bordes, 1954: 336). Ось орудия несколько не совпадает с центральной осью пластинчатого отщепа. Ударная площадка гладкая и частично скошенная. Огранка спинки субпараллельная. Данный пластинчатый отщеп не относится к леваллуазским. Ретушь краев уплощенная с элементами чешуйчатой, распространенная, частично захватывающая значительную часть поверхности отщепа. В нижней части изделия имеются две выемки, симметрично расположенные на противоположных краях, которые можно воспринимать в качестве аккомодационного элемента орудия.

Среди скребел присутствуют простые с прямыми и выпуклыми рабочими краями. Из них первые (прямолезвийные) представлены 3 орудиями, из которых одно изготовлено на отщепе леваллуа и имеет выломанный в древности участок рабочего края, обработанного краевой и плоской ретушью. Второе — на обломке тонкого отщепа, характеризуется также мелкой и краевой субпараллельной ретушью одного края; третье, изготовленное на естественном осколке кремня небольших размеров (33 мм), имеет мелкую и уплощенную краевую ретушь, а также обушок — естественную грань, частично обработанную крутой и отвесной ретушью.

Наиболее многочисленными являются скребла простые с одним выпуклым рабочим краем, которых выделено 12. Из них 4 изготовлены на леваллуазских заготовках, в числе их 2 на пластинах и 2 на отщепах. Ретушь почти у всех плоская, лицевая¹ и краевая субпараллельная, чешуйчатая или однорядная.

Прочие 4 скребла, изготовленные на тонких так называемых «технических» сколах, имеют те же ножевидные лезвия, что и описанные выше. Из этих четырех два скребла изготовлены на массивных отщепах. Их выпуклые рабочие края, имеющие зубчатые профили, достаточно массивные, обработанные ступенчатой или грубой однорядной и крутой ретушью. Оба скребла имеют естественные обушки. Два других скребла изготовлены на массивных кремневых обломках. Оба имеют слабо подправленные в виде острий концы и лезвия, обработанные крутой чередующейся ретушью. Одно из них составляет в длину всего 42 мм и напоминает массивный лимас, у которого, однако, интенсивно обработан только один край. Второе скребло, изготовленное на обломке кремневой плитки, имеет на торце следы крутой и отвесной ретуши, создающей скребковидный рабочий край.

Скребла простые с вогнутым рабочим краем представлены 4 предметами. Они обработаны краевой и плоской ретушью, которая в двух случаях захватывает значительную часть спинки. Одно может рассматриваться, как комбинированное орудие, у которого, наряду со скребловидным рабочим краем, выделен плоской ретушью долотовидный конец. Из них два скребла изготовлены на отщепах нелеваллуа, одно на сечении крупного отщепа и одно на удлиненном осколке, напоминая выемчатое орудие.

Поперечные скребла представлены двумя предметами. Одно из них с прямым рабочим краем обработано распространенной и уплощенной чешуйчатой ретушью, напоминающей по форме полу-кина. Скребло изготовлено на относительно плоском укороченном отщепе с параллельной огранкой спинки. Второе — с выпуклым рабочим краем, изготовленное на клектонском отщепе, обработано полукрутой ретушью, напоминающей скребковую (Рис. 33:1).

¹ Для лицевой ретуши характерно расположение фасеток только на поверхности спинки.

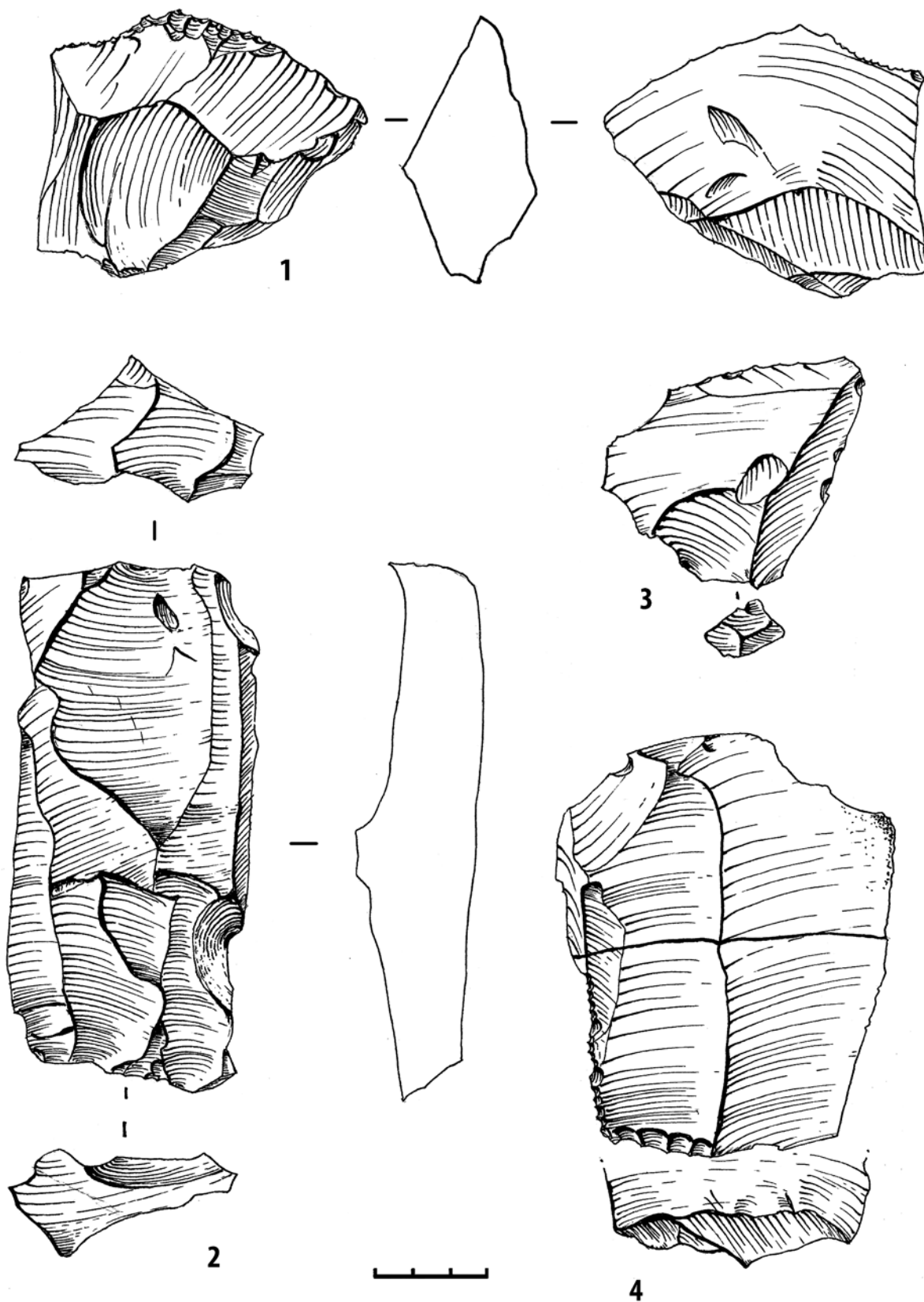

Рис. 33. Кетросы. Раскоп I. Комплекс А: 1 — скребло поперечное на клетонском отщепе; 2 — нуклеус двуплощадочный; 3 — треугольный отщеп псевдо-леваллуа; 4 — отщеп удлиненный

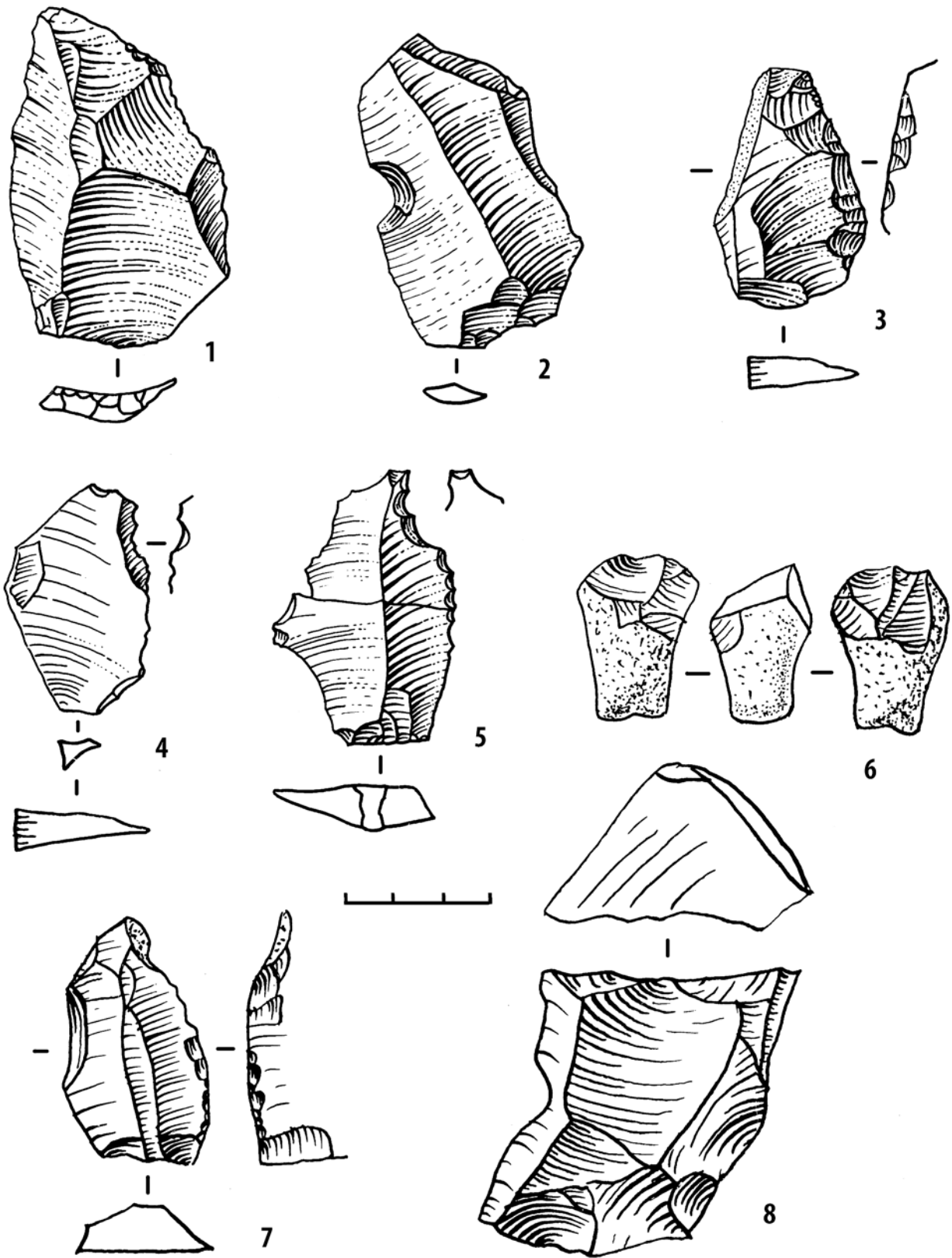

Рис. 34. Кетросы. Раскоп I: 1 — отщеп леваллуа; 2 — выемчатое орудие на отщепе леваллуа; 3 — скребло с двусторонней обработкой; 4 — нож с естественным обушком; 5 — зубчатое орудие; 6 — микронуклеус (чоппинг?); 7 — скребло на отщепе с патиной; 8 — нуклеус

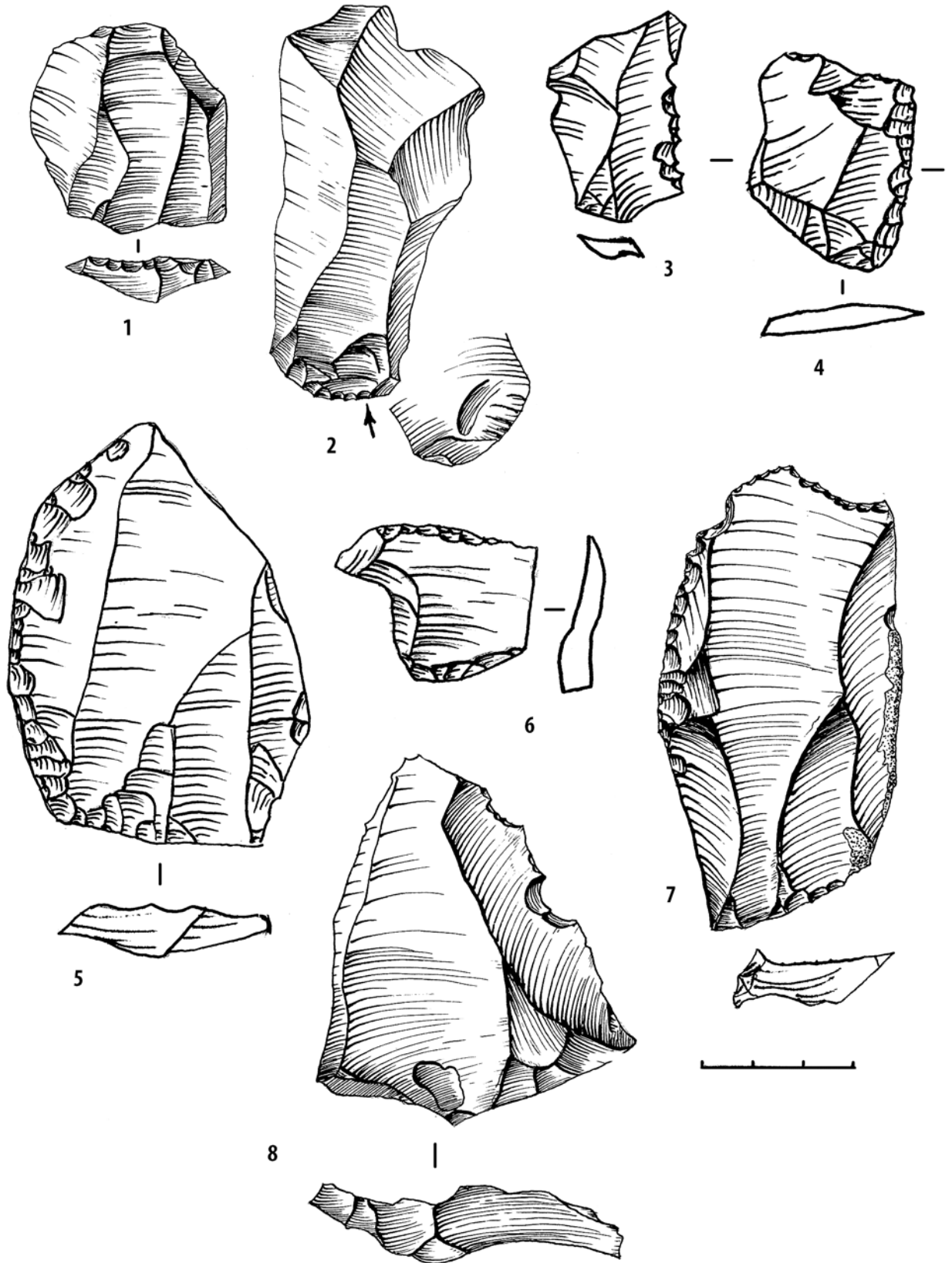

Рис. 35. Кетросы. Раскоп I: 1, 2 — отщепы леваллуа; 3 — зубчатое орудие; 4, 5, 7 — скребла боковые; 6 — скребло поперечное; 8 — острие леваллуа со следами утилизации

Скребло с крутым рабочим краем представлено единственным экземпляром. В качестве заготовки использован массивный обломок желвачного кремня. Рабочий край скребла, обработанный почти отвесной (около 80°) ступенчатой ретушью, крутой и прямой.

Также единичным является скребло с противоположащей ретушью краев. Оно изготовлено на крупном (117 мм) обломке пластового кремня, имеет два противоположащих лезвия почти сходящихся в одной точке и обработанных достаточно плоской субпараллельной ретушью. Рабочим краем противоположит естественный обушок.

Итак, мустьерская группа представлена одним типичным остроконечником и 23 скреблами, обработанными типичной для мустье ретушью. Показательно, что значительная часть скребел изготовлена на различных отщепах и обломках без специального выбора качественных заготовок. Леваллуазские заготовки использовались весьма редко. Так из 23 скребел только 7 экз. изготовлены на отщепах и пластинах леваллуа, и еще почти столько же (5 экз.) — на различных обломках. Все это указывает на относительность применяемого нами понятия «скол-заготовка». Правда, если говорить о молодовском леваллуа-мустье, которое существенно моложе, то там можно наблюдать несколько иную картину, а именно: качественные сколы, прежде всего леваллуа, использовались значительно более широко.

Группа, которую Ф. Борд называет верхнепалеолитической, представлена всего двумя атипичными орудиями. Из них скребок имеет нуклевидную форму и может рассматриваться как использованный до предела атипичный нуклеус, у которого двумя смежными выемками выделен микроскребковый рабочий край. Возможно, это случайная форма, где один из выступов был использован для скобления. Второе орудие, изготовленное на небольшом обломке отщепа, может быть описано как атипичная двойная проколка.

Ножи с естественными обушками (т. е. сохранившие естественную поверхность гальки или желвака) представлены тремя предметами. Все они изготовлены на отщепах нелеваллуа со скошенными ударными площадками. У двух из них обушок является гранью ядрища, а у одного — желвачный (Рис. 34:4).

Изделий с крутой и мелкой (жемчужной) ретушью, изготовленных на мелких обломках тонких отщепов, длиной 32 и 3 мм, всего 2 экз. Они соответствуют орудиям типа раклет (*Raclettes*), выделенным Ф. Бордом в мустьерских комплексах Франции (*Bordes*, 1961: 37).

Орудия с усеченными крутой ретушью поперечными концами (*Eclatstronques*) представлены двумя предметами. Один из них на небольшом обломке отщепа длиной 42 мм имеет хорошо ретушированный краевой ретушью конец. Не исключено, что это изделие является фрагментом скребла. Второе орудие длиной 60 мм было на обломке отщепа, у которого крутой ретушью, нанесенной с вентральной стороны, усечен поперечный конец с примыкающими к нему двумя ретушированными выемками. Является ли данная форма самостоятельным орудием или это фрагмент какого-то иного орудия — неясно.

Выемчатые орудия немногочисленны, но достаточно выразительны (6 экз.). Они были изготовлены на различных заготовках, преимущественно небольших размеров. Наиболее выразительной является форма, изготовленная на отщепе леваллуа, которая может рассматриваться как комбинированная форма, где на поперечном конце изделия имеется микроскребковый рабочий край с примыкающей к нему справа от центральной оси отщепа мелкой выемкой и крупной ретушированной выемкой слева. Это наиболее крупное орудие данного типа (55×35×11 мм). Следующее подобное орудие также изготовлено на удлиненном отщепе леваллуа. (40×21×6 мм). Выемка образована одним снятием. Третье выемчатое орудие изготовлено на небольшом осколке кремня (42 мм). Выемка выделена одним сколом («клектонская»). Следующее орудие этого типа изготовлено на фрагменте тонкого отщепа (35 мм). Мелкая выемка образована фасетками ретуши. Еще одно орудие подобного типа сделана на мелком осколке кремня. Последнее выемчатое орудие можно отнести к поперечным; мелкая выемка образована ретушью. Орудие изготовлено на мелком отщепе (34×33×8 мм) с фасетированной площадкой.

Зубчатые орудия сравнительно многочисленны и разнообразны (13 экз.). Они изготовлены на разнотипных заготовках разных размеров. Здесь, как и в описанной выше категории орудий, использовались заготовки леваллуазского типа.

Одно из наиболее примечательных орудий, изготовленное на естественном обломке кремня крупных размеров (по оси орудия) 112 мм, найдено под обнажением и, возможно, относится к более раннему комплексу, происходящему из пойменного аллювия. Орудие имеет острое, выделенное двумя ретушированными краями. Ретушь крупная и средняя, частично чередующаяся. Половина правого края орудия не имеет обработки, представляя своего рода обушок. По форме данное орудие напоминает нож типа клаузеннише, но обработанное лишь с одной стороны.

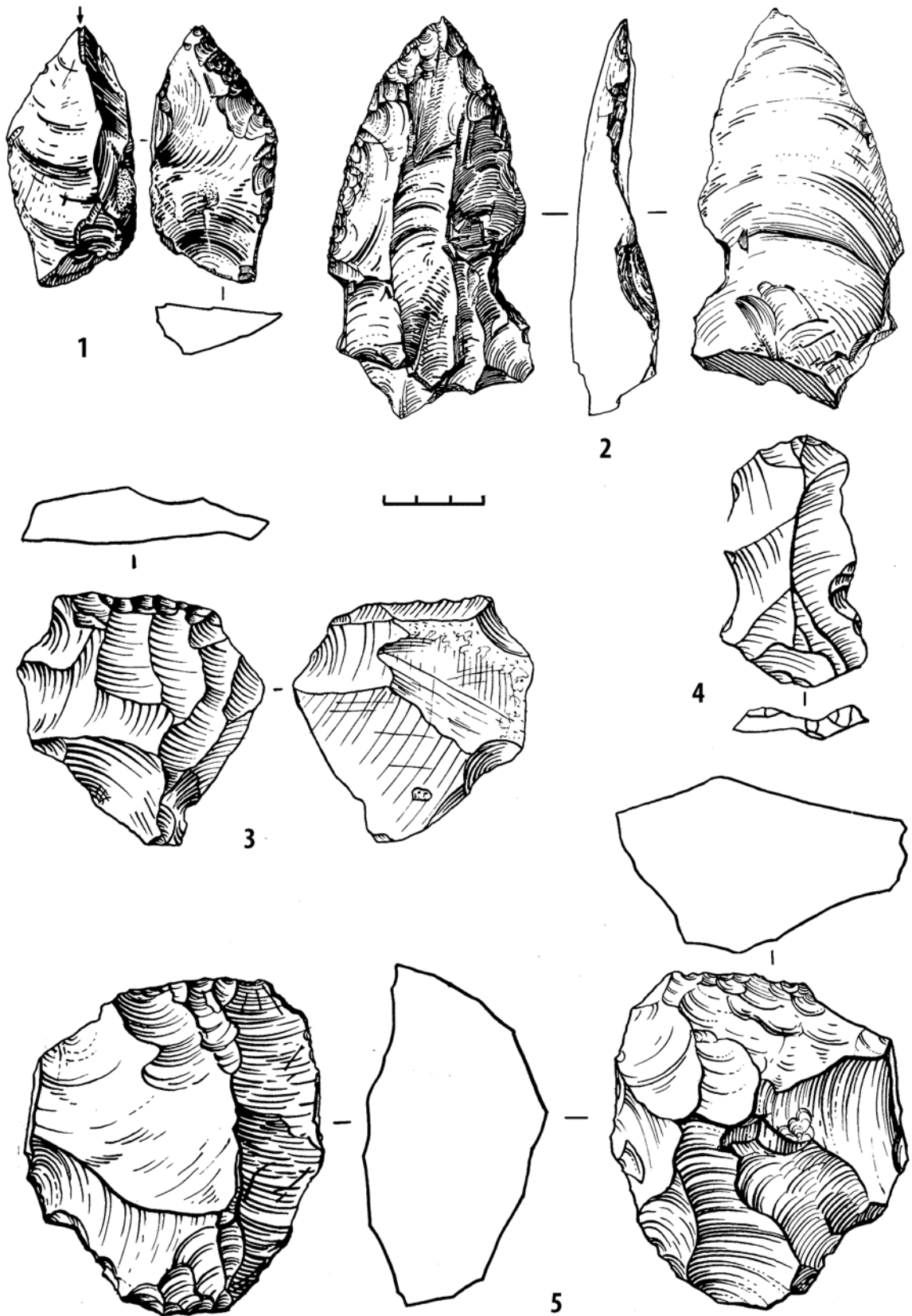

Рис. 36. Кетросы. Раскоп I: 1 — скребло; 2 — остроконечник (комплекс А); 3 — ядро; 4 — выемчатое орудие на отщепе леваллуа; 5 — ядро дисковидный (из средней почвы)

Следующее зубчатое орудие изготовлено на обломке базальной части пластины (или пластинчатого отщепя) леваллуа с выпуклой фасетированной площадкой (42×28×4 мм). Отчетливой зубчатой ретушью средних размеров обработана верхняя треть пластины, примыкающая к облому. Заостренный выступ, находящийся на пересечении обработанной части и облома, имеет с вентральной стороны четкую плоскую фасетку, вероятно возникшую от использования данного конца в качестве режущего инструмента. В данном случае обушком является поперечный облом конца пластины или пластинчатого отщепя. Следующее зубчатое орудие, изготовленное на леваллуазской заготовке, которой является верхняя часть крупной пластины леваллуа (92×46×14 мм), обработано чередующейся ретушью, которая, видимо, является следами утилизации данного предмета. Два прочих орудия можно рассматривать как ножи с естественными (натуральными) обушками. Очень мелкая чередующаяся ретушь на острых краях изделий возможно является результатом использования их в качестве режущих орудий. Возможно, таковыми являются и остальные зубчатые орудия с микрозубчатой ретушью краев.

Одно из зубчатых орудий, изготовленное на массивной пластине нелеваллуа (88×41×14 мм), может рассматриваться как скребло, рабочий край которого оформлен крупнозубчатой ретушью, нанесенной преимущественно с вентральной стороны. Дополнительно выделяется обработка поперечного конца фасетками уплощенной ретуши, позволяя видеть здесь долотовидный рабочий элемент.

Остальные изделия со вторичной обработкой относятся к редким формам, в их числе клювовидные орудия — *bes burinante alterne* (№ 44 тип-листа Ф. Борда), массивное острие и резак на обломке леваллуазской пластины. Последняя форма может считаться атипичной. В эту же группу, которая в тип-листе имеет № 62 (разные формы), можно отнести превосходную треугольную пластину леваллуа (67×33×10 мм) с выделенным ретушью микроскребковым элементом на углу, непосредственно у ударной площадки.

На нуклевидном обломке выделяется четкий массивный скребковидный край, дающий основание отнести эту форму к типу *рабо*. Обнаруженные А. К. Филипповым на этом предмете следы сработанности указывают на использование данного рабочего края в качестве скобеля при обработке дерева.

К атипичным нуклевидным бифасам можно отнести кремневое изделие, обработанное по периметру плоскими и чередующимися сколами.

Условно к числу орудий можно отнести крупный плоский обломок пластового кремня (210×137×35 мм), с плоскими снятиями у поперечного конца. Возможно, это так называемое естественное рубящее орудие, использовавшееся для раскалывания крупных костей или обработки дерева.

Из костяных изделий выявлен один ретушер на обломке трубчатой кости. К костяным орудиям можно было бы отнести три обломка трубчатых костей с заполированными острыми концами. Однако этих признаков явно недостаточно.

7.2.4. Коллекция 1975 г.

Коллекция состоит из 20 нуклеусов, 30 орудий, 254 сколов-заготовок и 972 отходов производства, включая чешуйки, мелкие отщепы (менее 30 мм), осколки и обломки кремня. Выделен один ретушер на обломке неопределимой трубчатой кости (Рис. 36, 37).

Имеющиеся нуклеусы подразделены, как и в описанной выше коллекции, на три группы, отражающие три стадии обработки — начальную, среднюю и заключительную. Впрочем, указанное деление является весьма условным. Оно опирается на размеры нуклеусов и на количество сколов. По сырью они делятся следующим образом: из пластового кремня изготовлено 16, а из галечного — всего 4. Для наглядности данные об основных группах и формах этих изделий сведены в таблицу 11:

Таблица 12. Нуклеусы из раскопа I (1975 г.)

Нуклеусы:	Начальная стадия:	Средняя стадия:	Заключительная стадия:	Итого:
Дисковидные односторонние		2	2	4
Дисковидные двусторонние		1		1
Одноплощадочные	3	1	4	9
Двуготошадочные		2		2
Призматические	Шаровидный-1			1
Атипичные	1		3	4

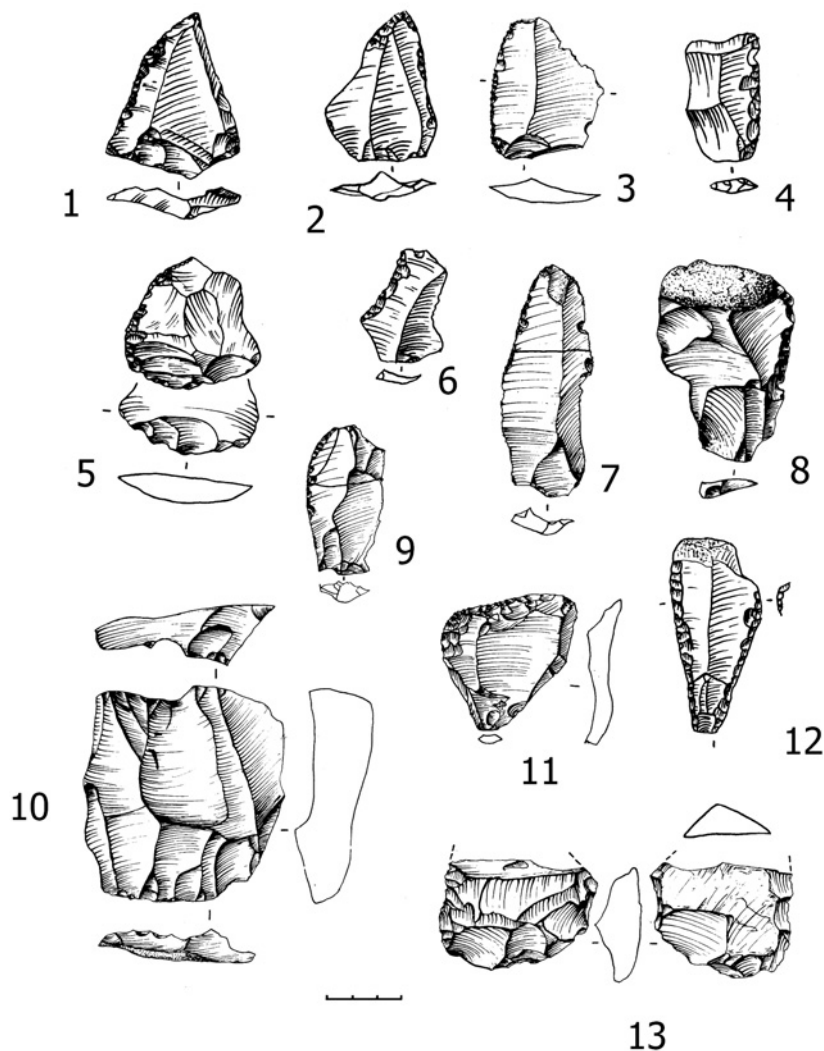

Рис. 37. Кетросы. Раскоп 16 1, 2 — острия леваллуа с ретушью; 3, 4, 6, 7, 8, 9 — скребла однолезвийные (7-из комплекса А); 5 — скребло с подтеской; 10 — нуклеус леваллуа; 11 — скребло поперечное; 12 — скребло двулезвийное; 13 — обломок бифаса (?)

Напомню, что данное условное подразделение основано на двух основных показателях: а) размерах пренуклеусов и собственно нуклеусов и б) количестве негативов на рабочих плоскостях. Предыдущий анализ показал весьма четкую взаимосвязь между стадиями сработанности и размерами ядрищ (Рис. 37).

Нуклеусов начальной стадии всего 5. Показательно полное преобладание одноплощадочных. Все они изготовлены из пластового мелкозернистого (№ 1) кремня хорошего качества и относятся к односторонним со скошенными ударными площадками. Из них два более крупных (90×52×32 мм и 71×61×35 мм) можно отнести к продольным и одно ядрище (55×74×27 мм) — к поперечным. Шаровидный следует определить, как многоплощадочный шаровидной формы (67×52×39 мм). Атипичный нуклеус всего один. Это крупный обломок с негативами только двух отчетливых сколов.

Нуклеусов средней стадии также 6. Они мало отличаются от предыдущих. В этой группе выделяется типичный леваллуазский нуклеус для отщепов, который формально может быть описан как одноплощадочный поперечный со скошенной, но грубо фасетированной ударной площадкой. Спинка нуклеуса слегка уплощена рядом сколов. Второй одноплощадочный нуклеус условно можно отнести к леваллуазским для пластин (48×35×21 мм). Он найден на кв. Ж-15 и представляет особый интерес, поскольку к нему подбирается 2 отщепа и 2 чешуйки, позволяющие определить порядок расщепления. В качестве заготовки была использована галька черного кремня яйцевидной формы, что предопределило характер

и последовательность его расщепления. В самом начале от удлиненной гальки был отбит верхний краевой отщеп, создавший плоскость для оформления ударной площадки, которая создавалась при помощи уплощенных снятий, а самый край площадки притуплялся фасетками ретуши, формируя угол, близкий к прямому. Даже первичные удлиненные отщепы имели тонко фасетированные ударные площадки, небольшие бугорки и тонкие поперечные сечения. Негатив треугольного (не найденного) отщепа также имел тонко фасетированную ударную площадку и плоское поперечное сечение. Очевидно, что аналогичные гальки позволяли получать типичные леваллуазские отщепы и пластины без обработки их плоскостей под «черепаховидные каноны», успешно используя параллельные и конвергентные снятия, но при тщательной подготовке ударных площадок (Рис. 38).

Похожая система расщепления была описана для стоянки Пронятин (Stepanchuk, Sytnyk, 1999). Двуплощадочный нуклеус можно отнести к односторонним ($67 \times 43 \times 28$ мм). Он, как и предыдущий, изготовлен из тонкозернистого пластового кремня, обломан по ширине. Облом или точнее расслоение произошло по старой трещине и, возможно, связано с дефектом исходного материала.

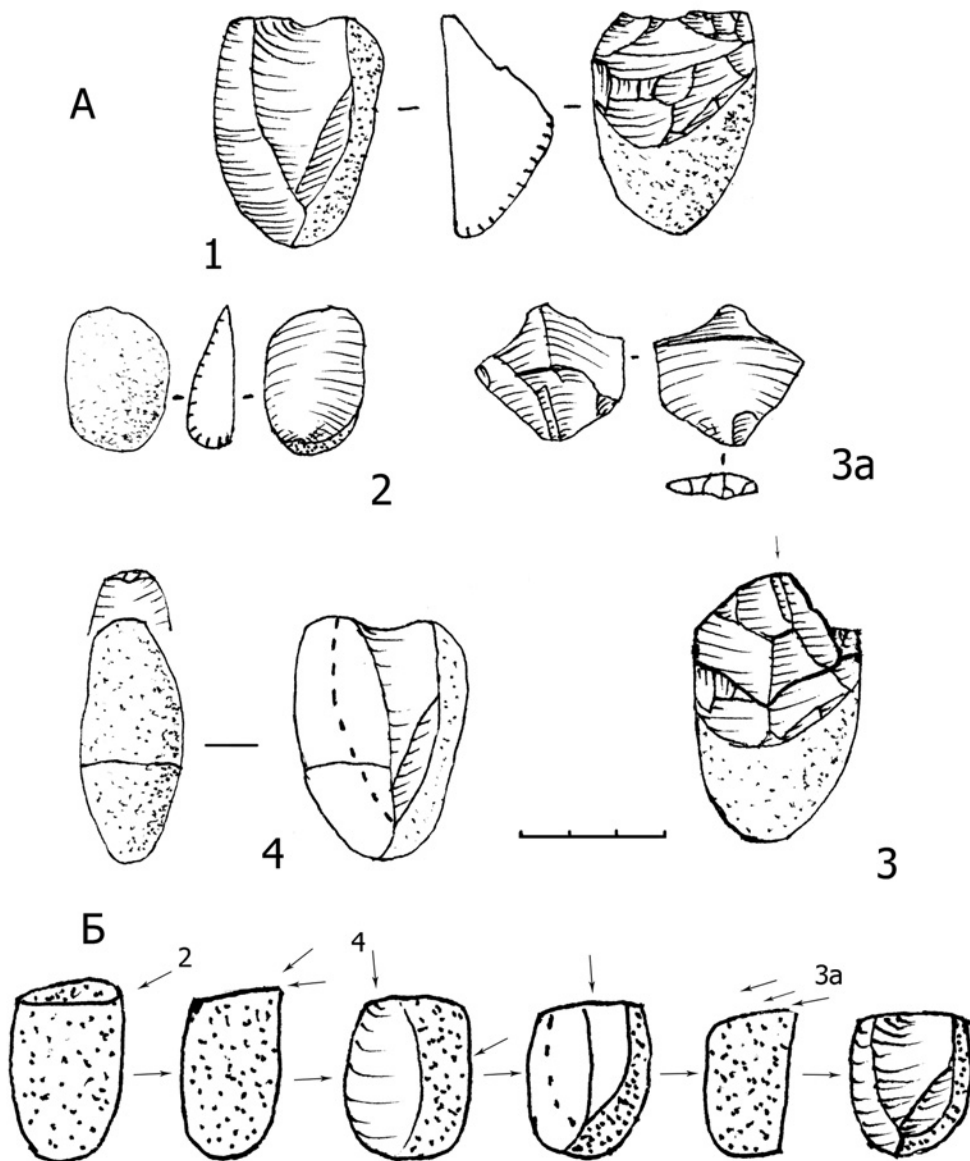

Рис. 38. Кетросы. Раскоп I: А — одноплощадочный нуклеус леваллуа с подбирающимися к нему отщепами; Б — предполагаемая последовательность расщепления ядрища

Нуклеусы с радиальной системой скалывания, которые принято также называть дисковидными, представлены тремя предметами. Один из них имеет достаточно крупные размеры (80×78×29 мм) и относительно плоское сечение. Расщепление велось с подправленных и фасетированных ударных площадок с одной стороны. Тыльная сторона слегка уплощена. Следующий нуклеус более мелкий (59×50×29 мм) и массивный, со скошенными ударными площадками. Расщепление велось преимущественно с двух противоположащих площадок. В этом плане данный нуклеус с явно клетонской системой сколов отнесен к дисковидным на основе его формы. Третий нуклеус из данной группы имеет весьма крупные размеры (114×91×32 мм) и характеризуется системой двусторонних чередующихся снятий, что типично для клетонской техники расщепления, где негатив предшествующего снятия является площадкой для последующего. Скалывания велось, как и положено, с гладких и скошенных ударных площадок. Все нуклеусы этой группы изготовлены из мелкозернистого пластового кремня хорошего качества.

Нуклеусы завершающей стадии расщепления имеют более мелкие размеры, что можно было бы, впрочем, объяснить и особенностями кремня: здесь представлен, в том числе, и галечный кремень. Однако не все так просто и однозначно. Из данного кремня изготовлено только 4 предмета, остальные — из пластового кремня разного качества.

Среди одноплощадочных нуклеусов, изготовленных из галечного кремня, один можно описать, как леваллуа для отщепов (51×48×16 мм), плоский в сечении. Основное расщепление производилось с одной стороны. Два других ядрища, одно из которых было из галечного кремня, а второе — из пластового/плиточного, можно описать, как грубопризматические односторонние, плоские в сечении. Оба имели небольшие размеры, варьирующие от 49 до 32 мм. Выразителен нуклеус из пластового кремня, имеющий четкие признаки леваллуазского для отщепов (47×49×18 мм). Он также односторонний и плоский в сечении.

Два дисковидных ядрища с радиальной системой расщепления, самое крупное из которых имеет в поперечнике 68 мм, относятся к односторонним с плоскими сечениями. Оба изготовлены из пластового кремня разного качества. Из этого же сырья изготовлены 3 атипичных нуклеуса, имевших мелкие размеры.

Для выявления основных показателей техники первичного расщепления обратимся к таблице, где анализируются отщепы и пластины крупнее 30 мм, включенные в группу сколов-заготовок. В отличие от рассмотренных выше материалов из раскопа 1974 г., здесь не представлены данные о сколах со скошенными ударными площадками, а также о сколах без площадок, снятых разнообразной обработкой, в том числе ретушированных. Последние включены здесь в число обломанных. Общее представление о количестве в коллекции клетонских отщепов, т. е. с гладкими и скошенными ударными площадками можно получить из материалов 1974 г.

Таблица 13. Основные показатели техники первичного расщепления комплекса I (раскопки 1975 г.)

Сколы и площадки:	Гладкие скошенные:	Гладкие прямые:	Фасетированные прямые:	Фасетированные выпуклые:	Двугранные:	Снятые обработкой	Обломанные:	Итого:
Отщепы:								
простые		85	17	13	24		30	169
леваллуа		13	10	12	6		7	48
Пластины:								
простые		10	2	2			4	18
леваллуа		3	2		2		8	15
								250

Итак, основные индексы представлены следующим образом:

леваллуа (IL) — 25,2%,

индекс широкого фасетирования (IF) — 39%,

тонкого фасетирования (IFs) — 23%,

пластин (Iam) — 13,2%.

Отдельно вычисленный процент отщепов и пластин со скошенными ударными площадками позволил установить условный индекс клетонской техники (IC1), который достиг 22%. Полученные показатели техники первичного расщепления оказались очень близки показателям коллекции из раскопа 1974 г., характеризуя индустрию, как леваллуазскую с относительно низким уровнем широкого фасетирования.

Общее количество изделий с вторичной обработкой, которые можно описать, как орудия, всего 30. Как обычно, преобладают орудия мустьерской группы.

Группа леваллуа представлена всего одним ретушированным орудием треугольной формы с подправленной ударной площадкой. Это превосходное острие леваллуа с двумя обработанными краями (63×45×11 мм). Ретушь можно описать как лицевую, краевую, нераспространенную, относительно мелкую и чешуйчатую (Рис. 37:2).

Группа мустьерская состоит только из различных скребел. Наиболее многочисленными среди них являются скребла простые с одним рабочим краем.

Скребла простые прямолезвийные представлены 6 предметами. Из них один изготовлен на удлиненном отщепе леваллуа (58×37×12 мм), а второй (47×38×8 мм) на отщепе оббивки (так называемый «технический скол»). Ножевидные рабочие края этих скребел выделены лицевой и краевой, чешуйчатой и субпараллельной ретушью. Остальные три сделаны на осколке кремневой гальки, на нуклевидном куске кремня и на обломке. У двух из них имеются естественные обушки. По характеру обработки данные скребла неотличимы от описанных выше. Особое место принадлежит орудию на массивном нуклевидном куске пластового кремня (73×49×32 мм) с крутым зубчатым рабочим краем, обработанным

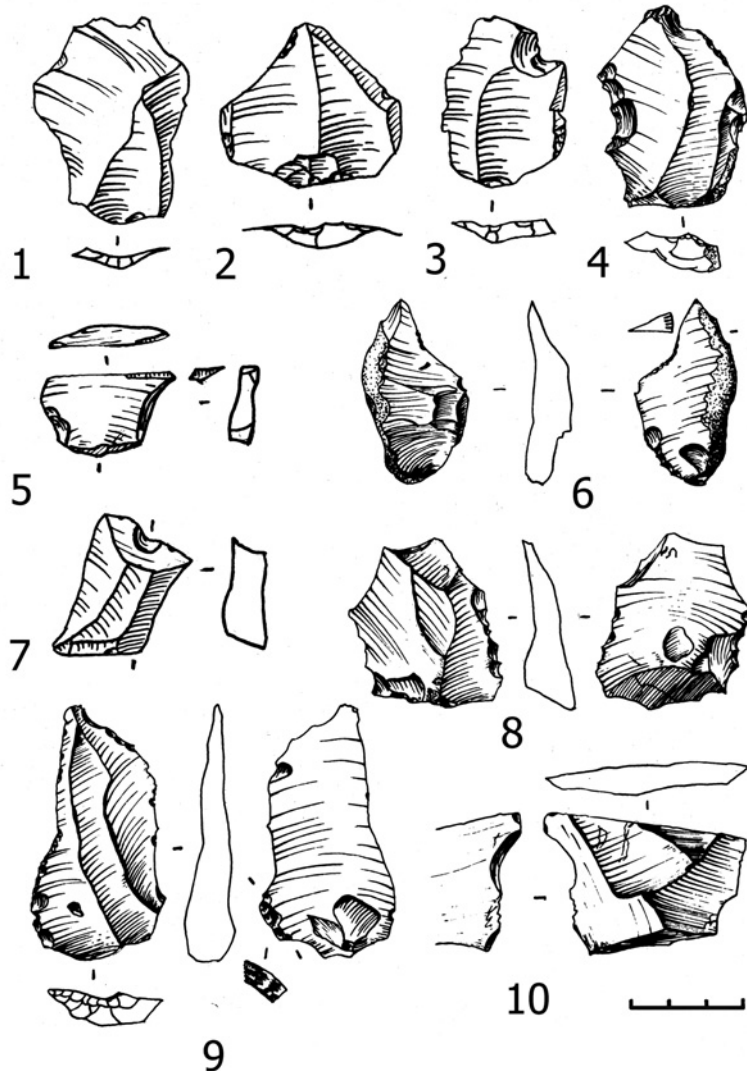

Рис. 39. Кетросы. Раскоп I: 1 — отщеп леваллуа, 2 — острие леваллуа без ретуши, 3–4 — выемчатые орудия; 5 — резец, 6 — нож с естественным обушком, 7 — поперечное выемчатое орудие, 8 — зубчатое орудие, 9 — отщеп леваллуа со скребком на углу площадки, 10 — атипичный клювовидный резак

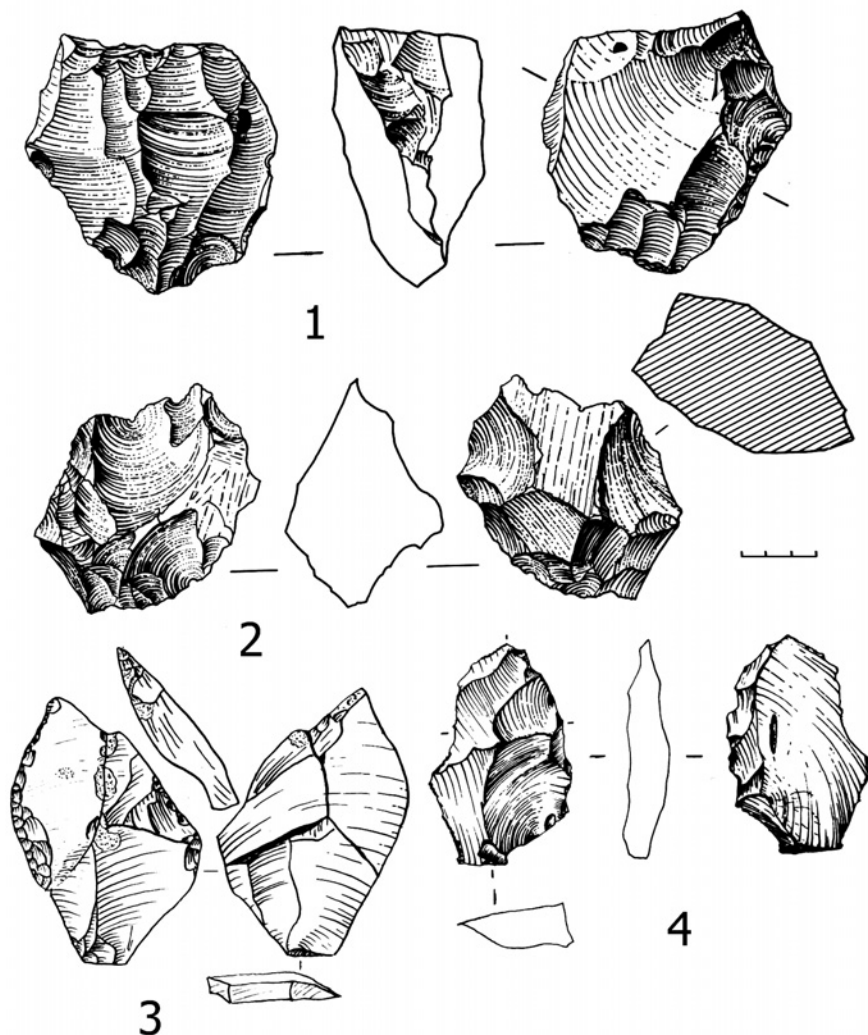

Рис. 40. Кетросы. Русловой аллювий: 1 — нуклеидное орудие с патиной. Раскоп 1. 2 — нуклеус дисковидный двусторонний, 3 — скребло, 4 — нож с обушком

лицевой, распространенной грубо-ступенчатой ретушью. Скребло имеет естественный обушок (грань ядрища) и может быть, с учетом его массивности, названо чопперовидным.

Скребла простые с выпуклыми рабочими краями представлены 4 экз. Одно из них (81×58×14 мм) изготовлено на крупном отщепе леваллуа. Лезвие выделено лицевой и распространенной чешуйчато-субпараллельной ретушью. Второе, также на отщепе леваллуа (54×29×7 мм), имеет ножевидное лезвие, обработанное лицевой и распространенной чешуйчатой ретушью. Два других изготовлены на осколках кремня. Они отличаются от предыдущих относительно крутыми рабочими краями, обработанными более грубой ретушью.

В коллекции выделено 2 скребла с двумя слабовыпуклыми рабочими краями. Одно из них, изготовленное на пластине леваллуа (79×35×12 мм), представлено двумя соединяющимися обломками, происходящими с соседних квадратов И-9 и К-9 (Рис. 37:12). Верхняя часть пластины с небольшими остатками корки, имеющая более крупные размеры, обработана интенсивнее. Ретушь левого края — лицевая, проникающая чешуйчатая. Непосредственно у площадки (на месте облома), в нижней (наименьшей) части орудия она является крутой (возможно, оформляя рукоятку ножа). Правый край обработан более мелкой и менее распространенной ретушью. Орудие использовалось, как показали трасологические исследования В. Е. Шелинского (1981: 54–56), в качестве ножа. Второе двойное скребло изготовлено на обломке крупного отщепа леваллуа (93 мм). Оно может интерпретироваться как атипичное, с учетом того, что ретушь одного из краев не является непрерывной.

Скребло поперечное со слабо выпуклым рабочим краем изготовлено на небольшом отщепе оббивки (31×41×6 мм). Ножевидное лезвие выделено лицевой, мелкой и уплощенной ретушью.

Орудия, относящиеся по системе Ф. Борда к позднепалеолитической группе, представлены 4 предметами, включая атипичные скребок, резец и проколки. Из этих орудий 3 изготовлены на мелких отщепах, которые являются сколами подправки, а 1 на небольшом (32 мм) осколке кремня.

Ножей с естественными обушками всего 2. В качестве заготовки для одного из них использована пластина нелеваллуа достаточно крупных размеров (77×27×10 мм). На углу верхнего конца ножевидного лезвия имеется микрорезцовый скол. Обушком является грань ядрища и кремневой плитки, с которой снята данная пластина. Второе изделие изготовлено также из довольно крупной пластины нелеваллуа с обломанным основанием (69×38×19 мм). На лезвии имеется микрозубчатая ретушь. Обушок такой же, как и на описанном выше предмете.

Выемчатые орудия представлены 4 боковыми и 4 поперечными. В качестве заготовок использовались отщепы разного типа, включая леваллуа. Первое боковое выемчатое орудие изготовлено на отщепе леваллуа (47×32×7 мм). Оно склеено из двух кусков, обломанных в древности. Выемка относится к разновидности клектонских. Второе выемчатое орудие с боковой выемкой изготовлено на нижней части пластины леваллуа (50×32×7 мм). Выемка мелкая, образованная ретушью. В качестве заготовки для третьего орудия этого типа использован обломок отщепа нелеваллуа. Выемка очень крупная, образованная ретушью. Четвертое выемчатое орудие изготовлено на небольшом отщепе оббивки (40 мм). Выемка имеет мелкие размеры, но образована одним снятием.

Поперечные выемчатые орудия, которые в тип-листе Ф. Борда имеют № 54, весьма характерны для индустрии стоянки Кетросы. Первый из них изготовлен на достаточно крупном клектонском отщепе (63×40×14 мм). Выемка образована полукрутой ретушью. Для следующего орудия этой группы использован массивный отщеп нелеваллуа (43×39×17 мм). Достаточно крупная выемка может рассматриваться как двухразовая — на клектонскую наложена ретушированная выемка. Для третьего орудия выбран массивный клектонский отщеп небольших размеров (37×22×11 мм), на поперечном конце которого имеется ретушированная выемка. Последнее поперечное выемчатое орудие также изготовлено на мелком, но массивном клектонском отщепе (31×38×10 мм). На поперечном конце этого укороченного скола выявлены две ретушированные выемки, одна из которых типичная.

В коллекции всего 3 зубчатых орудия, изготовленных на различных заготовках. Одно из них изготовлено на отщепе леваллуа небольших размеров (43×24×4 см). Ножевидное прямое лезвие обработано мелкой чередующейся ретушью. Второе орудие может рассматриваться и как специфический нож с частично ретушированным и частично естественным обушком. Оно изготовлено на обломке небольшого отщепа всего 45 мм, у которого левый край имеет мелкую зубчатую, лицевую ретушь, а примыкающий к нему поперечный край обработан более крутой, хотя и микрозубчатой ретушью. Третье зубчатое орудие более крупных размеров (64 мм), для него использован естественный обломок кремня. Орудие имеет два рабочих края, обработанных лицевой микрозубчатой ретушью. Не исключено, что ретушь на всех этих трех предметах не намеренная, а представляет следы их утилизации в качестве ножей.

В особую группу орудий, которые в тип-листе Ф. Борда имеют № 62, можно включить три предмета. Один из них представляет собой отщеп нелеваллуа укороченных пропорций (43×45×12 мм), у которого прослеживаются элементы подтески с вентральной стороны и поперечное усечение (так называемое «тронкирование»). Два других орудия имеют ладьевидные формы с выделенными выемками острыми концами, один из которых обработан мелкими параллельными фасетками крутой ретуши. Их можно рассматривать как своеобразные клювовидные орудия. Изготовленные на кремневых осколках, они имеют относительно небольшие размеры (58 и 47 мм).

Одно изделие, изготовленное на обломке трубчатой кости, можно определить, как ретушер.

7.2.5. Коллекция 1976 г.

Так как данный раскоп захватил окраину культурного слоя стоянки, то здесь было получено относительно мало орудий и нуклеусов, но очень много отходов производства, включая чешуйки, обломки и осколки кремня. Всего в коллекции 14 орудий, 16 нуклеусов, 126 заготовок и 1045 отходов производства, а также 4 крупных обломка кремнистых пород, 2 гальки песчаника и 1 камень (сланец).

Для изготовления орудий использовалось то же сырье, что и в ранее описанных коллекциях. Абсолютно преобладал пластовый кремнь.

Нуклеусы можно подразделить на 6 дисковидных с односторонним скалыванием; 2 диска с двусторонним скалыванием; 3 одноплощадочных, в числе их 1 леваллуа; 2 атипичных и 3 обломка ядрищ. Из них из галечного кремня изготовлены 3 нуклеуса, включая 2 одноплощадочных и 1 атипичный. Все остальные — из пластового кремня разного качества.

Для характеристики сколов-заготовок с целью получения необходимых индексов можно использовать всего около сотни образцов, что, за вычетом обломанных изделий, явно недостаточно. Визуально же заметных отличий от коллекций из других раскопов нет.

Обратимся к описанию орудий. Мустьерская группа представлена только скреблами, среди которых нет нормальных композиций. Однолезвийные представлены только одним экземпляром с вогнутым рабочим краем. Скребло, изготовленное на первичном отщепе с точечной ударной площадкой (54×43×20 мм), обработано лицевой и однорядной ретушью с зубчатым контуром. Еще одно скребло с вентральной ретушью изготовлено на удлиненном и патинизированном отщепе, который не относится к леваллуа. Орудие имеет средние размеры (51×28×13 мм). Мелкая ретушь лишена патины, указывая на то, что данный отщеп был где-то подобран и принесен на стоянку. Следующее скребло можно описать как скребло-острие с крутой ретушью одного края и частичной подправкой острого конца. Оно изготовлено на удлиненном осколке (60 мм) пластового кремня. Орудие найдено под обнажением и, возможно, относится к комплексу нижнего (аллювиального) слоя. Еще одно скребло выявлено на поверхности осыпи. Оно имеет частичную двустороннюю ретушь и естественный обушок. Следующее скребло с кв. Л-6 изготовлено на обломке кремня небольших размеров. Рабочий край с лицевой и полукрутой ретушью сочетается с клектонской выемкой, позволяя рассматривать данное орудие, как комбинированное (Рис. 40).

Итак, все скребла из коллекции 1976 г. являются атипичными, а два из них возможно не связаны с культурным слоем.

Прочие орудия представлены 3 ножами с естественными обушками, изготовленными на отщепах нелеваллуа, а также изделием на отщепе нелеваллуа с выпуклой фасетированной площадкой, поперечный конец которого обработан крутой ретушью, нанесенной с дорсальной стороны на вентральную.

Одно из выемчатых орудий изготовлено на типичном отщепе леваллуа с выпуклой фасетированной ударной площадкой (73×41×10 мм). Выемка выделена полукрутой ретушью. Следующее подобное орудие на обломке отщепа также имеет одну ретушированную выемку. Последнее из них с выемкой клектонского типа изготовлено на нелеваллуазском отщепе (61×38×9 мм).

Единственное зубчатое орудие на нелеваллуазском отщепе (54×36×11 мм) можно отнести к атипичным. Оно обработано мелкой чередующейся ретушью, которая могла быть и следами утилизации, а не намеренной обработкой.

Клювовидное орудие изготовлено на так называемом техническом сколе мелких размеров. Острие выделено двумя смежными мелкими ретушированными выемками, позволяя считать данную форму атипичной.

Прочие изделия представлены двумя крупными нелеваллуазскими отщепами с нерегулярной ретушью. Один из них имеет уплощенную ретушь у верхнего конца.

Весьма показательны, что каменная индустрия из раскопа 1976 г., который захватил окраину поселения, заметно отличается набором орудий от предшествующих. Правда, по техническим показателям эти различия незаметны.

7.2.6. Общая оценка каменной индустрии раскопа I

Каменная индустрия, происходящая из комплекса раскопа I, весьма представительна и информативна. Техника расщепления кремня использует типично среднепалеолитическую систему получения сколов-заготовок, основанную на плоскостном скалывании с полюсных или дисковидных ядрищ, часто зависимых от особенностей сырья. Широко применялись различные способы подготовки ударных площадок и рабочих плоскостей нуклеусов, позволявших получать пластины и отщепы леваллуазского типа. Тем не менее, последние не были в числе приоритетных заготовок, используясь часто без ретуши или с минимальной вторичной обработкой. Значительная часть орудий изготовлялась на разнообразных заготовках, включая естественные осколки и обломки. Как ни странно, это особенно характерно для таких мустьерских форм, как скребла. Нередко применялись клектонские отщепы, а также так называемые «технические сколы». Общий индекс леваллуа превышает 20 %, указывая на то, что изучаемая нами каменная индустрия относится к леваллуазскому типу.

В итоге можно охарактеризовать данную индустрию при помощи следующих технических показателей: леваллуа (IL) — 21 %, подправки площадок (IF) — 43 %, фасетирования (IFs) — 31 %, пластин (Iam) — 12 %, клетонских отщепов (ICL) — 21 %.

Для изготовления орудий широко использовались различные формы заготовок, включая не только отщепы или пластины, которых большинство, но и естественные обломки кремня соответствующих форм и размеров. Значительное количество отщепов и пластин леваллуа использовались без дополнительной вторичной обработки. Показательно небольшое количество треугольных отщепов, которые обычно описывают как острия леваллуа. В целом, в индустрии отмечены те приемы подготовки леваллуазских ядрищ, которые приведены в общей схеме В. И. Усика, основанной на реконструкциях процесса расщепления комплекса Молодова V (Усик, 2003: 62). Очень слабо представлена радиальная система подготовки леваллуазских ядрищ. Ниже приведен общий список орудий, происходящих из данного культурного слоя. Он составлен на основе тип-листа Ф. Борда, с сохранением соответствующих номеров, характерных для тех или иных категорий.

Расширенный список орудий, происходящих из раскопа I

- 1–2. Отщепы и пластины леваллуа без ретуши — 78.
3. Острия леваллуа без ретуши — 2.
4. Острия леваллуа с ретушью краев — 3.
7. Остроконечник мустьерский удлиненный — 1.
9. Скребла простые с прямыми рабочими краями — 11.
10. Скребла простые с выпуклыми рабочими краями — 18.
11. Скребла с вогнутыми рабочими краями — 4.
15. Скребла с двумя выпуклыми рабочими краями — 2.
22. Скребла поперечные с прямыми рабочими краями — 1.
23. Скребла поперечные с выпуклыми рабочими краями — 2.
25. Скребло ретушированное с брюшка — 1.
26. Скребла с крутой ретушью края — 3.
27. Скребла с утонченным корпусом — 1.
29. Скребло с чередующейся ретушью края — 1.
31. Скребки атипичные — 2.
33. Резец атипичный — 1.
34. Проколки типичные — 1.
35. Проколки атипичные — 2.
38. Ножи с естественными обушками — 10.
39. Формы типа «раклет» — 2.
40. Формы типа «тронке» — 3.
42. Выемчатые орудия — 14.
43. Зубчатые орудия — 17.
44. Резцевидное острие — 1.
54. Поперечные выемчатые орудия — 5.
55. Поперечное рубящее орудие — 1.
56. Рабо — 1.
59. Чоппер — 1.
62. Особые формы орудий представлены 9 предметами, из них:
 клювовидные — 5, скребок у площадки — 1, комбинированное — 1, неоконченные (?) — 2, атипичный бифас (заготовка?) — 1.

Итого: 200.

Основные типологические индексы приведены в таблице 14 в виде характерных наиболее показательных групп орудий.

Все приведенные количественные показатели указывают на то, что по композиции характерных форм орудий и признакам техники первичного расщепления данная индустрия соответствует леваллуазскому комплексу, относящегося к мустье типичному фации леваллуа. Последнему заключению соответствует очень высокий процент отщепов и пластин леваллуа, не преобразованных в орудия. Напомним, что фации леваллуа соответствуют комплексы с очень высоким индексом типологического леваллуа (IL_{тип}), вычисляемого по соотношению всех неретушированных сколов леваллуа 100 к прочим орудиям

Таблица 14. Типологические показатели индустрии раскопа 1

Индексы	Реальные	Основные
Леваллуа типологическое	41,5 %	2,5 %
Скребла	22 %	36,6 %
Скребла шарантские	10,5 %	17,5 %
Бифасы	0,5 %	0,8 %
I Группа леваллуа	41,5 %	2,5 %
II Группа мустьерская	22,5 %	37,5 %
III Группа верхний палеолит	3 %	5 %
IV Группа зубчатых форм	8,5 %	14,1 %

комплекса (Bordes, Bourgon, 1951: 4), т. е. неретушированные отщепы и пластины леваллуа воспринимаются как «потенциальные» орудия.

Для наглядности сравним полученные результаты с материалами типичного мустье из разных частей Франции.

Таблица 15. Сопоставление технико-типологических индексов комплексов стоянки Кетросы и варианта типичного мустье Франции, представленного материалами гротов Мустье (слой J) и Ортюс

Индексы	Кетросы	J	Грот Ортюс
IL — леваллуа	21 %	32 %	32,6 %
IF — подправки площадок	43 %	75 %	42,2 %
IFc — фасетирования	31 %	57 %	32,255
Паш — пластин	12 %	15 %	5,7 %
Орудия			
IR- скребла	22–36,6 % (езв)	21,4 %	27,4 %
IV — бифасы	0,5–0,8 %	0,5 %	0
IV — зубчатые орудия	8,55–14,1 %	11,7 %	26 %

При сравнении индустрии стоянки Кетросы с комплексом слоя J грота Мустье, являющегося эталоном варианта мустье типичного, мы видим существенное сходство, заключающееся в повышенном показателе леваллуа, указывающем на принадлежность сопоставляемых индустрий к леваллуазским, но с умеренным количеством пластин и переменными индексами фасетированных ударных площадок. Согласно данным Анри де Люмлея, чьи материалы используются в данной работе, индекс широкого фасетирования (подправки) в пределах от 30 до 50 % соответствует средней степени обработки, а выше — высокой степени (Lumley, 1972: 391).

Практически одинаковыми являются пропорции между скреблами, бифасами и зубчатыми орудиями. Ни в том, ни в другом случае практически нет форм с ретушью кина. Приведенные в качестве примера данные типичного мустье из слоев 7–38 грота Ортюс, так же, как и индустрия из слоя J грота Мустье относящихся к Вюрму 2 (Там же: 391–467), дают весьма сходные показатели, но отличающиеся очень низким индексом пластин и сравнительным обилием зубчатых орудий. Важно отметить, что все сопоставляемые комплексы достаточно одновременны, причем Кетросы в этом ряду имеют наиболее ранний возраст.

Известно, что вариант мустье типичного может быть леваллуазским и нелеваллуазским. Оба указанных подразделения встречены не только в Западной Европе (Bordes, 1981), но и весьма широко распространены на территории Евразии.

7.3. Общая характеристика кремневой индустрии из раскопа II

Прежде, чем начинать описание коллекции из данного раскопа и Северного комплекса, необходимо остановиться на вопросе их синхронизации с первым. В силу того, что все три комплекса, включая разрушенный, отделены друг от друга конусами выноса, они не имеют непрерывного единого разреза, достаточного для их надежной синхронизации. Можно указать лишь на то, что все они связаны с одни-

ми и теми же отложениями, лежащими на пойменном аллювии и перекрытыми комплексом ископаемых почв. В этом плане рассматриваемые слои, бесспорно, синхронны. Но не исключено, что каждый из комплексов разделяет такой отрезок времени, который нельзя уловить стратиграфически. Речь идет о десятках лет.

На этот вопрос невозможно дать однозначный ответ. Можно лишь обратить внимание на то, что все комплексы сугубо автономны, ни в одном случае нет реальных нарушений слоя, которые были бы неизбежны в случае перерыва в заселении долины Кишлянского яра. Представляется весьма вероятным, что новые пришельцы попытались бы использовать для своих нужд нагромождения костей мамонта, оставленных их предшественниками. Поэтому, с учетом микростратиграфии, есть все-таки достаточные основания считать рассматриваемые четыре комплекса, включая разведанный комплекс IV, расположенный южнее первого, остатками единого поселения.

В отличие от раскопа I, здесь мало кремневых изделий. Тем не менее, в целях единообразия каменная индустрия данного комплекса также будет рассмотрена по сезонам раскопок.

7.3.1. Раскопки 1977 г.

В коллекции имеется 8 нуклеусов, 16 орудий, 18 сколов-заготовок, 115 отходов производства, представленных чешуйками, обломками и осколками кремня. В качестве использовался тот же кремень, что и на раскопе один.

Нуклеусы подразделены на дисковидные односторонние — 3 экз; одноплощадочные — 3; атипичные — 2. Размеры ядрищ с радиальной системой скалывания варьировали от 93 до 78 мм. Среди них имелись образцы, как начальной стадии, так и завершающей. Одноплощадочные имели более мелкие размеры: самый мелкий из них, напоминающий протопризматический, имел всего 32 мм, а самый крупный с уплощенным поперечным сечением — 85 мм.

Количественный анализ сколов заготовок рассматриваемого комплекса невозможен по причине малочисленности коллекции. Можно лишь отметить относительную малочисленность отщепов и пластин леваллуа, прежде всего типичных, при сравнительной многочисленности отщепов со скошенными ударными площадками. Что касается размеров сколов-заготовок, то в предварительном плане следует указать на их сопоставимость с аналогичными предметами из раскопа I. Показательно более интенсивное использование здесь изделий из осколков и обломков кремня, из которого изготовлена заметная часть орудий.

Немногочисленные орудия представлены скреблами, верхнепалеолитическими формами, ножами с естественными обушками, клювовидными, выемчатыми и зубчатыми орудиями, а также одним чоппером. В коллекции имеется пять так называемых «естественных орудий» с фасетками вторичной обработки или следами их утилизации, изготовленных на естественных обломках кремня.

Начнем описание со скребел, которых выделено всего 6. Из них простых с одним рабочим краем только 2.

Скребло с прямым рабочим краем изготовлено на отщепе нелеваллуа (85×70×19 мм) со скошенной и гладкой ударной площадкой. Рабочий край выделен лицевой, однорядной и мелкой («жемчужной») ретушью. Оно найдено на кв. P-XIII.

Скребло с выпуклым рабочим краем, сделанное на отщепе леваллуа (82×60×15 мм) с гладкой и прямой ударной площадкой, является одним из наиболее выразительных орудий. Ретушь лицевая, уплощенная, чешуйчатая создает ножевидный рабочий край и возможно острие, которое обломано в древности. Орудие обнаружено на кв. T-XVI.

Поперечное скребло с выпуклым рабочим краем изготовлено на небольшом отщепе укороченных пропорций с точечной ударной площадкой (34×40×16 мм). Рабочий край выделен лицевой и крутой ретушью. Найдено на кв. T-XII.

Скребло вентральное (брюшковое), найденное на поверхности под обнажением, изготовлено на отщепе нелеваллуа с выпуклой и фасетированной ударной площадкой. Лезвие образовано лицевой и полукрутой ретушью, нанесенной со стороны брюшка отщепа.

Скребло с чередующейся ретушью края, обнаруженное при зачистке стенки раскопа на уровне культурного слоя, изготовлено на тонком отщепе с обломанной ударной площадкой (47×31×8 мм). Рабочий край выделен чешуйчатой, чередующейся, частично двусторонней ретушью, которому противолежит естественный обушок.

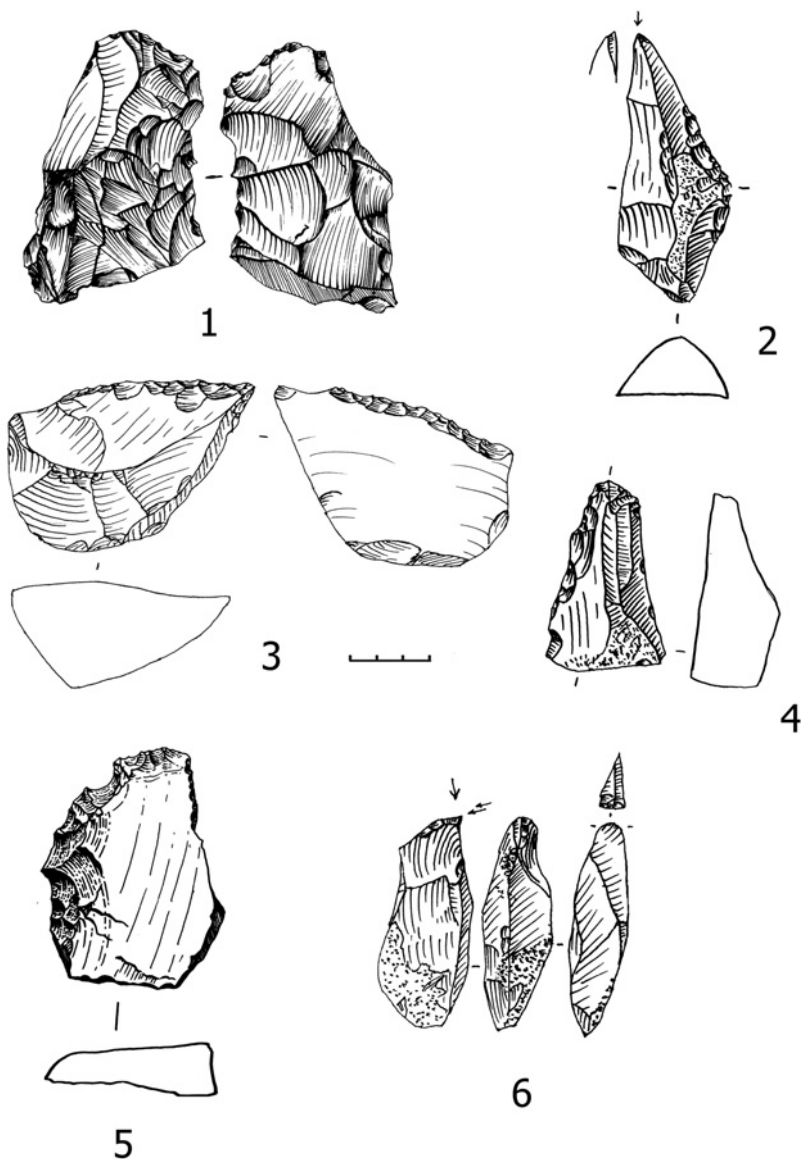

Рис. 41. Кетросы. Раскоп I. Кремневые изделия из верхних горизонтов: 1 — нуклеидное орудие, 2 — резец атипичный, 3 — скребло поперечное, 4 — скребок атипичный, 5 — зубчатое скребло, 6 — резец каренэ

Скребло с чередующейся ретушью края изготовлено на массивном осколке кремня треугольной формы (длина 138 мм). Рабочий край, образованный уплощенной и чередующейся ретушью, имеет зубчатый контур. Орудие обнаружено в пределах жилища на границе кв. У-ХVI—ХVII.

В группе позднепалеолитических форм имеется два скребка и один выразительный резец. Скребок, сделанный на подтреугольном кремневом осколке длиной 95 мм, обнаружен в пределах жилища на кв. Ф-ХVI. Выпуклый рабочий край выделен крутой (почти отвесной) ретушью. Правый и левый края имеют крутую ретушь.

Скребок атипичный оформлен на боковой стороне небольшого отщеп с выпуклой, тонко фасетированной ударной площадкой (25×33×10 мм). Рабочий край, выделенный мелкой полукрутой ретушью, слабо выпуклый. Орудие найдено на кв. Ф-ХV.

Резец боковой с полукрутой ретушью скошенного поперечного конца найден на кв. У-ХVIII. Изготовлен на небольшом обломке кремня длиной до 46 мм. Рабочий конец выделен мелким резцовым сколом, ограниченным выемкой.

Ножи с естественными обушками представлены двумя предметами. Один из них изготовлен на крупном треугольном отщепе нелеваллуа с гладкой и прямой ударной площадкой (83×60×28 мм). На остром лезвии имеются отчетливые следы утилизации. Второй нож — на крупной пластине нелеваллуа с гладкой и скошенной площадкой (91×43×20 мм) найден, как и предыдущий, на кв. Ф–XX.

Орудие с выемкой, нанесенной со стороны брюшка, изготовлено на отщепе нелеваллуа с грубо фасетированной ударной площадкой (57×55×6 мм). Оно найдено в осыпи на поверхности, несколько ниже ископаемой почвы.

Зубчатых орудий всего 2. Одно из них было на удлиненном осколке кремня (длина 47 мм), у которого однорядной ретушью выделен один рабочий край. Изделие обнаружено на кв. X–XXII. Второе орудие изготовлено также на осколке кремня длиной 54 мм. Два рабочих лезвия выделены выразительной ретушью — с одного края, и микрозубчатой — с другого. Оно выявлено на кв. У–XVIII.

Орудие с поперечной выемкой изготовлено на небольшом отщепе оббивки с гладкой и прямой ударной площадкой (39×32×6 мм). Выемка образована мелкой вентральной ретушью. Предмет найден на кв. Ф–XVII.

К чопперам можно отнести изделие на куске кремня, напоминающим торцевой нуклеус, но грубо обработанный (115×65×45 мм). Лезвие выделено рядом сколов, но более плоских, нежели сколы на ядрищах. Найдено на кв. Ф–XVIII.

Единственное клювовидное орудие на осколке кремня средней величины (длина 57 мм) имеет одно жальце, образованное клетонской выемкой и крупнофасеточной отвесной ретушью. Этот атипичный предмет найден на кв. Ф–XVII.

Показательна общая грубость изготовления большинства орудий, хотя окончательные выводы делать рано, учитывая малочисленность коллекции.

7.3.2. Раскопки 1978 г.

В коллекции каменных изделий имеется 5 нуклеусов, 2 нуклевидных обломка, 11 орудий, 3 отщепа, 1 пластинка с ретушью, 28 сколов-заготовок. 63 предмета представлены отходами производства, в их числе чешуйки, обломки и осколки. Сюда же следует включить 2 гальки песчаника и 1 окатанный обломок кремнистой породы, использовавшийся как отбойник. В качестве сырья использовались те же породы кремня, что и на прочих раскопах².

Нуклеусы представлены образцами, как начальной стадии, так и заключительной. Один из них можно рассматривать как нуклеус развитой стадии расщепления. Размеры ядрищ начальной стадии варьируют от 110 до 90 мм, а заключительной, отличающихся относительной тонкостью сечения и многочисленностью сколов — в пределах от 60 до 70 мм.

Нуклеусы начальной стадии представлены одноплощадочным и двуплощадочными образцами. Первый изготовлен на остроугольном осколке кремня овальной формы. Следы регулярного расщепления характеризуются несколькими сколами подправки ударной площадки и двумя снятиями для получения сколов-заготовок. Возможно, неполное использование данного нуклеуса связано с тем, что в качестве его заготовки был взят грубый кремень. Двуплощадочный нуклеус имеет массивное поперечное сечение и изготовлен из пластового кремня посредственного качества. На его рабочей поверхности прослеживаются три крупных скола, соответствовавших отщепам неправильной формы и укороченных.

Прочие нуклеусы представлены ядрищами дисковидными односторонними с радиальной системой расщепления. Они имеют относительно тонкие поперечные сечения.

Сколы-заготовки имеют преимущественно средние размеры, среди которых леваллуазских всего 4. В их числе следует включить леваллуазское острие с ретушью. Что касается пластин, то они не образуют определенных серий, а их количество невелико. Впрочем, говорить о количественных соотношениях между сколами коллекции нельзя. Серии, представляющие различные отщепы и пластины, недостаточны для полноценного научного анализа.

Что касается изделий с вторичной обработкой или орудий, то следует указать на присутствие среди них значительного количества естественных обломков и осколков, используемых, как и в раннем

² В культурном слое раскопа 1978 г. постоянно присутствовали мелкие гальки и единичные куски частично окатанного кремневого щебня, что, видимо, связано с близостью тылового шва террасы.

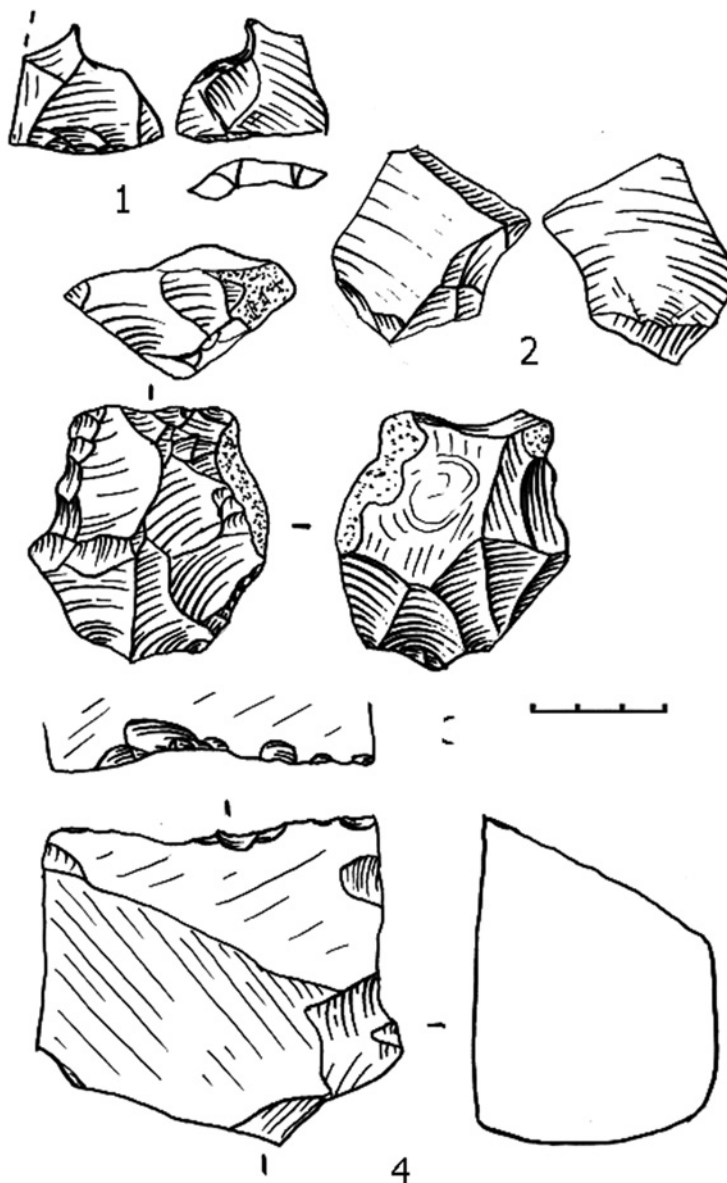

Рис. 42. Кетросы. Раскоп II. Кремневые изделия из верхних горизонтов: 1 — отщеп с ретушью, 2 — отщеп, 3 — нуклеус дисковидный, 4 — рубящее орудие на естественном обломке кремня

палеолите, с учетом специфики их форм. Эти орудия названы «первичными» или «естественными». Обратим внимание на два крупных орудия, у которых один из концов имеет заостренный и массивный конец, выделенный грубыми резцовыми сколами. Один из них имеет выраженный скребковидный выступ оформленный крутой, почти отвесной ретушью. Очень интересным является изделие на крупном обломке пластового кремня длиной 220 мм. Оба его конца, имеющие клиновидную форму, сохраняют следы утилизации, а у одного имеется двусторонняя ретушь. Последняя, как показали эксперименты А. Е. Матюхина, могла возникнуть от интенсивной работы, связанной с рубкой дерева или кости (Матюхин, 1977) (Рис. 46).

Два остальных первичных орудия напоминают скребковидные формы. Они отличаются от нуклеусов тем, что с них не были получены отщепы, а все наблюдаемые сколы являются чешуйками.

Остальные орудия, изготовленные преимущественно из отщепов или пластин, немногочисленны.

Единичным предметом представлено острие леваллуа с обработкой. Кончик его обломан в древности, в с брюшка нанесена мелкая и систематическая ретушь, напоминающая «жемчужную», по тер-

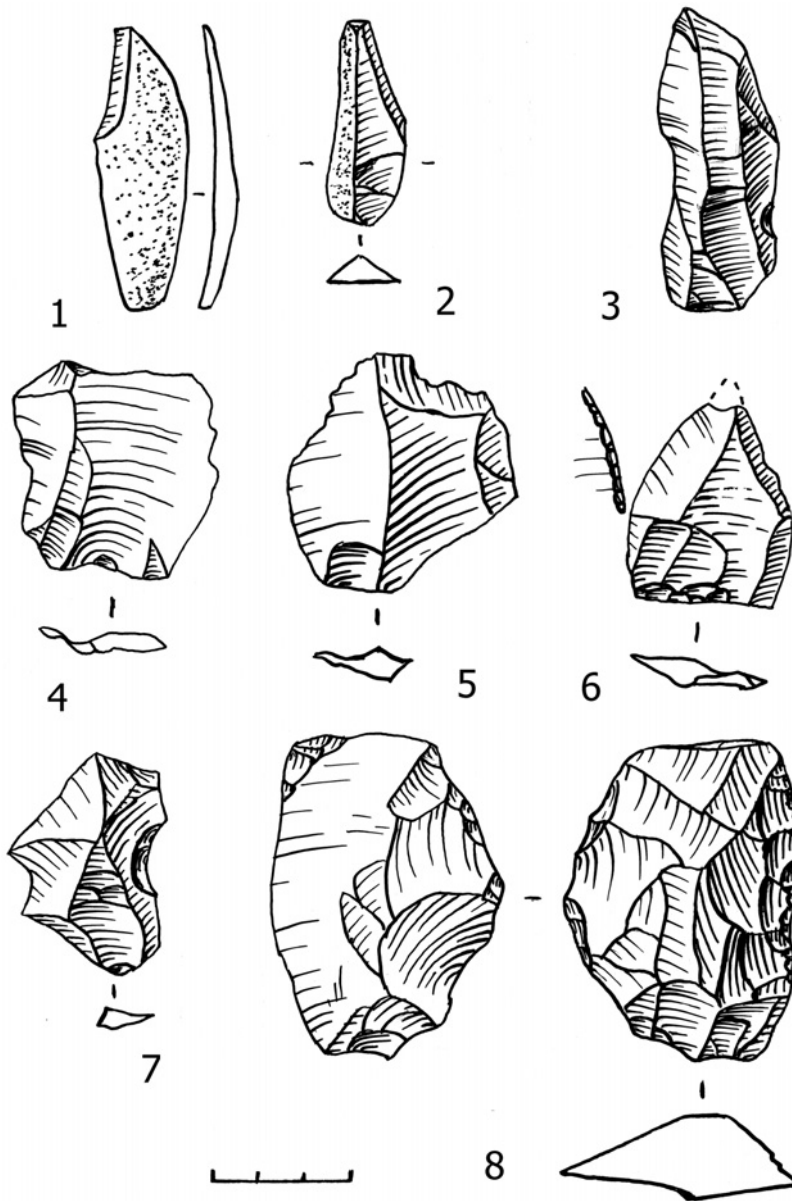

Рис. 43. Кетросы. Раскоп II. 1, 2 — пластинки, 3 — пластина леваллуа, 4, 5 — отщепы леваллуа, 6 — острие леваллуа с ретушью, 7 — выемчатое орудие, 8 — скребло частично двустороннее

минологии украинских археологов. Орудие имеет небольшие размеры и тонкое сечение (45×36×7 мм). Оно найдено на кв. X—XIII.

Выразительный отщеп леваллуа с гладкой и прямой ударной площадкой (52×47×8 мм) имеет по одному краю незначительную ретушь, напоминая следы утилизации.

Скребло с утонченным корпусом изготовлено на отщепе нелеваллуа со снятой обработкой площадкой (70×32 мм). Рабочий край выделен чешуйчатой ретушью, а противоположный край оформлен чередующимися уплощенными сколами, нанесенными с двух сторон. Орудие найдено на кв. Ч—XVII (Рис. 43:8). Данная форма и характер вторичной обработки типичны для микокских индустрий из слоев IV и V стоянки Рипичени-Извор, расположенной на правобережье Прута (Răunescu, 1993).

Орудия позднепалеолитической группы представлены двумя атипичными скребками высокой формы и атипичной проколкой, изготовленными на обломках кремня.

Для ножа с естественным обушком был использован удлиненный отщеп крупных размеров (81×41×22 мм) с гладкой и прямой ударной площадкой.

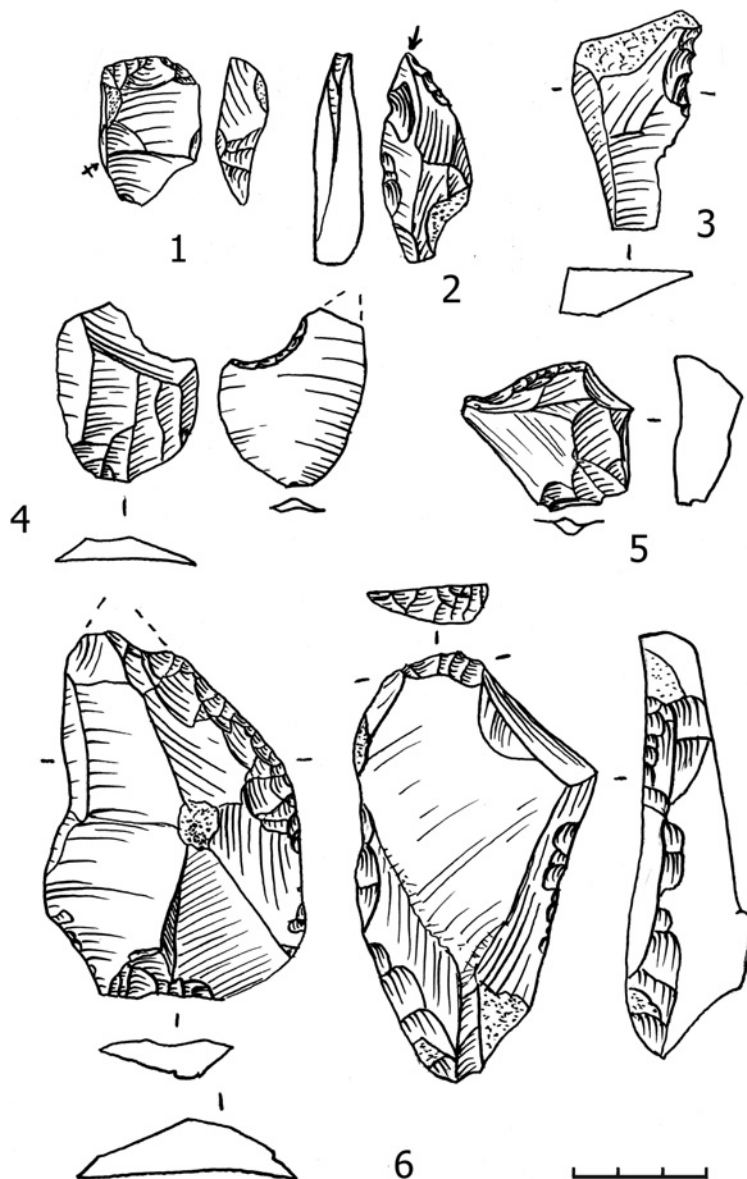

Рис. 45. Кетросы. Раскоп II.

1, 7 — скребки, 2 — резец, 3 — зубчатое орудие, 4 — выемчатое орудие, 5, 6 — скребла

Единственное выемчатое орудие изготовлено на небольшом отщепе нелеваллуа с двугранной ударной площадкой (45×36×12 мм).

Коллекция, происходящая из раскопа 1978 г., представлена весьма странным набором изделий с вторичной обработкой, где около половины занимают естественные орудия. Последние, возможно, использовались для обработки крупных костей мамонта. Кстати, здесь обнаружена крупная кость мамонта, расколотая по длинной оси (Рис. 46–47).

7.3.3. Раскопки 1979 г.

Материалы этого сезона немногочисленны и изготовлены из того же сырья, что и прочие изделия, происходящие из данного раскопа. Всего в слое найдены 44 предмета, включая 1 нуклеус, 3 нуклеидных обломка, 5 орудий, 3 скола-заготовки, 16 осколков и обломков, 15 чешуек и 1 гальку песчаника (Рис. 46).

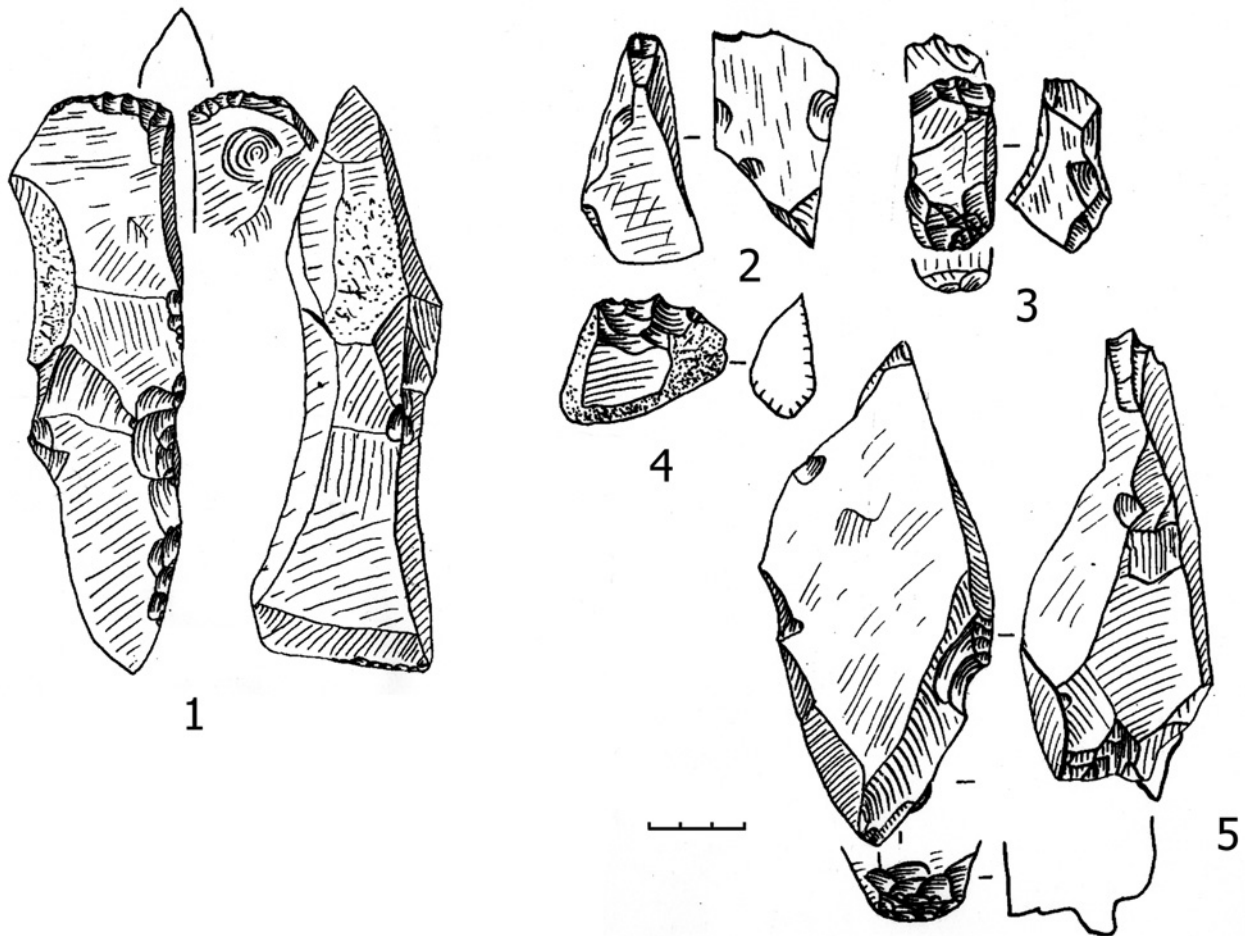

Рис. 46. Кетросы. Раскоп II. 1, 5 — рубящие орудия на естественных обломках кремня, 2, 3 — атипичные скребки, 4 — чоппер

Нуклеус относится к дисковидным односторонним с радиальной системой скалывания и гладкой ударной площадкой (57×28×23 мм). Он изготовлен из пластового кремня хорошего качества.

На сланцевом брусковидном осколке длиной 86 мм сделано долотовидное орудие. Рабочий край выделен выемкой.

Одно зубчатое орудие изготовлено на массивном отщепе, ударная площадка которого снята плоскими сколами (44×27×16 мм). Рабочий край обработан мелкой лицевой зубчатой ретушью.

Для изготовления второго зубчатого орудия использован небольшой укороченный отщеп с грубо подправленной ударной площадкой (19×38×10 мм). Рабочий край выделен чередующейся микрзубчатой ретушью.

На плоском обломке кремня сделано орудие с режущей кромкой, выделенной на подтреугольном конце фасетками уплощенной ретуши. Еще один предмет со следами обработки был изготовлен на нуклеовидном обломке небольших размеров. Он может быть отнесен к так называемым первичным орудиям.

К сколам-заготовкам следует отнести три отщепа нелеваллуа, включая один полупервичный клектонский (раскопки 1979 года) — (Рис. 48).

7.3.4. Описание кремневой индустрии комплекса II

Для получения необходимых показателей техники первичного расщепления объединим все материалы данного раскопа в единую коллекцию.

Общее количество пригодных для подсчета отщепов и пластин равно 73, что позволяет получить только ориентирующие показатели.

Таблица 16. Основные данные по технике первичного расщепления кремневой индустрии раскопа II

Сколы и площадки:	Гладкие прямые:	Гладкие скошенные	Фасетированные прямые:	Выпуклые фасетированные:	Дву-гранные:	Обломанные и удаленные:	Итого:
Отщепы:							
леваллуа	2	1	1	1		3	8
простые:	10	16	6	1	12	14	58
Пластины:							
леваллуа:				1			1
простые	1	2	3	1			6

Индекс леваллуа — 12,3%

Индекс пластин — 9,5%.

Индекс широкой подправки площадок — 42,85.

Индекс клетонский — 33%.

По совокупности показателей данная индустрия отличается от индустрии раскопа I более низким индексом леваллуа и несколько более низким показателем пластин, но более значительным индексом клетона. Как объяснить подобную разницу? — На этот вопрос пока нет однозначного ответа. Во всяком случае, очевидно, что речь идет об одновременном комплексе, основанном на едином сырье. Правда, если учитывать планиграфию стоянки, то в пределах данного раскопа, в отличие от первого, почти отсутствовали рабочие площадки и места предполагаемой разделки туш бизонов и лошадей. То есть хозяйственная деятельность велась тут менее интенсивно.

Обратимся к типологической или технико-морфологической характеристике данной индустрии и сопоставим ее с индустрией первого раскопа.

В коллекции кремневых изделий из данного раскопа имеется всего 30 изделий с вторичной обработкой, среди которых преобладают так называемые «простейшие» или «первичные». В их число следует включить и чопперовидные формы. Эти орудия использовались для различных работ, часто как разовые (Матюхин, 1983: 173), предназначенные, как в нашем случае, скорее всего, для обработки крупных костей мамонта. В комплексах обоих раскопов имеются расколотые вдоль и поперек трубчатые кости мамонта. Показательно большое количество орудий, в том числе скребел, изготовленных из обломков и осколков кремня. Вне сомнения, различия, которые фиксируются в коллекциях кремневых изделий на сопоставляемых раскопах, связаны с различными видами деятельности, что подтверждается данными планиграфии стоянки.

Общий список орудий раскопа II:

Острые леваллуа с ретушью — 1.

9. Скребло простое с прямым рабочим краем — 1.

Скребло простое с выпуклым рабочим краем — 1.

23. Скребло поперечное с выпуклым рабочим краем — 1.

25. Скребло ретушированное с вентральной стороны — 1.

27. Скребло «сегментовидное» с ретушированным корпусом -1.

29. Скребла с чередующейся обработкой — 2.

31. Скребки атипичные — 4.

33. Резец атипичный — 1.

Проколка атипичная — 1.

38. Ножи с естественными обушками — 4.

Выемчатые орудия — 2.

43. Зубчатые орудия — 4.

Поперечное выемчатое орудие — 1.

59-60. Чопперы — 2.

Орудия случайные, включая первичные орудия — 4, клювовидные орудия — 1, пластина леваллуа с нерегулярной ретушью — 1.

7.4. Северный комплекс III — Каменный карьер

7.4.1. Вводные замечания

Данный комплекс расположен наиболее близко к Днестру. Он, как уже упоминалось, был разрушен колхозным карьером по добыче строительного камня. Здесь найдены обломки костей ископаемых животных и кремневые изделия мустьерского облика. По причине того, что в разрезах разных комплексов поселения прослежено несколько культурных слоев разной интенсивности и разной сохранности, достаточно очевидна сложность соотношения найденных на разрушенной поверхности кремневых изделий с тем или иным комплексом. Однако, поскольку на этом участке верхняя часть отложений, перекрывавших ископаемую почву, была существенно усечена эрозией, то наиболее очевидна возможность отнесения каменных изделий либо к основному культурному слою, либо к аллювиальному. При этом стоит отметить: кремневые изделия из пойменного аллювия имеют на примыкающем участке, включая раскоп II, некоторую окатанность. Таким образом, задача разделения материала и отнесения его к тому или иному стратиграфическому подразделению оказывается вполне реальной.

Этот признак и был положен в основу в тех случаях, когда кремневые изделия не имели прямой стратиграфической привязки. В результате к основному слою были отнесены все неокатанные кремневые изделия. Конечно, подобное подразделение не является вполне безупречным. Но отметим сразу: различия между данными индустриями не слишком велики (как, кстати, и хронологический разрыв между ними).

7.4.2. Кремневые изделия основного культурного слоя

В коллекции, которая условно может считаться единой, имеется 257 изделий из камня, собранных в районе карьера, из них 101 предмет, изготовленных из местного кремня, включая 13 нуклеусов, 16 орудий. 49 сколов-заготовок, 23 чешуйки и обломка можно с определенной долей вероятности отнести к комплексу основного слоя. Многие из них найдены на склоне в глыбах со следами ископаемой почвы или суглинка, вмещавшего на соседнем раскопе культурный слой.

Выявленные количественные соотношения близки тем, которые были установлены в раскопах. Малочисленность отходов производства можно объяснить неполнотой сборов, что вполне естественно, когда речь идет о разрушенных отложениях памятников. В данном случае приводимые количественные соотношения имеют, конечно, лишь ориентирующее значение.

Нуклеусы возможно подразделить на одноплощадочные треугольные (1 экз), одноплощадочные удлинённые «для пластин» (2 экз), одноплощадочные уплощенные в сечении «для отщепов» (3 экз), одноплощадочные массивные (2 экз), радиальные или дисковидные с односторонним скалыванием (4 экз), а также 1 атипичный. Размеры ядрищ, характер подправки ударных площадок и плоскостей скалывания аналогичны образцам из раскопов I и II. Представлены все стадии первичного расщепления камня.

Сколы-заготовки, включая орудия, отличались средними размерами, хотя в коллекции обнаружено и несколько очень крупных отщепов, включая клектонские. Найдено некоторое количество типичных сколов леваллуа. Отщепы и пластины имели преимущественно удлинённые пропорции. Однако нужно обратить внимание на относительную многочисленность массивных отщепов.

Несмотря на небольшие выборки материала, стоит привести количественные соотношения по ряду основных признаков, позволяющих в общих чертах оценить технику первичного расщепления кремня.

Общий индекс леваллуа представлен 8 отщепами, включая 2 со следами утилизации или мелкой ретуши, а также микроскребок на углу ударной площадки, что по отношению к числу определимых сколов (61) составляет 13,1%. Количество подправленных ударных площадок, включая двугранные, невелико — 19 предметов из 59 сколов с сохранившимися площадками, что равно 32,2%. Относительно многочисленны отщепы со скошенными и гладкими ударными площадками, которые формируют «клектонский» индекс, достигающий 35%. Напротив, в коллекции очень мало пластин, всего 3 экз., что равно 4,9%. Данные индексы указывают на весьма архаичную технику первичного расщепления камня, что мало соответствует наличию вполне совершенных нуклеусов. Возможно, это связано с тем, что данный участок примыкает к тыловому шву террасы, где прослежены крупные блоки пластового кремня, извлеченные из коренных месторождений. В этом плане фация мастерской, где

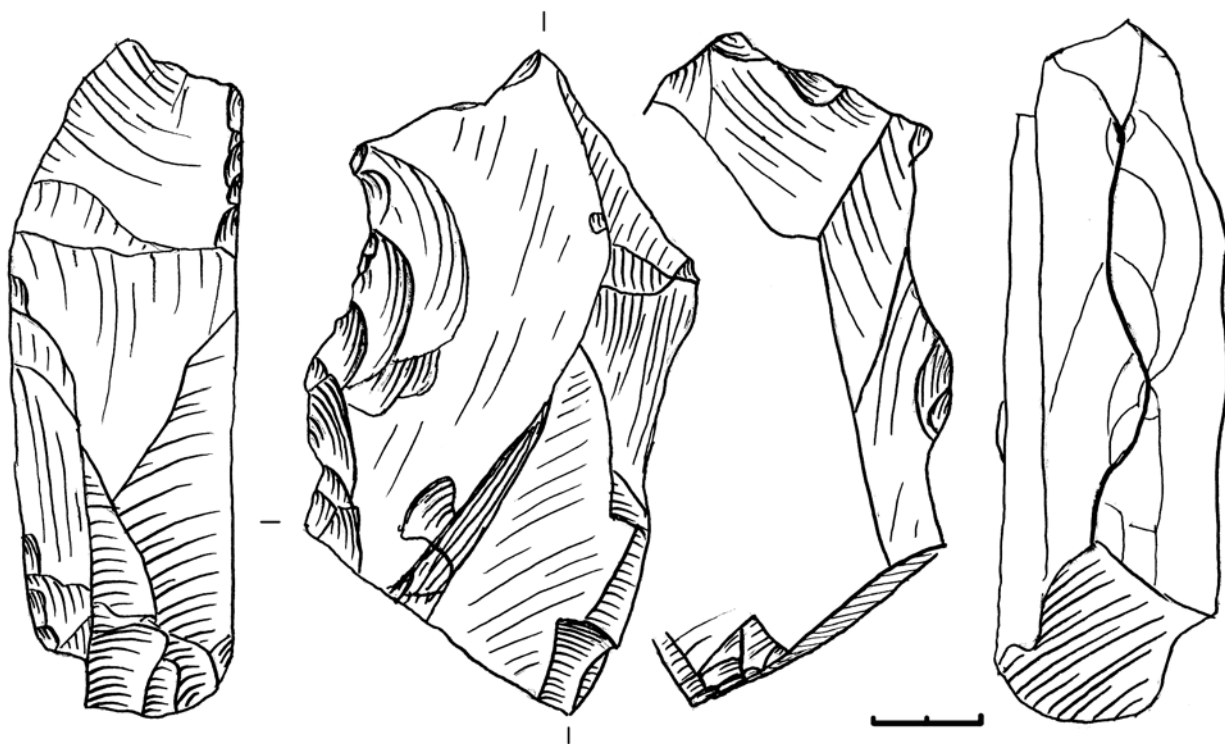

Рис. 47. Раскоп II. Крупное чопперовидное орудие с частичной двусторонней обработкой

производилась первичная оббивка крупных блоков кремня, могла оказать определенное влияние на общий индекс клектона. Однако такое объяснение не является единственным. Достаточно вспомнить комплекс из раскопа I, где обнаружено большое количество рабочих площадок, чтобы не спешить с подобным, казалось бы, очевидным выводом. В общем и целом, индустрия данного комплекса имеет значительное сходство с комплексом из второго раскопа, где также мало пластин, но относительно много клектонских отщепов.

Орудия изготовлены на заготовках различного типа и разных размеров. Среди них имеются предметы достаточно крупные.

Скребел в коллекции всего 5, включая 4 прямолезвийных и одно с вогнутым рабочим краем. Особый интерес представляет крупное орудие на массивном осколке пластового кремня черного цвета (90×64×41 мм). Оно имеет треугольную форму и полукруглой рабочий край, обработанный распротраненной ступенчатой ретушью, напоминающий грубый тип кина. В качестве заготовки использован естественный обломок кремня, которому двумя распротраненными сколами придана подтреугольная форма и прямой рабочий край (Рис. 49).

Эта форма может быть описана как чоппер, если принять за основу определение, предложенное в свое время Х. Мовиусом, где основное значение имели размеры и массивность заготовок. Я же исходил из поправки Ф. Борда, предлагавшего относить к чопперам все орудия на гальках или желваках кремня (Bordes, 1961: 47).

Упомянутое скребло было найдено на окраине скопления находок разрушенного местонахождения. Оно не имело стратиграфического контекста, а поэтому могло относиться к аллювиальному комплексу, изделия которого, правда, всегда имели следы заполировки и окатанности. Рассматриваемое орудие, напротив, отличалось хорошей сохранностью поверхностей, что характерно для форм из основного культурного слоя. На этом основании данное скребло отнесено именно к комплексу из разрушенного культурного слоя. Остальные скребла изготовлены на отщепах.

Два прочих орудия можно отнести к группе верхнепалеолитических, хотя и атипичных форм. Одно возможно описать как атипичный скребок, мелкий рабочий край которого выделен на углу ударной площадки отщепа леваллуа. Второе, изготовленное на реберчатой пластине, следует описать как проколку-провертку, острие которой выделено частичной ретушью.

Как обычно, сравнительно хорошо представлены ножи с естественными обушками (3 экз). Они изготовлены на удлиненных отщепах средних и крупных размеров.

На обломке отщепа изготовлено изделие с усеченным крутой ретушью поперечным концом. Оно изготовлено на мелкой заготовке и может быть отнесено к орудиям типа «тронке».

В коллекции имеется 4 выразительных зубчатых орудия, к которым можно добавить заготовку бифаса, изготовленного на массивном отщепе.

В целом, кремневые изделия данного комплекса аналогичны остальным, но наибольшее сходство прослеживается с комплексом из раскопа II, связанным совокупностью технико-типологических показателей. Это выражается, прежде всего, относительно низким процентом леваллуазских сколов и пластин, вкуче со сравнительно высоким индексом клетонских отщепов. Принимая во внимание существенное сходство рассматриваемых кремневых индустрий комплексов II и III, вполне допустимо рассматривать их в качестве единого комплекса. Это позволит получить более надежные статистические показатели по их первичному расщеплению. Со знаком + отмечены отщепы и пластины леваллуа. Обратимся к таблице.

Таблица 17. Обобщенные данные по технике первичного расщепления комплексов II и III

Типы сколов и площадок:	Гладкие скошенные	Гладкие прямые	Фасетир. прямые	Фасетиров. выпуклые	Двугранные	Отсутствующие	Итого:
Отщепы	36+1 леваллуа	24 + 6 леваллуа	7+1 леваллуа	2 + 3 леваллуа	21 + 1 леваллуа	15 + 3 леваллуа	105 + 15 леваллуа
Пластины	2	1 + 1 леваллуа	3	1 + 1 леваллуа			7 + 2 леваллуа
Итого:	38+1 леваллуа	27 + 7 леваллуа	10+1 леваллуа	3+4 леваллуа	21 + 1 леваллуа	15 + 3 леваллуа	112+17 леваллуа

Эти материалы позволили получить следующие технические показатели:

Общий индекс леваллуа составил 13,1 %.

Индекс подправленных ударных площадок — 36 %.

Индекс «клетонский» — 35,15.

Индекс пластин — 6,9 %.

Формально эти показатели характеризуют индустрию как нелеваллуазскую и непластинчатую, с высоким процентов клетонских отщепов. Тем не менее, в коллекции достаточно много типичных сколов леваллуа, а общий индекс подправленных ударных площадок соответствует среднему уровню фасетирования по А. де Люмлею, т. е. сопоставим со многими леваллуазскими комплексами, включая комплекс I стоянки Кетросы. В любом случае приведенные показатели комплексов II и III имеют очевидные отличия от первого комплекса, что оказалось весьма неожиданным. Естественно, различия прослеживаются и в разном соотношении между тонкими и супермассивными сколами. Если в коллекции комплекса I первых (M<20) — 49 %, а вторых (M>30) — 12 %, то в комплексе II они иные: тонких — 29 %, а супермассивных — 28 %. Здесь найдено также несколько очень крупных отщепов.

Чем можно объяснить наблюдаемую вариабельность внутри данного варианта типичного мустье? — На этот вопрос сложно дать однозначный, доказательный ответ. Предположений может быть много, но имеющаяся аргументация явно недостаточна. Во всяком случае, аналогичные примеры различий на соседних и синхронных комплексах описаны, применительно к мустье Крыма, где Ю. Г. Колосов специально обращал на это особое внимание. По поводу наблюдаемых синхронных парных или групповых пещерных стоянок, отличающихся друг от друга техникой обработки и разным набором каменных орудий, этот исследователь отмечал: «Если исходить из того, что мустьерцы большинства перечисленных стоянок жили по соседству в одно время, то возникает вполне закономерный вопрос — не являются ли парные, а затем более групповые, стоянки свидетельством мест обитания разных, чужеродных общин, в основе которых, по предположению С. Н. Бибикова, лежали экзогамные порядки...» (Колосов, 1986: 136). Это интересное предположение пока можно, к сожалению, лишь упомянуть. В любом случае наблюдаемый факт весьма интересен. Важно отметить, что из трех изученных комплексов стоянки Кетросы два (II и III) имеют между собой много общего, отличаясь этим от первого.

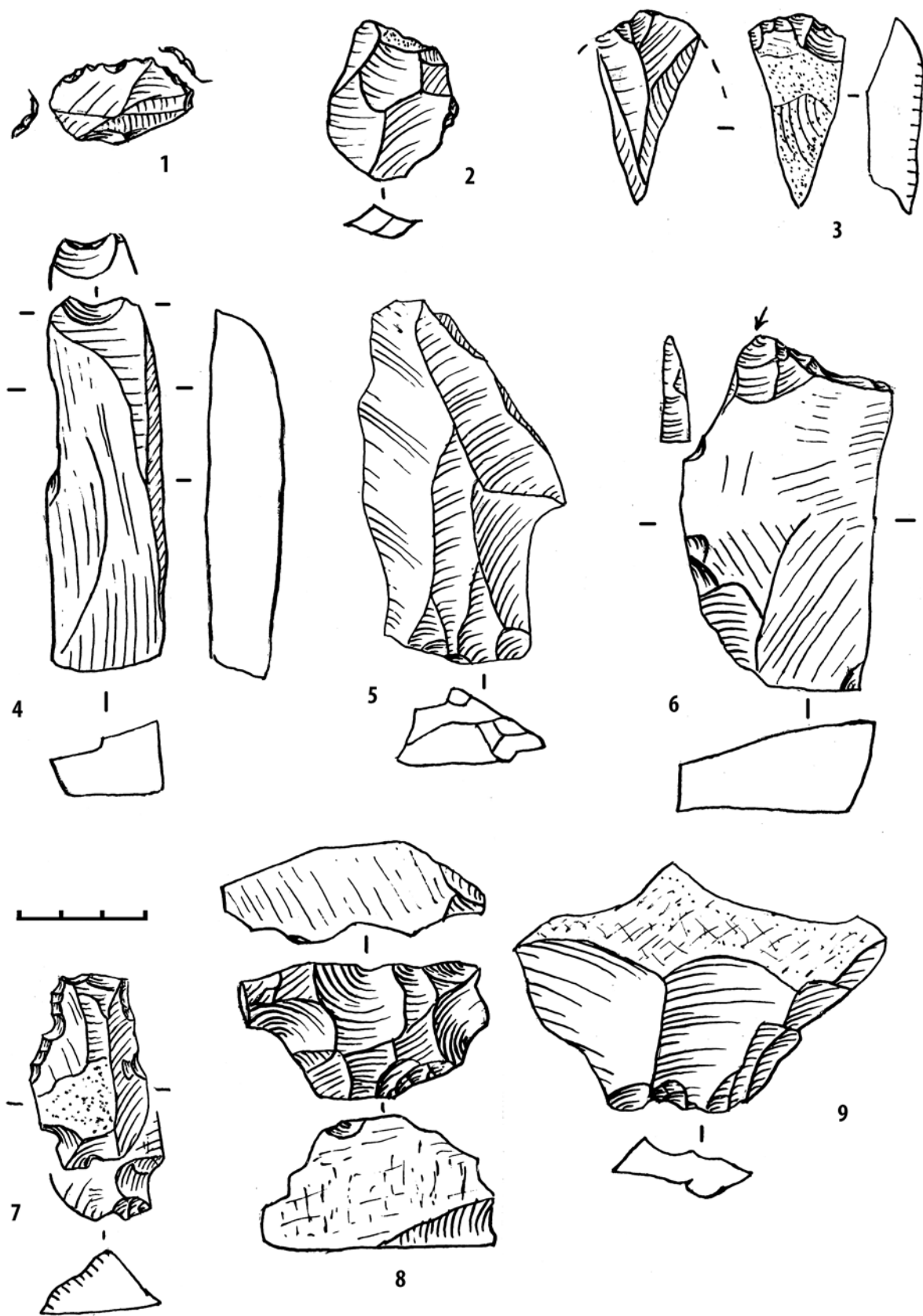

Рис. 48. Раскоп II. 1, 2 — отщепы с ретушью, 3 — обломок орудия(?), 4 — долотовидное орудие, 5 — отщеп леваллуа, 6 — резцевидное орудие, 7 — зубчатое орудие, 8 — остаточный нуклеус, 9 — отщеп

7.5. Комплекс из делювиальных слоев

В верхних слоях, представленных средней ископаемой почвой и залегающими выше гумусированными горизонтами, обнаружены единичные находки костей мамонта и лошади, а также немногочисленные каменные изделия. Эти изделия имеют мустьероидный облик и относятся к среднему палеолиту (Рис. 49–51).

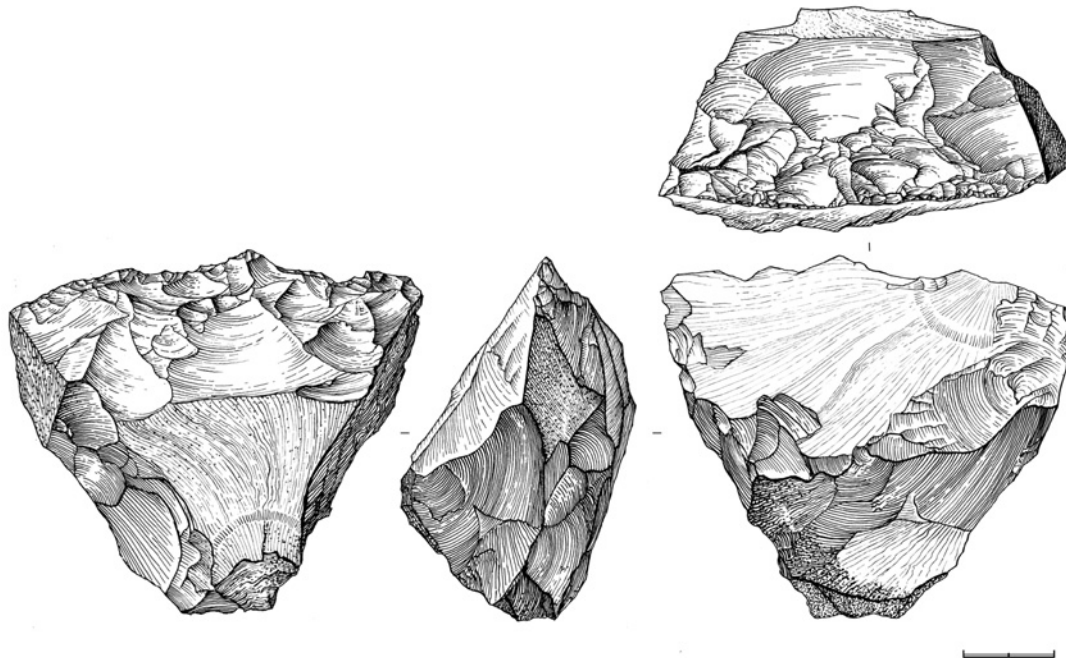

Рис. 49. Кетросы. Чоппер/скребло из аллювия или комплекса III (?)

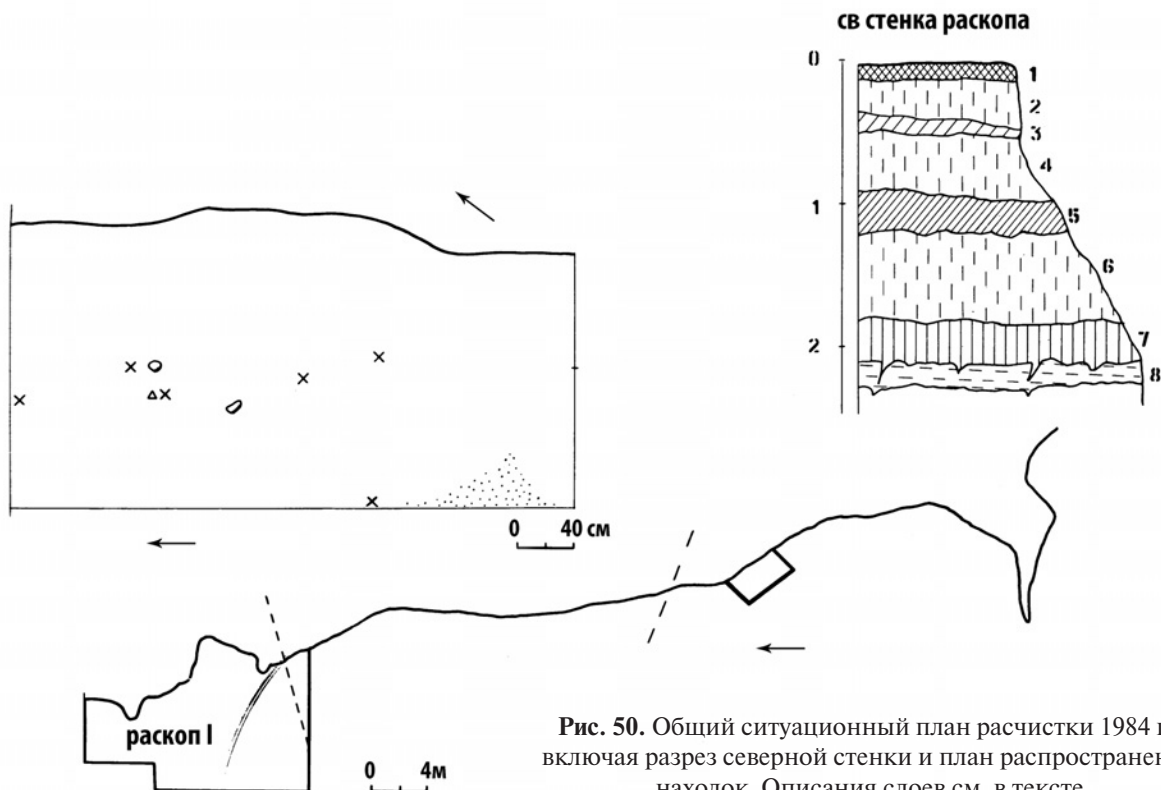

Рис. 50. Общий ситуационный план расчистки 1984 г., включая разрез северной стенки и план распространения находок. Описания слоев см. в тексте

ГЛАВА 8

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ОСНОВНОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

Как уже было показано выше, кремневая индустрия стоянки Кетросы I относится к варианту мустье типичного технической и типологической фации леваллуа. Ее технико-морфологические показатели вполне сопоставимы с эталонными показателями классического типичного мустье Франции. В данном случае здесь подразумевается то значение понятия «мустье типичного», которое было предложено и обосновано Ф. Бордом. В противном случае это будет совсем иное понятие, что и продемонстрировал Г. П. Григорьев в своем «новаторском» понимании термина «типичное мустье», смешав воедино признаки разных мустьерских вариантов — как типичного, так и шарантского, включая мустье типа кина и ферраси (Григорьев, 1987). Правда, оговорюсь: в целях единообразия я сам порой применяю весьма расплывчатое понятие «леваллуа-мустье», которое весьма широко используется нашими украинскими коллегами.

Одной из особенностей приднестровского мустье типичного, на которую в публикациях обычно не обращалось должного внимания, является малочисленность разнообразных острий, включая леваллуазские и мустьерские остроконечники, а также все скребла с остриями — конвергентные и угловатые. Аналогичная черта характерна для мустьерских индустрий бассейна Прута, а также Балкан. Напротив, на соседней с юга территории Крыма мы имеем совершенно иную картину: в комплексах микока и леваллуа-мустье различные острия многочисленны и достаточно разнообразны, что характерно также для соответствующих индустрий Северного Кавказа (Беляева, 1999; Анисюткин, 2009). Это можно проиллюстрировать материалами, приведенными в монографии В. П. Чабая, включающей обширные данные по более, чем двум десяткам памятников микокского круга, в которых, как и в леваллуа-мустье, процент конвергентных орудий (остроконечных форм) стабильно высок, нередко превышая 40 % (Чабай, 2004: 110).

В целом, если рассматривать каменные индустрии региона с позиций классического мустье или «большого мустьерского комплекса» Западной Европы в понимании Ф. Борда и М. Бургона, то к такому уверенно можно отнести и так называемый «восточный микок». Включение в его состав зубчатого мустье может быть весьма условным, учитывая специфику данного регионального варианта, хотя комплексы характерных форм орудий в индустриях указанного типа, в значительной мере, соответствуют именно этому варианту. Речь идет о специфическом варианте среднего палеолита, наиболее ярко представленном индустриями типа нижнего слоя Стинки I из долины Среднего Днестра, грота Буздужаны из долины Прута (Молдова) и Мамаи с северо-западного побережья Черного моря (Добруджа, Румыния). В них имеются выразительные листовидные бифасы, многочисленные выемчатые и зубчатые формы, а также орудия верхнепалеолитического облика, которые культурно-генетически связаны с более ранними и архаичными комплексами тайякского типа. Последние на завершающем этапе развития (начало КИС 5) синхронны раннему леваллуа-мустье (Анисюткин, 2009). В конечном счете, реальнее всего рассматривать данный вариант не как подразделение классического мустье, а как самостоятельное явление в рамках среднего палеолита, которое следует описывать как «дуруиторо-стинковское единство», где поздний этап развития определен как «преселет» (Анисюткин, 2005). В данном случае подразумевается культурно-генетическая связь с региональным вариантом селета — «молдавским селетом».

Классическое мустье региона, представленное комплексами леваллуа-мустье, было ранее подразделено на две группы — «северо-молдавскую» и «молодовское леваллуа-мустье», основные технико-морфологические характеристики которых соответствуют мустье типичному. Данные группы, при значительном общем единстве различаются, как деталями вторичной обработки, так и постоянным отсутствием или единичностью выразительных бифасиальных форм, которые на позднем этапе развития (слои 4 и 5 стоянки Рипичени-Извор) неожиданно становятся многочисленными, преобразуя, как можно предположить, «типичное мустье» в так называемый «восточный микок». Последний воспринимается большинством исследователей Восточной Европы как чисто географическое понятие, характеризую среднепалеолитические индустрии с типичными двусторонними формами на территории восточной части Европейского континента. Все нижележащие слои стоянки Рипичени-Извор содержат лишь единичные бифасиальные формы, отличаясь этим от индустрии восточного микока, представленной в верхних слоях. По всем остальным показателям различий между ними нет. Напротив, техника первичного расщепления, характер вторичной отделки и формы орудий, как мне удалось убедиться при знакомстве с коллекциями этого памятника в Бухаресте¹, почти не различаются. Аналогичные комплексы обнаружены на левом берегу Прута и на правом берегу среднего течения Днестра, где они соседствуют с молодковским леваллуа-мустье. К последним и следует отнести два комплекса основного культурного слоя стоянки Кетросы.

В этом плане логично, на мой взгляд, «северо-молдавскую группу» условно описать как «мустьеро-микок», учитывая постоянное присутствие в коллекциях регионального мустье форм орудий и приемов вторичной обработки, обычных для восточного микока. Эта мустьеро-микокская группа рассматривается как совокупность стоянок среднего палеолита, каменные индустрии которых обладают своеобразной цепочкой устойчивых признаков, характерных для всех комплексов каменных орудий, позволяющей смыкать их в единое целое, в то время, как крайние звенья существенно различаются и могут рассматриваться даже как самостоятельные варианты. Таковыми и являются, с одной стороны, «микок» с типичными бифасами и, с другой стороны — «мустье типичное» без бифасов. С микокской стороны этой «цепочки», если использовать в качестве примера стоянку Рипичени-Извор, находится индустрия слоев 4–5, а с другой, т. е. типично мустьерской — индустрия слоев 1–3. Прочие памятники, образующие последовательную связь, расположены между этими крайними звеньями. К микоку, например, примыкает каменный инвентарь стоянки Езуполь II и грота Бутешты, где имеются немногочисленные, но типичные микокские бифасы. С другой стороны, самое крайнее звено «цепочки» индустрии типичного мустье составляет «молодовское леваллуа-мустье», которое по существу также является типичным мустье фации леваллуа. Технологически (включая технику первичного расщепления и технику вторичной обработки) «мустьеро-микок», представляет собой относительно единую группу, различающуюся только количеством и качеством орудий с двусторонней обработкой. Исключением можно считать коллекции I, II и III комплексов стоянки Кетросы, а также Стинку-Дарабаны (далее — СД), где отмечается более низкий процент сколов леваллуа, но сохраняется вся специфика вторичной обработки, без заметных отличий в наборах каменных орудий.

В целом «мустьеро-микок» характеризуется следующими признаками вторичной обработки: выразительным ядрищным уплощением изделий, постоянным присутствием модифицирующей ретуши (включая *demi-Quina*), наличием единичных, но всегда типичных бифасиальных форм. Здесь также выделяется специфический прием утончения корпуса скребел относительно крупными чередующимися, уплощенными снятиями, напоминающими широкие клетонские выемки. Этот прием также применялся иногда для удаления ударных площадок и бугорков. Он характерен, как мне удалось это установить в 1987 г. при знакомстве с коллекцией Рипичени-Извор, хранящейся в Институте археологии Академии наук Румынии (Бухарест), для орудий из всех «типично-мустьерских» и «микокских» слоев Рипичени-Извор. Формы с аналогичным приемом уплощения найдены в коллекциях грота Бутешты, комплекса 2 стоянки Кетросы (Анисюткин, 2001: рис. 65, 8), индустрии СД и более древнего южного местонахождения Кишлянский яр (Там же: рис. 43, 3). В данном случае так называемый «восточный микок» Рипичени-Извор отличается, напомним еще раз, от «типичного мустье» с единичными микокскими формами только относительным обилием выразительных бифасиальных форм².

«Мустьеро-микок» и «восточный микок» характеризуются наибольшим количеством памятников, включая многослойные, где самое большее количество изделий со вторичной обработкой происходит

¹ За возможность изучения в 1987 году данных материалов я сердечно благодарю Александру Паунеску, добродетельные консультации которого были для меня очень полезны.

² В данном случае мустьеро-микок может рассматриваться как потенциальный микок.

со стоянки Рипичени-Извор. К данному варианту можно отнести индустрии гrotов Бутешты, Тринка 1 и 2, открытых стоянок Кетросы II и III, СД, северного местонахождения Кишлянский яр, а также, как кажется, выразительный комплекс каменных орудий стоянки Тернополь, где имеются отдельные бифасиальные формы и единичные скребла с ретушью полукина. На сходство каменных орудий данной коллекции с комплексом Тринка 2 указывал и исследователь памятника (Ситник, 2000: 167), справедливо обращая внимание на более заметный леваллуазский компонент. Сюда же возможно включить индустрии таких памятников, расположенных в Верхнем Приднестровье, как Езуполь II и Колодив, где имеются выразительные двусторонние формы орудий (Там же: р. 252–278). В группе «мустьеро-микока» имеются как открытые стоянки, расположенные на низкой и высокой террасах Днестра, так и пещерные.

Молодовское леваллуа-мустье, которое представлено только группой открытых памятников, отличается деталями вторичной обработки орудий и постоянно высокими индексами леваллуа. Здесь отсутствуют (или единичны) такие элементы вторичной обработки как приемы уплощения орудий, включая так называемую «костенковскую подтеску» (ядрищное утончение). В этой связи интересно выделение В. Н. Степанчуком в коллекции Пронятин четырех предметов с «ядрищным утончением» (Степанчук, 1999), которое представляет особый способ уплощения дорсальной поверхности орудий. На мой взгляд, если пользоваться только публикацией, эти изделия следует считать атипичными потому, что площадки, с которых производилось уплощение, были гладкими, а не фасетированными.

Выразительные изделия с ядрищным уплощением известны в ряде индустрий типичного мустье и микока Румынии, Молдовы и Украины (Смирнов, 1973: рис. 11; Анисюткин, 2001; 2009; Колесник, 2003), где они весьма выразительны. Наиболее же яркие образцы известны на территории Молдовы — прежде всего, в индустриях Рипичени-Извор, а также в пещерных памятниках типичного мустье, в том числе в гrotах Бутешты, Тринка 1 и 2. В целом, этот прием вторичной отделки кремневых орудий достаточно широко распространен, но в богатых коллекциях молодовского леваллуа-мустье данные формы единичны и скорее случайны. Нет подобной подтески и в комплексах стоянки Кетросы.

Для наглядности полезно сравнить памятники двух групп «классического мустье» с территории Пруто-Днестровского междуречья, используя процентные технические показатели леваллуа, пластин и бифасов, которые на мой взгляд дают весьма интересную картину.

Условные обозначения: 1 — находки многочисленны (>20%), 2 — находки обычны (от 20% до 10%), 3 — находки малочисленны (<5%). Для бифасов характерны несколько иные показатели: 1 — находки типичных бифасов обычны (>5%), 2-находки типичных бифасов малочисленны или единичны, 3 — находки бифасов отсутствуют (встречаются единичны атипичные или сомнительные формы). Наличие признака отмечено крестиком.

Таблица 18. Соотношения между показателями леваллуа (1Л), пластин (1П) и бифасов (1В) в мустьерских комплексах ЮгоЗапада Восточной Европы

Стоянки:	1Л: >20%	20–10%	<5%	1П: >20%	20–10%	<5%	1В: 1	2	3
Молодова 1/ 4-5	+			+					+
Молодова V/ 11-12	+			+					+
Кишлянский яр/ север	+				+			+	
Кетросы 1	+				+				+
Кетросы II		+			+				+
Стинка-Дарабаны		+			+			+	
Бутешты	+				+		+		
Тринка 1		+			+			+	
Тринка 2			+		+			+	
Рипичени-Извор/1-3	+				+				+
Рипичени-Извор/4-5	+				+		+		
Пронятин	+				+				+
Езуполь II	+			+				+	
Езуполь III	+			+					+
Игровица II		+		+					+

Приведенные в таблице данные указывают на преобладание в регионе мустьерских памятников с относительно высокими индексами леваллуа и умеренными или значительными показателями пластин, но преимущественно малочисленными и нередко атипичными бифасиальными формами. Несмотря на некоторую пестроту показателей, можно выделить две отчетливых группы, одна из которых соответствует мустье с леваллуазской техникой расщепления и с выразительными бифасами, вторая — леваллуа-мустье без типичных бифасов. В последнюю входят стоянки Молодова I и V, Кетросы I, Пронятин, Игровица II и Езуполь III, а также, но формально, индустрия слоев 1–3 Рипичени-Извор. Так для последней характерен набор признаков, включающий, прежде всего, вторичную обработку (в частности, различные приемы уплощения), которая отсутствует, либо является случайной в молодковском леваллуа-мустье. Поэтому индустрии этих слоев, бесспорно, относится все же к «мустьеро-микоку».

Некоторые различия заметны в коллекции комплекса I стоянки Кетросы, где начисто отсутствуют леваллуазские нуклеусы для отщепов и сравнительно много выемчатых и зубчатых орудий. Однако эти отличия представляются мне второстепенными. В данном случае можно, учитывая отсутствие здесь характерных признаков «мустьеро-микока», включая ядрищное уплощение, с уверенностью заявить, что комплекс I следует включить в группу мустье типичного техники и фации леваллуа (II тип выше 41%), описываемую часто как «молодовское леваллуа-мустье».

Индустрия с многочисленными бифасами стоянки Рипичени-Извор, определенная румынским исследователем Александру Паунеску, как «мустье с ашельской традицией» (Păunescu, 1993), а рядом немецких ученых, как «восточный микок» (Mania, Goepfer, 1973), также характеризуется преобладанием техники леваллуа. К данному варианту, повторю еще раз, следует отнести и пещерную стоянку Бутешты, расположенную поблизости от Рипичени-Извор, на левом притоке Прута. Хотя общее количество бифасов в коллекции из грота Бутешты невелико (4 экз.), однако двусторонняя обработка, включая плоскую ретушь, там весьма распространена. К тому же в ней выявлены выразительные формы, типичные для «микокских» слоев 4 и 5 стоянки Рипичени-Извор — такие, как обломок основания листовидного острия-бифаса и прондник (Кетрару, 1970; 1973). Для прондника из грота Бутешты характерна специфическая обработка чередующимися снятиями, которые типичны также для комплекса II стоянки Кетросы и ее аналога — коллекции СД, а также для всех слоев Рипичени-Извор. Показательно, что подобная обработка (но с более уплощенными снятиями) может быть отмечена для микокских индустрий Кенигсауэ в Германии (Mania, Goepfer, 1973: Taf. 14–2). Для орудий из грота Бутешты хорошо выражены различные типы подтески, включая «костенковскую». Последняя, представляющая из себя особый тип ядрищного уплощения дорсальной плоскости орудий, типична для мустьеро-микокской группы, включая все слои стоянки Рипичени-Извор. Этот технический прием представлен наиболее ярко в среднем палеолите данного региона. Особенно выразительно он прослеживается на мустьерских остроконечниках и скреблах.

Кстати, единичные экземпляры типичных листовидных бифасов, по форме неотличимых от аналогичных орудий из слоев 4–5 Рипичени-Извор, найдены в слое 4 Тринки I и в подъемном материале северного (мустьерского) комплекса Кишлянского яра. (Анисюткин, 2001).

Низкий процент леваллуазских сколов установлен только для коллекции грота Тринка II, но здесь необходимо указать на малочисленность каменных изделий, а поэтому выборка анализируемых предметов оказалась недостаточной для полноценного статистического анализа. К тому же в данной ситуации мы имеем дело с относительно долговременным зимним поселением, где ощущалась нехватка сырьевого материала, а поэтому все пригодные для изготовления сколы-заготовки неоднократно, как и в соседнем гроте Тринка I (Анисюткин, 2001: 135–145), переоформлялись (т. е. имела место типичная реутилизация).

Также относительно невысокие индексы леваллуа имеют, напомним еще раз, приднестровские индустрии Кетросы II, III и СД, которые тем не менее всегда превышают 10%. Важная роль принадлежит здесь клетонским отщепам при заметном участии леваллуазской техники, но при малом количестве пластин. Сходные соотношения между показателем клетона, леваллуа и пластин отмечены также в более ранних комплексах южного местонахождения Кишлянский яр (Анисюткин, 2001) и в горизонте V (рисском) Королево I (Гладилин, Ситливый, 1990: 55). По подсчетам части коллекции обобщенного горизонта V, проведенным мною во время посещения Королево в 1976 г., индекс леваллуа составил здесь 18%, а клетонский — 45%. Эти показатели вполне сопоставимы с мустьерскими несмотря на то, что рисская индустрия горизонта V Королево существенно древнее стоянки Кетросы, указывая на явно общую структуру сколов-заготовок сопоставляемых комплексов.

В целом для регионального мустье характерно широкое использование техники леваллуа, хотя типичные «черепаховидные» нуклеусы леваллуа преимущественно характерны для более древних памятников. В данном случае речь идет о позднеашельском комплексе стоянки Великий Глыбочек, южном (также позднеашельском?) комплексе Кишлянского яра, но не о Кетросах или коллекции местонахождения СД, где эти формы не обнаружены. Правда, на последнем найден крупный выразительный леваллуазский отщеп овальной формы, сколотый с соответствующего (черепаховидного?) ядрища. В целом, несколько сходные с черепаховидными ядрища, которые описаны Ф. Бордом как леваллуазские для получения отщепов, имеются в коллекциях Бутешт, Молодова I и V, а также Пронятина.

Интересно отметить, что в комплексах I и II стоянки Кетросы, синхронные культурные слои которых отделены друг от друга 10–15-метровой полосой конуса выноса, встречены, как уже отмечено выше, каменные индустрии с различающиеся техникой первичного расщепления. Если для комплекса I, каменный инвентарь которого соответствует леваллуа-мустье, II составляет более 21 %, а IC1 (клектонский) — также 21 %, то для синхронного комплекса II, который относится к мустьеро-микоку, показатели иные: II (леваллуа) — 12 % и IC1 (клектон) — 32 %. Здесь удивляют не столько различия в индексах леваллуа, сколько очень большое количество клектонских отщепов. Данное наблюдение указывает на относительно долгое сосуществование этих двух техник первичного расщепления. В том что эти различия не случайны убеждают аналогичные последнему индексы комплексов II–III стоянки Кетросы и коллекция СД. В частности, в комплексе I стоянки Кетросы показатель леваллуа (II) составил 13 %, а клектона — 35 %, в то время как в СД II — 15 %, а ICL — 36 %. На основе ряда показателей, включая микростратиграфию, все комплексы стоянки Кетросы, следует рассматривать как одновременные. В качестве синхронного можно рассматривать и комплекс СД, каменный инвентарь которой неотличим от стоянки Кетросы. Отсюда следует, что коллекция СД может быть показательной для характеристики индустрии второго и третьего комплексов стоянки Кетросы.

В этой связи интересно отметить, что, вопреки широко распространенному мнению о непосредственной связи большого количества «клектонских» отщепов с «черновым» первичным расщеплением (а тем самым с так называемыми «мастерскими»), в Кетросах, в комплексе I, где этих отщепов заметно меньше, очень хорошо представлена техника первичного расщепления камня. Именно здесь выявлено несколько рабочих площадок, трактуемых, как бесспорные места первичной обработки кремневого сырья, добываемого тут же из коренных месторождений (Анисюткин, 2001). Напротив, в северных комплексах, где первичное расщепление представлено слабее (выявлена только одна небольшая рабочая площадка), таких отщепов намного больше. Особенно обильными оказались клектонские отщепы в коллекции из аллювиальных отложений, где вообще не найдено ни мест первичного расщепления, ни скоплений кремневых изделий. Аллювиальные местонахождения, естественно, древнее вышележащего культурного слоя. Как показывает мой опыт, высокий процент клектонских отщепов характерен для более ранних индустрий, сравнительно с более молодыми. Например, в коллекции Осыпки клектонских отщепов более 50 %, в коллекции нижнего слоя Стинки 1 — почти 40 %. В верхнем слое Стинки 1 их количество уменьшается уже до 35 %. Интересно также обратить внимание на то, что комплексы стоянки Кетросы различаются формами (но не размерами) жилых структур (Анисюткин, 2002).

Эти примеры позволяют предположить, что на одной и той же стоянке могли сосуществовать группы носителей явно различающихся между собой технологий. При этом индустрии формально относятся к одному варианту — мустье типичному без бифасов. Впрочем, северные комплексы на основе совокупности характерных признаков включены в мустьеро-микоксую группу, которую возможно воспринимать как индустрию потенциально бифасиальную. Здесь найдено частично двустороннее скребло (Анисюткин, 2001: Рис. 65, 8), которое по форме и характеру вторичной обработки абсолютно тождественно орудиям из всех слоев Рипичени-Извор, включая микокские. К тому же, что показательно, в коллекции СД, которая аналогична северным комплексам стоянки Кетросы, найден относительно крупный отщеп, на поверхности которого сохранились негативы плоских сколов, указывающие на то, что он снят с поверхности ручного рубила средних размеров. В данном случае этот отщеп, сколотый с поверхности бифаса, косвенно указывает на изготовление бифасиальных форм непосредственно на стоянке.

Существенным является то, что микок, обнаруженный в среднем слое грота Выхватинцы и в нижнем (аллювиальном) горизонте стоянки Кетросы, отделен от того варианта «восточного микока», который представлен в слоях 4–5 Рипичени-Извор, значительным отрезком времени. Самая поздняя дата предполагаемого микока из аллювиального комплекса в Кетросах, не может быть моложе амерсфорта, а это значительно древнее индустрии слоя 4 Рипичени-Извор. Этот последний подстилается слоем 3 с индустрией типичного мустье, отложения которого относятся к интерстадиалу

моерсхофд, т. е. уже к среднему вюрму. Выше него залегает более поздний слой 5 с аналогичной индустрией, вмещенный в отложения, которые румынские исследователи связывают с межстадиалом хенгело (Păunescu, 1993: 64–69).

В этом случае, если определить время отложений пойменной фации аллювия II надпойменной террасы Днестра рубежом КИС 5d — КИС 5с, соответствующим периоду 110–108 тыс. л. н. (Былинский, 1989: 33; Богуцкий и др. 2003; Степанчук, 2006), а слой 4 Рипичени-Извор отнести к среднему вюрму (КИС 3) и датировать его серией радиоуглеродных дат, варьирующих от 44.800 до 40.200 л. н. (допустив их надежность) (Păunescu, 1988), то хронологический разрыв между комплексами может достигать почти 60.000 лет. Даже если удревить возраст микокского слоя Езуполя II, опираясь на абсолютную дату — около 60.000 л. н. (КИС 4), то и в этом случае временной разрыв будет очень значительным. Это ставит под сомнение непосредственную культурно-генетическую связь между данными вариантами, что подтверждается и набором бифасиальных форм. Так в среднем слое грота Выхватинцы найдены выразительные микокские рубила, бифасиальный нож с обушком типа Klausennische, а в Кетросах треугольное рубило. Между тем, в так называемом «восточном микок» Рипичени-Извор подобных форм нет. Здесь наряду с прондниками присутствуют своеобразные *tranchoirs* и типичные листовидные остря.

В целом, напомним еще раз, индустрии регионального типичного мустье (леваллуа-мустье и мустьеро-микок), если исключить из анализа типичные бифасы, имеют одни и те же формы орудий, различаясь только деталями вторичной обработки. В структурном плане отличия также ничтожны. Остроконечники леваллуазские и мустьерские, если говорить о типичных формах с ретушью, всегда малочисленны. То же можно сказать об остроконечных скреблах, включая конвергентные и, в меньшей мере, угловатые (*dejetes*). Последние обычны и выразительны (но немногочисленны) в коллекциях тринковских гротов. До сих пор не обнаружены лимасы (*limaces*). Среди скребел преобладают простые, двойные редки, чаще встречаются поперечные или диагональные, которые, однако, нехарактерны для леваллуазских индустрий. Можно указать на единичные скребла с ретушью полукина. Орудия верхнепалеолитического облика всегда атипичны и малочисленны. Индексы выемчатых и зубчатых орудий переменны.

Таким образом, если использовать привычные понятия, «мустьеро-микок» можно представить в виде двух вариантов — восточного микока и регионального типичного мустье. Их объединяют общая структура набора орудий на отщепе с малочисленными остроконечными формами и особые приемы вторичной обработки, включая некоторые способы уплощения орудий. Отсюда следует, что «восточным микок» в данном случае следует назвать индустрию с относительно многочисленными и разнообразными бифасами, а «типичным мустье» — индустрию с единичными, но типичными орудиями с двусторонней обработкой. В качестве эталона можно принять индустрии слоев 1–3 и 4–5 стоянки Рипичени-Извор. С другой стороны, в качестве отдельной независимой единицы можно выделить особую разновидность регионального типичного мустье, характеризующую прежде всего отсутствием типичных бифасов и характерных элементов уплощений поверхностей сколов-заготовок (включая выразительную «костенковскую подтеску»). Эта разновидность типичного мустье известна как «молодовское леваллуа-мустье» или, по терминологии В. Н. Гладилина — «мустье обыкновенное типа Молодово» (Гладилин, 1976: 100). Независимость двух разновидностей регионального типичного мустье, если принять во внимание материалы стоянки Кетросы, где представлены два различных комплекса каменных орудий, встреченные в пределах одного поселения, не является бесспорной и требует дальнейшей проверки.

Единичные памятники, каменные индустрии которых не укладываются в рамки указанных двух подразделений (Выхватинцы/средний слой, Кетросы/аллювиальный комплекс, Великий Глыбочек/слой III), следует отнести сегодня к раннему микоку. Включение сюда коллекции нижнего слоя III Великого Глыбочка возможно лишь при условии, что ему одновременен подъемный материал так называемого «ашело-мустьерского» комплекса, где имеются выразительные бифасиальные формы орудий. Данная каменная индустрия, которую А. С. Сытник относит к «микоку» (Сытник, 2000: 118), по заключению местных геологов существовала в риссе 2–3 (Богуцкий и др. 2003: 76), являясь в настоящее время древнейшим микокским комплексом на территории Юго-Запада Восточной Европы. Более архаичная по облику каменных изделий коллекция ашельского комплекса Житомирской стоянки (Кухарчук, Мясц, 1991) может рассматриваться как одновременная.

Второй пласт среднепалеолитических индустрий, который описан как «дуруитор-стинковское единство» (Анисюткин, 2011), характеризуется: а) клектонской техникой первичного расщепления; б) значительным процентом орудий высоких форм, включая остря, клювовидные формы и скребки, в том числе скребки на ударных площадках отщепов (*buttend-scrapers*, по терминологии английских исследователей), порою неотличимые от ориньякоидных скребков; в) наличием многочисленных

выемчатых и зубчатых орудий. Все это позволяет говорить о специфической разновидности европейского среднего палеолита, имеющей на раннем этапе развития признаки Таусиен'а. Часть памятников данного пласта индустрий, включая прежде всего стоянку Стинка 1, отнесены И. А. Борзьяком к «преориньяку» (Борзьяк, 2003).

Здесь, как и в классическом мустье, прослеживается сходная трансформация — превращение индустрии с малочисленными и атипичными бифасами (ранний этап) в индустрию с многочисленными и типичными бифасами (заключительный этап развития), при сохранении единства в технико-типологическом отношении. В то же время в ряде случаев проявляется и мустьерская специализация, особенно заметная в каменных индустриях грота Буздужаны 1 и, в какой-то мере, Шипота 1. В данном случае отчетливо представлена техника леваллуа, которая не характерна для большинства известных стинковских каменных индустрий.

Это единство отчетливо подразделяется на две группы, из которых ранняя имеет все характерные признаки тайякского технокомплекса, напоминая прежде всего Evenosien, выделенный во Франции А. де Люмлеем (Lumley, 1969; 1976). Для индустрий этой группы характерны архаичные показатели техники расщепления камня, где ПЛ не превышает 2,5 %, Пам варьирует в пределах 4 %–3,2 %, IFlarge не превышает 28 %, в то время, как индекс клеттона (ICl) преимущественно выше 50 %. Среди орудий преобладают выемчатые, зубчатые и клювовидные формы, многочисленны комбинированные, довольно редки бифасы.

Поздняя группа («стинковская») может рассматриваться как вариант с бифасами, прежде всего с листовидными остриями. Она локализуется на ограниченной территории в пределах Восточного Прикарпатья, включая южную группу стоянок на побережье Черного моря (Мамай в румынской Добрудже) и восточную — в центре Русской равнины, в бассейне р. Десны. И если каменная индустрия Мамай практически по всем показателям тождественна каменной индустрии нижнего слоя Стинки 1, то Бетова на Десне имеет некоторые отличия (Тарасов. 1977; 1999). Определенное сходство с индустрией Стинки 1 отмечено в индустрии так называемой «пилипанской группы», которая выделена А. С. Сытником на одном из притоков верхнего течения Днестра (Ситник, 2000: 279–287). Данная индустрия содержит выразительные бифасы листовидной формы, которые в целом сопоставимы со стинковскими. Напротив, набор каменных орудий здесь несколько иной: преобладают изделия на удлиненных заготовках, включая леваллуазские, нет характерных для стинковской индустрии сопряженной группы орудий. Исключением можно считать отдельные скребки каренэ (Там же: Рис. 154: 1, 10), аналогии которым имеются, как в верхнем, так и в нижнем слое Стинки 1. Наиболее полные аналогии данная группа имеет с бифасиальными формами Великого Глыбочка.

Завершающий этап развития технокомплекса с бифасиальными формами, который может быть охарактеризован каменной индустрией верхнего слоя Стинки 1, условно сопоставим с селетоидным технокомплексом Центральной и Восточной Европы в понимании М. В. Аниковича (1994: 150). На этом основании целесообразно, на мой взгляд, определить описываемый вариант (в частности нижний слой) как «стинковский преселет», осознавая относительность данного термина: на основе регионального «преселета» формируется не подлинный селет, а специфический вариант селетоидного технокомплекса, который был описан ранее Я. К. Козловским как «молдавский селет» (Kozlowski, 1995: 95). Правда, еще раньше Н. А. Кетрару рассматривал в качестве своеобразного восточного варианта селета один из основных памятников этой культуры — нижний слой грота Брынзены 1 (Кетрару, 1973: р. 73). Наиболее характерной для «преселета» индустрией является коллекция каменных изделий нижнего слоя стоянки Стинка 1 с типично среднепалеолитической техникой первичного расщепления камня. Индустрия же верхнего слоя может рассматриваться, напомним еще раз, как ранний этап «молдавского селета». Ранее индустрию нижнего слоя рассматривали как основу «переходного» этапа, которым по мнению ряда исследователей является верхний слой Стинки 1 (Борзьяк, 1978, 1980; Григорьева, 1980; Анисюткин, 2005).

Таким образом, два контрастных локальных варианта среднего палеолита сосуществовали в регионе в течение всего верхнего плейстоцена. О таком сосуществовании свидетельствует геохронология, позволяющая с достаточной степенью надежности говорить о том, что в отложениях самого начала вюрмского времени, в пойменном аллювии, обнаружены каменные изделия обоих вариантов. Речь идет о двух объектах, расположенных недалеко друг от друга, на II надпойменной террасе Днестра. Так в отложениях пойменного аллювия стоянки Кетросы, непосредственно ниже основного культурного слоя, найдена немногочисленная, но выразительная кремневая индустрия леваллуа-мустьерского облика и единичные кости ископаемых животных. Данная индустрия вполне сопоставима с коллекциями комплексов II и III. В аналогичных отложениях, также соответствующих пойменному аллювию,

обнаружены каменные изделия Осыпки и Шипота 2, которые существенно отличаются от леваллуа-мустьерских. Данный комплекс имеет все характерные признаки европейского тайяка, прежде всего эвенозыена.

В этом плане существенно отметить, что в рисское время на территории Восточного Прикарпатья, включая, естественно, Пруто-Днестровское междуречье, сосуществовали индустрии типа Великого Глыбочка с леваллуазской технологией и нижних слоев грота Старые Дуруиторы — с тайякской. Показательно, что палинологические исследования отложений грота позволили выявить среди древесных пород пыльцу третичных реликтов, не встречающуюся в позднем плейстоцене. Подобные растения не пережили холодного максимума рисса (КИС 6). Приведенные данные позволяют, наряду с прочими, отнести комплекс из грота Старые Дуруиторы к самому началу рисского времени. Вероятно, к микулинскому (рисс-вюрмскому) межледниковью относятся отложения нижнего и среднего (?) слоев грота Выхватинцы (Анисюткин, 2001). В этом случае технологически разные индустрии прослеживаются, как в риссе — Великий Глыбочек и Старые Дуруиторы, Ярово (?), так и в самом начале позднего плейстоцена — нижний и средний слой грота Выхватинцы, Осыпка, Шипот 2, Кетросы.

Можно утверждать, что эволюция в леваллуа-мустьерском блоке индустрий, включая региональный микок, имела вид микроэволюции: совершенствовалась только техника первичного расщепления (Анисюткин, 2001). В этом отношении очень важными являются основательные исследования В. И. Усика, отметившего, что «эволюция леваллуа запада Украины шла по пути, с одной стороны, упрощения технологического процесса подготовки, а, с другой, по пути изменения стандартов. Леваллуазские острия пластинчатых пропорций снимают наименьший объем поверхности и позволяют на объемном нуклеусе увеличить кратность производства конечного продукта в несколько раз» (Усик, 2009). Эти исследования продемонстрировали, что техника леваллуа изменяется во времени весьма заметно и воспринимать ее нужно именно с учетом развития.

В общем и целом, средний палеолит Пруто-Днестровского междуречья весьма своеобразен, что, по-видимому, в значительной мере связано с процессом аккультурации, которая стала явной лишь на поздних этапах. В частности, если иметь в виду классическое мустье, то там многочисленные и разнообразные бифасы, включая листовидные и микокские формы, появились в слое 4 стоянки Рипичени-Извор только в период ок. 44.800–40.000 л. н. (Păunescu, 1993: 218), превратив «типичное мустье фации леваллуа» в «восточный микок» типа Рипичени-Извор.

Вариабельность среднего палеолита Восточной Европы следует характеризовать с учетом информации, накопленной на сегодняшний день. К сожалению, огромные пространства, на которых мог бы обитать мустьерский человек, до сих пор остаются не исследованными. В настоящее время на этой гигантской территории можно выделить лишь несколько группировок памятников среднепалеолитического типа — крымскую, юго-западную и деснинскую, включающую Украинское Полесье, Донбасс и Приазовье. Сюда можно было бы отнести и Приднепровье, но там нет надежно стратифицированных памятников. В целом наблюдается весьма сложная картина индустриального разнообразия, в первую очередь в местах значительной концентрации памятников.

Правда, в настоящее время прослеживается четкая тенденция упрощения ситуации, связанная с разными причинами, о которых я не буду говорить подробно. Некоторые исследователи следуют ей с единственной целью — создать унифицированную схему развития, по возможности более простую, привлекательную и убедительную. Для достижения этой цели материал, действительно, «упрощается». Ненужные факты замалчиваются. Могут начисто игнорироваться целые группы стоянок с богатой фауной и убедительной стратиграфией, в то время, как используемые памятники чаще всего не обладают достаточно обоснованной хронологией.

Так, в частности, поступает известный специалист по среднему палеолиту Крыма В. П. Чабай, полностью игнорирующий в своих построениях большую группу стратифицированных среднепалеолитических памятников междуречья Прута и Днестра, ссылаясь на недостаточную обоснованность их хронологии (Чабай, 2004). Однако подобная принципиальность превращается в избирательность при использовании тем же автором, к примеру, таких «надежно датированных» памятников как Носово, Рожок 1, Молодова V или Рипичени-Извор, геохронология которой основывается В. П. Чабаем почти исключительно на радиоуглеродных датах. В настоящий момент нет необходимости оценивать так называемую «обоснованность» датировок рассмотренных стоянок. Достаточно указать на то, что брерупский возраст молодого леваллуа-мустье, упорно отстаиваемый В. П. Чабаем, не выдержал проверки новейшими исследованиями, проведенными коллективом высоко профессиональных специалистов

из ряда европейских стран (Ситник и др. 2007). Ныне дата самого раннего слоя 12 Молодова V сильно омоложена, соответствуя лишь началу КИС 3 (около 55 тыс. л. н.).

В настоящее время на территории Восточной Европы можно в предварительном плане, учитывая уровень публикаций, выделить несколько вариантов среднего палеолита. Наиболее распространены являются микокские индустрии, которые представлены двумя группами. Одна из них локализуется в междуречье Днестра и Прута, показательными комплексами можно считать слои 4 и 5 стоянки Рипичени-Извор, которые имеют сравнительно поздний возраст. Вторая группа представлена индустриями с территории юго-востока Русской равнины. В индустриях этой группы, включающей, в частности, стоянки Ильская и Сухая Мечетка, хорошо выражен шарантский элемент с высокими индексами скребел и многочисленными острьями, включая лимасы и соответствующие типы скребел. В данную группу входит и микок Крыма, а также, возможно, индустрии с территории Донбасса и Украинского Полесья. Сюда же предположительно можно включить и микок из Хотылево 1, где хорошо выражены шарантские формы, включая скребла с ретушью кина и полу-кина.

Столь же широко распространены комплексы типичного мустье, в том числе леваллуазские и не-леваллуазские. Этот вариант состоит из двух групп — западной, включая памятники Приднестровья и бассейна Прута, и юго-юго-восточной. В последнюю группу входит, на мой взгляд, леваллуа-мустье Крыма, верхний слой стоянки Ильская 1, а также некоторые мало изученные местонахождения Приднепровья (например, Скубова балка). Обе группы различаются теми же признаками, которые были отмечены для микока, т. е. большим количеством острий. Несколько обособленное место занимает молодовское леваллуа-мустье, отличающееся от «мустьеро-микока» — варианта типичного мустье — некоторыми особенностями вторичной обработки орудий. Но достаточно ли этого?

Заметное место принадлежит индустриям с многочисленными выемчатыми и зубчатыми орудиями, которые обычно сопоставляются с зубчатым мустье Франции. Этот вариант отличается определенным своеобразием. Он может быть охарактеризован на материалах немногочисленных памятников, большая часть которых группируется на территории юго-запада Восточной Европы, прежде всего в долинах Днестра и Прута. Здесь они распространены довольно широко. Самый ранний комплекс, сопоставимый с тайяком, выявлен в гроте Старые Дуруиторы. Его датировка самым началом рисса была недавно подтверждена палинологическими данными (Кетрару, 1973; Анисюткин, 2011). Следующий комплекс, имеющий наиболее надежную геохронологию, представлен каменными индустриями Осыпки и Шипота 2, которые, как уже отмечалось, связаны с пойменными отложениями второй террасы. Время существования наиболее поздних памятников соответствует концу КИС 4 или началу КИС 3, к которому относится и коршевско-бетовская группа на Десне, имеющая, по мнению Л. М. Тарасова, сходство с индустрией нижнего слоя Стинки 1 (Тарасов, 1977). Правда, говоря о коршевской группе, следует помнить об ее определенном своеобразии (в частности, о наличии единичных бифасов крупных размеров).

Особое место занимает стоянка Белокузьминовка (Донбасс), каменная индустрия которой ранее относилась учеными к зубчатому мустье (Цвейбель, 1971). В настоящее время эта индустрия включена в состав памятников леваллуа-мустьерского круга, соответствуя комплексу типа грота Бутешты из Молдавии (Колесник, 2003: 211). Подобное сопоставление, при отсутствии индекса леваллуа, позволяющего более обоснованно выявить степень востребованности в данной индустрии леваллуазских отщепов и пластин, не имеет достаточных оснований.

Если исходить из анализа превосходно выполненных иллюстраций, можно отметить, что значительная часть заготовок и орудий из них вовсе не являются строго леваллуазскими. На это четко указывает и приведенный коэффициент массивности равный 27, что никак не соответствует леваллуазским комплексам. Согласно исследованиям, проведенным мною с использованием материалов Франции и Восточной Европы, данный показатель для леваллуазских комплексов с ПЛ более 20% не бывает выше 24. Так самый нижний слой В грота Ле Мустье с леваллуазской индустрией типичного мустье имеет коэффициент массивности всего лишь 23 (Анисюткин, 1968). Напротив, данный коэффициент массивности, полученный мною для индустрии Бутешт, равен 18 при ПЛ = 25%. К тому же многочисленные изделия из бутештской коллекции с ядрищным уплощением, имеющие полные аналогии в среднепалеолитических коллекциях из гротов Тринка 1 и Тринка 2, а особенно из нижних слоев стоянки Рипичени-Извор, несколько иные: данное уплощение предназначено преимущественно для снятия приплощадочных частей скребел и остроконечников.

Исследователь Белокузьминовки указал на обилие в коллекции лессового комплекса выемчатых и зубчатых орудий, почти отсутствующих в Бутештах. Ссылка А. В. Колесника на разную сохранность изделий, а тем самым на некую мифическую поврежденность основного количества

«зубчатых изделий» (Колесник, 2003: 210), не является убедительной. Постулируемая поврежденность почти всегда лишена необходимых научных доказательств. Наблюдаемые же случаи повреждения, связанные прежде всего с некоторыми пещерными памятниками, достаточно редки именно среди лессовых стоянок. Они чаще обнаруживаются среди материалов стоянок в пещерах, особенно в тех, где в отложениях много щебня. Выявляемые там изделия чаще всего имеют чередующуюся ретушь с беспорядочно замятыми и затупленными кромками, которую нередко принимают за зубчатую.

Изделия с микрозубчатой ретушью часто принимают за предметы с естественными повреждениями. Однако, как показывают трасолого-экспериментальные исследования, данная обработка является преимущественно следами утилизации. Здесь полезно сослаться на эксперименты В. Е. Щелинского, использовавшего в качестве рабочих инструментов необработанные отщепы. Эти эксперименты показали, что выразительная мелкая ретушь, зачастую напоминающая микрозубчатую, возникала в зависимости от времени, интенсивности, характера материала и видов деятельности (Щелинский, 1992). В настоящее время имеется немало публикаций, в которых природа выемчатых и зубчатых орудий трактуется вполне объективно, с использованием, при необходимости, разных научных способов доказательств, включая трасологический. Имеется множество различных примеров, заставляющих вдумчивых исследователей весьма скептически относиться к трактовке «выемчатых и зубчатых» форм как якобы псевдоорудий.

Если отступить от рассмотрения технико-морфологических аргументов, многие из которых уже приводились мною в монографии, посвященной стоянке Стинка (Анисюткин, 2005), то весьма важные дополнительные данные о специфике зубчатого мустье можно найти в публикациях французских исследователей. Широко известны примеры выявления в одних и тех же литологических слоях, соответствующих единой палеогеографической обстановке, разных мустьерских вариантов, отличающихся не только особенностями каменных орудий, но и составом фауны. Например, в гроте Комб-Греналь, в котором выявлено 55 культурных слоев мустьерского времени, в одном и том же литологическом горизонте обнаружено 2 культурных слоя, один из которых отнесен к типичному мустье, а второй — к зубчатому. В первом было отмечено преобладание костей благородного оленя, а в слое с индустрией зубчатого мустье — лошади. Причем последняя закономерность не является уникальной, она отмечается весьма широко (Bordes, Sonnevillе-Bordes, 1970: 78).

Наконец, сошлемся на этнографические примеры. Данные этнографии недвусмысленно показывают широчайшее применение зубчатой ретуши, например, среди коренного населения Северной и Южной Америки, Цейлона, Австралии и Тасмании³.

Встает нелепый вопрос — почему же ниспровергатели зубчатого мустье совершенно не интересуются «неудобными» для них фактами? И можно ли это все отнести за счет инерции мышления? Во всяком случае, мне до сих пор неизвестны работы, в которых указанные противоречия не то, чтобы серьезно анализировались, но вообще хоть как-то упоминались.

В целом, индустрия Белокузьминовки достаточно оригинальна, отличаясь от подлинного зубчатого мустье набором относительно многочисленных и типичных скребел, которые в зубчатом мустье обычно малочисленны и невыразительны. Возможно и само «зубчатое мустье» юго-запада сопоставимо с западным только формально. В памятниках этого круга (включая Мамаю, отнесенную К. Валохом к типичному мустье с многочисленными выемчатыми и зубчатыми орудиями), как правило, обильны типичные скребки. Заметная часть последних сопоставима с ориньякоидными, на что обращал особое внимание и сам К. Валох при описании этой индустрии (Valoch, 1993: 262). Зубчатое мустье Франции, если даже не принимать во внимание зубчатые орудия, все равно окажется более, чем специфическим, отличаясь заметно от прочих вариантов.

Естественно, в общей картине локального разнообразия среднего палеолита на территории Восточной Европы до сих пор остается много белых пятен, немало спорных вопросов. Очевидно, что наблюдаемое здесь разнообразие имеет свою специфику, которую я склонен связывать, в значительной степени с процессами аккультурации. На это, как будто бы, указывают памятники юго-западной части Русской равнины, где можно выделить два узловых момента, связанных с процессами такого рода: ранний, отразивший собой распространение микока, и поздний — связанный с начальным верхним палеолитом (Анисюткин, 2005). Без сомнения, можно указать на присутствие в регионе и пережиточного мустье, представленного, в значительной мере, леваллуа-мустье. При этом до сих пор неизвестны варианты среднего палеолита, из которых можно было бы напрямую вывести региональный верхний палеолит. Но сегодня этот факт никого не удивляет.

³ Данные получены из интернета.

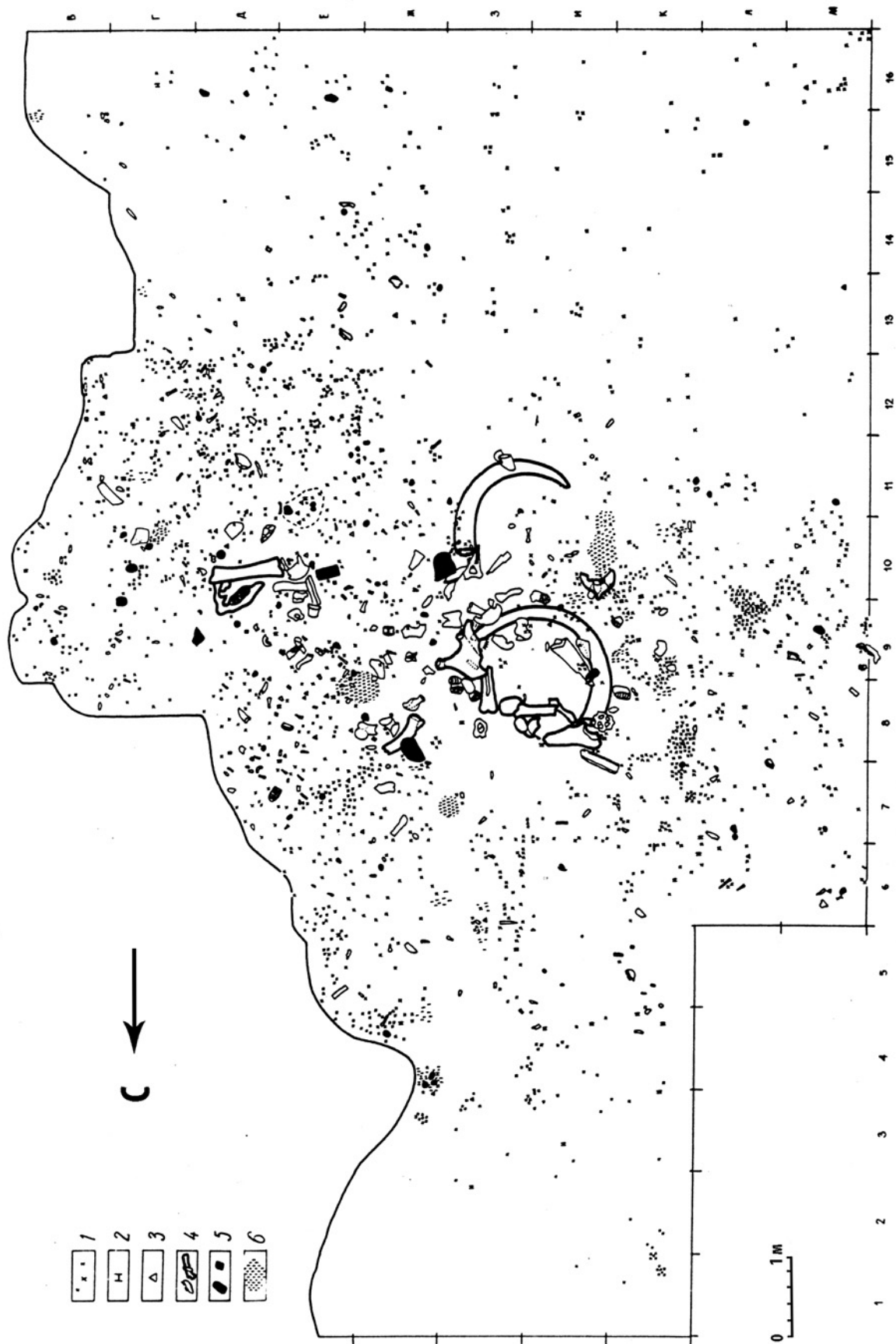

Рис. 51. Кетросы, раскоп I. План расположения находок в культурном слое

ГЛАВА 9

ПРОБЛЕМА МУСТЬЕРСКИХ ЖИЛИЩ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МНОГОЧИСЛЕННЫХ КОСТЕЙ МАМОНТА

Материалы раскопок стоянки Кетросы позволили поставить важную проблему мустьерских жилищ, при сооружении которых широко использовались многочисленные кости мамонта. Полученные здесь данные существенно дополнили собой ранее известные материалы из раскопок на стоянках Молодова I и 5, также на стоянке Рипичени-Извор, где достаточно разнообразные жилые сооружения были зафиксированы в разных слоях, позволив сделать обобщение более полным. В этой связи важно заметить, что подобные объекты до сих пор неизвестны на остальной части Европейского континента.

Полезно начать наше рассмотрение с характеристики основных элементов жилых структур, обнаруженных на перечисленных выше памятниках. Естественно, при этом мы вновь обратимся к данным из основного культурного слоя стоянки Кетросы, начав характеристику с первого раскопа.

9.1. Кетросы (основной культурный слой)

Раскоп I. Как уже отмечалось выше, на стоянке была исследована жилая структура удлиненной формы, в пределах которой выявилось несколько важных участков (Рис. 51, 52). Очень интересное скопление было установлено на кв. Д, Е-9, 10, где обнаружена нижняя челюсть мамонта, лежащая основанием вниз. К ней вплотную примыкала крупная трубчатая кость, имевшая более плохую сохранность. Челюсть, лежавшая почти горизонтально, находилась по линии Д на границе кв. 9 и 10. Правая ветвь, к которой почти вплотную примыкала крупная трубчатая кость, была обрублена; левая с сохранившимся зубом имела хорошую сохранность. В месте сочленения, с внутренней стороны, к ним вплотную примыкал фрагмент пяточной кости мамонта округлой формы. Самые высокие глубинные отметки челюсти и примыкающей кости составили здесь -231 и -232. Основание нижней челюсти имело глубинные отметки -247 и -250. Под нижней челюстью кроме упомянутой пяточной кости не было никаких находок. Показательно наличие практически пустой полосы без находок, расположенной севернее и северо-восточнее челюсти. Лишь после дальнейшей расчистки этой поверхности, непосредственно примыкавшей с севера к нижней челюсти, обнаружилось два небольших обломка костей лошади (?), 2 отщепа и 2 чешуйки кремня с глубинными отметками -262 и -271. Крупная трубчатая кость с кв. Д, Е-10, примыкавшая к нижней челюсти, лежала под уклоном к западу. Восточный край ее имел глубину -231, а западный (т. е. нижний) -243. На примыкавших кв. Е-9,10,11, выявлено скопление более мелких фрагментов костей лошади, бизона, сурка и большерогого оленя, представленных шейными позвонками, костями конечностей, обломками ребер и осколками зубов. Эти обломки костей имели хорошую сохранность, отличаясь этим не только от костей мамонта, но и от обломков костей бизона с восточного участка комплекса, расположенного за пределами жилой структуры. Здесь же наряду с отдельными камнями и двумя гальками песчаника обнаружены кремневые изделия, среди которых много сколов-заготовок и орудий. На этой площади прослеживались незначительные пятна древесного угля и единичные костные угольки. Глубинные отметки с этого участка варьировали от -250 до -270. Таким образом, здесь выявляется резкое понижение основания

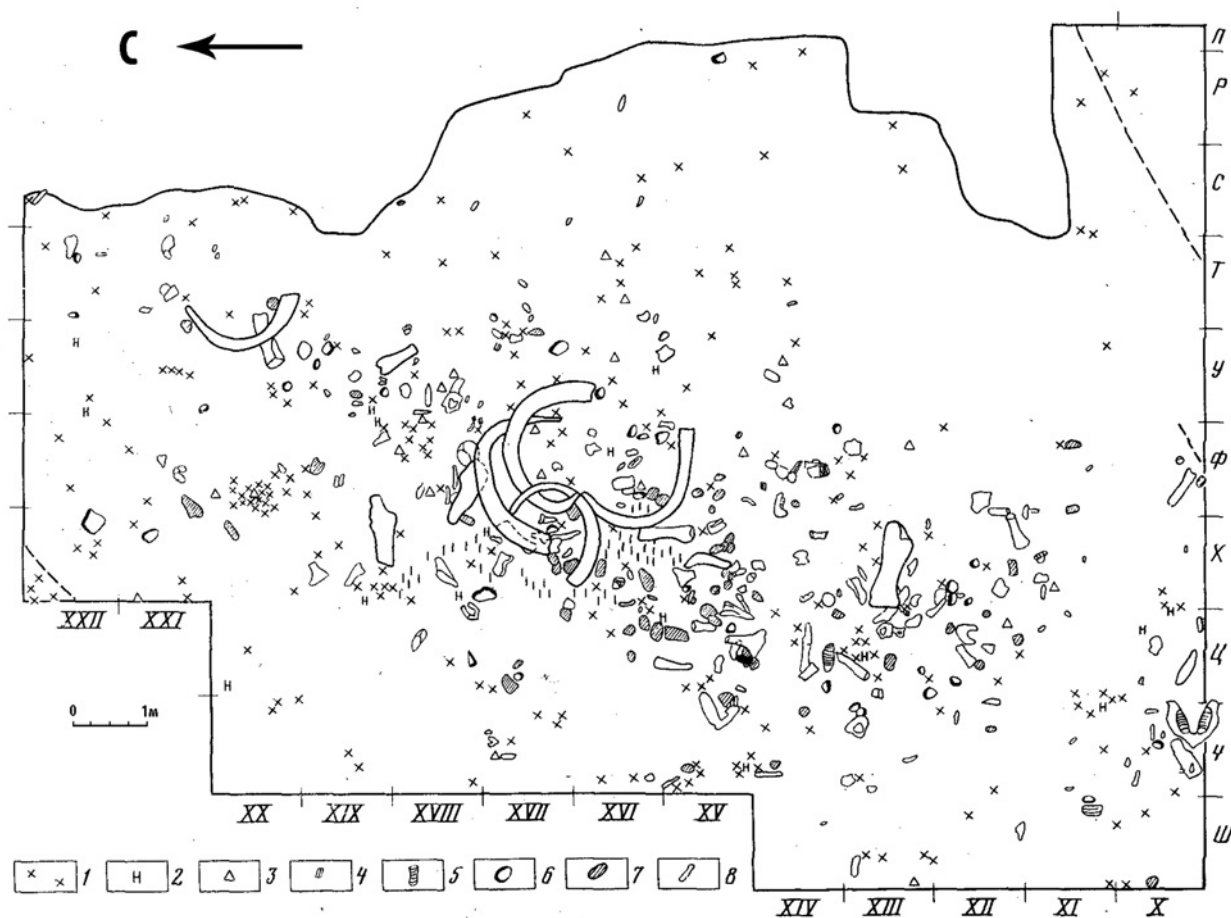

Рис. 52. Кетросы, раскоп II. План расположения находок в культурном слое

культурного слоя. Если взять за основу поверхность «пола», на котором лежала нижняя челюсть с глубиной -250 , то поверхность пола в западine составила -270 , т. е. понижение достигало 20 см. В верхней части слоя (юго-западный угол кв. Д-10) найден крупный обломок пластового кремня плохого качества с оббивкой поверхности, который можно интерпретировать как рубящее орудие. Он лежал в основании ископаемой почвы, выше культурного слоя, на глубине всего -212 . Связан ли данный предмет с комплексом из культурного слоя? — На этот вопрос трудно дать однозначный ответ, хотя возможно этот камень, подобно расположенному рядом плоскому обломку трубчатой кости мамонта, мог находиться на крыше жилого сооружения.

Другим объектом, который, возможно, отразил собой некую конструктивную особенность, можно считать скопление на кв. Ж-8, которое состояло из двух крупных обломков костей мамонта и большого, частично окатанного доломитового (?) валуна ($36 \times 26 \times 25$ см) весом более 10 кг. Здесь же располагалась довольно крупная галька доломита. Более мелкие обломки костей лошади, представленные двумя фрагментами трубчатой кости и двумя плечевой, располагались рядом на глубине -256 . Глубинные отметки крупных костей мамонта варьировали от -253 до -255 , а валуна — от -254 до -258 . Поверхность, на которой обнаружили охристое пятно и зуб пещерного медведя, соответствовала глубине -260 . Кости, составляющие данный комплекс, лежали почти горизонтально, в то время, как неполная плечевая кость, полая внутри, подпиравшая валун, была слегка наклонена вверх. Возможно, здесь, как и в описанном выше случае, мы имеем дело с местом крепления деревянного кола.

Третий объект расположен южнее, в двух метрах от описанного (кв. Ж, 3-10). Здесь расположено полое основание крупного бивня, лежащего на полу, т. е. в основании культурного слоя. Очень интересно, что полое основание бивня было обращено вверх, к северу. Здесь же находился крупный камень, который, видимо, укреплял деревянный кол.

Следующая часть большого скопления костей мамонта, расположенного на соседних квадратах по линиям 3, И–9, 10, 11, состоит из двух крупных бивней, таза, крупных обломков нижней челюсти и трубчатых, а также фрагментов зубов. Показательно, что подавляющее большинство крупных костей залегало в верхней части культурного слоя, в то время, как оба бивня и основная масса кремневых изделий находились в его основании. Здесь же обнаружено несколько мелких обломков костей лошади, отличавшихся, как и на кв. Е, Ж–9, 10, хорошей сохранностью поверхностей. Представляет интерес находка целой нижней челюсти мамонта, расположенной в северо-восточном углу кв. И-10. Ниже, как и на отмеченной выше нижней челюсти с кв. Д–9, 10, обнаружен обломок кости стопы. Эта челюсть расположена от основания бивня с кв. И-8 также на расстоянии двух метров.

Можно ли видеть в этом конструктивную деталь? — На этот вопрос трудно ответить однозначно, хотя именно здесь кончается почти пустая полоса без находок (за исключением единичных чешуек и мелких осколков костей), как бы опоясывающая основное скопление костей понижением пола культурного слоя. По глубинным отметкам почти все кости, исключая бивни, лежали на том же уровне в пределах от –230 до –245. То же самое отмечено и для своего рода «линейного скопления» с кв. 3, И–7, 8, 9. В этом плане достойно внимания положение расколотой и полой внутри нижней части лучевой кости, примыкающей к тазовой, которая лежит наклонно с севера на юг с глубинными отметками поверхности –230 в северной части (кв. 3–8) и –238 — в южной (кв. 3–9). Одновременно глубина тазовой кости, также лежащей наклонно к юго-востоку, варьирует от –237 до –255.

Наибольший интерес представляет собой огромный бивень мамонта, находившийся в основании культурного слоя на кв. И, 3–8, 9, примыкая к залегавшей выше «стенке» из крупных костей мамонта и носорога. Его полое основание перекрыто обломком крупной трубчатой кости мамонта, а верхний конец опускается ниже слоя, в специально (?) вырытую для этого ямку. Таким образом, имеются основания считать, что данный бивень мамонта был специально укреплен в полу жилища.

Вполне возможно, что полое основание этого огромного бивня, обращенное вверх, явилось местом крепления деревянного кола, подпертого сверху крупной костью мамонта. Основание культурного слоя, в котором обнаружены оба бивня, а также около двух десятков кремневых изделий, включая орудия, и несколько мелких обломков костей, имеет глубинные отметки в пределах от –260 до –271. Данное наблюдение дает основание говорить о наличии здесь существенного понижения пола культурного слоя, которое прослеживается на площади более 10 кв. м (кв. Е, Ж, 3, И–9, 10 и частично 11). И вновь кости из основания культурного слоя отличались (в отличие от большинства костей мамонта) хорошей сохранностью.

Интересно отметить наличие крупных обломков костей в кровле культурного слоя. В этой связи нужно упомянуть крупный обломок малой берцовой кости и фрагмент тазовой, лежавших рядом на кв. И-9. Они находились на одном и том же уровне. Так глубина малой берцовой кости, лежащей под значительным уклоном к юго-востоку, варьировала от –213 до –226, в то время, как глубина тазовой составляла –223. Подобные же кости прослеживаются и на квадратах линии 3. К числу их относится фрагмент нижней челюсти с кв. 3–9. Эти кости, включая крупный обломок зуба мамонта, вполне могли находиться на крыше жилого сооружения.

Итак, имеющиеся наблюдения позволяют сделать вывод о наличии в пределах данного раскопа достаточно отчетливого жилого сооружения. Можно предположить, что его постройка началась с укладки в основание слоя двух бивней, самый крупный из которых был укреплен наиболее основательно: его острый конец был специально заглублен в сделанную для этой цели ямку. Далее была сооружена насыпь, на которой сверху располагались крупные кости мамонта (после разрушения каркаса они могли сползти вниз, непосредственно в пониженную основную жилую часть). Своеобразный фасад, обращенный к речке Кишлянский Яр, был представлен упомянутой нижней челюстью мамонта с обрубленной правой частью.

Опоры этого жилого сооружения располагались, естественно, по краям. Наиболее вероятно, что жилище имело перекрытие. На это указывает не только очень вероятное наличие столбов, которые поддерживали крышу, укрепленную плоскими костями, но и прекрасная сохранность костей, расположенных на слегка углубленном полу жилища. Нельзя забывать и об очаге из костного угля, имевшем вполне определенные очертания. В этом плане показательно, что все остатки кострищ из основного жилища слоя 4 Молодова I отличались плохой сохранностью и нечеткими контурами (Черныш, 1965: 41–42).

Раскоп II. Остатки жилого сооружения с этой части поселения отличаются простотой, что дало основание ряду исследователей видеть жилище именно здесь (Абрамова, Григорьева, 1987: 16; Сергин, 2010).

Напомню еще раз: раскоп II находится в 15 м севернее (т. е. ближе к Днестру) раскопа I, отделяясь конусом выноса шириной до 16 м. Здесь, на площади около 100 кв. м, интенсивный культурный слой был представлен полосой длиной 12 м и шириной до 4 м, ориентированной с юго-запада на северо-восток (Рис. 53).

Если не принимать во внимание квадраты с единичными находками, которые представлены небольшими обломками костей ископаемых животных, кремневыми изделиями, песчаниковыми гальками, древесными и костными угольками, то культурный слой распространен на площади всего около 45 кв. м. Это составляет половину ровной площадки между конусами выноса, которая была вскрыта раскопками.

Наибольший интерес представляет собой скопление из 4 взаимно переплетенных бивней мамонта. Основания двух из них расположены в юго-восточной части жилой структуры, а 2 других — в северо-западной, примерно на расстоянии 2 м друг от друга. Если большая часть бивней располагалась выше культурного слоя, то их основания были связаны с основанием слоя. С юго-запада к ним примыкает скопление крупных костей и развал камней средних и мелких размеров. Вся эта структура имеет почти овальную форму, вокруг которой с севера и юга прослеживаются плоские кости, бивень мамонта и обломки камней, лежавших в верхней части культурного слоя. Можно допустить, что последние сползли с разрушенной кровли жилого сооружения после оставления его мустьерским населением.

В центре жилой структуры площадью до 12 кв. м, на полу, который (в отличие от раскопа I) не имел четкого углубления, обнаружены отдельные древесные и костные угольки. Очагов и выразительных углистых скоплений нет. Видимо, если учесть присутствие разрозненных костных и древесных угольков в восточной части стоянки, т. е. за пределами жилых сооружений, и наличие их на полу в пределах скопления бивней и камней, здесь мы имеем дело со случаем вероятной очистки пола жилища от углистой массы. В пределах данной жилой структуры, так же, как и на раскопе I, отсутствовали места первичного расщепления камня, но зато выявлены орудия и сколы-заготовки. Здесь было найдено очень мало кремневых изделий, но сравнительно много костей ископаемых животных. Количество последних примерно сопоставимо на каждом из раскопов. Рабочая площадка, где производилось первичное расщепление кремня, выявлена за пределами жилого сооружения, которое имело овальную форму и представляло из себя, как можно предположить, деревянный (плетеный?) каркас, укрепленный сверху четырьмя бивнями.

Итак, на стоянке Кетросы выявлены две жилых структуры, одна из которых имела удлиненную (сегментовидную) форму, а вторая овальную. Они были обитаемы в течение непродолжительного осеннего периода. Видимо, это был либо октябрь, либо ноябрь, на что указывает обломок верхней челюсти полугодовалого жеребенка с сохранившимися пятью зубами, найденный в пределах основного культурного слоя. Без сомнения, перед нами сезонная стоянка, связанная со специализированной охотничьей деятельностью, которая существовала относительно короткое время.

В этом плане весьма красноречивы и показательны функционально-трасологические исследования В. Е. Щелинского, проведенные на материалах стоянки Кетросы (Щелинский, 1981). Основой хозяйственно-производственной деятельности на стоянке было первичное расщепление, характеризующее широким циклом проводимых там технологических операций. Обработка камня осуществлялась на специальных рабочих площадках за пределами жилых структур. На стоянке производилось изготовление кремневых орудий и разделка мяса. Показательно абсолютное преобладание среди функциональных групп орудий именно мясных ножей, в то время, как прочие операции имели второстепенное значение. Сравнительно востребованным орудием являлись также скребки для обработки дерева (кости, рога?).

Таблица 19. Функциональные группы орудий основного слоя стоянки Кетросы (по В. Е. Щелинскому)

Мясные ножи	43
Ножи для шкур	3
Проколки	7
Ножи для дерева (кости, рога)	1
Скребки для дерева	10

Как указывал В. Е. Щелинский в одной из своих работ, «отмеченные виды деятельности, за исключением, пожалуй, камнеобрабатывающего производства, имели все же весьма упрощенный характер, отразившийся в бедных наборах функциональных групп орудий. Это может свидетельствовать

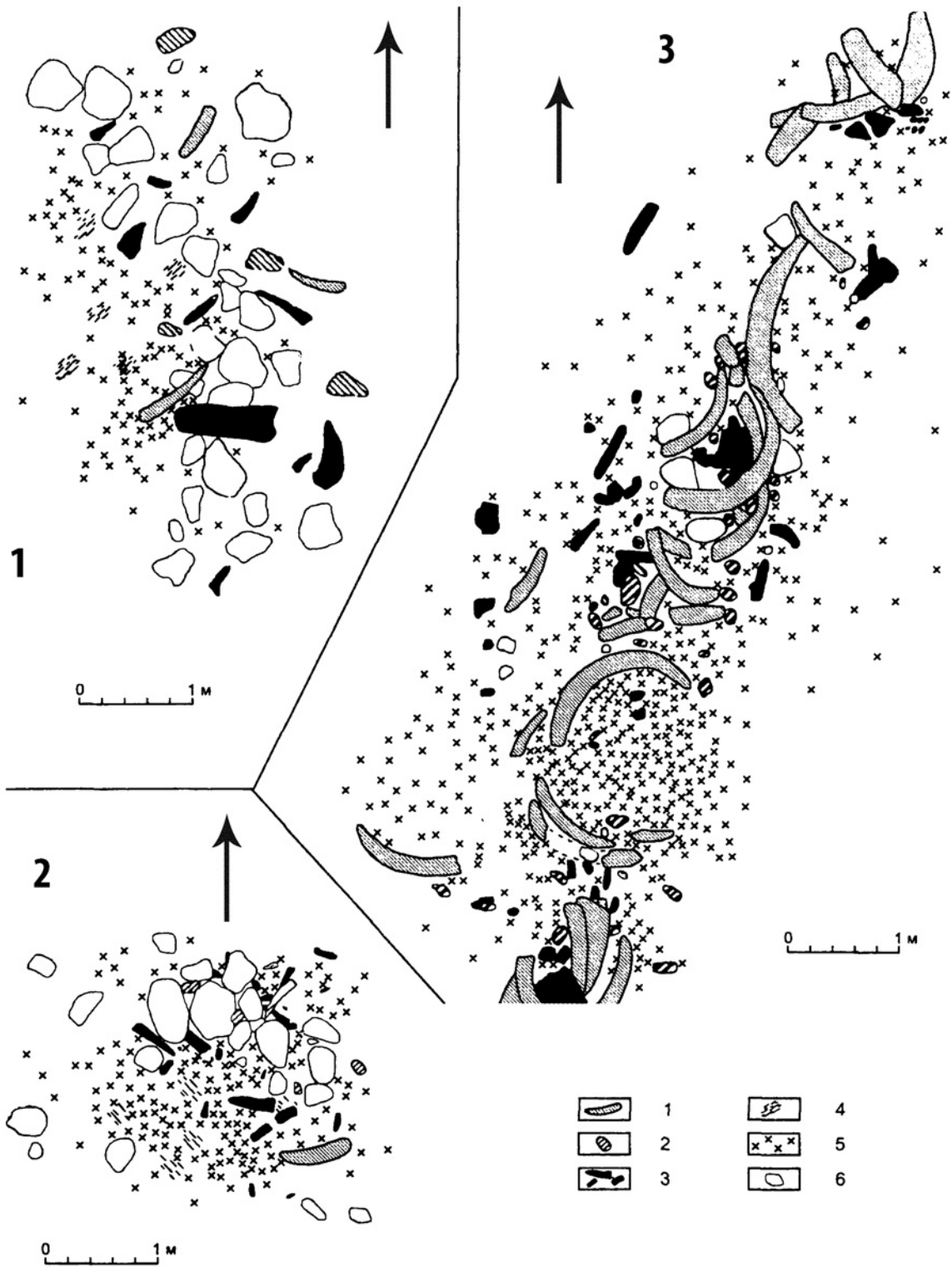

Рис. 53. Стоянка Рипичени-Извор (Румыния).

Планы жилых структур типа А (1 и 2) и типа В (3) (по А. Паунеску).

Условные обозначения: 1 — бивни мамонта, 2 — зубы мамонта, 3 — кости животных, 4 — углистые скопления, 5 — кремневые изделия, 6 — камни известняка

только об одном — об относительной непродолжительности функционирования поселения» (Шеллинский, 2001: 19–20).

Все это резко контрастирует с данными по молодковским жилищам, где вся жизнедеятельность была сосредоточена исключительно внутри жилых структур. Также, в отличие от молодковского жилища, в Кетросах не было сплошных обкладок из костей и бивней мамонта. Это объясняется тем, что рассматриваемые жилые структуры находились не в долине Днестра, а в узкой боковой долинке Кишлянского яра, дополнительно укрываясь от непогоды за конусами выносов, которые выполняли своеобразную роль первой «линии обороны».

Для более полного представления о жилых сооружениях рассматриваемого региона проанализируем материалы иных стоянок, где также обнаружены остатки разрушенных мустьерских жилищ. Обратимся к материалам группы соседних памятников, где подобные объекты были обнаружены и описаны впервые.

9.2. Стоянки Молодова I и V

Обе стоянки расположены по соседству, у бывшего села Молодова Сокирянского района Черновицкой области (Украина). Из них стоянка Молодова I находится на фрагменте II надпойменной террасы правого берега р. Днестр, на широком мысу, образованном глубокими оврагами. В обрыве одного из них, носящего название Байлова Рипа, были выявлены верхние культурные слои с каменными орудиями конца верхнего палеолита. Мустьерское же поселение, обнаруженное на большой глубине, располагалось относительно недалеко от тылового шва террасы, вблизи от прислона к более высокой террасе (Рис. 55).

Молодова V также находится на мысу, но гипсометрически несколько выше, соответствуя по уровню III надпойменной террасе р. Днестр. Стратиграфия памятников в целом очень близка, но на Молодова V она менее деформирована и лучше сохранилась. Мустьерские слои обнаружены в нижней части субаэриальных отложений, представленных многометровой позднеплейстоценовой лессово-почвенной толщей.

На основании радиоуглеродных анализов остатков угля из кострищ так называемого «долговременного жилища» слоя 4 стоянки Молодова I была получена абсолютная дата более 44.000 л. н. (GrN-3659), которая фиксирует лишь возможный верхний хронологический предел существования мустьерской стоянки (Черныш, 1982: 57), демонстрируя недостаточность радиоуглеродного метода для объектов древнее 40.000 л. н. Согласно геохронологии, построенной в свое время И. К. Ивановой, основные мустьерские слои существовали в период интерстадиала бреруп-оддерде (Иванова, 1982), что весьма спорно, если учесть находки в слое 4 таких представителей сугубо арктической фауны как *Lemmus* и *Dicrostonyx* (Агаджанян, 1982: 158). Молодовское мустье явно моложе относительно теплого брерупского интерстадиала и соответствует более позднему холодному и сухому стадиалу раннего вюрма, что подтвердили исследования последних лет.

Рассмотрим детально наиболее выразительную жилую структуру, которую А. П. Черныш интерпретировал, как долговременное жилище. Так называемый овал состоял из 12 расколотых черепов, 34 лопаток и тазовых костей, 51 кости конечности, 15 бивней и 5 нижних челюстей (Черныш, 1965: 37). Четко выделяются два интенсивных скопления — западное (кв. Г–У — I–V) и восточное (кв. В–У — VIII–X). Северо-западный участок (кв. В, Г — VI–IX) представлен тремя небольшими обломками черепов и несколькими рассеянными костями. Как соотносятся эти кости между собой по глубинам, неясно. При описании культурного слоя А. П. Черныш неоднократно указывал на перекрывание одних костей другими, что наряду с трехслойной ямой-кладовой (Черныш, 1989: 76–80), о которой речь пойдет ниже, указывает на многогоризонтность культурного слоя. О том же, вероятно, свидетельствуют и хаотично рассеянные тонкие кострища. Отсюда следует, что основное внимание нужно обратить на те участки, где наблюдаются четкие выкладки из костей мамонта. К их числу относятся, прежде всего, западный и восточный участки. Особенно выразителен западный участок — кв. В, Б, А, Р, С, Т, У–I, II, III, IV, V, где весьма показательна линия из четырех черепов мамонта, обращенная на северо-запад. Эта линия, имеющая сегментовидную форму, представлена плотно прилегающими друг к другу черепами и менее компактной группой из крупных костей. Она является наиболее мощной и имеет в длину около 7 м.

Довольно выразителен и восточный участок (кв. В, Б, А, Р, С, Т, У–VIII, IX, X), длина которого равна примерно 6 м. Жилое пространство, расположенное между этими двумя участками, заполнено

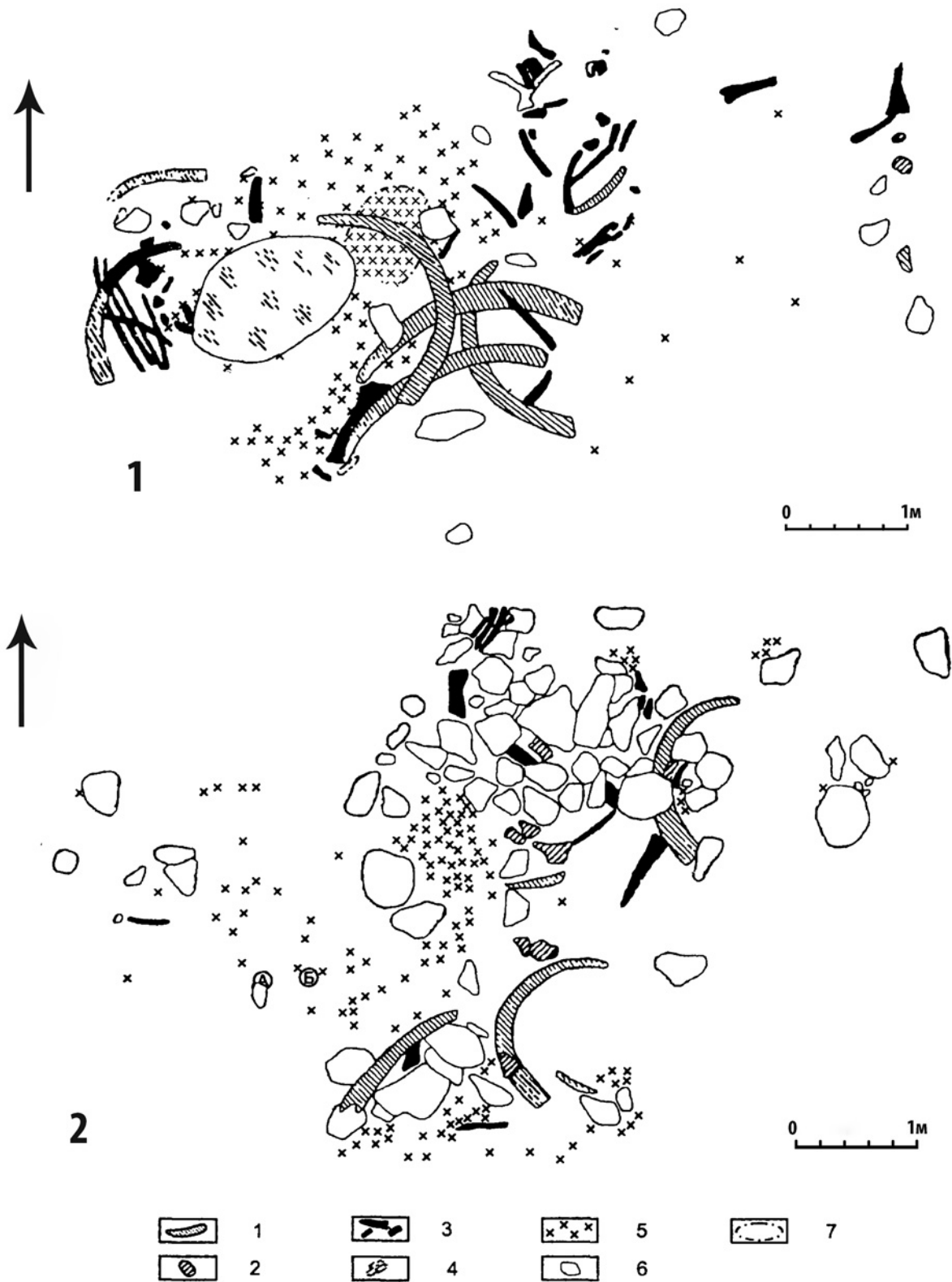

Рис. 54. Стоянка Рипичени-Извор. Планы жилых структур типа С (по А. Паунеску).
 Условные обозначения: 1 — бивни мамонта, 2 — зубы мамонта, 3 — кости животных, 4 — обломки рогов,
 5 — кремневые изделия, 6 — камни, 7 — границы рабочей площадки

насыщенным культурным слоем с остатками нескольких рассеянных кострищ. Оно, скорее всего, не имело сплошного перекрытия в виде крыши, как это представлено в реконструкции А. П. Черныша. Такое перекрытие могло быть лишь частичным.

По форме подобные сегментовидные скопления несколько напоминают каменные выкладки из среднего каменного века Африки, которые были описаны как ветровые заслоны (Sampson, 1976). Южный и юго-восточные участки (кв. У–V, VI, VII, VIII) «яранги» — почти пустые, характеризуются лишь отдельными крупными костями и остатками трех кострищ. Выкладки из крупных костей мамонта с восточного и западного участков ограничивали и, вероятно, защищали жилое пространство от ветров северо-восточного и юго-западного направлений. В эти стороны открыта каньонообразная долина Днестра, по которой в позднем плейстоцене, как отчасти и в настоящее время, прокатывались циклоны. Известно, что в плейстоцене Восточной Европы наиболее частыми были северные, северо-западные и западные ветры, которые дули от края ледников (Марков, Величко, 1967: 124). С другой стороны, значительные циклонические вихри могли налетать в определенное время года и со стороны теплого Черного моря. Незащищенность от северо-западных и юго-восточных ветров вынуждала мустьерцев создавать своеобразные ветровые заслоны, защищая огражденные участки, в пределах которых протекали их жизнь и деятельность. Естественно, эти ветровые заслоны имели сходство со своими южноафриканскими подобиями, прежде всего, самой формой ограждений, а также наибольшей концентрацией находок внутри полукруга, что заметно при внимательном изучении плана «яранги» А. П. Черныша.

Анализ плана расположения находок слоя 4 показывает, что наиболее законченная и выразительная жилая структура есть именно так называемая «яранга». Остальные весьма невыразительны. Все 11 скоплений, выделенные автором раскопок (Черныш, 1982: 27), расположены хаотично, часто «наползая» одно на другое. Они лишены выразительных обкладок по периметрам скоплений, отличаясь тем самым от основного объекта. Все это, скорее всего, указывает на их разновременность.

Для более полного понимания поселения большое значение имеет мощное скопление костей, заполнявшее древнюю промоину, являющуюся боковым ответвлением четвертичного оврага в северной части мыса, которое, на мой взгляд, справедливо названо А. П. Чернышом «кладовой» (Черныш, 1989: 76–80). Здесь найдены остатки 8 черепов мамонта, 19 бивней, 8 лопаток, 8 тазовых костей, позвонки, ребра, 14 нижних челюстей, 15 костей конечностей мамонта. Вероятно, как писал А. П. Черныш (Там же: 77), эта кладовая имела перекрытие. В ней выделено три четких уровня залегания костей мамонта, что позволяет сделать вывод о многогоризонтности 4 культурного слоя, указывая на ту или иную возможную деформацию выкладок из костей в более позднее (в пределах мустье) время. Речь идет в данном случае о нескольких вероятных этапах заселения мыса, на котором расположены палеолитические стоянки. В этом случае рассматриваемая кладовая указывает, на мой взгляд, на то, что кости, собранные тем или иным путем, должны были храниться и накапливаться в качестве запасов. В том же культурном слое найдена и вторая кладовая (оставшаяся не описанной).

Естественно, нельзя исключать того, что некоторые кости принадлежали мамонтам, убитым мустьерскими охотниками, но вряд ли их количество было очень значительным. Скорее всего, плохая сохранность почти всех выявленных в культурном слое жилых структур из костей мамонта указывает на то, что они были позднее частично разрушены уже другими, вновь прибывшими на стоянку неандертальцами, которые дополнительно использовали их, как материал для строительства новых жилищ или модернизации старых. В данном случае «яранга», скорее всего, представляет собой наиболее поздний жилой объект, который сохранился в слое 4. Как можно предположить, в период накопления 4 культурного слоя обширный, удобный мыс, на котором расположена стоянка, заселялся мустьерскими людьми не менее трех раз.

Рассматриваемая жилая структура не была долговременным жилищем, а представляла собой два усложненных ветровых заслона, ограждавших с двух сторон жилую площадку, где в течение теплого сезона обитала группа мустьерцев. В этой связи полезно напомнить замечание А. П. Черныша, согласно которому мустьерцы жили здесь «под открытым небом, скорее всего летом» (Черныш, 1965: 47), противоречащее его же позднее сформулированному тезису о долговременности жилища.

Сходные ветровые заслоны наиболее распространены, как уже отмечалось выше, в среднем каменном веке на территории Южной Африке, имея полуовальные (сегментовидные) формы и разные размеры, отличаясь использованием исключительно камней крупных и средних размеров (Sampson, 1976). Насыщенный культурный слой располагался внутри полуовала, как правило, с одной стороны. Однако, в отличие от африканских моделей, наши, в силу специфики природной среды, должны были отличаться определенным своеобразием. Ветровые заслоны могут быть эффективными только в условиях очень сухого климата. Однако данные спорово-пыльцевого анализа, которые получены для стоянок Среднего

Приднестровья, не указывают на существование аридных условий в первой половине позднего плейстоцена. Европейские жилые структуры, близкие по форме африканским ветровым заслонам, не только предохраняли мустьерских людей от сильных ветров, но и должны были защищать их от ненастья, свойственного перигляциальной зоне Восточной Европы.

Предполагаемое жилище с широким применением костей мамонта найдено также в наиболее богатом слое 11 стоянки Молодова V (Черныш, 1987), для которого получены две радиоуглеродные датировки, из которых одна древнее 40.000 л. н. (GrN 4017), а вторая — древнее 45.000 л. н. (ЛГ-17). Обе они, как и дата из слоя 4 стоянки Молодова I, не являются окончательными.

Отличие от описанной выше жилой структуры слоя 4 стоянки Молодова I, выявленное здесь скопление костей мамонта имеет менее четкие очертания. Основное пятно культурного слоя со слабо выраженными кострищами имело овальную форму, ограничиваясь, как в слое 4 стоянки Молодова V, с северо-востока и юго-запада крупными скоплениями костей (Там же: 8).

9.3. Стоянка Рипичени-Извор

Интересные жилые структуры были исследованы на правобережье Прута в пределах Румынской Молдовы. Памятник расположен примерно в 45 км южнее стоянки Кетросы, т. е. все рассмотренные выше объекты из долины Днестра находятся по соседству. Мустьерские охотники могли преодолевать это расстояние в 2–3 перехода (если не меньше!). Не исключено, что комплексы стоянок Кетросы и Рипичени-Извор длительно сосуществовали на одной и той же территории, а возможно и составляли своего рода «единство». В частности, в каменных индустриях комплексов I, II и III стоянки Кетросы и слоев 1–3 стоянки Рипичени-Извор, относящихся к своеобразному варианту типичного мустье, прослеживается определенное сходство. Индустрия мустье типичного представлена здесь фациями, как леваллуа (Рипичени-Извор, Кетросы/комплекс I), так и нелеваллуа (Кетросы/комплексы II и III, местонахождение Стинка-Дарабаны).

Стоянка расположена на невысокой террасе Прута, причленяющейся с юга к толтровой (известняковой) возвышенности, в которой находилась ныне разрушенная пещера Стинка-Рипичень с несколькими палеолитическими культурными слоями (Борисковский, 1953; Иванова, 1975: 111). Раскопками, которые велись в течение многих лет, выявлено 6 мустьерских и несколько верхнепалеолитических культурных слоев. В слое 5, наряду с большим количеством кремневых изделий и костей ископаемых животных, были найдены также остатки нескольких жилых сооружений (Păunescu, 1993).

Последние были подразделены Александру Паунеску на типы А, В и С (Păunescu, 1989; 1993). Первые два типа характеризуются удлиненными (сегментовидными) формами, для сооружения которых использовались обломки известняка и кости мамонта. Выпуклая часть всегда обращена в сторону долины Прута, причем площадка перед ней почти лишена находок. Насыщенный культурный слой располагался на защищенном от ветра пространстве, за каменно-костяной выкладкой. Выразительными жилыми структурами являются сооружения типа А. Напротив, тип В представлен единичным сооружением удлиненной формы из многочисленных костей и бивней мамонта, а также крупных известняковых камней и плит, отличаясь от типа А отсутствием конструктивных деталей. К тому же для структуры типа В характерна необычайно большая мощность культурного слоя, превышающая 60 см, а крупные кости (прежде всего, бивни мамонта) лежат на разных уровнях, что для жилища выглядит странно (Рис. 53, 54).

Жилые структуры типа А, выявленные в разных мустьерских слоях, имеют различные размеры. Они отличаются также набором каменных изделий: в одном случае это нуклеусы и отходы первичного расщепления, в другом — более полный набор, включая выразительные орудия. По данным А. Паунеску, для типа А характерна восточная экспозиция, для типа В — северо-западная (Păunescu, 1993: 218). Возможно, данные структуры были разновременны и существовали в разные периоды летнего сезона. Отличия между типами А и В — если все же принять последнюю за подлинное жилое сооружение — незначительны.

Наиболее выразительными являются структуры типа С, для которых характерно широкое применение камней крупных и средних размеров, а также костей мамонта, включая сравнительно многочисленные бивни. Для них, как и для структур типа А, типично скопление культурных остатков, представленных кремневыми изделиями и остатками кострищ, локализованное в середине полуогражденного пространства. Очень важно обратить внимание на то, что почти во всех случаях культурный слой резко обрывается к востоку от оград, представленных выкладками камней и костей и обращенных выпуклыми сторонами в сторону долины Прута.

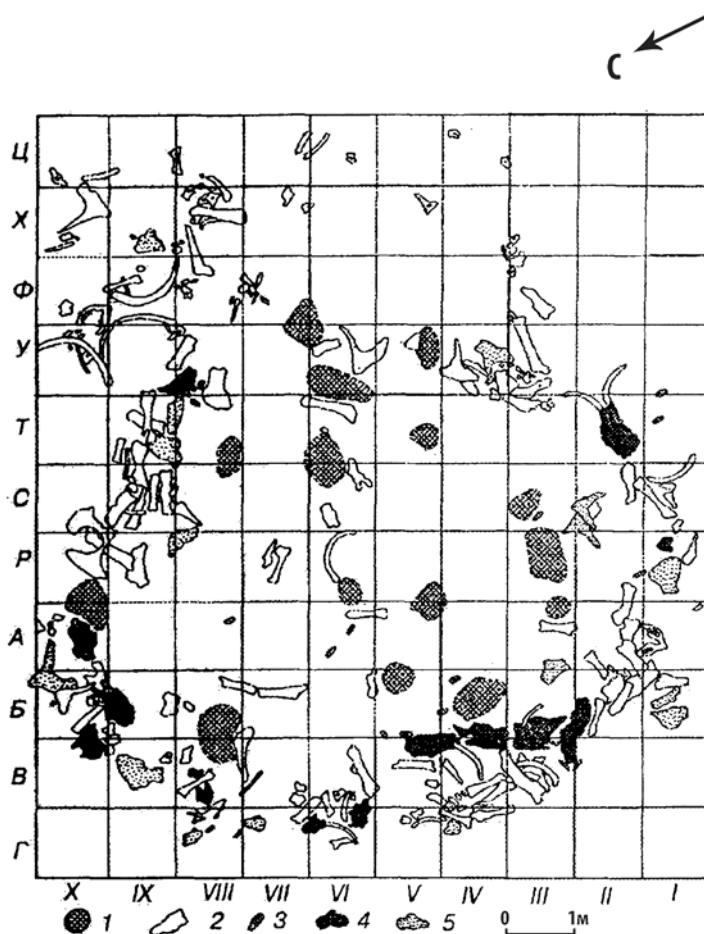

Рис. 55. Стоянка Молодова I (Украина). План основания жилища слоя 4 (по А. П. Чернышу).
Условные обозначения: 1 — остатки кострищ, 2 — кости мамонта, 3 — зубы мамонта, 4 — черепа мамонта, 5 — лопатки и тазовые кости мамонта.

Одно сооружение типа С из слоя 5 Рипичени-Извор, в котором прослеживается ограждение с двух сторон (с запада и востока), напоминает, в определенной степени, «ярангу» слоя 4 стоянки Молодова I. Структура, аналогичная типу С, обнаружена также в раскопе II стоянки Кетросы.

Общими чертами всех рассмотренных выше жилых структур стоянки Рипичени-Извор являются сравнительно небольшие размеры скоплений, широкое применение крупных камней, группировка основных находок на западной стороне сооружений. Таким образом, если видеть здесь своеобразные ветровые заслоны, речь идет о концентрации культурного слоя на защищенной от ветра стороне. Этот факт подтверждает аналогичное явление, выявленное в долине среднего течения Днестра. В большинстве случаев на Пруте использовались только бивни мамонта, в то время, как остальные кости этого животного применялись лишь спорадически. Постоянно обильны зубы мамонта и их фрагменты, которые могли использоваться в качестве ретушеров или отбойников, что типично для стоянок с территории Среднего Приднестровья.

9.4. Общие выводы

Почти все выявленные в регионе жилые структуры имели сравнительно небольшие размеры. Исключением, на первый взгляд, является молодовская «яранга», которую можно рассматривать как совокупность усложненных ветровых заслонов, ограждавших с двух сторон единую жилую площадку. Несмотря на то, что типичные ветровые заслоны, как справедливо полагает З. А. Абрамова, не являются подлин-

ными жилищами (Абрамова, Григорьева, 1997: 10), подобный способ выделения жилого пространства, в пределах которого происходила домашне-хозяйственная деятельность мустьерцев, представляет особый интерес именно как элемент домостроительства. На стоянке Рипичени-Извор представлены все формы перехода от типичных ветровых заслонов, в сооружении которых использованы, преимущественно, плиты известняка, к усложненным сооружениям типа ветровых заслонов с использованием крупных костей и бивней мамонта, а далее к еще более сложным жилым структурам полуовальной формы. Последние можно воспринимать уже как настоящие жилища, обитаемые в течение короткого сезона.

Во всех случаях, кроме комплексов со стоянки Кетросы, в пределах жилых пространств, огражденных с одной или двух сторон, прослеживались следы нескольких кострищ. Здесь же производились все циклы обработки камня, включая первичное расщепление. Этот факт указывает на проблематичность сплошного перекрытия наблюдаемых жилых площадок. Исключением является жилая структура типа С из слоя 4 стоянки Рипичени-Извор (Păunescu, 1989: 138), где прослежен 1 крупный очаг, из древесных углей которого получена радиоуглеродная дата 40.200 ± 1100 л. н. (GrN-9210). Кстати, для сооружения этого жилища, которое, напомним еще раз, аналогично комплексу II со стоянки Кетросы, использовалось наибольшее количество костей мамонта, включая 5 бивней (как и в Кетросах), и минимальное количество известняковых камней. Здесь же найдено 80 орудий, что, конечно, немного, по сравнению с 5000 кремневых изделий, среди которых преобладают отходы производства, в аналогичном комплексе Рипичени-Извор (Там же: 131). Правда, в последнем случае А. Паунеску включил в общее количество расщепленных кремневых изделий еще и материалы из расположенной рядом рабочей площадки-мастерской, которая возможно находилась за пределами жилища.

Таким образом, жилые структуры данного региона демонстрируют большое разнообразие адаптивной деятельности мустьерских людей к нестабильным и суровым условиям позднего плейстоцена.

Необходимо обратить внимание на то, что жилые структуры стоянок Молодова I и 5 почти целиком состояли из крупных костей и бивней мамонта. В Кетросах к ним добавляются сравнительно немногочисленные крупные камни. На стоянке Рипичени-Извор последние уже преобладают. Это в значительной мере объясняется местоположением памятников. Так молодовские стоянки располагались сравнительно далеко от выходов известняка. В Кетросах же таким источником явились выходы пластового кремня и доломитизированных известняков из цоколя IV надпойменной террасы, которые в мустьерскую эпоху были прикрыты рыхлыми отложениями и малодоступны (Иванова, 1981: 60–61), обнаруживаясь изредка только в галечнике Днестра или в русле Кишлянского яра. Стоянка Рипичени-Извор расположена рядом с известняковым массивом, на склонах которого крупные камни находились в изобилии.

Однако, если принимать во внимание только Рипичени-Извор, где камня очень много, то использование и здесь бивней и зубов мамонта может указывать на определенное значение этого животного в жизни и мировоззрении мустьерцев — на существование каких-то представлений, делавших такое использование желательным.

Итак, на основании всего изложенного можно сделать некоторые существенные выводы:

1. Памятники описанного типа известны сейчас только на ограниченной территории Восточной Европы, которая представляет из себя небольшой участок не более 50 км в поперечнике, включая, прежде всего, участки долин Днестра и Прута. Если принять во внимание общее сходство индустрий стоянок Молодова I и V, Кетросы и Рипичени-Извор, то вполне очевидна их единая культурная принадлежность.

2. Все ныне известные жилые структуры имеют удлиненную и овальную форму и не образуют каких-либо устойчивых типов. Типы, выделенные А. Паунеску, являются весьма условными. Наиболее насыщенный находками культурный слой ограничен именно границами данных структур. Единственным исключением из этого правила является стоянка Кетросы, где каменные изделия в пределах жилых пространств не образуют интенсивных скоплений.

3. Очаги или кострища в жилых структурах не являлись обязательным элементом. В одном случае на стоянке Кетросы найдены остатки лишь одного «вторичного» очага, представленного локализованным скоплением костного угля в пределах углубленного пола жилой структуры из раскопа I. В остальных случаях это или следы нескольких кострищ, или незначительные скопления древесных и костных углей. В частности, в жилой структуре раскопа II стоянки Кетросы очага нет, но были найдены рассеянными древесные и более редкие костные угольки.

4. Часть жилых структур, скорее всего, представляли собой сооружения типа ветровых заслонов, адаптированных к условиям климата приледниковой Европы. Большинство их, по-видимому, представляет

собой более-менее усложненные ветровые заслоны. Только сооружения типа С можно принять за элементарные (вероятно плетеные) хижины, основания которых были укреплены крупными камнями, специально отобранными костями и бивнями мамонта. Все эти жилища использовались относительно непродолжительное время, в основном, в теплый период. В отличие от остальных, на стоянке Кетросы данные сооружения были обитаемы поздней осенью, в период вероятных миграции копытных животных к югу.

5. Если принять во внимание размеры и планировку жилых сооружений со стоянок Кетросы и Рипичени-Извор, которые имеют, как правило, небольшие размеры, то факт существования большого и «многокамерного» молодцовского жилища нужно признать сомнительным. В этом плане наиболее вероятно видеть здесь два сочлененных усложненных ветровых заслона, расположенных на подходящем для этой цели участке мыса, внутри которого протекала жизнь общины мустьерцев.

Степень сохранности и специальный отбор костей мамонта, а также топография мустьерских поселений, дает основание предположить, что наибольшее количество костей данного гигантского животного было подобрано первобытными мустьерскими людьми на речных отмелях.

7. Сегодня еще продолжает бытовать весьма спорная точка зрения, согласно которой мустьерцы в огромном количестве добывали гигантских толстокожих, и все найденные на стоянках кости мамонта суть плоды их удачной охотничьей деятельности. Подобная точка зрения не учитывает целого ряда важных факторов, включая топографические особенности стоянок и — что исключительно важно — различную степень сохранности мамонтовых и иных костей, происходящих из единого культурного слоя. Не принимается во внимание и другое — особенности этологии современных хоботных, от которых мамонт вряд ли существенно отличался (см.: Аникович и др., 2010).

Согласно установленной геохронологии памятников можно отметить, что они существовали в данном регионе в течение всего раннего («мустьерского») вюрма, а их индустрии соответствовали региональному типичному мустье.

В целом, рассматриваемые мустьерские жилища представляют собой пример единого *культурного выбора*. Использование при строительстве жилых структур крупных костей и бивней мамонта (в том числе и тогда, когда без них вполне можно было обойтись) явно выражало определенное отношение мустьерцев к этому гиганту. Мамонт без сомнения играл важную роль в идеологии конкретных популяций мустьерских людей. Разумеется, как это зачастую бывает в архаичных сообществах, культурный выбор не вступал в противоречие с практическими потребностями, а, напротив, органично с ними связывался. Одной из таких важнейших потребностей была, в частности, необходимость приспособления к конкретным природным условиям региона, расположенного вблизи восточных склонов Карпатских гор. С юга этот регион был ограничен сравнительно теплым Черным морем, с севера — окраиной вюрмского ледника, с запада — горным массивом Карпат, где некоторые из вершин также были покрыты ледниками. Это обстоятельство создавало предпосылки для постоянных циклонических вихрей, пронизывавших территорию по каньонообразным речным долинам Днестра и Прута.

ГЛАВА 10

СОЦИО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮГО-ЗАПАДА РУССКОЙ РАВНИНЫ)

Проблема взаимодействия человеческого общества и природы неизменно находится в эпицентре внимания первобытной археологии, в первую очередь палеолитоведения, изначально тесно связанного с четвертичной геологией. Ключевым для понимания этого взаимодействия служит такое понятие, как адаптация. Важно отметить, что адаптация человека и социума к окружающим условиям всегда имела значительную специфику, по сравнению с биологической. Она основывалась на механизмах, свойственных исключительно сообществу людей. В данном случае следует говорить о *социо-культурных адаптациях*.

Социо-культурные адаптации идут в обществе постоянно и по разным направлениям, среди которых В. М. Массон выделял три основных. Во-первых, это выбор хозяйственной стратегии, нацеленной на устойчивость пищевых цепочек; во-вторых, это создание искусственной среды, которая может быть определена как бытовая адаптация; в-третьих, это собственно социальная адаптация. В последнем случае решающую роль играет трансформация социально-нормативной системы, активно реализующей заложенные в ней механизмы, совершенствующей их и создающей новые (Массон, 1996).

Все отмеченные выше процессы происходили и в глубочайшей древности. В настоящий момент мы можем сделать попытку реконструировать их, применительно к эпохе среднего палеолита, опираясь, в первую очередь, на материалы, происходящие с территории юго-запада Восточной Европы. Этому способствует значительный объем эмпирических данных по региональной палеогеографии и археологии палеолита, накопленный за предшествующие десятилетия.

В основе нашего анализа, как уже говорилось выше, лежат материалы междисциплинарных исследований, осуществленные в разное время на таких опорных памятниках региона, как многослойные палеолитические стоянки Кетросы, Кормань 4, Молодова I и V (Анисюткин, 2001). Все они расположены на II надпойменной террасе правого берега Днестра. Проведенные исследования позволяют составить достаточно объективное и целостное представление о едином разрезе позднплейстоценового времени, представленного многометровой толщей лессово-почвенных отложений.

Исследования проводились археологическими экспедициями, которые возглавлялись украинскими (А. П. Черныш) и ленинградскими (Н. К. Анисюткин) учеными в 1970–1980-х гг. Междисциплинарные изыскания вела группа исследователей, представлявших Комиссию по изучению четвертичного периода при АН СССР, которой руководила известный советский специалист по четвертичной геологии И. К. Иванова. Полученные в то время данные могут быть с наибольшей полнотой использованы именно сегодня, в связи с общим прогрессом знаний о природных процессах четвертичного времени.

Результаты этих исследований, опубликованные уже в целом ряде монографий, дают возможность реконструировать палеоэкологическую обстановку, существовавшую в данном регионе в первой половине позднего плейстоцена, т. е. в периоды КИС 5, КИС 4 и частично КИС 3 (т. е. в промежутке 110–35 тыс. л. н.). Первостепенное значение принадлежит здесь данным, полученным при изучении стоянки Кетросы.

Основные памятники изучаемого региона располагались, как правило, на IV и II надпойменных террасах рек Днестра и Прута. Большинство открытых стоянок, имеющих надежную стратиграфию,

включая эталонные, где выявлены культурные слои хорошей сохранности, связаны с отложениями II надпойменной террасы.

Стоянки, приуроченные к высокой (IV надпойменной) террасе, практически не имеют сохранившихся культурных слоев. Эти последние, как показывают имеющиеся на сегодняшний день данные, почти всегда сильно деформированы. Одним из немногих исключений является стоянка Стинка 1, где сохранившийся нижний культурный слой обнаружен лишь на небольшом участке, не более 30 кв. м. На этом памятнике, где раскопками вскрыто более 220 кв. м, были проведены геоморфологические, геологические и палинологические исследования (Анисюткин, 2005), позволившие получить дополнительную важную информацию о природной среде позднего плейстоцена.

В частности, если говорить о нижнем культурном слое стоянки, то, как можно предположить, место поселения было выбрано с учетом возможных паводков на р. Днестр в начале летнего сезона. Тогда в Карпатских горах начиналось (как и в наши дни) интенсивное таяние снежного покрова. Расположение на мысу высокой террасы, который продувался северо-западными и западными ветрами, давало, как можно допустить, возможность людям защищать себя от полчищ кровососущих насекомых, распространенных в это время года в речной пойме. На последнее указывает и экспозиция стоянок в каньонообразной долине Днестра, по которой в период функционирования поселений пронеслись вихри северного и северо-западного ветра. Кстати, на сходную ситуацию обращали внимание и биологи, изучавшие популяции мамонтов. В частности, ими отмечалось, что «здоровую обстановку и хорошие места выпаса создавали обвеваемые ветром сухие, достаточно высокие (25–30 м) гряды рельефа» (Тихонов, 2005: 39).

Все памятники, приуроченные к высокой террасе, имеют ряд общих черт топографии, которые дают возможность получить весьма полезную информацию. Так удалось установить, что стоянка Стинка 1 была расположена на западном склоне мыса у древнего водотока и открыта на север-северо-запад, но прикрыта в рельефе с юга и юго-востока. Аналогичная ситуация характерна практически для всех местонахождений, расположенных в долине Днестра на IV надпойменной террасе. Все эти местонахождения в той или иной мере связаны с источниками воды и сырья для изготовления каменных орудий, которыми были, как гальки из аллювиальных отложений, так и желваки пластового кремня, обнаруженного в коколе данной надпойменной террасы (Анисюткин, 2001; 2005).

Без сомнения, выбора мест поселений не был случайным, а соответствовал специфике адаптации к природной среде того времени. С мысов высоких террас имелся хороший обзор местности, позволявший человеческим группам, обитавшим на этих поселениях, контролировать свои охотничьи территории. Со стоянки можно было обозревать долину реки вверх и вниз по течению, в то время, как само поселение не просматривалось ни с противоположного берега, ни из поймы.

В качестве примера приведу данные по стоянке Стинка 1. Общая площадь поселения, выявленная в результате раскопок (включая данные шурфов), составляла минимально около 1800–2000 кв. м. Оно располагалось близ родника, пропилившего известковистые отложения на значительную глубину. Этот родник функционирует и в настоящее время. Поселение явно было сезонным, существовавшим в теплое время года. На это указывает характер культурного слоя и обнаружение на сохранившемся участке культурного слоя кострища и окружавших его ямок от столбов плохо сохранившегося простейшего жилого сооружения. Несколько ниже по склону в раскопе были выявлены остатки второго размытого кострища, а также отдельные скопления древесных углей. Наличие кострищ и жилых структур, вкупе с находками вторично переоформленных кремневых изделий, включая сильно обожженные, свидетельствует о том, что стоянка не являлась кратковременной. На это дополнительно указывает исключительное обилие пыльцы такого сорняка, как осот, произрастающего, прежде всего там, где был сильно нарушен (вытоптан) естественный растительный фитоценоз.

На территории поселения осуществлялись разнообразные виды деятельности. Как показали трапезологические исследования, проведенные В. Е. Шелинским, здесь не только велись работы по первичной и вторичной обработке камня, но и производилась разделка туш убитых животных, а также резание, строгание, скобление, связанные с обработкой шкур и изготовлением изделий из дерева. Скорее всего, с обработкой растительных продуктов связаны многочисленные песчаниковые гальки с интенсивно затертыми и забитыми по периметру краями, которые были обнаружены, как в нижнем слое Стинки 1, так и в слое 4 стоянки Молодова I. Это сходство дает основание согласиться с мнением А. П. Черныша о том, что мустьерское поселение из слоя 4 существовало в теплое время года: «мустьерский человек довольно долго жил здесь под открытым небом, скорее всего летом» (Черныш, 1965: 47). Напротив, относительно немногочисленные гальки со стоянки Кетросы имели незначи-

тельную забитость краев, указывавшую на то, что они использовались преимущественно только для обработки кремня. Это же можно сказать о подобных предметах из мустьерского слоя 4 грота Тринка I. Как можно предположить, стоянка Кетросы существовала во второй половине осени, а Тринка I — скорее всего, зимой.

Хорошим дополнением к наблюдениям, которые сделаны на стоянке Стинка 1, являются данные с мустьерского местонахождения Стинка-Дарабаны, расположенного на той же террасе и имеющего ту же экспозицию. Здесь четко прослеживаются две древние ложбинки, которые соответствовали родникам того времени. Как показали шурфы, поставленные на разных участках памятника, культурный слой был сильно деформирован в так называемом среднем вюрме (КИС 3), хотя основная эрозия связана с более ранним временем, учитывая сохранившийся местами лессовидный суглинок, который видимо, как и на Стинке 1, относится к очень холодному и сухому периоду КИС 4. На этом поселении, занимавшем значительную площадь, могла обитать, как и на Стинке 1, весьма значительная группа мустьерцев (Анисюткин, 2001: 66–68).

Для всех стоянок с данной террасы характерной чертой является значительная площадь распространения находок. На этом основании можно допустить, что здесь обитали сравнительно многочисленные коллективы мустьерцев.

Стоянки, расположенные на II надпойменной террасе, достаточно детально исследованы. На большинстве их, напомним еще раз, хорошо сохранились культурные слои, находящиеся обычно на значительной глубине от современной дневной поверхности. Их можно подразделить на две группы: 1) на мысах, непосредственно в долине реки Днестр; 2) в устьях небольших правобережных боковых притоков. Последние, представленные пока двумя стоянками — Кетросы и Шипот 2 — размещались вдоль левого борта узкой долины правобережных притоков Днестра, на относительно ровных площадках у прислона низкой террасы к высокой (IV надпойменной террасе).

Начнем рассмотрение второй группы памятников со стоянки Кетросы, где обнаружен мустьерский культурный слой очень хорошей сохранности. Стоянка, как уже говорилось, расположена на ровной поверхности «низкой» (II надпойменной) террасы, прислоненной к более высокой и протянувшейся узкой полосой вдоль левого борта долины Кишлянского яра. Последняя была пересечена конусами выноса, представленного галечником и обломочным материалом, сорванным эрозией с поверхности IV террасы в самом начале вюрма. Ширина данных конусов выноса равна 10–15 м, при высоте (если взять за основу основание культурного слоя) — около 2 м. Таким образом, ровные площадки, на которых селились люди, были частично закрыты от северных и северо-западных ветров высокой террасой и частично конусами выноса. Последние, как можно предположить, были в то время явно выше. На стоянке выделено несколько локализаций, представлявших собой, по-видимому, самостоятельные комплексы с жилыми сооружениями и рабочими площадками разного функционального назначения: в одних случаях — для разделки туш бизонов, в других — для первичного расщепления кремня.

Был ли выбор места стоянок связан с защитой от непогоды, с потребностями охоты или с тем и другим вместе — на этот вопрос сложно дать однозначный ответ. Защита жилых площадок насыпями с крупными костями мамонта указывает, скорее, на первое. Однако без сомнения стоянка являлась сезонной, связанной с осенними миграциями копытных — бизонов и лошадей, которые скорее всего проходили непосредственно по долине реки. С этой точки зрения место расположения стоянки вполне логично связать с охотничьей необходимостью. Поселение находилось не на путях миграций промысловых животных, а располагалось рядом, в непосредственной близости от них, позволяя не только вести необходимые наблюдения за перемещающимися стадами и успешно охотиться, но и без особых затруднений обрабатывать полученную добычу. С другой стороны, расположение жилых структур и укрепленность их со стороны долины Днестра — явное свидетельство влияния природного фактора.

Важно отметить, что все обнаруженные здесь элементарные жилища отличаются небольшими размерами — всего около 12 кв. м. Это дает возможность определить минимальные размеры коллективов кетросских неандертальцев, ведущих в это время года самостоятельную охотничью и хозяйственную деятельность.

Показательным также является наличие на стоянке лишь определенных частей скелетов бизона, а именно — обломки нижних челюстей, изолированных зубов, пяточных и таранных костей, а также фрагменты единичных трубчатых костей конечностей. Аналогичное явление отмечено и для костей лошади. Таким образом, отсутствуют именно те части скелета, которые связаны с наиболее мясистыми частями туш данных млекопитающих. Последние, как можно предположить, уносились отсюда на места будущих зимовок. Скорее всего, бизонов и лошадей добывали рядом, в долине Днестра, где эти

животные переправлялись с противоположного, низкого берега на высокий — правый¹. Туши убитых животных разделявали там же, непосредственно у реки. Сходное явление в свое время было зафиксировано в мустье Кавказа, однако с поправкой на то, что в гротах, на местах зимних поселений, где человек обитал долго, представлены как раз те кости, которые указывают на присутствие наиболее продуктивных частей туш (окороков) животных (Любин, Барышников, 1985: 8). Для контраста в Кетросах можно отметить очень сильную фрагментацию малочисленных костей оленей, которые почти всегда находились в пределах жилищ.

В аналогичных геоморфологических условиях расположена стоянка Шипот 2, которая, подобно Кетросам, находилась в боковой долине небольшого притока Днестра (Шипот). Пока она, к сожалению, только разведана, но не раскопана. Более или менее основательно установлена геоморфологическая и стратиграфическая позиция слоя, что дает основание сопоставлять его с нижним (аллювиальным) горизонтом стоянки Кетросы. К сожалению, поскольку стоянка располагалась вблизи древней поймы, которая периодически затапливалась во время паводков, культурный слой здесь оказался сильно нарушен. Найдено только 33 кремневых изделия и 3 обломка костей лошади.

В культурном плане каменные индустрии этих стоянок различаются. Если в Кетросах комплекс нижнего горизонта сопоставим с микроком, а основного слоя — с типичным мустье, то небольшая коллекция Шипота 2 соответствует архаичному варианту мустье зубчатого, аналогичного тайякскому технокомплексу. Малочисленность материалов и недостаточная изученность этого памятника не позволяют сделать тут какие-либо существенные выводы.

Среди стоянок, расположенных непосредственно в долинах рек, если говорить о Днестре, упомянем, прежде всего, молодковские стоянки, а также Кормань IV. Первые две — Молодова I и V изучены и опубликованы весьма полно. Именно здесь были найдены объекты, которые описаны как долговременные наземные жилища с использованием многочисленных костей мамонта (Черныш, 1965; 1982). Основные культурные слои занимают очень большие площади, но являются ли все обнаруженные комплексы одновременными — вопрос дискуссионный. Как уже говорилось в предыдущей главе, там, скорее всего, имелось несколько уровней обитания.

К сожалению, отсутствие единого списка фауны за все годы раскопок на молодковских стоянках, а также отсутствие детального анализа костей ископаемых животных (за исключением мамонта) не позволяют нам сделать заключений о хозяйственной деятельности этих древних коллективов. Так или иначе, обилие культурных остатков и кострищ в слое 4 стоянки Молодова I указывает либо на значительную продолжительность существования данного поселения, либо на его многогоризонтность. Последнее предположение подтверждено раскопками А. П. Черныша, которому в одной из ям удалось выделить не менее трех горизонтов обитания (Черныш, 1989). В любом случае, здесь одновременно сосредоточивалось значительное количество людей.

Абсолютно аналогичное поселение выявлено на соседнем поселении Молодова V. В общем и целом, можно утверждать, что на этих стоянках производились различные циклы обработки и изготовления каменных орудий. Обилие песчаниковых галек, употреблявшихся в качестве пестов-терочников, указывает на широкое использование растительных продуктов. Кстати, на стоянке Кетросы подобные гальки найдены тоже, но без аналогичных следов использования. Они применялись здесь, скорее, в качестве отбойников.

Что касается стоянки Кормань IV, то следует указать на ее недостаточную изученность. Анализ культурных слоев позволил А. П. Чернышу сделать вывод о том, что раскопана лишь окраина основного поселения. К тому же можно отметить наличие здесь каменной индустрии, отличной от молодковского леваллуа-мустье (Черныш, 1977).

Очень важная многослойная стоянка Рипичени-Извор, расположенная на правом берегу реки Прут, также связана с отложениями II надпойменной террасы. Она находится непосредственно в долине реки и открыта на север. Почти все культурные слои мустьерского времени отличаются значительной насыщенностью, указывая на то, что здесь обитали весьма многочисленные человеческие коллективы. В этом отношении памятник похож на молодковские стоянки, которые расположены недалеко, но уже в долине реки Днестра.

Особый интерес для понимания процесса адаптации представляет группа пещерных памятников, относящихся к среднему палеолиту, в том числе гроты Старые Дуруиторы, Выхватинцы, Бутешты,

¹ По словам местных жителей, занимавшихся рыболовством, на участке реки между ярами Шипот и Кишлянским имеется брод, где в моменты наиболее низкого уровня воды (обычно осенью) глубина не превышала 1–1,5 м.

Тринка I—III, Буздужаны 1, Ла Сэретурь (Кетрару, 1973; Борзияк, Григорьева, Кетрару, 1981; Анисюткин, 2001). Почти все они расположены на северо-западе Молдавии и относятся к числу многослойных. Большинство гротов расположены достаточно высоко над уровнем рек, в долинах которых они находятся. Почти все они могут рассматриваться, как зимние поселения. Исключением можно считать гроты Тринка III и Ла Сэретурь, где в мустьерских слоях имеется очень мало артефактов. По-видимому, их можно рассматривать в качестве охотничьих лагерей.

Каменные индустрии из культурных слоев гротов Старые Дуруиторы и Выхватинцы (нижний слой) относятся к начальной поре среднего палеолита, а остальные — к поздней поре, т. е. к мустье.

Для анализа в первую очередь могут быть использованы два памятника, материалы которых мне хорошо знакомы. Речь идет о стоянках в гротах Тринка I и II. Эти памятники расположены примерно в 65–70 км юго-западнее стоянки Кетросы и в 40–45 км севернее Рипичени-Извор, в долинах небольших левых притоков Прута. Гроты имеют преимущественно южную экспозицию. К сожалению, по ряду причин они не могут дать полной информации о характере мустьерских культурных слоев. В частности, большая часть отложений грота Тринка I оказалась уничтожена средневековой землянкой (Анисюткин, Борзияк, Кетрару, 1986; Анисюткин, 2001). Если дополнительно привлечь материалы других гротов Молдовы, в частности — многослойного грота Буздужаны 1, расположенного по соседству с Тринкой I и II, можно утверждать, что для памятников этого типа первичное расщепление характерно, зато отмечено обилие сильно фрагментированных костей ископаемых животных и интенсивное использование разнообразных каменных орудий.

Одной из особенностей пещерных памятников является обилие обломков костей пещерного медведя, среди которых преобладают сильно фрагментированные и часто обожженные фрагменты. Это указывает на то, что данный зверь был охотничьей добычей мустьерцев. Показательно, что в мустьерском слое 4 грота Тринка I среди остатков фауны, где представлены кости лошади (100/3), северного оленя (54/3), бизона (57/3), оленей гигантского (3/1) и благородного (1/1), абсолютно преобладают обломки костей пещерного медведя (246/7). Конечно, можно предположить, что гибель этих животных в скальных убежищах происходила от естественных причин. Однако при этом важно указать на отсутствие в регионе пещер, где были бы найдены многочисленные кости пещерного медведя, не связанные с культурными слоями палеолитического времени.

Нужно отметить, что обилие костей пещерного медведя в культурных слоях указанного периода фиксируется отнюдь не повсеместно. Оно характерно лишь для некоторых районов Евразии, к числу которых относятся, прежде всего, Кавказ и Карпаты. Напротив, кости медведя единичны в мустьерских культурных слоях Крыма (Колосов, Степанчук, Чабай, 1993), в Западной и значительной части Центральной Европы (Valoch, 1988), а также на Алтае (Деревянко и др. 2003).

Возвращаясь к материалам Северной Молдовы, следует отметить, что здесь, как правило, очень сложно выделить в скальных убежищах какие-либо производственные участки. В слое 4 грота Тринка I остатки очага выявлены в глубине грота, а отдельные древесные и костные угольки прослежены только на привходовой площадке. Там же найдены лучшие орудия. Очевидно, если учесть размеры карстовых полостей, характер распространения культурного слоя и количество обработанных человеком каменных изделий, то можно предположить, что здесь обитали относительно немногочисленные группы мустьерцев. Исключением можно считать грот Старые Дуруиторы, однако его индустрии имеют более древний, среднелейстоценовый возраст (Кетрару, 1973; Анисюткин, 2001).

Размеры и состав человеческих групп среднепалеолитического времени, обитавших в гротах Тринка I и II, могут быть в какой-то мере реконструированы на основе материалов верхнепалеолитической стоянки в Машицкой пещере (Польша), где найдены костные останки 16 особей ископаемого человека, включая 5 взрослых, 2 молодых, 1 подростка и 8 детей (Абрамова, Григорьева, 1997: 80). В данном случае речь может идти о локальной группе (расширенной семье), насчитывающей 20–25 человек в среднем, которая состояла из 2–3 нуклеарных семей. Несмотря на то, что эта аналогия относится к концу верхнего палеолита, она, на мой взгляд, вполне реальна и для мустьерского времени.

В этом плане весьма показательным, что в соседнем гроте Тринка III, расположенном на противоположной стороне каньонообразной долины реки Драгиште и имеющего северо-восточную экспозицию, в нескольких культурных слоях обнаружены исключительно остатки кратковременных охотничьих лагерей. Жизнь в этом гроте зимой была видимо затруднительной не только для людей, но и для пещерных медведей, обломки костей которых здесь также малочисленны. Например, если в мустьерском слое 4 грота Тринка I определимых костей пещерного медведя найдено 246, то в самом «медвежьем» слое 5 Тринки III — лишь 12 (Анисюткин, Борзияк, Кетрару, 1986: 114–115). Это наблюдение, на мой взгляд,

достаточно показательно: не все гроты и пещеры бывали удобны для более-менее долговременных поселений.

Основываясь на имеющихся археологических материалах и учитывая одновременно палеогеографические и этнографические источники, можно предложить следующую гипотетическую реконструкцию образа жизни мустьерцев, обитавших в изучаемом регионе. Разумеется, при этом нужно учитывать естественную неполноту археологической летописи, помня, что любые наши реконструкции всегда ущербны.

В холодное время года, которое включало в себя вторую половину осени, зиму и начало весны, популяции мустьерских людей были вынуждены жить в гротах и пещерах. Экстремальный период длился несколько месяцев. Судя по характеру культурного слоя, размерам скальных убежищ, количеству и качеству археологического материала, на зимних поселениях обитали небольшие коллективы, представлявшие собой 2–3 нуклеарных семьи. В это время они вынуждены были жить оседло в течение довольно продолжительного времени.

Начало теплого периода приходилось на вторую половину весны, совпадая, как можно предположить, с весенней массовой миграцией копытных млекопитающих. Летом группы людей спустились в долины рек, начинали вести подвижный образ жизни. Поселения «теплого» сезона располагались на высоких или низких речных террасах вокруг толтровой зоны, где имелись различные скальные убежища. Это были либо открытые стоянки, либо пункты с немногочисленными находками каменных изделий, либо единичные находки, обнаруживаемые, как правило, на высоких террасах и плакорах. Чаще всего места для стоянок выбирались на удобных мысах речных террас — у источников сырья и воды.

Как можно допустить, в теплое время небольшие родственные группы объединялись в достаточно многочисленные коллективы. Характерно, что на открытых стоянках археологический материал занимает обычно значительную площадь. Поселения этого благоприятного для жизни времени года, когда доступные источники разнообразной пищи были в изобилии, явно становились более многолюдными.

Отличие от пещерных памятников, на открытых стоянках достаточно полно представлены все циклы первичной обработки камня. Здесь мы всегда имеем дело с низким процентом орудий, среди которых вторично переоформленные (реутилизированные) предметы случайны или единичны. Так называемых «мастерских», связанных только с добычей и черновой переработкой каменного сырья, в регионе не обнаружено.

В это время года мустьерцы занимались охотой и собирательством. На последнее косвенно указывает обилие галек-терочников в мустьерских слоях Молодова I и V (Черныш, 1965), а также в нижнем культурном слое стоянки Стинка I (Анисюткин, 2005). По-видимому, в теплое время года активизировалось собирательство — дополнительный источник получения пищи, значимость которого увеличивалась в периоды интерстадиалов.

Осенью, когда начинались миграции копытных, коллективы людей организовывали сезонные охотничьи стоянки в долине Днестра. В частности, напомним еще раз, в основном культурном слое стоянки Кетросы найден обломок челюсти жеребенка возрастом около 5 месяцев, указывая на то, что люди жили здесь осенью, в конце сентября или октябре. Этот факт согласуется с общим выводом, основанным также на трасологическом изучении материалов: «мустьерская стоянка Кетросы является типичной охотничьей стоянкой» (Щелинский, 1981: 58).

Сходная стратегия выживания в условиях холодного климата при наличии сезонных миграций многочисленных стад копытных животных описана для североамериканских индейцев доконтактного периода. Хозяйство, предусматривавшее сезонную смену промыслов, исключало там полностью оседлые поселения (Дзенискевич, 1988: 95). Характерно, что подразделение человеческих коллективов на более мелкие — зимнего времени — и более крупные — летнего периода — было обычным явлением у индейцев Великих Равнин. Подобный уклад способствовал их выживанию (Березкин, 2003: 324).

При всей несопоставимости общественных организаций мустьерцев и позднейших сапиенсов, и те, и другие были вынуждены адаптироваться к сезонной смене суровых природных явлений на более благоприятные. Продолжительные и холодные зимы заставляли людей (как и большинство промысловых животных) вести образ жизни, который можно отождествить с выживанием, в то время, как в теплый период пищевые ресурсы многократно увеличивались, позволяя человеческим коллективам свободно перемещаться по обживаемой территории и, как можно предположить, делать «заготовки» на трудный зимний отрезок времени. Так в качестве подтверждения можно снова указать на то, что обломки костей бизонов и лошадей со стоянки Кетросы были представлены преимущественно конечностями, обломка-

ми челюстей и отдельными зубами. Отсутствовали именно те части скелета, которые отождествляются с наиболее мясными частями туш этих животных.

Среди описанных памятников нет так называемых «базовых поселений», которые существовали бы непрерывно не менее одного годового цикла. Подобная модель, где первостепенную роль играют долговременные базовые поселения, приуроченные обычно к обширным скальным убежищам, более характерна для горных районов, где жизнь проходила на сравнительно ограниченных территориях, т. е. в пределах конкретных ущелий. Здесь имела место преимущественно так называемая «вертикальная миграция», типичная для жизненного цикла промысловых млекопитающих. Одна часть сезона проходила в пределах альпийских лугов, а другая — в нижней части горных долин.

Например, таежный северный олень, доньше обитающий в пределах западного склона Баргузинского хребта, летом пасется на гольцах (на горных лугах), а к зиме спускается в таежный пояс, где кормится чаще всего в ягельниках (Заповедники... 1983: 37). Если же взять в качестве примера мустье Кавказа (см.: Любин, 1989), то там практически вся мегафауна была представлена именно нестадными копытными (благородный олень, косуля, горный козел, зубр) не совершавшими значительных пространственных миграций.

Напротив, на равнинах, в частности, в междуречье Прута и Днестра, преобладали стадные животные (бизон, лошадь, сайга, северный олень, возможно, мамонт), которые совершали вынужденные сезонные передвижения на большие расстояния. Зоологами установлено, что «миграции бывают тем интенсивнее и протяженнее, чем выше численность животных, так как пастбища быстрее выбиваются большими стадами. Несомненно, в палеолитическое время, когда количество стадных копытных было очень велико, подвижность их была соответственно более высокой» (Формозов, 1969: 70). В этом плане естественно, что в зимний период основные массы копытных животных откочевывали к югу, ближе к морю, где было теплее, пищи больше, а снежный покров тоньше. Поэтому равнинные мустьерцы, зависимые от наличия значительного количества кочующих копытных млекопитающих, вынуждены были вести в теплое время года более подвижный образ жизни, который способствовал также и собирательству.

Утверждение, что культурные слои молодого леваллуа-мустье (в частности слой 4 стоянки Молодова I) образовывались в течение долгого времени, измеримого десятками, а может быть и сотней лет (Иванова, 1982: 223), не может быть принято. Оно не учитывает вероятной разновременности горизонтов обитания. Археологические наблюдения А. П. Черныша, сделанные на отдельных объектах культурного слоя 4, свидетельствуют о наличии здесь не менее трех периодов заселения.

Если же за «базовые» поселения принимать сезонные, существовавшие в течение определенного цикла (Массон, 1996: 35), то ими могли быть некоторые стоянки региона. Однако, при условии тех критериев выделения подобных поселений, на которые указывал В. М. Массон, включая исключительное обилие обломков костей, которое бы соответствовало показателю, равному 500 неопределимых костей на 1 кв. м, то подобных памятников здесь нет.

Имеющиеся в регионе материалы не предоставляют данных о существенных территориальных перемещениях мустьерских популяций. Все их передвижения совершались как будто в радиусе не более 100 км. Но так ли это? Единственным указанием на более протяженные кочевья дает стоянка Мамаев в Добрудже. Она расположена примерно в 400 км южнее Стинки 1, однако их каменные индустрии имеют между собой очень большое сходство (Valoch, 1993).

Еще на более далеком расстоянии (до 800 км) находится группа деснинских стоянок, расположенных вблизи г. Брянска. По данным их исследователя Л. М. Тарасова, они также имеют значительное сходство с индустрией нижнего слоя Стинки 1.

Есть ли основания говорить о значительных передвижениях населения? На этот вопрос сегодня ответить трудно. Но такую возможность следует учитывать, как вполне вероятную. В частности, можно допустить, что самым интенсивным образом использовалась территория вокруг толтровой зоны с гротами и пещерами. В этой связи нельзя исключить, что зимние поселения молодого леваллуа-мустье (мустье типичное фации леваллуа) имеются и в пределах толтровой зоны Украины, где скальные убежища с культурными слоями еще не найдены или уже уничтожены карьерами по добыче известняка.

На современном уровне наших знаний невозможно определить преобладающие способы охоты мустьерцев. Без сомнения, практиковались, как загонная охота, так и индивидуальная. О первой свидетельствует расположение стоянок в пределах сильно пересеченной местности, а также условия находок многочисленных костей плейстоценовых животных в тальвеге оврагов (к примеру, в окрестностях грота у села Выхватинцы, что способствовало открытию стоянки). В то же время культурные остатки микокского слоя в самом этом гроте были связаны с глинистыми отложениями, что указывает на то, что

поверхность скального убежища периодически подтапливалась. Грот мог посещаться и заселяться лишь на очень короткое время в относительно сухое время года — в конце лета или в начале осени. Относительно продолжительное обитание в нем было невозможно не только для человека, но и для пещерных хищников. Каменные изделия залежали только в кровле или в основании глинистого слоя. Если принять во внимание особенности каменного инвентаря, где господствовали преимущественно отборные орудия, вполне логично предположить, что здесь была кратковременная стоянка в период облавной охоты. Это определенным образом подтверждают и находки в тальвеге оврага, в котором находился грот, костей ископаемых животных, включая мамонта.

Основные признаки лагерей охотников мустьерского времени, выделенные В. П. Любиным (1977) на материалах среднего палеолита Кавказа, по характеру каменного инвентаря вполне сопоставимы с коллекцией среднего слоя грота Выхватинцы.

Если принять во внимание набор костей бизона и лошади со стоянки Кетросы, где представлены лишь определенные части скелетов, можно допустить, что части туш были, вероятно, унесены со стоянки — скорее всего, в гроты, где в это осеннее время готовились зимние убежища. Для контраста отмечу, что в нижнем слое грота Тринка I, где предполагается наличие зимнего поселения, представлен более полный набор сильно фрагментированных и нередко обожженных костей промысловых животных, включая пещерного медведя. Данные с открытых и пещерных стоянок указывают на наличие разнообразных способов охоты мустьерцев.

Очень важным представляется то, что на стоянке Кетросы, в силу специфики мест поселения, мы имеем возможность выявить более мелкие ячейки организации общин мустьерских людей. По мнению известного этнографа В. Р. Кабо, обитавшая в Кетросах «протообщина расчленилась на отдельные хозяйственно-родственные группы, возможно — отдельные протосемьи, или формирующиеся семьи, которые населяли отдельные жилища и вели относительно самостоятельное хозяйство» (Кабо, 1986: 214).

Жилые структуры стоянок Молодова I и V, если принимать во внимание, прежде всего, материалы наиболее выразительного жилого комплекса площадью более 40 кв. м, могут указывать на одновременное проживание в них более многочисленных, чем в Кетросах и в Рипичени-Извор групп первобытных людей. Возможно, данный социум включал 4–5 нуклеарных семей.

Сегодня с учетом изложенных выше данных можно вновь вернуться к вопросу реконструкции общественного устройства среднепалеолитических охотников-собирателей. Можно предположить, что основным производственным коллективом, как об этом ранее писал Г. П. Григорьев (1972: 24), была община. Основу последней составляла протосемья (по В. Р. Кабо) или «малая семья» (Григорьев, 1981: 30). Эта община («протообщина») была сплоченным, интегрированным социумом. Подтверждением тому служит само строительство небольших (как в Кетросах и Рипичени-Извор) жилищ с использованием огромных костей и бивней мамонта: оно немыслимо без взаимопомощи. Площадь этих жилых сооружений не превышала 12 кв. м, где могла обитать небольшая группа людей, сопоставимая с «малой семьей» (нуклеарной семьей). Протообщине, которая состояла из нескольких таких семей, были уже свойственны, по заключению В. Р. Кабо (1986: 214), черты более поздних позднепалеолитических общин.

На основе анализа приведенных выше данных можно сделать ряд выводов. Выбор хозяйственной стратегии среднепалеолитического населения региона, основанный на охоте и собирательстве, тесно увязан с особенностями природной специфики. Отсюда проистекало разделение годового цикла на два сезона, из которых зимний может быть назван сезоном выживания.

В это время человеческие популяции вынужденно дробились на небольшие родственные коллективы, использовавшие естественные скальные убежища — гроты и пещеры — расположенные в пределах региона. Если принять во внимание обилие на поселениях этого типа костей пещерных медведей, отсутствующих или чрезвычайно редких на открытых стоянках и в пещерах без культурных слоев, то можно предположить, что именно в это время люди вели специализированную охоту на данного зверя, зимой впадавшего в спячку в соседних пещерах или гротах. Так что подобная специализация вполне может считаться вынужденной. Наличие в пределах культурных слоев пещерных памятников преимущественно сильно фрагментированных и часто обугленных обломков костей возможно указывает не только на относительную долговременность зимнего обитания, но и на явный недостаток пищи.

В «летний» или точнее в «теплый» сезон года человеческие группы вели относительно подвижный образ жизни, переселяясь в долины крупных рек, по которым проходили основные миграции стадных копытных животных. Все известные открытые поселения указывают на то, что на них обитали относительно многочисленные коллективы. С учетом современных данных, указывающих на отсутствие пол-

ноценных палеолитических памятников на плакорах в междуречье, можно предположить, что группы людей интенсивно обживали в течение этого сезона именно речные долины. Здесь они находили необходимую разнообразную пищу.

Таким образом мустьерцы успешно адаптировались к сложным природным условиям своего времени. Используемая ими модель выживания мало чем отличалась от модели позднейших охотников и собирателей, обитавших в весьма сходных природных условиях.

Что касается так называемой бытовой адаптации, то здесь мы имеем достаточно любопытные факты, которые представляют собой интересную информацию к размышлению. Нам до сих пор не известны случаи искусственного оборудования гротов, где обитали мустьерцы, хотя подобные случаи зафиксированы исследователями в Западной Европе. В данном случае изучение открытых стоянок указывает на то, что люди не только умело выбирали удобные места поселений, но строили жилища, используя для этого крупные кости мамонта, включая, прежде всего бивни и прочие крупные кости этого животного. Последние они собирали преимущественно на речных отмелях, где застревали туши погибших и принесенных сюда рекой мамонтов. Важно отметить, что использование при сооружении жилищ крупных костей мамонта до сих пор выявлено только на небольшой территории в долинах Днестра и Прута. При чем — и на это следует обратить особое внимание — выявленные здесь комплексы каменных изделий соответствуют вариантам типичного мустье и микока, которые, тем не менее, очень близки между собой, отличаясь лишь количеством бифасов.

Нельзя исключать того, что речь тут может идти о едином варианте среднего палеолита. На это указывает не только абсолютное сходство каменных индустрий «восточного микока» и «типичного мустье», но то, что обильные бифасы появляются, как свидетельствует стратиграфия стоянки Рипичени-Извор, только после 45 тыс. л. н. К тому же, если принять во внимание, что в окрестностях стоянок Кетросы и Рипичени-Извор в изобилии имелись крупные камни, которые не менее удобны при сооружении жилищ, чем кости мамонта, то очевиден пример специфического культурного выбора. Он указывает на особую значимость именно этого животного для мустьерцев региона.

Важно учитывать, что на изучаемой территории представлены разнообразные объекты, включая местонахождения с подъемными материалами. Собирая информацию о региональном среднем палеолите, мы следуем распространенному правилу рассматривать в качестве опорной единицы не отдельный памятник, а осваиваемый популяциями плейстоценовых охотников-собирателей регион с разнофункциональными стоянками (Васильев, 1997: 99).

Разумеется, предложенная здесь модель адаптации не является универсальной. Она соответствует именно данному региону, который представляет собой холмистую равнину, разрезанную двумя крупными реками и их притоками. Центральная часть междуречья пересекается многокилометровым известняковым массивом, в котором имелись скальные убежища (гrotы, пещеры и навесы). Во многих из них найдены стоянки мустьерских людей. Северная и северо-западная окраины региона сравнительно близко примыкали во время оледенений к регионам с экстремальными природными условиями «приполярных пустынь», расположенных вдоль окраин материковых ледников. Напротив, южной окраиной было Черное море, где природные условия были значительно мягче. Это не только существенно влияло на климат, но и создавало необходимое разнообразие природных условий, способствовавшее сезонным миграциям стад копытных животных. В иных природных условиях действовали иные модели адаптации.

Например, если обратить внимание на территорию Франции с многочисленными, разнообразными и часто хорошо изученными палеолитическими памятниками, где пещеры и гrotы были широко распространены почти по всей территории страны, то основными типами поселений являлись именно пещерные стоянки. В частности, если принять за образец такой многослойный памятник среднего палеолита, как гrot Комб-Греналь, где выделено 55 мустьерских слоев с каменными индустриями основных вариантов мустье (Bordes et al., 1966), то там выявляется любопытная закономерность чередования бедных культурных слоев с чрезвычайно насыщенными, указывающими на то, что в гrotе порой обитало весьма многочисленное население. Вероятно, именно эти поселения можно рассматривать в качестве базовых. Здесь мы имеем совершенно иную модель адаптации, в большей мере характерную для южных территорий, преимущественно горных.

Без сомнения, в разных ландшафтно-природных зонах мы будем сталкиваться с различными моделями, хорошо приспособленными к конкретным природным условиям. Все это показывает, что мустьерское общество было довольно хорошо организованным и прекрасно адаптировалось к нестабильным природным условиям своего времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стоянка Кетросы является в настоящее время одним из наиболее ранних памятников мустьерского времени с обоснованной геохронологией. Для относительной геохронологии важно положение основного культурного слоя в кровле пойменного аллювия террасы, которая сопоставляется геологами со II надпойменной террасой Днестра. В этом плане весьма выразителен и перекрывающий почвенный комплекс, который надежно датируется брерупским интерстадиалом. В таком случае данный разрез является сейчас наиболее показательным разрезом Восточной Европы. Комплексное изучение его многометровых четвертичных отложений было осуществлено на рубеже 1970–1980-х гг. научным коллективом специалистов высокого уровня.

Кремневая индустрия основного культурного слоя, бесспорно, относится к варианту типичного мустье, которое в широком смысле аналогично западноевропейскому. Однако существенно отметить, что в выделенных археологических комплексах, скорее всего, одновременных, прослеживаются некоторые черты различий, как в технологии первичного расщепления и технике вторичной отделки, так и в формах каменных орудий. Можно выделить две отчетливых группы, из которых первая соответствует археологическому комплексу I, а вторая — комплексам II и III. Также отмечается различие и в формах жилых структур. Правда, оба комплекса все же соответствуют вариантам типичного мустье, из которых один сопоставим с леваллуа-мустье, а во втором (II+III), относящемся к нелеваллуа, присутствуют некоторые микокские формы. Наиболее яркой из них является частично двустороннее скребло сегментовидной формы, полные аналогии которой имеются во всех слоях Рипичени-Извор. Насколько существенны эти различия между сопоставляемыми мустьерскими комплексами из Кетрос и Рипичени-Извор — на этот вопрос сейчас трудно ответить однозначно.

Вариант типичного мустье, обнаруженный в основном слое стоянки Кетросы, имеет определенное сходство не только с индустриями соседних местонахождений — южного комплекса Кишлянского яра и Стинки-Дарабаны, но также, если иметь в виду первый комплекс — с молодковским леваллуа-мустье, включая выразительную коллекцию Пронятина. В свою очередь, южный комплекс Кишлянского яра наиболее близок материалам из горизонтов IV–V известного палеолитического памятника Королево I в Закарпатье, на что уже обращали внимание украинские коллеги (Кулаковская, 1989). Это сходство позволило предложить вариант развития леваллуа-мустье в Приднестровье по линии Королево — Кишлянский яр (юг) — Кетросы — молодковское леваллуа-мустье. В данном случае единая линия развития прослеживается на огромном отрезке времени — от рисса до первой половины среднего вюрма (КИС 3), т. е. для периода от 150 тыс. л. н. до 50 тыс. л. н. Каменная индустрия стоянки Кетросы занимает здесь промежуточное положение, располагаясь в самом начале вюрма.

Предполагалось, что предки молодковского леваллуа-мустье проникли на Днестр с территории Закарпатья. Однако эта гипотеза подверглась сомнению в связи с новыми и важными находками А. С. Сытника в Подолии и на верхнем Днестре. Этому ученому удалось выявить целый пласт леваллуазских индустрий на территории прежнего «белого пятна». Среди открытых здесь памятников особое место занимает Великий Глыбочек с выразительной леваллуазской индустрией, происходящей из отложений рисского времени (Ситник, 2000). Важно отметить, что, на мой взгляд, эта индустрия заметно отличается от одновременного ему среднего палеолита Закарпатья. Эти данные несколько усложнили восприятие прежде сформулированной проблемы происхождения молодковского леваллуа-мустье, хотя и придали пониманию этого развития новый импульс.

Очень интересно, что во всех комплексах основного слоя стоянки Кетросы выявлены четкие жилые структуры при их сооружении которых использовались крупные кости и бивни мамонта. Они хо-

рошо дополняют прежде известные источники о строительстве в мустьерское время жилищ с использованием многочисленных костей мамонта, ранее обнаруженные на молодовских стоянках и на стоянке Рипичени-Извор. В этом случае на ограниченной по площади территории междуречья Днестра и Прута выявляется некое культурное единство, уникальное в мировом палеолитоведении, носители которого широко использовали кости мамонта для строительства жилищ. Судя по ряду показателей, включая разную сохранность костей, а также приуроченность поселения к обширной (явно древней) отмели на берегу Днестра, эти специально отобранные кости и бивни мамонта были собраны на берегу реки, непосредственно на отмели.

Однако учитывая единичную находку трубчатой кости мамонтенка, несомненно бесполезную при домостроительстве, можно предположить, что, по крайней мере, часть костей могла принадлежать убитым на охоте мамонтам. На это косвенно указывает находка костей скелета взрослого мамонта на противоположном, очень крутом правом склоне Кишлянского яра. Тем не менее, эти факты, указывают лишь на то, что в мустьерское время не было специализированной охоты на мамонта, предполагавшейся некоторыми исследователями. Охота велась спорадически.

Существенно, что жилые структуры стоянки Кетросы, обнаруженные в прекрасно сохранившемся культурном слое, имели небольшие размеры, позволяя в предварительном плане представить самую мелкую социальную ячейку мустьерского общества. Это обстоятельство дало повод вернуться к старой идее Г. П. Григорьева о наличии в мустье парной семьи. С другой стороны, наличие жилых структур, при сооружении которых были использованы огромные бивни и крупные кости мамонта, явно указывает на существование между людьми достаточно прочных взаимных связей, позволявших им сообща проводить эту весьма сложную и трудоемкую работу.

Наличие разнообразных признаков в типах и структурах стоянок среднего палеолита, их приуроченность к разным формам рельефа, дают право предложить некоторые объяснения к приемам их адаптации к суровым условиям позднего плейстоцена. Так совершенно очевидно, что место стоянки Кетросы было выбрано с учетом ряда важнейших факторов. Она расположена в боковой долине небольшого притока основной реки, позволяя контролировать осенние миграции бизонов и лошадей, которые проходили по речной пойме Днестра. Не исключено, что имеющийся и в наше время брод, расположенный недалеко (несколько выше по течению) от Кишлянского яра, существовал и в мустьерское время. В этом случае бродом пользовались стада копытных животных, которые двигались с севера (т. е. с верховьев реки) на юг (в сторону Черного моря), переходя с левого низкого берега на правый — высокий. Нельзя исключать того, что часть мигрирующих животных поднималась по подобным правобережным притокам на просторы междуречья. В это осеннее время по долине проносились холодные вихри, проникавшие даже в боковые долинки. Мустьерцы были вынуждены организовывать свои поселения с учетом этого фактора.

Наиболее вероятной моделью жизнедеятельности общин этого времени являлась, как можно заключить по имеющимся источникам, ярко выраженная сезонность, тесная взаимосвязь с особенностями годовой изменчивости природной среды. В этом плане образ жизни региональных неандертальцев мало чем отличался от образа жизни современных людей недалекого прошлого, обитавших в достаточно суровых природных условиях с ярко выраженными сезонными изменениями.

В целом, наши материалы подтверждают широко распространенную сейчас точку зрения о превосходной адаптированности неандертальских социумов к сложным природным условиям своего времени. Эту мысль хорошо и емко изложил известный российский палеолитовед Л. Б. Вишняцкий в своей книге «Неандертальцы: история несостоявшегося человечества»: «Да, неандертальцам, по нашим меркам, жилось несладко, а временами приходилось и совсем туго, но те тяготы, лишения и опасности, которые выпали на их долю, не были чем-то совершенно исключительным, не имеющим аналогий в последующей истории человечества. Более того, на протяжении десятков тысяч лет они вполне успешно — не менее успешно, чем верхнепалеолитические или неолитические гомо сапиенс — справлялись со всеми задачами, которые ставила перед ними жизнь, и любые тяготы оказывались им по плечу. А все потому, что они были людьми, и у них, как и у нас, была такая вещь, как культура» (Вишняцкий, 2010а: 120).

Материалы стоянки Кетросы также позволяют проследить весьма интересные и значимые моменты развития культуры мустьерцев. Эта стоянка в настоящее время является одним из важнейших геоархеологических памятников Европы. Можно надеяться, что дальнейшие раскопки дадут новую и ценнейшую информацию, которая существенно расширит и дополнит приведенные в книге материалы, как по палеогеографии позднего плейстоцена, так и по истории культуры ископаемого человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З. А., Григорьева Г. В. 1997.** Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3 СПб. 149 с. (Археологические изыскания. Вып. 29).
- Агаджанян А. К. 1982.** Мелкие млекопитающие из разреза стоянки Молодова 1 // Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 154–171.
- Амирханов Х. А., Лев С. Ю. 2004.** Зарайская стоянка: проблемы стратиграфии и структуры поселения в свете раскопок последних лет // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж: Истоки. С. 81–82.
- Аникович М. В. 1994.** Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // АВ. № 3. СПб. С. 144–157.
- Аникович М. В. 2010.** Человек и мамонт в центре Русской равнины. Охота? Собирачество? Или?.. // Проблемы археологии Евразии. Сб. статей. К 60-летию Х. А. Амирханова. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 152–170.
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К. 1995.** Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы // Первое международное мамонтовое совещание. Тезисы докладов. СПб. С. 597.
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. 2007.** Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История. 335 с. (ТКБАЭ. Вып. 5).
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И. 2010.** Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы // SP. № 1. Неандертальцы — альтернативное человечество. С. 99–136.
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И. 2011.** Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы. Вып. 1. Историография, методология, основные проблемы. СПб.: Нестор-История. 128 с. (ТКБАЭ. Вып. 6/1).
- Анисюткин Н. К. 1968.** Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов // АСГЭ. № 10. С. 5–8.
- Анисюткин Н. К. 1971.** Мутье Пруто-Днестровского междуречья. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л. 26 с.
- Анисюткин Н. К. 1978.** Варианты среднего палеолита Приднестровья (стинковская культура) // АСГЭ. № 19. С. 5–21.
- Анисюткин Н. К. 1981.** Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 7–53.
- Анисюткин Н. К. 1998.** Ручные рубила с территории Приднестровья. Изучение раннего палеолита Старого Света: к 80-летию В. П. Любина. СПб.: ИИМК РАН. С. 33–38.
- Анисюткин Н. К. 2001.** Мустьерская эпоха на Юго-Западе Русской равнины. СПб.: Европейский дом. 310 с.
- Анисюткин Н. К. 2002.** Проблема мустьерских жилищ с использованием многочисленных костей мамонта // АВ. № 9. СПб. С. 11–23.
- Анисюткин Н. К. 2005.** Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на Юго-Западе Восточной Европы. СПб. 186 с. (ТКБАЭ. Вып. 2).
- Анисюткин Н. К. 2009.** Средний палеолит Восточного Прикарпатья накануне появления верхнего палеолита: хронология, вариабельность, эволюция, структура поселений, образ жизни. Средний палеолит: в поисках динамики // SP. № 1. Культурная антропология. Археология. С. 123–186.
- Анисюткин Н. К. 2011.** Среднепалеолитическое дуруиторо-стинковское единство на юго-западе Русской равнины // SP. № 1. На языке камня: от Днестра до Забайкалья. С. 237–258.
- Анисюткин Н. К., Борзьяк И. А., Кетрару Н. А. 1986.** Первобытный человек в гротах Тринка I—III. Кишинев: Штиинца. 128 с.
- Астахов С. Н. 1999.** Древний палеолит Японии. СПб.: ИИМК РАН. 80 с.
- Беляева В. И. 2002.** Палеолитическая стоянка Пушкири 1 (характеристика культурного слоя). СПб.: СПбГУ. 156 с.
- Беляева Е. В. 1998.** О перспективах типологии в изучении мустьерских орудий // Изучение раннего палеолита Старого Света: к 80-летию В. П. Любина. СПб.: ИИМК РАН. С. 41–52.
- Беляева Е. В. 1999.** Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). Труды ИИМК РАН. Т. 1. Палеолит Кавказа, кн. 2. СПб. 212 с.

- Березкин Ю. Е. 2003.** Археология и этнография Великих Равнин. Рец. на: *Handbook of North American Indians, Raymond J. Demallie, Volume Editor. Vol. 13, Parts 1–2. 1360 Pp. 2001. Washington: Smithsonian Institution* // АВ. № 10. С. 320–327.
- Богущий А., Ситник О., Дмитрук Р. 2003.** Стратиграфія пам'яток середнього палеоліту Поділля і Прикарпаття // Варіабельність середнього палеоліту України. Київ. С. 63–77.
- Болиховская Н. С. 1981.** Растительность и климат Среднего Приднестровья в позднем плейстоцене // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 103–124.
- Болиховская Н. С. 1995.** Эволюция лессово-почвенной формации Северной Евразии. М.: МГУ. 270 с.
- Бонч-Осмоловский Г. А. 1928.** К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий. // Человек. № 2–4. С. 147–186.
- Бонч-Осмоловский Г. А. 1940.** Грот КиикКоба (Палеолит Крыма. Вып. 1). М—Л. 225 с.
- Борзьяк И. А. 1976.** Рец. на: *M. Bitiri. Paleoliticul in Tara Oaşului. Bucureşti, 1972* // СА. № 2. С. 265–271.
- Борзьяк И. А. 1980.** Проблема перехода от мустье к позднему палеолиту // Изв. АН Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца. С. 59–67.
- Борзьяк И. А. 2003.** «Стинковская культура» или преориньяк? // Варіабельність середнього палеоліту України. Київ. С. 123–129.
- Борзьяк И. А., Григорьева Г. В., Кетрару Н. А. 1981.** Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии. «Штиинца», Кишинев. 135 с.
- Борисковский П. И. 1989.** Палеолит Украины. МИА № 40. 464 с.
- Былинский Е. Н. 1989.** Объем микулинского межледникового и проблема корреляции микулинских морских трансгрессий на севере Европы и Черноморском побережье Кавказа // Четвертичный период. Палеогеография и литология. Кишинев: Штиинца. С. 32–39.
- Васильев С. А. 1997.** Использование этнографических данных для реконструкции верхнего палеолита в современной археологии // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. СПб.: МАЭ, ИИМК РАН. С. 98–100.
- Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гиря Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н. 2007.** Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское востоковедение. 264 с.
- Вишняцкий Л. Б. 2002.** Опыт ранжирования переходных и ранних верхнепалеолитических индустрий: предварительные результаты // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизации палеолитических культур. СПб: ООО АкадемПринт. С. 42–45.
- Вишняцкий Л. Б. 2010.** К вопросу о направленности культурных изменений в среднем палеолите (на примере Южной Африки). АВ. Вып. 16. С. 179–183.
- Вишняцкий Л. Б. 2010а.** Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб.: Нестор-История. 312 с.
- Гиря Е. Ю. 1997.** Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Часть 2. СПб.: ООО АкадемПринт. 198 с. (Археологические изыскания, вып. 44).
- Гладилин В. Н. 1976.** Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наукова думка. 230 с.
- Гладилин В. Н., Ситливый В. И. 1990.** Ашель Центральной Европы. Киев: Наукова думка. 268 с.
- Григорьев Г. П. 1972.** К методике установления локальных различий в палеолите // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л.: Наука. С. 14–17.
- Григорьев Г. П. 1977.** Типичное мустье в Восточной Европе // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Суздаль. С. 86–87.
- Григорьев Г. П. 1981.** Развитие классификации палеолита и восстановление общественного устройства по данным археологии // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.: Наука. С. 27–31.
- Григорьева Г. В. 1980.** Некоторые итоги изучения позднего палеолита в Молдавии // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев: Наукова думка. С. 71–82.
- Губин С. В. 1981.** Погребенные плейстоценовые почвы района палеолитической стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 93–103.
- Давид А. И. 1981.** Остатки млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 135–142.
- Деревянко А. П. 2009.** Заселение человеком Евразии в раннем палеолите // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы Международного симпозиума (6–12 сентября 2009 г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск. С. 5–28.
- Деревянко А. П., Маркин С. В. 1992.** Мустье Горного Алтая. Новосибирск: Наука, Сиб. отд. 224 с.
- Дзенискевич Г. И. 1988.** Экологическая адаптация в традиционной культуре северных атапасков // Экология американских индейцев и эскимосов. М.: Наука. С. 93–101.
- Замятнин С. Н. 1961.** Очерки по палеолиту. М., Л.: Изд. АН СССР. 176 с.

- Заповедники СССР. 1983.** Изд. 2. М.: Лесная промышленность. 248 с.
- Иванова И. К. 1959.** Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья. Палеолит Среднего Приднестровья // Палеолит Среднего Приднестровья. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Т. XI. С. 215–278.
- Иванова И. К. 1977.** Геология и палеогеография стоянки Кормань IV на общем фоне геологической истории каменного века Среднего Приднестровья // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М.: Наука. С. 126–181.
- Иванова И. К. 1981.** Геология и геоморфология окрестностей стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 59–80.
- Иванова И. К. 1982.** Геология и палеогеография мустьерского поселения Молодова 1 // Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 188–235.
- Иванова И. К. 1987.** Палеогеография и палеоэкология среды обитания людей каменного века на Среднем Днестре. Стоянка Молодова V // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М.: Наука. С. 94–123.
- Иванова И. К., Болиховская Н. С., Ренгарген Н. В. 1981.** Геологический возраст и природная обстановка мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 152–161.
- Кабо В. Р. 1969.** Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.: Наука. 408 с.
- Кабо В. Р. 1986.** Первобытная доземледельческая община. М.: Наука. 304 с.
- Кетрару Н. А. 1970.** Палеолитическая стоянка в гроте Бутешты // Охрана природы Молдавии. Вып. 8. Кишинев. С. 113–132.
- Кетрару Н. А. 1973.** Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР. 1. Кишинев: Штиинца. 176 с.
- Кетросы.** Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. 1981. М.: Наука. 167 с.
- Колесник А. В. 2003.** Средний палеолит Донбасса. Донецк. 294 с.
- Колосов Ю. Г. 1986.** Аккайская мустьерская культура. Киев: Наукова думка. 224 с.
- Колосов Ю. Г., Степанчук В. Н., Чабай В. П. 1993.** Ранний палеолит Крыма. Киев: Наукова думка. 223 с.
- Кулаковская Л. В. 1989.** Мустьерские культуры Карпатского бассейна. Киев: Наукова думка. 127 с.
- Кулаковська Л. В. 2003.** Середньопалеолітичні варіації на заході України // Варіабельність середнього палеоліту України. Київ. С. 10–31.
- Кухарчук Ю. В. 1994.** К проблеме дифференциации ножей и скребел // АА. № 3. Донецк. С. 71–85.
- Кухарчук Ю. В., Месяц В. А. 1991.** Ранний палеолит Украинского Полесья. Житомирская стоянка (мустье). Киев: Изд. АН УССР. 68 с.
- Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Холмовой Г. В. 2002.** Календарно—событийная стратиграфия позднего неоплейстоцена // Третье всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Материалы совещания. Том 1, Смоленск, С. 143–145.
- Левковская Г. М. 1981.** Палинологическая характеристика мустьерского культурного слоя стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 125–134.
- Любин В. П. 1965.** К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА. № 131. С. 7–75.
- Любин В. П. 1977.** Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука. 224 с.
- Любин В. П. 1989.** Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии (сер.: Палеолит мира). Л.: Наука. С. 9–142.
- Любин В. П., Барышников Г. Ф. 1985.** Охотничья деятельность древнейших (ашело-мустьерских) обитателей Кавказа // КСИА. Вып. 181. С. 5–9
- Марков К. К., Величко А. А. 1967.** Четвертичный период. Том 3: Материки и океаны. М.: Недра. 440 с.
- Массон В. М. 1996.** Палеолитическое общество Восточной Европы (вопросы палеоэкономики, культурогенеза и социогенеза). СПб.: ИИМК РАН. 71 с.
- Матюхин А. Е. 1977.** Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. Л.
- Матюхин А. Е. 1983.** Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука. С. 134–187.
- Мотуз В. М. 1981.** Фауна моллюсков четвертичных отложений Кишлянского яра и его экология // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 143–151.
- Нгуен Кхак Ши. 1982.** Культура Шонви и ее место в каменном веке Юго-Восточной Азии // СА. № 3. С. 5–12.
- Нехорошев П. Е. 1999.** Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский Дом. 170 с.
- Праслов Н. Д. 1968.** Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья. МИА. № 157. Л.: Наука. 154 с.

- Праслов Н. Д. 1984.** Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.: Наука. С. 94–134 (сер. Археология СССР).
- Пясецький В. К. 2005.** До проблеми стратиграфії палеоліту (Поділля, Прикарпаття, Волинь, Крим) // Кам'яна доба України. Вип. 7. Київ: Шлях. С. 40–61.
- Ренгартен Н. В. 1981.** Состав и условия образования четвертичных отложений Кишлянского яра // Кетросы. Мустьерская стоянка на среднем Днестре. М.: Наука. С. 80–93.
- Рогачев А. Н. 1983.** Вместо предисловия // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука. С. 191–195.
- Семенов С. А. 1983.** Введение // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука. С. 3–8.
- Сергин В. Я. 2010.** Следы жилых сооружений на среднепалеолитических памятниках Восточной Европы // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала. С. 191–207.
- Ситливиий В., Ситник О. 2002.** Кормань IV: технологія мустьєрської індустрії // Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. Том 244. Львів. С. 410–434.
- Ситник О. С. 2000.** Середній палеоліт Поділля. Львів. 371 с.
- Ситник О., Кулаковська Л., Усик В., Женест Ж–М., Менья Л., Богуцкий А., Езарц П. 2007.** Молодове V: дослідження мустьєрських поселень у 1998–1999 роках. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 11, Львів. С. 136–179.
- Сытник А. С. 2011.** Среднепалеолитические комплексы стоянки Кормань IV на Днестре. // SP. №1. На языке камня: от Днестра до Забайкалья. С. 203–236.
- Смирнов С. В. 1973.** Палеолит Дніпровського Надпоріжжя. Київ: Наукова думка. 172 с.
- Сулейманов Р. Х. 1972.** Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент. 172 с.
- Степанчук В. Н. 1999.** Утонченные изделия в леваллуазской индустрии Пронятина. Западная Украина // АА. № 8. Донецк. С. 193–196.
- Степанчук В. Н. 2002.** Поздние неандертальцы Крыма. Киик-кобинские памятники. Киев: Стилос. 216 с.
- Степанчук В. Н. 2006.** Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы. 464 с.
- Усик В. И. 2003.** Варианты метода леваллуа среднепалеолитических индустрий Украины (по материалам ремонтажа) // Вариабельність середнього палеоліту України. Київ. С. 32–44.
- Усик В. И. 2009.** Метод леваллуа индустрий среднего и начала верхнего палеолита, аспекты технологии и развития (по материалам запада Украины) // SP. № 1. Средний палеолит: в поисках динамики. С. 103–122.
- Формозов А. Н. 1969.** О фауне палеолитических стоянок Европейской части СССР // Природа и развитие первобытного общества. М.: Наука. С. 69–74.
- Тарасов Л. М. 1977.** Мустьерская стоянка Бетово и ее природное окружение // Палеоэкология древнего человека. М.: Наука. С. 18–38.
- Тихонов А. Н. 2005.** Мамонт (серия: Разнообразие животных). М., СПб.: Т-во научных изданий КМК. 90 с.
- Чабай В. П. 2003.** Крым в контексте вариабельности среднего палеолита Восточной Европы. // Вариабельність середнього палеоліту України. Київ. С. 78–105.
- Чабай В. П. 2004.** Средний палеолит Крыма. Симферополь: Шлях. 324 с.
- Черныш А. П. 1965.** Ранний и средний палеолит Приднестровья. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. XXV. М.: Наука. 138 с.
- Черныш А. П. 1977.** Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 7–77.
- Черныш А. П. 1982.** Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I // Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 6–102.
- Черныш А. П. 1987.** Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. М.: Наука. С. 7–93.
- Черныш А. П. 1989.** О мустьерских жилищах и поселениях // Каменный век, Киев: Наукова думка. С. 72–80.
- Щелинский В. Е. 1974.** Производство и функции мустьерских орудий. Автореф. дисс. ... канд. историч. Наук. Л.
- Щелинский В. Е. 1981.** Виды использования каменных орудий из мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука. С. 53–58.
- Щелинский В. Е. 1983.** К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука. С. 72–133.
- Щелинский В. Е. 1992.** Функциональный анализ орудий труда нижнего палеолита Прикубанья (вопросы методики) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Адыгея. С. 194–209.
- Щелинский В. Е. 2001.** Проблема функциональных различий мест обитания людей в среднем палеолите на Русской равнине // Каменный век Европейских равнин. Материалы Международной конференции. Сергиев Посад 1–5 июля. Сергиев Посад. С. 15–29.
- Цвейбель Д. С. 1971.** Стоянка с «зубчатым мустье» у с. Белокузьминовка на Донеччине // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев: Наукова думка. С. 51–76.

- Bordes F. 1950.** Principes d'une méthode d'étude des techniques de débitage et de la typologie du Paléolithique ancien et moyen // *L'Anthropologie*. T. 54. P. 19–34.
- Bordes F. 1961.** Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Mem.1. Bordeaux. 85 p.
- Bordes F. 1981.** Vingt-cinq ans apres: la complexe Mousterien revisite // *BSPF*. T. 78, n. 3, Paris.
- Bordes F., Bourgon M. 1951.** Le complexe Mousterien: Mousterien, Levalloisien et Tayacien. // *L'Anthropologie*. T. 55, Paris. P. 1–23.
- Bordes F., Laville H., Paquereau M.-M. 1966.** Observations sur le Pleistocene du gisement de Combe-Grenal // *Actes de la Société linnéenne de Bordeaux*. T. 103. Ser. B., n. 10. P. 3–19.
- Bordes F., Sonnevile-Bordes D. 1970.** The significance in Palaeolithic assemblages // *World Archaeology*. London. Vol. 2, № 1. P. 61–73.
- Bosinski G. 1967.** Die Mittelpaläolithischen Funde im Westlichen Mitteleuropa. *Fundamenta Reihe A/4*. 206 s.
- Bourgon M. 1957.** Les industries moustériennes et pre-moustériennes du Périgord // *Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine*. Memoire 27. 141 p.
- Brézillon M. 1967.** Dictionnaire de la Préhistoire // *Dictionnaires de l'Homme du XX siècle*. Librairie Larousse. Paris.
- Chirica V., Borzic I. 2005.** Gisements du Paléolithique inférieur et moyen entre le Dnestr et la Tissa. "Helios", Iasi. 385 p.
- Collins D.M. 1968.** Metrischer und typologischer Bewais für die Selbstständigkeit der Kulturtraditionen des Acheulien und Clactoniens in England und Deutschland // *Jahresschrift mitteldeutsche Vorgeschichte*. 52. Halle/Saale. S. 27–38.
- Combier J. 1967.** La Paléolithique de la Ardeche dans son cadre paléoclimatique. Mem. 4, Bordeaux. 463 p.
- Gamble C. 1986.** The Palaeolithic settlement of Europe. Cambridge. 471 p.
- Henri-Martin G. 1957.** La grotte de Fontchevade // *Archives de l'Institut de paléontologie Humaine*. Memoire 28. Paris. 288 p.
- Hoffecker J. 2002.** Desolate landscapes. Ice–Age Settlement in Eastern Europe. New Brunswick, New Jersey. 299 p.
- Joris O. 2003.** Zur chronostratigraphischen Stellung der spatmittelpaläolithischen Keilmessergruppen // *Bericht der römisch-germanischen Kommission*. Band 84. Mainz am Rhein. 153 s.
- Irwin H.J., Irwin C.C. 1959.** Excavations at the LoDaiska Site in the Denver, Colorado, Area. // *Proceedings*, Number 8. Denver museum of Natural History. Denver, Colorado. 156 p.
- Kelley H. 1954.** Contribution a l'etude de la technique de la Levalloisienne // *BSPF*, 51, № 3–4. Paris. P. 149–169.
- Kozlowski J.K. 1995.** La signification des "outils foliacées" // *Paleo-Supplement*. № 1. Les industries a pointes foliacées d'Europe Centrale. Actes du Colloque de Miscolc. P. 91–99.
- Lanczont M., Kusiak S., Bogutckyi A., Sytnyk O. 2009.** TL age of loess deposits in the Yezupil I Palaeolithic site on the upper Dniester river (Ukraine) // *Geologija*. Vol. 51, n. 3–4 (67–68). Vilnius universitetas. P. 88–98.
- Lumley Henry de. 1972.** La grotte de l'Hortus // *Etudes Quaternaires*. Memoire № 1. Marseille. 668 p.
- Maillo-Fernandez J. M., Garralda M. D., Bernaldo de Quiros F., Sanchez-Fernandez G. 2011.** The middle-upper Palaeolithic transition in the Cantabrian region (a Mosaik Model). // *Characteristic features of the Middle to Upper Paleolithic transition in Eurasia. Proceedings of the International Symposium «Characteristic features of the Middle to Upper Paleolithic transition in Eurasia: Development of Culture and Evolution of Homo Genus» (July 4–10, 2011, Denisova Cave, Altai)*. Novosibirsk. P. 135–149.
- Mania D., Toepfer V. 1973.** Königsau. Gliederung, Ökologie und mittelpaläolithische Funde der letzten Eiszeit. Berlin. 164 s., 73 Taf.
- Păunescu A. 1988.** Chronologie du Paleolithique moyen en Roumanie dans le contexte de celui de l'Europe Centre–Orientale et Meridionale // *L'Homme de Neandertal*, vol. 1, La Chronologie, Liege. P. 73–80.
- Păunescu A. 1989.** Structures d'habitat moustériennes mises au jour dans l'établissement de Ripiceni-Izvor (Roumanie) et quelques considerations concernat le type d'habitat Paleolithique moyen de l'Est des Carpates // *L'Homme de Neandertal*. Vol. 6, Liege. P. 127–145.
- Păunescu A. 1993.** Ripiceni-Izvor. Paleolitic și mezolitic. Bucuresti. 227 p.
- Prošek F., Ložek V. 1954.** Stratigraphické otázky československého paleolitu // *Památky archeologické*. XLX. S. 35–69.
- Sampson C. G. 1976.** The Stone structures from Orangia, O.F.S. South Africa // *IX Congres. Colloques XI. Les structures d'habitat au Paléolithique moyen*. Nice, p. 7–34.
- Singer R., Wymer J., Wolf R. G. 1973.** Excavation of the Clactonian Industrie of the Golf Course. Clactonian-on-Sea Essex // *Reprinted from the Proc. of the Prehistoric Society*. Vol. 39. P. 6–73.
- Stepanchuk V., Sytnyk O. 1999.** The chaines opératoires of Levallois site Proyatyn, Western Ukraine // *Préhistoire Européen*. Vol. 13. P. 33–66.
- Valoch K. 1988.** Die Erforschung der Kulna-Hohle // *Antropos*, Band 24 (N.S. 16). S. 1–200, Brno. 320 s.
- Valoch K. 1993.** Les industries du Paleolithique moyen de Mamaia-Sat, Roumanie // *L'Anthropologie*, Tome 97, № 2–3, Paris. P. 239–264.
- Weber T., Schafer D. 1983.** Analytische Betrachtung und historische interpretation altpaläolithischer Artefaktkomplexe // *Zeitschrift für archäologie*, 17. Berlin. S. 1–30.

SUMMARY

The monograph presents the results of detailed investigations of the Mousterian site Ketrosy, located on the second terrace of the right bank of the Dniester River in the Khotyn district of the Chernivtsi region (Ukraine). The site is characterized by unique stratigraphy and excellent preservation of the main cultural layer. The remains of ancient dwellings are preserved in this layer built of large-sized rocks and numerous mammoth bones and tusks are of a particular interest.

In the late 1970s, Ketrosy was subject to comprehensive interdisciplinary research. In addition to the archaeologists, a team of geologists, lithologists, pedologists, palaeozoologists, and palynologists worked at the site and the results of their research were published shortly after completion of the excavations in a 1981 edited volume. The results of the archaeological analyses published in this volume were preliminary, however. Comprehensive study of the archaeological assemblages and comparative analyses with other European Middle Palaeolithic materials required more time. The final results of these analyses are presented here.

Four cultural layers were discovered at Ketrosy. The lowermost yielded a small assemblage assigned to the Micoquian industry. The overlying principal cultural layer contained a large quantity of artifacts and faunal remains. The industry may be firmly attributed to the Typical Mousterian, and is similar to the same industry of Western Europe. The uppermost two layers are characterized by isolated mammoth bones and artifacts of Middle Palaeolithic appearance; their cultural attribution remains problematic.

Buried in floodplain alluvium, the lowermost cultural layer probably was deposited during the Amersfoort interstadial. The overlying (main) cultural layer is associated with a well-developed buried soil (probably Brørup interstadial) and likely corresponds to MIS 5d (~105,000 years ago). The interval separating these layers appears to be comparably brief. The dating of the upper two layers is problematic; they may be tentatively assigned to the Moershoofd interstadial.

The technological-morphological analysis of artifacts in this paper follows the methodology developed by François Bordes. Technological indices of the Bordes system, such as the index of Levallois, index of faceting and blades, supplemented by the “Clactonian” index and the index of “massiveness”, etc., were applied to the Ketrosy lithic technology. These indices may be determined on the basis of quantitative measurements that are not influenced by subjective bias of the individual researcher.

Unfortunately, systematic analysis of Palaeolithic technology has become less common and perhaps even disdained among archaeologists. The trend seems likely to lead the discipline back to the early years of the previous century, when the principle of the “index fossil” was applied to assemblages, and analyses of the latter reflected an unsystematic and inconsistent approach. In recent years, many authors have substituted an a priori model for the archaeological data that pertain to a given Palaeolithic industry.

While Bordes’ system may be considered obsolete by some, it provides the most reliable basis for drawing inferences about the spatial and temporal subdivisions within the lithic industries of the Middle Palaeolithic. Its rejection inevitably leaves researchers with the antiquated notion of a uniform Mousterian. Past experience reveals that Bordes’ method, although based on West European materials, is applicable not only to Eastern Europe, but also more remote regions.

The Typical Mousterian assemblage recovered from the main layer of Ketrosy exhibits some resemblance to those of neighbouring sites including the southern complex of Kishlyansky Yar¹ and Stinki-Darabani; as well as (in reference to the first complex) the Molodovan Levallois-Mousterian, including the diagnostic collection from Pronyatin. The southern complex of the Kishlyansky Yar is in turn similar to the materials of levels IV–V

¹ “Yar” is a steep bank.

of the well-known Palaeolithic site Korolevo I (Transcarpathia). Accordingly, the following sequence of development may be suggested for the Levallois-Mousterian in the region: Korolyovo — (southern complex) Kishlyansky Yar — Ketrosy — Molodovan Levallois-Mousterian. A common thread of development may be observed over an extended period of time: from the Riss until the first half of the Middle Würm (OIS 3), i.e. from 150 to 50 thousand years ago. The Ketrosy industry falls in the middle of the sequence, because it dates to the beginning of the Würm.

The Molodovan Levallois-Mousterian of the Dniestr is thought to have been derived from the Transcarpathian region. This view has been undermined, however, by discoveries in Podolia and in the Upper Dniestr, where Sitnik (2000) encountered a Levallois industry in a region where previously it had been unknown. Among the sites in this region, Velykyi Glybochok is especially significant because it yielded a Levallois industry in deposits dating to the Riss. Moreover, this industry differs notably from that of the Transcarpathian Middle Palaeolithic. The new discoveries further complicated the picture of Molodovan Levallois-Mousterian origins, even while they shed new light on the problem.

The main occupation layer of Ketrosy contains clear traces of dwelling structures composed of mammoth bones and tusks. Middle Palaeolithic sites with the remains of dwellings constructed from mammoth bone and tusk are concentrated in a small region along the valleys of the Dniester and Prut. Four are known to date, including Molodova I and V, Ketrosy and Ripicheni-Izvor. The industries of these sites are similar and, in the aggregate, they represent a unique cultural phenomenon in the Middle Palaeolithic.

The results of the Ketrosy excavations expanded the small database pertaining to Mousterian dwelling structures comprising mammoth bones. Combined with the traces of dwellings at the Molodova sites and Ripicheni-Izvor, they suggest a local cultural tradition within the Prut-Dniestr interfluvium typified by the use of mammoth bones and tusks to construct dwellings. Within the framework of the Middle Palaeolithic, the unique character of the phenomenon should be globally recognized. The taphonomic characteristics and spatial distribution of the bones, which exhibit variable degrees of preservation and are found concentrated in a small area on a former sand bar, suggest that most of them were not the products of hunting, but more likely were collected and sorted by the occupants of the site.

On the other hand, the presence of an isolated longbone of an infant mammoth, which probably was of little use for dwelling construction, probably indicates that some of the mammoth remains reflect hunting. The discovery of an adult mammoth skeleton on the opposite (steep) bank of Kishlyansky Yar also indirectly points to hunting. Nevertheless, the overall picture is not one of specialized mammoth hunting, but rather of more sporadic and perhaps opportunistic mammoth kills.

The small size of the Ketrosy dwellings suggests that they were constructed to house the smallest social unit in Mousterian society. These observations gave reasons to revert to the G.P. Grigoriev's idea about Mousterian nuclear family. At the same time, the physical demands of constructing dwellings from large mammoth bones and tusks suggests wider cooperative networks. The recent analysis of ancient DNA from the remains of a group of Neanderthals in a Spanish cave (El Sidrón) indicates a mating network similar to that of modern humans.

Several factors likely influenced the choice of site location. Ketrosy is quiet and sheltered, hidden in a small tributary valley of the Dniestr River. It nevertheless provides a view of the surrounding area, and probably allowed its occupants to observe the movements of bison and horse in the autumn, as they crossed the floodplain. At the same time, exposure to cold autumn winds at the site may account for the construction of the shelters of mammoth bone and tusk.

The analysis of various types of Middle Palaeolithic sites in the Prut-Dniester interfluvium in the context of their topographic setting and internal site structure provides a basis for inferences about the adaptations of local Middle Palaeolithic groups to the relatively harsh environmental conditions of the late Pleistocene. The occupations most probably were seasonal in nature and tied closely to local environmental factors. In this respect, the life-ways of the local Neanderthal population probably were similar to those of recent hunter-gatherer peoples who occupied comparable environments, characterized by extreme seasonal variability. The results from Ketrosy underscore the ability of the Neanderthals to adapt to severe climate conditions.

ILLUSTRATIONS

Fig. 1 Index map of location of main Mousterian sites of the Eastern Europe. 1 — Dniester group; 2 — Ripicheni-Izvor; 3 — Crimea group; 4 — Il'skaya I and II; 5 — Sukhaya Mechiotka; 6 — Desna group; 7 — Priazovia group.

Fig. 2 Distribution map of main sites of Middle and Initial Upper Palaeolithic sites of Dniester-Prut interfluvium. 1 — Stinka I, Osipka; 2 — Ketrosy, Shipot I and II, Kishlyansky Yar; 3 — Molodova I and V; 4 — Korman' IV; 5 — Khorobra; 6 — grotto Ofatintsi (Vykhvatyntsi); 7 — Bobuleshti V and VI; 8 — grotto Buteshti; 9 — grotto Starie Duruitori; 10 — Mersyina; 11 — grotto Buzdugeni; 12 — grotto Trinko I, II and III; 13 — Yarovo; 14 — Ripicheni-Izvor; 15 — Mitoc-Malu Galben.

Fig. 3 Geomorphological scheme of location of Ketrosy site in Dniester's valley (acc. to I.K. Ivanova). Arbitrary notations: 1 — terraces VII-VIII; 2 — terrace VI (above the canyon); 3 — terraces V-I. 4 — reef chain (Toltrele Prutului)

Fig. 4 Middle Palaeolithic sites of Kaplevsky Yar and Kishlyansky Yar

1 — diagrammatic layout. Arbitrary notations: 1 — excavation areas I and II; 2 — geological sections (1 — Stone quarry, 2 — Kishlyansky Yar); 3 — Palaeolithic sites (1 — Kishlyansky Yar; 2 — Stinka-Darabani; 3 — Shipot I and II; 4 — Shipot III); 4 — scarp slopes.

2 — View from the southwestern point of excavation area II on the river Dniester, mouth of Kishlyansky Yar (spacious sand bar is noticeable), and area destroyed by the quarry.

Fig. 5 Excavations of Ketrosy site.

1 — Excavation area overall view from the surface of high terrace (from the east).

2 — plan of excavation areas.

Fig. 6 Excavation area I of Ketrosy site: analysis phases.

1 — plan of excavation area.

2 — section of the western wall of excavation area I.

Arbitrary notations: 1 — sod layer and thin humic horizon; 2 — dun lumpy loam; 3 — drab limy loam; 4 — slightly humous loam; 5 — highly humous loam; thin sand interlayers; 7 — dun loam; 8 — brown loam with a greenish tinge; 9 — sandy loam with rock debris and pebble; 10 — mole-courses; 11 — humous interlayers.

Fig. 7 Sections of Ketrosy site and Stone quarry.

1 — Sections of excavation areas of Ketrosy site (acc. to I.K. Ivanova).

Arbitrary notations: 1 — sod layer and humic horizon; 2 — dun loam; 3 — light-yellowish loams; 4 — drab loams rich in pseudomycelium; 5 — slightly humous brownish loam; 6 — humous interlayer; 7 — highly humous dark-grey loam; 8 — thin interlayers and lenses of sandy material; 9 — brownish loam; 10 — grey-brownish loam with a greenish tinge; 11 — rock debris and pebble in limy loam; 12 — sampling point for substance analysis; 13 — selection for washing; 14 — sampling for sporo-pollen analysis; 15 — sampling for sporo-pollen analysis by G.M. Levkovskaya; 16 — cultural layer. 2 — Deposits sections of Stone quarry (acc. to N.V. Rengarten)

Fig. 8 Section of excavation area I (acc. to N. V. Rengarten)

Arbitrary notations: 1 — rock debris and pebble in limy clay; 2 — sandy gravel of carbonaceous rock; 3 — greenish clay with rock debris; 4 — dun loam with occasional rock debris; 5 — dun loams with thin sand bands; 7a,b — dun buried soils (the colour density is shown by hatching frequency); 7a,b — buried and Holocene soils of dark-grey (a) and dark-grey verging on black (b) colours; 8 — loess-like loams.

Fig. 9 Palynological diagram of Pleistocene deposits, discovered in excavation area I (acc. to N. S. Bolihovskaya). Arbitrary notations: 1 — arboreal and nonarboreal pollen; 2 — nonarboreal pollen; 3 — spores.

Fig. 10 Palynological diagram of Pleistocene deposits, discovered in excavation area II (acc. to N. S. Bolihovskaya). Arbitrary notations: 1 — arboreal and nonarboreal pollen; 2 — nonarboreal pollen; 3 — spores.

- Fig. 11** Dynamics of the climate events for the past 120 thous. years.
Arbitrary notations: H 1-6 — Heinrich events; 1-25 Dansgaard—Oeschger events (acc. to Stepanchuk, 2006); A — presumed geochronological position of alluvial layer of Ketrosy site; B — presumed geochronological position of the main layer of the site.
- Fig. 12** Correlation table of Upper Pleistocene of Ukraine and chronological position of the main cultural layer of Ketrosy site.
- Fig. 13.** Location plan of findings in cultural layers of excavational area I: the top part shows cultural layer of the middle buried soil, the bottom part shows the main cultural layer.
Arbitrary notations: 1 — flakes, blades and flint chips; 2 — cores; 3 — tools; 4 — animal bones; 5 — rocks and pebbles; 6 — charcoal and bone-black.
- Fig. 14.** Excavation area I. Element of roof strapping at grids Д, Е-9, 10.
 1 — presumed strapping details: lower jaw of a mammoth with adjoined cylindrical bone.
 2 — overall view during the clearing.
- Fig. 15** Structural objects from excavational area I.
 1 — presumed component of roof strapping at grid Ж-8.
 2 — the beginning of clearing the bone concentration at grid И-7,8: a distinctive line of findings is being detected.
- Fig. 16** Scatter of flint tools at grid E-10, 11.
- Fig. 17** Mammoth bones concentration at the top of cultural layer (excavation area of 1975). Cleared tusk lying at the base of cultural layer (grid И-10, 11).
- Fig. 18** Mammoth tusk (grid И-8,9) lying at the base of cultural layer (on the floor of the dwelling). The surface of the tusk is recorded by findings of flint tools and bone fragments. The findings from the floor are marked by the arrows.
- Fig. 19** Excavation area I.
 1 — section of cultural layer along the Ж-line.
Arbitrary notations: 1 — rubbles; 2 — bones; 3 — lithic tablets; 4 — flint artifacts; 5 — mammoth tusk.
 2 — section of cultural layer along the line 10.
- Fig. 20** Excavation area II.
 1 — sequence of the analysis phases.
 2 — section of the southern wall of excavation area.
Arbitrary notations: 1 — Holocene layer; 2 — dun loam; 3 — drab limy loam; 4 — humous interlayer; 5 — slightly humous loam; 6 — limy concretion; 7 — intensively humous bands; 8 — sandy interlayers; 9 — loam of a yellowish-brown colour; 10 — sandy loam with a greenish tinge; 11 — grid number; 12 — location of the main cultural layer.
- Fig. 21** Plan and section of excavation area II.
 1 — location plan of findings of the main cultural layers of excavational area.
 2 — section of cultural layer through the bone concentration.
Arbitrary notations: 1 — lithic tablets and fragments; 2 — flint tools; 3 — bones; 4 — mammoth tusks.
- Fig. 22** Excavation area II.
 1 — mammoth tusks in cultural layer. Top view.
 2 — tusks and massive bones in excavation area '1977, view from the north.
- Fig. 23** Excavation area II, main cultural layer.
 1 — section of cultural layer through the bone concentration along the lines C3-ЮВ.
 2 — main cultural layer at X-III — X-XIV grids.
- Fig. 24** Ketrosy. Biface (handaxe) from alluvial (bottom) layer.
- Fig. 25** Ketrosy. Alluvial complex: 1, 2 — retouched flakes; 3 — pointed scraper; 4 — massive backed scraper-like tool; 5 — Levallois flake; 6 — retouched Levallois flake.
- Fig. 26** Ketrosy. Alluvial complex: 1 — handaxe (somewhat reduced size); 2, 3, 4, 6 — cores; 5 — chopper; 7 — chopping tool.
- Fig. 27** Ketrosy. Complex III (alluvial): 1 — single-platform core; 2 — scraper on debris; 3 — fragment of a massive retouched flake; 4 — elongated core; 5 — Levallois flake-blade.
- Fig. 28** Ketrosy. Excavation area I. Flint tools from '1972 and '1973 clearings: 1 — atypical Levallois flake; 2 — Levallois flake with traces of utilization; 3 — Levallois flake; 4 — flake with truncation on transverse end (abrupt retouch); 5 — transverse notched piece; 6 — composite tool; 7 — keel-shaped beaked piece; 8 — beaked point; 9, 10 — notched pieces; 11 — bladelet with semi-abrupt retouch on the part of the edge.
- Fig. 29** Ketrosy. Tools from '1972–1973 clearing: 1 — single-cutting scraper; 2 — naturally-backed knife; 3 — double-platform Levallois core; 4 — exhausted microcore; 5 — Levallois core for flakes.

- Fig. 30** Ketrotsy. Excavation area I. Cores. 1 — *single-platform core*; 2 — *minimally worked single-platform core*; 3 — *Levallois core for flakes*; 4 — *double-platform bifacial core*; 5 — *discoidal bifacial core*.
- Fig. 31** Ketrotsy. Excavation area I. Cores and preforms: 1 — *prismatic microcore*; 2 — *discoidal unifacial core*; 3 — *Levallois flake*; 4 — *single-platform core*; 5 — *discoidal unifacial core*; 6 — *single-platform Levallois core*.
- Fig. 32** Ketrotsy. Excavation area I. Cores. 1 — *discoidal unifacial core*; 2 — *minimally worked core fragment*; 3 — *single-platform core*.
- Fig. 33** Ketrotsy. Excavation area I. Complex A: 1 — *transverse scraper on Clactonian flake*; 2 — *double-platform core*; 3 — *triangular pseudo-Levallois flake*; 4 — *elongated flake*.
- Fig. 34** Ketrotsy. Excavation area I: 1 — *Levallois flake*; 2 — *notched piece on Levallois flake*; 3 — *side-scraper with bifacial retouch*; 4 — *naturally-backed knife*; 5 — *denticulate piece*; 6 — *microcore (chopping tool?)*; 7 — *scraper on flake with patina*; 8 — *core*.
- Fig. 35** Ketrotsy. Excavation area I: 1,2 — *Levallois flakes*; 3 — *denticulate piece*; 4,5,7 — *side scrapers*; 6 — *transverse scraper*; 8 — *Levallois point with traces of utilization*.
- Fig. 36** Ketrotsy. Excavation area I: 1 — *scraper*; 2 — *point (complex A)*; 3 — *core*; 4 — *notched piece on Levallois flake*; 5 — *discoidal core (from middle soil)*.
- Fig. 37** Ketrotsy. Excavation area I: 1,2 — *retouched Levallois points*; 3,4,6,7,9 — *single-cutting scrapers*; 5 — *trimmed scraper*; 8 — *simple side-scraper on Levallois blade (complex A)*; 10 — *transverse scraper*; 11 — *double-cutting scraper*; 12 — *Levallois core*; 13 — *biface fragments*.
- Fig. 38** Ketrotsy. Excavation area I: A — *single-platform Levallois core with adjoining flakes*; B — *presumed sequence of core knapping*.
- Fig. 39** Ketrotsy. Excavation area I: 1 — *Levallois flake*; 2 — *unretouched Levallois point*; 3,4 — *notched pieces*; 5 — *burin*; 6 — *naturally-backed knife*; 7 — *transverse notched piece*; 8 — *denticulate piece*; 9 — *Levallois flake with angle end-scraper*; 10 — *atypical bill-hook*.
- Fig. 40** Ketrotsy. Channel alluvium: 1 — *core-shaped tool with patina*. Excavation area I. 2 — *discoidal bifacial core*; 3 — *scraper*; 4 — *backed knife*.
- Fig. 41** Ketrotsy. Excavation area I. Flint tools from the upper levels: 1 — *core-shaped tool*; 2 — *atypical burin*; 3 — *transverse scraper*; 4 — *atypical end-scraper*; 5 — *denticulated scraper*; 6 — *? burin*
- Fig. 42** Ketrotsy. Excavation area II. Flint tools from the upper levels: 1 — *retouched flake*; 2 — *flake*; 3 — *discoidal core*; 4 — *heavy duty tool on natural flint fragment*.
- Fig. 43** Ketrotsy. Excavation area II. 1,2 — *bladelets*, 3 — *Levallois blade*; 4,5 — *Levallois flakes*; 6 — *retouched Levallois point*; 7 — *notched piece*, 8 — *partially bifacial scraper*.
- Fig. 44** Ketrotsy. Excavation area II. 1,4 — *cores*; 2 — *beaked point*; 3 — *naturally-backed knife*.
- Fig. 45** Ketrotsy. Excavation area II. 1,7 — *end-scrapers*; 2 — *burin*; 3 — *denticulate tool*; 4 — *notched piece*; 5,6 — *scrapers*.
- Fig. 46** Ketrotsy. Excavation area II. 1,5 — *heavy duty tools on natural flint fragments*; 2,3 — *atypical end-scrapers*; 4 — *chopper*.
- Fig. 47** Excavation area II. Partially bifacial massive chopper-shaped piece.
- Fig. 48** Excavation area II. 1,2 — *retouched flakes*; 3 — *tool fragment(?)*; 4 — *splintered piece*; 5 — *Levallois flake*; 6 — *burin-shaped piece*; 7 — *denticulate tool*; 8 — *exhausted core*; 9 — *flake*.
- Fig. 49** Ketrotsy. Chopper/scraper from alluvium or complex III (?).
- Fig. 50** General situation plan of '1984 clearing, including section of the northern wall and distribution plan of the findings. For layer descriptions see the text.
- Fig. 51** Ketrotsy, excavation area I. Location plan of findings in cultural layer.
- Fig. 52** Ketrotsy, excavation area II. Location plan of findings in cultural layer.
- Fig. 53** Ripicheni-Izvor (Romania) site. Plans of dwelling structures of type A (1 and 2) and type B(3) (acc. to A. Paunesku). *Arbitrary notations*: 1 — *mammoth tusks*; 2 — *mammoth teeth*; 3 — *animal bones*; 4 — *coaly accumulations*; 5 — *flint tools*; 6 — *limestone rocks*.
- Fig. 54** Ripicheni-Izvor site. Plans of dwelling structures of type C (acc. to A. Paunesku). *Arbitrary notations*: 1 — *mammoth tusks*; 2 — *mammoth teeth*; 3 — *animal bones*; 4 — *antler fragments*; 5 — *flint tools*; 6 — *rocks*; 7 — *working area borders*.
- Fig. 55** Molodova I (Ukraine) site. Plan of dwelling basement; layer IV (acc. to A.P. Cheryish). *Arbitrary notations*: 1 — *fireplaces remains*; 2 — *mammoth bones*; 3 — *mammoth teeth*; 4 — *mammoth skull*; 5 — *mammoth bladebones and haunch bones*.

Оглавление

От редактора (<i>Н. И. Платонова</i>)	7
Введение	9
Глава 1. История исследования стоянки	13
1.1. Открытие стоянки и предварительные исследования 1972–1973 гг.	14
1.2. Стационарные раскопки	17
1.2.1. Раскоп I	17
1.2.2. Раскоп II	22
Глава 2. Геолого-геоморфологические данные	25
2.1. Вводные замечания	25
2.2. Геолого-геоморфологическая характеристика памятника	25
2.2.1. Каменный Яр	27
2.2.2. Раскопы I и II	28
Глава 3. Стратиграфическое положение культурных отложений стоянки	30
3.1. Описание разреза стоянки Кетросы	30
3.2. Различные виды стратиграфии и их характеристики	31
3.2.1. Литологическая стратиграфия	31
3.2.2. Стратиграфия почв	34
3.2.3. Палинологическая стратиграфия	35
3.2.4. Зооархеологические данные: стратиграфический аспект	40
3.2.5. Археологическая стратиграфия	42
3.3. Комплексный анализ стратиграфии: некоторые выводы	43
Глава 4. Относительная геохронология стоянки	45
Глава 5. Описание культурных слоев стоянки	49
5.1. Нижний горизонт находок («аллювиальный» культурный слой)	49
5.2. Основной культурный слой	49
5.2.1. Раскоп I	49
5.2.2. Раскоп II	61
5.2.3. Северный и южный комплексы	67
5.2.4. Верхний уровень залегания культурных остатков стоянки	67
Глава 6. Методика описания и анализа каменных индустрий стоянки	68
Глава 7. Описание каменного инвентаря стоянки Кетросы	80
7.1. Нижний (аллювиальный) горизонт	80
7.2. Основной культурный слой стоянки	85
7.2.1. Вводные замечания	85
7.2.2. Материалы 1972–1973 гг.	85
7.2.3. Коллекция 1974 г.	88

7.2.4. Коллекция 1975 г.....	101
7.2.5. Коллекция 1976 г.....	107
7.2.6. Общая оценка каменной индустрии раскопа I.....	108
7.3. Общая характеристика кремневой индустрии из раскопа II.....	110
7.3.1. Раскопки 1977 г.	111
7.3.2. Раскопки 1978 г.	113
7.3.3. Раскопки 1979 г.	116
7.3.4. Описание кремневой индустрии комплекса II	117
7.4. Северный комплекс III — Каменный карьер.....	119
7.4.1. Вводные замечания.....	119
7.4.2. Кремневые изделия основного культурного слоя	119
7.5. Комплекс из делювиальных слоев.....	123
Глава 8. Культурная принадлежность каменной индустрии основного культурного слоя	124
Глава 9. Проблема мустьерских жилищ с использованием многочисленных костей мамонта	135
9.1. Кетросы (основной культурный слой)	135
9.2. Стоянки Молодова I и V	140
9.3. Стоянка Рипичени-Извор	143
9.4. Общие выводы.....	144
Глава 10. Социо-культурная адаптация в среднем палеолите (по материалам юго-запада Русской равнины)	147
Заключение	156
Литература	158
Summary	163
Illustrations	165

Contents

Editor's note (<i>N.I. Platonova</i>).....	7
Preface	9
Chapter 1. History of site researches.....	13
1.1. Discovery of the site and preliminary researches (1972–1973 yy.).....	14
1.2. Fixed excavations	17
1.2.1. Excavation area I.....	17
1.2.2. Excavation area II.....	22
Chapter 2. Geological-geomorphological data	25
2.1. Introductory comments	25
2.2. Geological-geomorphological characterization of the site.....	25
2.2.1. Kamenny Yar	27
2.2.2. Excavational units I and II.....	28
Chapter 3. Stratigraphy of the site	30
3.1. Description of the section (Ketrotsy).....	30
3.2. Types and characteristics of stratigraphy.....	31
3.2.1. Lithologic stratigraphy	31
3.2.2. Soil stratigraphy.....	34
3.2.3. Palynological stratigraphy.....	35
3.2.4. Zooarchaeological data: stratigraphic aspect.....	40
3.2.5. Archaeological stratigraphy	42
3.3. Complex analysis of stratigraphy: some conclusions.....	43
Chapter 4. Relative geochronology.....	45
Chapter 5. Description of cultural layers of the site.....	49
5.1. Bottom living surface (“alluvial” cultural layer).....	49
5.2. Main cultural layer.....	49
5.2.1. Excavation area I.....	49
5.2.2. Excavation area II.....	61
5.2.3. Northern and southern complexes.....	67
5.3. Upper layer of bedding of cultural residues	67
Chapter 6. Methodology of description and analysis of lithic industries of the site	68
Chapter 7. Description of lithic inventory of the site.....	80
7.1. Bottom (alluvial) living surface.....	80
7.2. Main cultural layer	85
7.2.1. Introductory comments	85
7.2.2. 1972–1973' materials	85
7.2.3. 1974' collection	88

7.2.4. 1975' collection.....	101
7.2.5. 1976' collection.....	107
7.2.6. Overall assessment of lithic industry of the site	108
7.3. General characterization of silicon industry from the excavation area II	110
7.3.1. 1977' excavations	111
7.3.2. 1978' excavations	113
7.3.3. 1979' excavations	116
7.3.4. Description of silicon industry of the complex II	117
7.4. Nothern complex III — Stone quarry	119
7.4.1. Introductory comments	119
7.2.4. Silicon goods from the main cultural layer	119
7.5 Complex of deluvial layers	123
Chapter 8. Cultural attribution of lithic industry of the main layer of the site	124
Chapter 9. Issue of Mousterian dwellings constructed of multiple mammoth bones.....	135
9.1. Ketrosy (main cultural layer).....	135
9.2. Molodova I and V.....	140
9.3. Ripicheni-Izvor	143
9.4. Overall conclusions.....	144
Chapter 10. Socio-cultural adaptation in Middle Palaeolithic (based on materials from the Southwest of Russian Plain.....	147
Afterword	156
Literature	158
Summary	163
Illustrations	165

Научное издание

Н. К. Анисюткин

Мустьерская стоянка Кетросы
в контексте среднего палеолита Восточной Европы

Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН
Вып. 7

Ответственный редактор Н.И. Платонова

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*
Оригинал-макет *Л.А. Философова*
Дизайн обложки *Л.А. Философова*

Подписано в печать 05.12.2013. Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,75
Тираж 300 экз. Заказ № 3444

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru; www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21. Тел. (812)622-01-23